

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2017 Том 17 № 4

В номере: Терроризм как угроза международной безопасности

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор
А.В. Шабазга, доктор философских наук, профессор, РУДН, Россия
ir@rudn.university

Заместитель главного редактора
Д.А. Дегтерев, кандидат экономических наук, доцент, РУДН, Россия
degterev_da@rudn.university

Заместитель главного редактора
К.П. Курyleв, доктор исторических наук, доцент, РУДН, Россия
kurylev_kp@rudn.university

Ответственный секретарь
Е.В. Журавлева, кандидат исторических наук, старший преподаватель, РУДН, Россия
zhuravleva_ev@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, ректор Дипломатической академии МИД России
Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

Протопопов Анатолий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры теории и истории международных отношений РУДН

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований

Адилханулы Нурлан Адилханович, кандидат политических наук, проректор Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана, Казахстан

Азлян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Армения

Акинер Ширин, профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания

Ван Гуанчжэнь, доктор исторических наук, профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, Китай

Моханти Арун Кумар, кандидат исторических наук, профессор, руководитель Центра исследований России и Центральной Азии Института международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Индия

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза, профессор международных отношений Столичного автономного университета, Мексика

Кёхлер Ханс, профессор философии Университета Инсбрука, Австрия

Моргунова Оксана, доктор философии, Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, Великобритания

Такахаси Мотоки, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, Япония

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям «История», «Политические науки», «Экономика».

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами «глобального Юга» (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Журнал является международным по проблематике, составу редколлегии и составу авторов. Будучи включенным в международный академический дискурс, журнал регулярно публикует статьи признанных экспертов-международников из РФ, Европы, Азии и США. Вместе с тем, издание дает возможность перспективным исследователям из Азии, Африки и Латинской Америки представить на страницах журнала свое локальное (национальное, региональное) видение мироустройства, что позволяет выработать более сбалансированные подходы к решению глобальных проблем современности.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в особенности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «История международных отношений», «Прикладной анализ», «Политические портреты», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2018 г. следующий:

№ 1 2018	Психологическое восприятие великих держав в мире. Истоки антиамериканизма, русо- и синофобии	до 1 декабря 2017 г.
№ 2 2018	Большая Центральная Азия: «геополитический плюрализм» и поиск региональной идентичности	до 1 марта 2018 г.
№ 3 2018	Перспективы сотрудничества Юг-Юг. К 40-летию Буэнос-Айресского плана действий	до 1 июня 2018 г.
№ 4 2018	Большая стратегия (Grand Strategy) и сирийский кризис: коалиционные войны великих и восходящих держав	до 1 сентября 2018 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Редактор *Т.К. Будовская*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Подписано в печать 12.12.2017. Выход в свет 19.12.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл.-печ. л. 29,30. Тираж 500 экз. Заказ № 1592. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2017 VOLUME 17 No. 4

In this issue: Terrorism as a threat to international security

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Andrey Shabaga
RUDN University, Russia
ir@rudn.university

DEPUTY EDITOR

PhD Denis Degterev
RUDN University, Russia
degterev_da@rudn.university

DEPUTY EDITOR

Doctor Konstantin Kurylev
RUDN University, Russia
kurylev_kp@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Evgeniya Zhuravleva
RUDN University, Russia
zhuravleva_ev@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Bazhanov Eugene Petrovich, Doctor, Rector of the Diplomatic Academy, MFA of Russia

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor, Head of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics of the HSE

Mosyakov Dmitry Valentinovich, Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor, Deputy Director of the Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

Protopopov Anatoly Sergeevich, Doctor, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO University, MFA of Russia

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies

Adilhanuly Nurlan Adilkhanovich, PhD, Prorector of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich, PhD, Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Armenia

Akiner Shirin, Professor of School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, UK

Wang Guangzhen, Doctor, Professor of the School of History and Culture in Shandong University, China

Mohanty Arun Kumar, PhD, Professor, Head of the Centre for Russian and Central Asian Studies School of International Studies of Jawaharlal Nehru University, India

Gutierrez Del Cid Ana Teresa, Professor of International Relations at Metropolitan Autonomous University, Mexico

Kochler Hans, Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Austria

Morgunova Oksana, PhD, Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, UK

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Japan

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Academia.Edu and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow to elaborate a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "History of International Relations", "Applied Analysis", "Political Portraits", "International academic cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Research Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN* for 2017—2018 will deal with the following issues:

# 1 2018	Psychological perception of the great powers in the world. The origins of anti-Americanism, Russo- and Sinophobia	till 1 December 2017
# 2 2018	Greater Central Asia: «geopolitical pluralism» and the quest for regional identity	till 1 March 2018
# 3 2018	Prospects for South-South cooperation. 40th anniversary of the Buenos Aires Plan of Action	till 1 June 2018
# 4 2018	Grand Strategy and the Syrian crisis: coalition wars of the great and rising powers	till 1 September 2018

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor T.K. Budovskaya

Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Tel. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Терроризм как глобальный проект и угроза международной безопасности

Косач Г.Г. Саудовская Аравия: внутренние истоки терроризма	639
Крылов А.В. «Джабхат ан-нусра» — террористическая организация и участник сирийского конфликта	655
Аватков В.А. Особенности борьбы с терроризмом в Турецкой Республике на современном этапе	669
Котин И.Ю. «Джихад ножей» в Бангладеш: причины и последствия	684
Рогожина Н.Г. Угроза терроризма в странах Юго-Восточной Азии	697
Трунов Ф.О. Участие ФРГ в борьбе с международным терроризмом на территории Сомали	710
Коита Ж.С.Г. Cameroon fighting Boko Haram (Кума Ж.К.Ж. Камерун в борьбе с «Боко Харам»)	727
Абрамов А.В., Федорченко С.Н., Курылев К.П. Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества	738

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Шитова А.В. Международные неправительственные организации (МНПО) в событиях «арабской весны» в Египте: роль, механизмы вмешательства и результаты	749
Ханнанова Г.А. Особенности внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке и в Северной Африке	760
Мавлонова А.С. Влияние внешних факторов на развитие сепаратизма в СУАР КНР	770

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

Асеф Н. Возвращение России в Афганистан: перспективы двустороннего экономического сотрудничества	781
Хлебникова Л.Р. Сотрудничество Государства Израиль со странами Восточной Африки в сферах безопасности и развития (на примере Республики Кения)	793

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Ларионова М.В. Немецкое председательство в «двадцатке». Испытание Трампом	807
Дегтерев Д.А., Ли Янь, Трусова А.А. Российская и китайская системы оказания международной помощи: сравнительный анализ	824

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Минкова К.В.** Советско-американские противоречия в решении корейского вопроса (1944—1945 гг.) 839

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Ефремова Л.И.** О российско-китайском сотрудничестве в области образования 857

РЕЦЕНЗИИ

- Волгина Н.А.** Рецензия: Baldwin R.E. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016. — 344 p. 866
- Кондрашова Л.И.** Рецензия на 9-й том десятитомного издания «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» 874

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

Terrorism as a Threat to International Security

- Kosach G.G.** Saudi Arabia: Interior Origins of Terrorism 639
- Krylov A.V.** “Jabhat al-Nusra” — Terrorist Organization and Participant of Syrian Conflict 655
- Avatkov V.A.** Features of the Fight Against Terrorism in the Republic of Turkey at the Present Stage 669
- Kotin I.Yu.** “The Jihad of Machetes”. Causes and Consequences 684
- Rogozhina N.G.** The Threat of Terrorism in South-East Asia 697
- Trunov Ph.O.** German Participation in the Struggle with the International Terrorism at the Territory of Somalia 710
- Kouma J.C.G.** Cameroon fighting Boko Haram 727
- Abramov A.V., Fedorchenko S.N., Kurylev K.P.** Network Character of International Terrorism and the Possibility of the Consolidation of the Russian Society 738

PEACE AND SECURITY

- Shitova A.V.** International Non-Governmental Organizations (INGOs) in the Events of the “Arab Spring” in Egypt: Role, Mechanisms of Interference and Results 749
- Khannanova G.A.** Specifics of German Foreign Policy in the Middle East and North Africa 760
- Mavlonova A.S.** The Influence of External Factors on the Development of Separatism in Xinjiang of PRC 770

BILATERAL RELATIONS

- Asef N.** Russia returns to Afghanistan: prospects of bilateral economic cooperation 781
- Khlebnikova L.R.** Israel’s Cooperation with East African States in Security and Development Domains (Case of Kenya) 793

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Larionova M.V.** Germany G20 Presidency. The Test by Trump 807
- Degterev D.A., Li Yan, Trusova A.A.** Russian and Chinese Systems of Development Cooperation: a Comparative Analysis 824

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Minkova K.V. Soviet-American Contradictions Regarding Korea (1944—1945) 839

INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION

Efremova L.I. Russian-Sino Cooperation in Education 857

REVIEWS

Volgina N.A. Review of the Book: Baldwin R.E. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016. — 344 p. 866

Kondrashova L.I. Review of the Book: Vinogradov A.V. (eds.). (2016). History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 Volumes. Vol. IX: Reforms and modernization (1976—2009). Moscow: Nauka. — 996 p. 874

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Терроризм как глобальный проект и угроза международной безопасности

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-639-654

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: ВНУТРЕННИЕ ИСТОКИ ТЕРРОРИЗМА

Г.Г. Косач

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

В статье рассматриваются вопросы, связанные со становлением антисистемного террористического подполья в Саудовской Аравии как прямого итога выхода религии из-под контроля государства. Важнейшей причиной этого явления был сохраняющий свое значение и сегодня религиозно-политический союз между династией — правящей семьей Аль Сауд — и корпусом улемов, представленных потомками Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба, семьей Аль аш-Шейх. Внутренняя конфликтность этого союза, в конечном итоге, определила периодические выходы оппозиции, апеллировавшей к основополагающим постулатам ваххабитской версии ханбалитского мазхаба, на политическую арену и ее превращение в важнейшего противника существующей саудовской государственности.

Автор выделяет основные этапы противостояния саудовской власти и апеллировавшей к религиозной догме антисистемной оппозиции. В этом случае речь идет о выступлении *ихванов* (1920-е гг.), захвате Запретной мечети в Мекке, осуществленном в ноябре 1979 г. группой Аль-Утейби, движении *заблудшей секты* в конце 1990-х — начале 2000-х гг. и, наконец, о террористической деятельности в Саудовской Аравии на современном этапе, ассоциируемой властью с запрещенной в России группировкой ИГИЛ (террористическая организация, запрещена в РФ).

Используя методы системного анализа, автор приходит к выводу, что лежащая в основе саудовской политической системы религиозная составляющая представляет собой фактор, к которому обращается оппозиция с тем, чтобы доказать «отход» власти от взятых ею на себя обязательств, связанных с поддержанием «чистоты» религиозных основ общества и государства. Это обстоятельство тем более значимо, что развивающийся в Саудовской Аравии процесс модернизации приводит к снижению авторитета корпуса официальных улемов и появлению оппозиционных законоучителей, легитимирующих деятельность террористических групп (формирующихся, в первую очередь, из уроженцев депрессивных регионов страны) и вдохновляющихся идеологией ИГИЛ (запрещена в России).

Ключевые слова: Саудовская Аравия, семья Аль Сауд, семья Аль аш-Шейх, ваххабизм, терроризм, движение ихванов, Джухейман Аль-Утейби, «заблудшая секта», ИГИЛ (запрещена в России).

Вызов внутреннего терроризма (рассматриваемого автором как совокупность действующей под религиозными лозунгами оппозиции, противостоящей существующей власти экстремистскими методами) — одна из важнейших проблем Саудовской Аравии. Дестабилизация региональной ситуации как итог событий конца XX — начала XXI в. создала условия для появления антисистемных группировок, выступающих за создание основанной на религии государственности. Этот про-

цесс обрел четкие очертания в ходе вызванных «арабской весной» кризисов в Сирии, Ливии и Йемене и нестабильности в Ираке.

В пределах саудовской территории возникли террористические группы и ячейки, провозгласившие связь с ИГИЛ (повторяя ситуацию 1990-х — начала 2000-х гг., когда апеллировавшая к религии оппозиция утверждала, что она — неотъемлемая часть «Аль-Каиды»¹). Эти группы — элемент саудовского антисистемного подполья вне зависимости от их ориентации на международные террористические структуры. Их участники — саудовские граждане, а осуществляемые ими акции планируются автономно и (в случае их успеха) лишь «присваиваются» ИГИЛ (либо ранее «Аль-Каидой» (запрещена в РФ). Сторонники же этих групп — выходцы из признанных властью «регионов бедности и стагнации».

КОНФЛИКТНЫЙ СОЮЗ ПОЛИТИКИ И РЕЛИГИИ

Саудовское государство — сцена действия двух (хотя на ней уже появился и третий — новый «образованный класс») акторов политического процесса. Это династия Аль Сауд, представленная наследниками Ибн Сауда, основателя возникшего в 1932 г. государства, и корпус богословов, центральным звеном которого являются потомки М. ибн Абдель Ваххаба — семья Аль аш-Шейх. Союз этих акторов предполагал поддержку династией Аль Сауд ваххабитской версии ханбалитской догматико-правовой школы ради «возвращения мусульман к шариату», к «наследию благородных предков» — салафизму [Аль-Хукейль 2000: 56—57]. Однако этот союз внутренне конфликтен.

Его конфликтность заключается в том, что ни М. ибн Абдель Ваххаб, ни его потомки и руководимый ими корпус улемов не были ведомыми членами союза. Поддерживая власть, этот корпус видел в государстве инструмент, призванный обеспечить ведущую роль религии. Если интересы династии требовали модернизации (и ограничения вмешательства религии в политику), то корпус богословов настаивал на сохранении господства шариата.

Оценивая это положение, саудовский автор Ю. Куйляйт писал о существовании «религиозно обоснованного политического действия, стремящегося перестроить государственную систему, законодательство, внешние связи и внутреннюю политику». Суть расхождений между властью и сторонниками этого «действия», писал он, в том, что они «видели государство религиозным (дауля ад-дин)», власть же говорила о «государственной религии (дин ад-дауля)»². Аналитик и публицист Д. Хашогги писал о «навязанной королем-основателем догматической религии», обеспечившей «покорность подданных, но безразличной» к «запросам времени»³.

¹ Организация включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

² Куйляйт Ю. Дауля ад-дин ам дин ад-дауля? [Религиозное государство или государственная религия?] Режим доступа: <http://www.alriyadh.com/2013/09/27/article870909.html> (дата обращения: 27.09.2013) (Араб. яз.)

³ Хашогги Д. Ма аль-хатаа аль-лязи аусальяна иля хазихи аль-халя? [Что привело нас к такой ситуации?] Режим доступа: <http://www.alhayat.com/Opinion/Jamal-Khashoggi/3400234> (дата обращения: 05.07.2014) (Араб. яз.)

Саудовская ситуация противоречива. Власть продолжает видеть в ваххабитской доктрине инструмент сплочения общества, позволяющий устранять региональные, социальные и конфессиональные разломы. По словам правящего короля Сальмана бен Абдель Азиза, основа развития страны — «ислам благородных предков, благословенный шариат и Сунна лучшего из посланцев Аллаха»⁴. Эта же власть последовательно огосударствляла религию. Однако и в эпоху становления государства власть, а не богословский корпус, определяла пути развития государства.

Богословы (как и иные подданные) приносили *аль-байъа* — *присягу верности* Ибн Сауду и его наследникам. Элита улемов вносилась в государственную табель о рангах, а сфера судопроизводства регулировалась издававшимися властью законами и подчинялась министерству юстиции (само же ханбалитское право подверглось кодификации). Власть сужала сферу влияния богословов, — коммерческие банки в эпоху Ибн Сауда прибегали к использованию *лихвы*, король-основатель внедрял современные технические средства, в которых улемы видели «недопустимое новшество». Появлялось радио и телевидение, вводились флаг, герб и гимн, в государственных учреждениях вопреки религиозному запрету вывешивались портреты монархов [Mouline 2011: 127—131].

В сентябре 1926 г. в Мекке была создана Лига поощрения добродетели и отвращения от греха, реализовавшая деятельность богословов по претворению норм шариата в сфере общественных нравов. Возникло первое учреждение, руководство которым и сегодня остается прерогативой богословов. Но, санкционировав создание Лиги, Ибн Сауд заключил религиозные инициативы отдельных богословов в государственные рамки. Принятый в 1992 г. конституционный акт — Основной закон правления — провозгласил «поощрение добродетели и осуждение греха» функцией государства [Бен Баз 2000: 268].

Вопросы, связанные с развитием современного образования, не раз становились предметом разногласий между властью и богословами. Состоявшийся в июне 1930 г. в Мекке совет высших богословов высказался против планировавшегося Ибн Саудом пересмотра системы образования. Речь шла не только о недопустимости введения в программы школ географии, иностранных языков и рисования, но и о подчинении учебных заведений государственному Департаменту образования [Ибрагим 2009: 58]. Компромисс между королем и ведущей фигурой корпуса богословов того времени — Мухаммедом бен Ибрагимом Аль аш-Шейхом — предполагал параллельное развитие систем государственного и религиозного (переданного улемам, но финансируемого государством) образования. В 2002 г. женские школы были изъяты из ведения богословов и подчинены Министерству образования (в его аппарате появилась женщина в ранге заместителя министра).

⁴ Ан-Насс аль-камил ли хитаб аль-малик Сальман бен Абдель Азиз [Полный текст речи короля Сальмана бен Абдель Азиза]. Режим доступа: <http://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/2015/03/10> (дата обращения: 10.03.2015) (Араб. яз.)

Подписанное в конце мая 1933 г. соглашение с американской компанией Standard Oil of California о предоставлении концессии на разведку и добычу нефти вызвало наиболее серьезный кризис в отношениях между Ибн Саудом и корпусом богословов. Выражая точку зрения последнего, М. бен Ибрагим подчеркивал, что это соглашение «откроет двери перед неверными». Их появление, как он считал, приведет к «распространению алкоголя, порнографии и других сатанинских искушений» [Mouline 2011: 154], однако Ибн Сауд проигнорировал это мнение.

Смерть Ибн Сауда в 1953 г. не прервала движение к этатизации религии. В течение 1969—1971 гг. в государственной системе управления появились Совет высших улемов, Министерство юстиции и Высший совет по делам судопроизводства, — религиозные и юридические сферы разделялись. Зависимость же Совета высших улемов от государства становилась очевидной.

Совет создавался из «специалистов по шариату, саудовцев по происхождению», — ныне в его составе 21 богослов (среди которых не только последователи ханбалитского *мазхаба*, но и приверженцы трех остальных догматико-правовых школ суннизма — ханафизма, маликизма и шафиизма). Их задача — «высказывать точку зрения в отношении вопросов, передаваемых правителем, подтверждая эти вопросы шариатскими обоснованиями». Они обязаны «предоставлять в распоряжение правителя рекомендации в отношении принимаемых им решений». Кандидатуру главы Совета утверждал кабинет министров, назначаемый королем, после чего все члены Совета высших улемов включались в таблицу о рангах с присвоением разряда, соответствующего должности министра. Значение этого Совета не должно преувеличиваться: любое суждение его членов могло быть претворено в жизнь только после утверждения кабинетом министров⁵.

В 1993 г. ситуация в религиозной сфере подверглась дальнейшим преобразованиям, — в структуре исполнительной власти возникло Министерство исламских дел, вакфов, призыва и наставления. Определяя его задачи, королевский указ подчеркивал, что цель министерства — «контроль над мусульманскими делами, забота о вакфах и их развитие, внимание к мечетям, поддержание связи с исламскими институтами и центрами»⁶.

Основной закон правления провозгласил конституцией «Книгу Всевышнего Господа и Сунну Его Пророка». Саудовская «система правления» опиралась на «исламский шариат» [Бен Баз 2000: 265]. Функциями государства выступали «защита доктрины ислама» и «реализация шариата», что предполагало, в том числе, «обустройство и служение Двум Благородным Святыням (Мекке и Медине. — *Прим. авт.*)» [Бен Баз 2000: 268]. При этом конституционный акт объявил потомков Ибн Сауда единственными законными носителями власти [Бен Баз 2000: 265].

⁵ Абраз малямих ташкиль Хейа кибар аль-уляма [Наиболее характерные особенности создания Совета высших улемов]. Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=507131&issueno=11037> (дата обращения: 15.02.2009) (Араб. яз.)

⁶ Ат-Таариф би аль-визара [Представление министерства]. Режим доступа: <http://www.moia.gov.sa/Menu/Pages/About.aspx> (дата обращения: 15.05.2016) (Араб. яз.)

ЭТАПЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ САУДОВСКОЙ ОППОЗИЦИИ

Первое столкновение Аль Саудов и носителей религиозной догмы относится к эпохе становления государства, когда во второй половине 1920-х гг. против Ибн Сауда выступила его ударная военная сила — *ихваны*⁷. Составленный ими в 1926 г. список обвинений в адрес правителя включал «недопустимые» контакты между ним, его сыновьями и «неверными», отказ от выселения «многобожников» — шиитов из оазисов побережья Персидского залива, а также введение в жизнь страны «неприемлемых для мусульман новшеств» — телеграфа и современного вооружения [Васильев 1982: 304]. Объявление джихада Ибн Сауду было актом *отлучения от веры*.

В дальнейшем же процесс огосударствления религии дифференцировал корпус богословов. Появление в его составе молодых «разночинцев», знакомых с политической практикой последователей религиозной идеи в Египте (в эпоху Г.А. Насера немало членов движения «Братья-мусульмане»⁸ эмигрировало в Саудовскую Аравию), создало условия, способствовавшие радикализации ваххабизма. Воскрешались представления о примате религии, когда государство — не более чем ее орудие.

В конце 1960 гг., объединяя противников власти, Джухейман аль-Утейби создал первую (после подавления движения сопротивления ихванов) оппозиционную группу. Эта группа формировалась в Медине (хотя ее сторонники были уроженцами северо-западных районов Неджда) из числа молодых сотрудников Лиги поощрения добродетели и осуждения греха, осуществивших в ноябре 1979 г. захват Запретной мечети. Вплоть до событий в Мекке группе покровительствовал тогдашний ректор Исламского университета Медины, с 1993 г. верховный муфтий Саудовской Аравии Абдель Азиз бен Абдалла бен Баз.

Д. аль-Утейби — сын погибшего в тюрьме участника движения *ихванов* (прошедший службу в рядах Национальной гвардии с ее последовательной религиозной индоктринацией) и выпускник Исламского университета Медины [Ибрагим 2009: 27]. Создав группу приверженцев изменения курса государства (назвавших себя в память об *ихванах*⁹ братьями), он предполагал трансформировать Саудовскую Аравию в *государство единобожия* — «*дауля ат-таухид*». То, за что сражались *ихваны*, было «искажено властью и ее улемами»: «Это государство, — писал Д. аль-Утейби, — объединило мусульман, христиан и язычников¹⁰. Оно борется против тех, кто сражался с неверными, называющими себя «Али» и «Хусейн». Запрещая разрушение могил и куполов¹¹, государство насаждает поклонение риалу».

⁷ Религиозно-политическое движение, сыгравшее решающую роль в военных походах Ибн Сауда.

⁸ Организация включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

⁹ Араб. — братья.

¹⁰ Здесь и далее имеются в виду шииты.

¹¹ Ихваны разрушали памятники на могилах и купола над захоронениями «святых».

Сочиненное Д. аль-Утейби «Послание о правлении, клятве верности и подчинении» требовало «не занимать должности [в государственных учреждениях]», потому что потомки Ибн Сауда и «шейхи, включенные в систему их власти», «неверные»¹².

Разгромив выступление Д. аль-Утейби, власть в 1980—1990-е гг. взяла курс на «регенерацию ценностей ислама». Этот курс был призван восстановить «общенациональное единство» в условиях, казавшихся благоприятными для его реализации: советское военное присутствие в «мусульманском» Афганистане, а в дальнейшем — «сербская агрессия» против «мусульман Боснии и Косово», как и «российская» в «исламской» Чечне. Там, в лагерях, создававшихся «Аль-Каидой», в годы, когда Усама бен Ладен был саудовским гражданином, добровольцы преворяли в жизнь идеи джихада. Оппозиция власти выносилась за пределы Саудовской Аравии. События 11 сентября 2001 г. продемонстрировали, что курс на «регенерацию» породил ситуацию, противоположную той, ради которой он был инициирован. В стране возникли ячейки заблудшей секты¹³ (абсолютное большинство членов которой были выходцами из юго-западных провинций и северо-запада Неджда), апеллировавшие, как и правящий режим, к салафизму, но к салафизму джихада. Началась эпоха террора.

Эта эпоха была подготовлена не только участием во внутриафганских событиях или в процессах, развивавшихся на постсоветском и постюгославском пространстве, — «регенерация ценностей ислама» вызвала к жизни усиливавшееся противостояние государства и части корпуса улемов. Богословский корпус расслаивался на «придворных улемов» и проповедовавших «отлучение» власти молодых «независимых» [Ибрагим 2009: 75]. Наиболее ярким выражением этого противостояния стали петиции богословов и памфлеты, доказывавшие, что «единобожие» могло восторжествовать только на пути «джихада против власти, впавшей в грех неверия»¹⁴.

В марте 1991 г. в Эль-Джубейле (Восточная провинция) было осуществлено нападение на американских морских пехотинцев, в ноябре 1995 г. в Эр-Рияде рядом со штабом саудовской Национальной гвардии взорван заминированный автомобиль. В июне 1996 г. 19 американцев были убиты и около 400 ранены в результате взрыва заминированного грузовика рядом с контрольно-пропускным пунктом базы Соединенных Штатов в городе Эль-Хобар¹⁵.

¹² Аль-Утейби Д.С. Рисаля аль-имара ва аль-байъа ва ат-таъа [Послание господства, верности и послушания]. Режим доступа: <http://www.tawhed.ws/r1?i=6516&x=fcchouzg> (дата обращения: 04.04.2012) (Араб. яз.)

¹³ Термин восходит к заключительным аятам суры «Открывающая».

¹⁴ В январе 1992 г. появился первый антиправительственный памфлет «Неопровержимые доказательства отступничества саудовского государства», опубликованный в Пешаваре. Авторы памфлета утверждали, что саудовская судебная система опирается на «практику иностранной юриспруденции», что делает ее «противоречащей шариату». По их мнению, «отступничество» саудовской власти выражало себя в том, что она поддерживает отношения с «неверными и многобожными» государствами [Ибрагим 2009: 74—75].

¹⁵ Аль-Ахдас аль-ирхабийя фи Аль-Мамляка: таварих ва аркам [Террористическая ситуация в Королевстве: хроника и статистика]. Режим доступа: <http://www.al-jazirah.com.sa/2005/20050205/er5.htm> (дата обращения: 05.02.2005) (Араб. яз.)

18 марта 2003 г. в эр-риядском квартале Аль-Джазира был обстрелян полицейский наряд; это был первый случай нападения сторонников заблудшей секты на представителей государственной власти. В мае и ноябре 2003 г. акции террористов произошли в столичных кварталах Аль-Хамра и Аль-Махья. Полиция и органы государственной безопасности обнаруживали моджахедов в Джидде и в «святых» Мекке и Медине.

Противники государства наступали: взрыв в апреле 2004 г. в здании службы государственной безопасности в квартале Аль-Ваши в Эр-Рияде, нападение на представительство западной посреднической компании в порту Янбо, захват заложников в жилых кварталах города Эль-Хобар в начале и конце мая того же года. Число жертв террористических акций росло: по официальным данным, в период между маем 2003 и маем 2004 г. погиб 101 человек¹⁶. Только в конце июля 2011 г. король Абдалла бен Абдель Азиз смог заявить об «успехе в отражении наступления гадины террора и разрушении ее организационных структур»¹⁷.

Действия террористов отвечали общественным настроениям. Как отмечали саудовские социологи, «сочувствие к исполнителям террористических акций 11 сентября было огромно». Оно «возросло после удара по Афганистану, усилившись в марте 2003 г., когда началась операция в Ираке». В стране возникла «устойчивая группа людей, считавших законными действия „Аль-Каиды“ и приходивших к выводу, что террористы могут «идти на убийство мусульман, если целью их акции являются граждане западных стран или принадлежащие им объекты»¹⁸.

5 ноября 2004 г. двадцать шесть религиозных деятелей (преподаватели «исламских дисциплин» университетов Эр-Рияда, Мекки и Медины) предали гласности «Открытое письмо сражающемуся иракскому народу». Подписавшие его богословы призывали «каждого мусульманина» к «джихаду против оккупантов». Никто из «мусульман, — подчеркивали они, — не может действовать, нанося ущерб кому-либо из борцов сопротивления», никто из них «не может поддерживать проводимые оккупационными силами операции». Долг «мусульманина — оказать помощь сражающемуся иракскому народу»¹⁹, — это был призыв не только

¹⁶ Тагиир тактик аль-ирхабийин рафаа дахайя иктихам аль-муджаммаат ас-саканий фи Ас-Саудийя [Изменение тактики террористов привело к росту числа жертв в ходе нападения на жилые районы в Саудовской Аравии]. Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=237224&issue=9318> (дата обращения: 02.06.2004) (Араб. яз.)

¹⁷ Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн: Аль-Мамляка наджахат фи тасадди ли афа аль-ирхаб [Хранитель Двух Благородных Святынь: Королевство преуспело в отражении наступления гадины террора]. Режим доступа: <http://www.aawsat.com/detail.asp?section=4&article=632544&issue=11926> (дата обращения: 24.07.2011) (Араб. яз.)

¹⁸ Инхисар нисба аль-мутаатыфин маа аль-ирхабийин фи Ас-Саудийя [Процент сочувствующих террористам в Саудовской Аравии снизился]. Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?issue=8800&article=204016> (дата обращения: 20.11.2003) (Араб. яз.)

¹⁹ Байян ас-саудийин 26 хауль Аль-Ирак [Двадцать шестое заявление Саудовской Аравии по Ираку]. Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=45&article=265236&issue=9481> (дата обращения: 12.11.2004) (Араб. яз.)

к саудовским благотворительным организациям и фондам, но и к моджахедам, сражавшимся против саудовской власти.

Власть же стояла перед необходимостью предотвратить движение части корпуса богословов к союзу с антисистемной оппозицией. Использувавшиеся для этого методы были традиционны — аресты. В феврале 2004 г. были преданы суду три мекканских богослова — Ахмад аль-Халиди, Али аль-Худейр и Насыр аль-Фахд. Предъявлявшиеся им обвинения резюмировались как «поощрение к отказу от повиновения правителю», «распространение смуты», «организация террористических ячеек»²⁰.

Добываясь «раскаяния» обвиняемых, власть стремилась делегитимировать действия сторонников «заблудшей секты». Но только в конце 2003 г. ее действия были открыто поддержаны официальными богословами, когда появилась фетва верховного муфтия Абдель Азиза бен Абдаллы Аль аш-Шейха «Терроризм: причины и методы лечения». Предлагавшееся ее автором определение терроризма отталкивалось от «отступления некоторых улемов от проповеди подлинного шариата», как и их «действий словом», предполагавших «отказ уммы от повиновения ее правителям»²¹. Хотя «эпоха террора» завершилась успехом власти, этот успех не был беспорным.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И РЕФОРМЫ ВЛАСТИ

«Арабская весна» изменила устремления сторонников политического ислама. В феврале 2011 г. в Эр-Рияде было распространено сообщение о формировании Исламской партии нации (*Хизб аль-умма аль-ислямий*). Ее создала небольшая группа (9 человек); в своем «Учредительном манифесте» они сообщали, что являются «университетскими преподавателями, адвокатами, бизнесменами, писателями, юристами и политическими активистами»²².

Провозглашая себя «мирной политической партией» и утверждая «стремление к легальной деятельности»²³, это «народное политическое образование» (следуя примеру «Братьев-мусульман») заявляло о том, что видит Саудовскую Аравию страной, где «шариат является единственной основой законодательства», а «ис-

²⁰ Аш-Шарк Аль-Аусат тухавир шуох ат-такфир ас-саляса [«Аш-Шарк аль-Аусат» побеседовала с тремя осужденными шейхами]. Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?article=210228&issueNo=9163> (дата обращения: 30.12.2003) (Араб. яз.)

²¹ Аль аш-Шейх Абдель Азиз бен Абдалла. Аль-Ирхаб: асбабуху ва васайль аль-илядж [Терроризм: его причины и средства борьбы // Аль-Бухус аль-ислямийя [Исламские исследования], № 70, 1424 X. С. 126. Режим доступа: <http://www.alifta.net/Fatawa/fatawaDetails.aspx?languageName=ar&BookID=2&View=Page&PageNo=4&PageID=10293> (дата обращения: 18.09.2016) (Араб. яз.)

²² Аль-Байян ат-гаасисий ли Хизб аль-умма аль-ислямий [Учредительное заявление Исламской партии нации]. Режим доступа: <http://www.islamicommaparty.com/Portals/Content/?info=TIRJMUpsTjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U=.jsp> (дата обращения: 15.02.2011) (Араб. яз.)

²³ Хитаб ли хукума Хадим аль-Харамейн аш-Шарифейн [Официальное заявление Хранителя Двух Благородных Святынь]. Режим доступа: <http://www.islamicommaparty.com/Portals/Content/?info=TkRnM0psTjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U=.jsp> (дата обращения: 09.02.2011) (Араб. яз.)

точником власти может быть только [исламская] нация». Основатели партии подчеркивали, что считают «гарантируемые шариатом права и свободы, включая свободу мнения и критики власти, достоянием всех граждан». Они заявляли о своей приверженности «политическому плюрализму и праву нации формировать правительство»²⁴.

Власть была далека от того, чтобы принять эти требования, — основатели партии были брошены в тюрьмы по обвинению в попытках «раскола национального единства». Тогда же король Абдалла бен Абдель Азиз подчеркивал: «То, что мы видим вокруг нас, это стремление посеять в народе злобу. Сегодня каждый стремится создать партию, а весь наш народ — единая партия. Каждый видит себя первым, среди людей воцарилась вражда. Все это вызывает гнев Господа, да избавит Господь нас от этого зла»²⁵.

Государство не считало возможным идти на уступки апеллировавшей к религии оппозиции. К тому времени были приняты достаточные меры, направленные на то, чтобы укрепить положение политической элиты: был создан Центр национального диалога, возник Антикоррупционный комитет, проведены первые частичные выборы в советы муниципалитетов, повышена общественно-политическая роль национального предпринимательства, представленного Советом торгово-промышленных палат, появились профессиональные организации и «общественный» Саудовский национальный комитет прав человека. В октябре 2006 г. был институционализирован процесс престолонаследия — появился Закон о комитете по принесению клятвы²⁶.

Власть была решительна в отношении богословов, занимавших высшие посты в религиозной иерархии. Выступая 23 сентября 2009 г. на торжественном открытии созданного неподалеку от Джидды Университета науки и техники, король Абдалла бен Абдель Азиз говорил о том, что «наука и вера могут противостоять друг другу только в душах больших людей», что университет — «первая линия обороны против экстремистов»²⁷. Это событие было омрачено публичным заявлением члена Совета высших улемов шейха Саада аш-Шасри о недопустимости введения «совместного обучения [юношей и девушек]», а также о «шариатской проверке пре-

²⁴ Аль-Байян ат-таасисий ли Хизб аль-умма аль-ислямий [Учредительное заявление Исламской партии нации]. Режим доступа: <http://www.islamicommparty.com/Portals/Content/?info=TIRJMUpsTjFZbEJoWjJVbU1TWmhjbUk9K3U=.jsp> (дата обращения: 15.02.2011) (Араб. яз.)

²⁵ Хадим Аль-Харамейн юнаввих би такатуф аль-муватынин ва вахда саффихим [Хранитель Двух Святынь призвал граждан к сплоченности и единству]. Режим доступа: <http://alhayat.com/home/ksa506441> (дата обращения: 24.04.2013) (Араб. яз.)

²⁶ Иалян Низам Хейба аль-бейба [Принят Закон о комитете по принесению клятвы]. Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=388223&issueno=10188> (дата обращения: 20.10.2006) (Араб. яз.)

²⁷ Калима Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн аль-малик Абдалла бен Абдель Азиз Аль Сауд фи хафль аль-ифтихах [Выступление Хранителя Двух Благородных Святынь короля Абдаллы бен Абдель Азиза Аль Сауда на церемонии инаугурации]. Режим доступа: <https://www.kaust.edu.sa/ar/about/Pages/The-King%27s-Speech-at-KAUST-Inauguration-Ceremony.aspx> (дата обращения: 23.09.2009) (Араб. яз.)

подаваемых предметов, в частности, теории эволюции»²⁸. В октябре 2009 г. королевским указом С. аш-Шасри был освобожден от занимаемой должности²⁹.

В середине февраля 2009 г. Генеральное руководство Лиги поощрения добродетели и отвращения от греха по указанию политического истеблишмента инициировало реализацию «Стратегического проекта», направленного на перестройку административного аппарата и совершенствование деятельности кадров Лиги. В начале 2010 г. Министерство юстиции приступило к реализации «программы идейной безопасности» — обязательной переподготовке имамов мечетей, призванной лишить их возможности произнесения проповедей, противоречащих курсу власти. 12 августа 2010 г. король Абдалла бен Абдель Азиз издал указ, позволяющий распространение только тех фетв, авторами которых являются члены Совета высших улемов³⁰.

Реагируя на развитие региональной ситуации, власть усиливала наступление на религиозных оппозиционеров. Вступление в международную коалицию противостояния запрещенной в России группировке ИГИЛ (в декабре 2015 г. в Эр-Рияде было объявлено и о создании «исламской военной коалиции») сопровождалось принятым в феврале 2014 г. указом о запрете «экстремистских и террористических религиозных группировок и течений». Появившийся в начале марта 2014 г. черный список этих «группировок» включал «Аль-Каиду» и ее ответвления, «Джабхат ан-нусру»³¹, ИГИЛ (террористическая организация, запрещена в РФ), движение «Братья-мусульмане», а с марта 2016 г. и ливанскую «Хизбаллу»³². В марте 2016 г. были преданы суду члены «полиции нравов», обвиненные в превышении полномочий при исполнении обязанностей. В январе 2016 г. были казнены арестованные ранее руководители и идеологи *заблудшей секты*.

СЕГОДНЯШНЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Экспансия ИГИЛ, заявившего о создании подчиненных ему «вилайетов Неджд и Двух Благородных Святых (Хиджаза. — *Прим. авт.*)» и «неверии» местной власти, стала прямым вызовом саудовской государственности. В мае 2014 г.

²⁸ Аш-Шейх Аш-Шасри юджиб ан ихтилят фи Джамийа аль-малик Абдалла [Шейх аш-Шасри отвечает на вопрос о совместном обучении в Университете короля Абдаллы]. Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=vmEUc5fxy9w> (дата обращения: 01.06.2017) (Араб. яз.)

²⁹ Амр малякий: иьфа Саад аш-Шасри мин амалихи фи Хейба кибар аль-уляма [Королевский указ: Освобождение Саада аш-Шасри от должности в Совете высших улемов]. Режим доступа: <http://www.okaz.com.sa/new/Issues/20091005/Con20091005307886.htm> (дата обращения: 05.10.2009) (Араб. яз.)

³⁰ Хадим Аль-Харамейн юсдар амран малякийян би каср аль-фатва аля Хейба кибар аль-уляма [Хранитель Двух Святых издал королевский указ об ограничении издания фетв улемами, не входящими в Совет высших улемов]. Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issue=11581&article=582296> (дата обращения: 13.08.2010) (Араб. яз.)

³¹ Организация включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

³² Ас-Саудийя тасдур ляиха ли аль-ирхаб [Саудовская Аравия опубликовала список террористов]. Режим доступа: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issue=12884&article=763917> (дата обращения: 04.02.2014) (Араб. яз.)

служба государственной безопасности распространила сообщение о раскрытии сети ячеек, связанных (как утверждала власть) с ИГИЛ, членами которой были 62 человека, включая 60 граждан Саудовской Аравии. Сеть имела руководителя — *эмира*, сорокалетнего саудовского гражданина, которому остальные члены организации, вступая в ее ряды, приносили *аль-байъа* — *присягу верности* (использование этого метода сплочения сторонников стало особенностью и других, создававшихся в дальнейшем террористических групп). Основной целью ее деятельности было «нанесение ударов по объектам экономики и государственным учреждениям, иностранным посольствам, убийства высших государственных деятелей»³³.

Реагируя на угрозу ИГИЛ сразу же после его вторжения в Ирак и обращаясь к арабской и исламской нации, король Абдалла признавал печальную действительность: «В арабском и исламском мире смута нашла благодатную почву». Обращаясь к руководителям и богословам исламской нации, король говорил: «Я призываю вас исполнить долг и встать на пути тех, кто пытается представить ислам как религию экстремизма, ненависти и терроризма»³⁴.

Слова монарха были подкреплены практикой. 23 сентября 2014 г. саудовская авиация участвовала в ударах по позициям ИГИЛ в Сирии. Комментируя это событие, «ответственный источник» из числа военных сообщал, что саудовские королевские военно-воздушные силы приняли участие в военной операции в рамках международной коалиции уничтожения терроризма. Присоединение саудовских военно-воздушных сил к операции против ИГИЛ было оправдано официальными богословами: накануне операции Совет высших улемов выступил с фетвой, объявившей «идеи и действия» этой организации «безнравственными»³⁵.

С декабря 2014 г. до начала апреля 2015 г. в стране было арестовано 811 человек, обвиняемых в терроризме. В своем подавляющем большинстве это были молодые (до 30 лет) саудовцы (634 человека), вновь выходцы из районов северо-западного Неджда. При этом только в апреле 2015 г. были задержаны 128 человек, среди которых 62 саудовца. Подпольные ячейки располагали складами оружия, взрывчатки, средствами электронной связи, распространяли листовки, призывавшие граждан к выступлениям против «преступного и прогнившего режима»³⁶.

³³ Тафкик шабака ирхабийя фи Ас-Саудийя аля сыля би Каида аль-Йемен ва ДАИШ [Уничтожение террористической сети в Саудовской Аравии связано с «Аль-Каидой в Йемене» и ИГИЛ]. Режим доступа: <http://aawsat.com/home/article/91236?archive=1&date=05/07/2014> (дата обращения: 07.05.2014) (Араб. яз.)

³⁴ Хадим Аль-Харамейн: аль-мутахазилун саякунун дахая аль-ирхаб [Хранитель Двух Святых: малодушные станут жертвами терроризма]. Режим доступа: <http://aawsat.com/home/article/150811?archive=1&date=08/02/2014> (дата обращения: 02.08.2014) (Араб. яз.)

³⁵ Масдар масуль: Ас-Саудийя шаракат фи аль-амалийя аль-аскарийя фи Сурия дидд ДАИШ [Официальный источник: Саудовская Аравия участвовала в военной операции против ИГИЛ в Сирии]. Режим доступа: <http://aawsat.com/home/article/187386?archive=1&date=09/24/2014> (дата обращения: 24.09.2014) (Араб. яз.)

³⁶ Аль-Кабд аля 811 муттахаман би аль-ирхаб [811 обвиняемых в терроризме задержаны]. Аль-Джазира, 26 апреля 2015. Режим доступа: <http://www.al-jazirah.com/2015/20150426/fe7.htm> (дата обращения: 24.09.2016) (Араб. яз.)

Осуществляемая в Саудовской Аравии реабилитация причастных к террористической деятельности не достигала цели. Значительная часть реабилитированных (почти две трети) вернулась к прежней деятельности³⁷. Комментируя ситуацию, саудовский аналитик и публицист подчеркивал: «Бунтующая молодежь, опирающаяся на отсталое понимание жизни и шариата, отрицающая многовековое наследие и достижения пока еще не закончившейся модернизации, становится боевиками, эмирами и даже халифами»³⁸.

3 и 4 июля 2016 г. террористические акты синхронно произошли в трех городах Саудовской Аравии: Эль-Катифе, Джидде и рядом с Мечетью Пророка в Медине³⁹. В октябре 2016 г. службе государственной безопасности удалось не допустить террористическую акцию на крупнейшем стадионе Джидды «Аль-Джаухара», готовившуюся членами очередной ячейки ИГИЛ⁴⁰. 24 июня 2017 г. был предотвращен теракт в Запретной мечети Мекки⁴¹.

Противостояние терроризму вновь (как и в начале 2000-х гг.) становилось частью повседневности. В январе 2017 г. в эр-риядском районе Аль-Ясмин произошло столкновение между подразделением внутренних войск и членами арендовавшей дом в этом районе террористической ячейки. Спустя месяц 2 террориста-смертника подорвали себя на базе отдыха в районе Джидды. В середине февраля 2017 г. Министерство внутренних дел сообщило о раскрытии четырех ячеек, действовавших в Эр-Рияде, Эль-Кусейме, Мекке и Медине. Итогом осуществленной в этой связи превентивной операции стал арест 18 человек, 16 из которых были саудовскими гражданами⁴².

Как сообщал в марте 2015 г. ответственный источник из саудовского Министерства внутренних дел, «в Королевстве сложился авангард сторонников ИГИЛ»⁴³. Данные службы государственной безопасности безрадостны — в течение 2016 г.

³⁷ Там же.

³⁸ Хашогги Д. Ма аль-хатаа аль-лязи аусальяна иля хазиhi аль-халя? [Что привело нас к такой ситуации?] Режим доступа: <http://www.alhayat.com/Opinion/Jamal-Khashoggi/3400234> (дата обращения: 05.07.2014) (Араб. яз.)

³⁹ Аль-Ирхаб ястахдиф Сани Аль-Харамейн [Медина стала целью для терроризма]. Аш-Шарк Аль-Аусат, 5 июля 2016. Режим доступа: <http://aawsat.com/home/article/682411> (дата обращения: 24.09.2017) (Араб. яз.)

⁴⁰ Ихбат истихдаф «Аль-Джаухара» би 400 кило мин аль-мутафаджарат [Предотвращение взрыва «Аль-Джаухара» 400-килограммовой бомбой]. Аль-Хайят, 31 октября 2016. Режим доступа: <http://www.alhayat.com/Articles/18249454> (дата обращения: 24.09.2017) (Араб. яз.)

⁴¹ Ихбат амалийя ирхабийя тастахдиф Аль-Масджид аль-харам фи Макка аль-мукаррама [Предотвращение военными теракта в Запретной мечети в Мекке]. Аш-Шарк Аль-Аусат, 24 июня 2017. Режим доступа: <https://aawsat.com/home/article/958991> (дата обращения: 24.09.2017) (Араб. яз.)

⁴² Ад-Дахилийя ас-саудийя тутых би халяйя ирхабийя муртабита би ДАИШ [Министерство внутренних дел Саудовской Аравии раскрыло террористические ячейки, связанные с ИГИЛ]. Аш-Шарк Аль-Аусат, 16 февраля 2017. Режим доступа: <http://aawsat.com/home/article/856186> (дата обращения: 24.09.2017) (Араб. яз.)

⁴³ Бад мухакама 13 саудийя би тухма ат-тазахур ва ихрак суввар вазир ад-дахилийя [Начался судебный процесс над 13 саудовскими женщинами по обвинению в демонстрации и сжигании фотографий министра внутренних дел]. Режим доступа: <http://www.alhayat.com/Articles/18685121> (дата обращения: 23.11.2016) (Араб. яз.)

в Саудовской Аравии произошло 30 террористических акций. Эти акции были продолжены и в 2017 г. Их исполнители — молодые саудовцы в возрасте от 16 до 35 лет: «Экстремистская мысль и террористическая угроза, — подчеркивала власть, — сохраняются, меняя оболочку и формы проявления»⁴⁴. Для этого вывода существовали весомые подтверждения. В рядах ИГИЛ сражалось не менее 2500 саудовцев (Саудовская Аравия стала вторым после Туниса арабским поставщиком наемников для этой организации)⁴⁵.

Участие в международной антитеррористической коалиции не означало прекращения практики частной поддержки ИГИЛ. В опубликованном в июне 2016 г. отчете Государственного департамента Соединенных Штатов, касающегося борьбы с терроризмом, отмечалось, что Саудовская Аравия не справилась с задачей прекращения финансирования терроризма со своей территории, осуществляемого с помощью социальных сетей⁴⁶.

Говоря о будущем религиозно мотивированного терроризма, публицист и общественный деятель отмечал, что такого рода терроризм не может быть сведен к «отсутствию политических свобод, западной гегемонии или израильской оккупации», — это не «факторы, „создающие“ терроризм, а факторы, „стимулирующие“ террористическую мобилизацию». Борьба с этим феноменом, замечал он, невозможна «без ликвидации порождающего его климата культуры и социальной жизни», вырастающего из «замкнутой для мира риторики отрицания „другого“». Если этот «климат» не изменится, страна «будет обречена на „сосуществование“ с терроризмом, как человечество сосуществует с парниковым эффектом, раком, наводнениями и лесными пожарами»⁴⁷.

Можно ли изменить этот «климат»?

Беседуя в конце апреля 2017 г. с журналистом *The Washington Post*, инициатор саудовской социально-экономической перестройки — проекта «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030», ныне наследный принц Мухаммед бен Сальман говорил, что «развитие общества, как и саморазвитие» граждан, немислимо без «сохранения религии и обычаев»⁴⁸. Иными словами, страна далека от преобразований в политической сфере, а важнейшим принципом ее властной системы останется опора на религиозную догму.

⁴⁴ Салясун амалийя ирхабийя фи Ас-Саудийя хиляль амм [Тридцать террористических атак в Саудовской Аравии за год]. Режим доступа: <http://www.alhayat.com/Articles/15374924/30> (дата обращения: 02.05.2016) (Араб. яз.)

⁴⁵ Barrett R. The Islamic State. The Soufan Group, November 2014. URL: <http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2014/10/TSG-The-Islamic-State-Nov14.pdf>. P. 16—17 (accessed: 14.05.2017).

⁴⁶ Weinberg D.A. Analysis: State Department identifies Gulf shortcoming on counterterrorism efforts. URL: www.longwarjournal.org/archives/2016/06/analysis (accessed: 14.03.2017).

⁴⁷ Аз-Заиди М. Таъаюшу маа аль-ирхаб! [Сосуществование с терроризмом]. Режим доступа: <http://www.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=748113&issueno=12753> (дата обращения: 28.10.2014) (Араб. яз.)

⁴⁸ Ignatius D. A young prince is reimagining Saudi Arabia. Can he make his vision come true? URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/a-young-prince-reimagines-saudi-arabia-can-he-make-his-vision-come-true/2017/04/20/663d79a4-2549-11e7-b503-9d616bd5a305_story.html?utm_term=.c1cae1b870c9 (accessed: 20.04.2017).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аль-Кудейми Н.* Аль-Мухафизун ва аль-исляхийун фи аль-халъ аль-ислямийя ас-саудийя [Консерваторы и реформаторы в исламе в Саудовской Аравии]. Бейрут: Аль-Марказ ас-сакафий аль-арабий, 2013. (Араб. яз.)
- Аль-Хукейль С.* Хукук аль-инсан фи аль-ислям ва татбикатуха фи аль-Мамляка аль-Арабийя ас-Саудийя [Права человека в исламе и их реализация в Королевстве Саудовская Аравия]. Эр-Рияд, 2000. (Араб. яз.)
- Бен Баз А.А.* Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя [Политический и конституционный режим Королевства Саудовская Аравия]. Эр-Рияд: Дар аль-Хуррейджи, 2000. (Араб. яз.)
- Васильев А.М.* История Саудовской Аравии. М., Наука, 1982.
- Ибрагим Ф.* Ас-Салаяфийя аль-джихадийя фи ас-Саудийя [Джихадистский салафизм в Саудовской Аравии]. Бейрут: Дар ас-саки, 2009. (Араб. яз.)
- Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990-х — 2006 гг.). М.: Институт Ближнего Востока, 2007.
- Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: власть и религия // Журнал «Политическая наука». 2013. № 2. С. 100—125.
- Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: власть и религиозная оппозиция // Ближний Восток и современность. 2014. Вып. 48. С. 50—111.
- Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: национальное единство без плюрализации // Журнал «Политическая наука». 2016. № 1. С. 60—79.
- Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: государство и политика // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 9. С. 48—56.
- Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: государство и конструирование «национальной» идентичности // Культурная сложность современных наций / Под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М.: Институт этнологии и этнографии РАН, 2016. С. 359—376.
- Косач Г.Г.* Терроризм и политическая культура в Саудовской Аравии // Ислам и общественное развитие в начале XXI века / Под ред. В.Я. Белокреницкого, А.З. Егорина, Н.Ю. Ульченко. М.: Институт востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2005. С. 171—197.
- Лиси Р.* Аль-Мамляка мин ад-дахиль [Королевство изнутри]. Дубай: Марказ аль-Мисбар, 2012. (Араб. яз.)
- Mouline N.* Les clercs de l'islam. Autorité religieuse et pouvoir politique en Arabie Saoudite XVIIIe—XXIe siècles. Beyrouth, Centre arabe des recherches, 2011. (Фр. яз.)

Дата поступления статьи: 15.08.2017

Для цитирования: *Косач Г.Г.* Саудовская Аравия: внутренние истоки терроризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 639—654. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-639-654.

Сведения об авторе: *Косач Григорий Григорьевич* — д-р ист. наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: g.kosach@mail.ru).

SAUDI ARABIA: INTERIOR ORIGINS OF TERRORISM

G.G. Kosach

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. The article is analyzing problems connected with formation of anti-system terroristic underground in Saudi Arabia as a direct result of religion's liberation from State control. The main reason for this phenomenon was political alliance, which preserved its importance until nowadays, between the dynasty, represented by ruling family Al Saud and corps of Ulama, represented by descendants of Muhammad Ibn Abdel Wahhab — family of Al ash-Sheikh. Internal conflicts of this alliance ultimately defined the appearance of opposition, which proclaimed the basic doctrines of Wahhabi version of Hanbali Islam, in the political arena and its transformation to the main enemy of present Saudi statehood.

The author highlights the main periods of confrontation between Saudi power and anti-system opposition, which is applying to religious dogmatic. He describes rebels of *Ikhwans* in the 1920th, the capture of Haram al Sharif in Mecca by group of Al Uteibi in November 1979, the movement of *stray sect* in the end of 1990th — the beginning of 2000th and the terrorist activity in Saudi Arabia in recent period, which is associated by the Saudi power with ISIS.

Using the methods of systemic analysis, the author concluded that the religious element, which is the base of Saudi political system represents a factor of opposition's argumentation to prove the power's neglecting its duties to conserve "the purity" of religious grassroots of the society and the state. This fact is important because the process of modernization, which is taking place in Saudi Arabia, causes the fall of official Ulama's corps authority and appearance of oppositional Ulama, which legitimize the activity of terroristic groups, creating first of all from the originals of depressive regions of the country, and are inspired by ideology of ISIS.

Key words: Saudi Arabia, Al Saud family, Al ash-Sheik family, Wahhabi version of Hanbali doctrine, the terrorism, the Ikhwan movement, Juhaiman Al Uteibi, the "stray sect", ISIS

REFERENCES

- Al-Huqeil, S. (2000). *Huquq al-insan fi al-islam wa tatbiqutuha fi Al-Mamlaka Al'Arabiya Al-Saudiya*. Riyadh. (in Arab.)
- Al-Qudeimi, N. (2013). *Al-Muhafidhun wa al-islamiyun fi al-hala al-islamiya as-saudiya*. Beirut: Al-Markaz ath-thaqafi al-'arabi. (in Arab.)
- Bin Baz, A.A. (2000). *Al-Nizam al-siyasy wa al-dustury li Al-Mamlaka Al-'Arabiya Al-Saudiya*. Riyadh: Dar Al-Khurreidji. (in Arab.)
- Ibrahim, F. (2009). *Al-Salafiya al-jihadiya fi Al-Saudiya*. Beirut: Dar al-saqi. (in Arab.)
- Kosach, G. (2007). *Saudi Arabia: internal political Process in the "Stage of Reforms" (the end of 1990th — 2006)*. Moscow, Institute of the Middle East. (in Russ.)
- Kosach, G. (2013). Saudi Arabia: the Power and the Religion. *Politicheskaya Nauka*, 2, 100—125. (in Russ.)
- Kosach, G. (2014). Saudi Arabia: the Power and the Religion' Opposition. *Middle East in Modern Times*, 48, 50—111. (in Russ.)
- Kosach, G. (2016) Saudi Arabia: the National Unity without Pluralization. *Politicheskaya Nauka*, 1, 60—79. (in Russ.)
- Kosach, G. (2016). Saudi Arabia: the State and the Politics. *World Economy and International Relations*, 60 (9), 48—56. (in Russ.)
- Kosach, G. (2016) Saudi Arabia: the State and the Construction of "National" Identity. In: *The Cultural Complexity of the Modern Nations*. Ed. by V. Tishkov, E. Filippova. Moscow: Institute of Ethnology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. (in Russ.)

- Kosach, G. (2005). The Terrorism and the Political Culture in Saudi Arabia. In: *Islam and the Social Development in the beginning of the XXI century*. Ed. by V. Belokrenitsky, A. Egorin and N. Ulchenko. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, p. 171—197. (in Russ.).
- Lacey, R. (2012). *Al-Mamlaka min al-dakhil*. Dubai: Markaz Al-Misbar. (in Arab.)
- Mouline, N. (2011). *Les clercs de l'islam. Autorité religieuse et pouvoir politique en Arabie Saoudite XVIIIe — XXIe siècles*. Beyrouth: Centre arabe des recherches.
- Vasilyev, A. (1982). *The History of Saudi Arabia*. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Received: 15.08.2017

For citations: Kosach G.G. (2017). Saudi Arabia: interior origins of terrorism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 639—654. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-639-654.

About the author: *Kosach Grigory Grigor'evich* — Doctor in History, Professor of the Department of Modern East, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities (e-mail: g.kosach@mail.ru).

© Косач Г.Г., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-655-668

«ДЖАБХАТ АН-НУСРА»¹ — ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УЧАСТНИК СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

А.В. Крылов

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

В статье показана история и эволюция террористической джихадистской организации «Джабхат ан-нусра» («Фронт помощи», встречается также «Фронт поддержки»). Автор раскрывает идеологические установки организации, ее основные цели, используемые для их достижения методы. «Джабхат ан-нусра» создавалась как филиал «Аль-Каиды» в Сирии. Впоследствии организация дважды меняла свое название на «Джабхат фатх аш-Шам» («Фронт завоевания Леванта») 29 июля 2016 г. и «Хайат тахрир аш-Шам» («Организация освобождения Леванта») 28 января 2017 г. Частые изменения вывески были вызваны, прежде всего, тем, что организация была признана террористической во многих странах мира, в том числе в России.

«Джабхат ан-нусра» ставит перед собой две основные цели: первая — свержение легитимного сирийского правительства президента Башара Асада; вторая — создание на территории Сирии суннитского мусульманского государства, управляемого в соответствии с законами шариата. В статье показано, что сейчас «Джабхат ан-нусра» является наиболее влиятельной военной и политической силой среди всех политических организаций и военных формирований сирийской оппозиции. Группировка активно старается стать более уважаемым движением и настойчиво стремится избавиться от ярлыка террористической организации. В статье отражена официальная позиция Российской Федерации в отношении «Джабхат ан-нусры».

Ключевые слова: Сирия, сирийский конфликт, сирийская оппозиция, исламизм, исламский радикализм, салафизм, джихадизм, терроризм

«ДЖАБХАТ АН-НУСРА» КАК ПОРОЖДЕНИЕ «АЛЬ-КАИДЫ»

«Джабхат ан-нусра ли-ахли аш-Шам» («Фронт помощи народу Леванта»², далее ДН) — салафитская террористическая организация джихадистского толка, представляющая «Аль-Каиду» в Сирии и Ливане. Основную роль в создании организации сыграл нынешний лидер «Аль-Каиды» Айман аз-Завахари. Филиал «Аль-Каиды» в Сирии был сформирован в 2011 г.; 26 января 2012 г. «Джабхат

¹ 29 декабря 2014 г. по иску Генеральной прокуратуры Верховный суд России признал организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) и «Джабхат ан-нусра» террористическими международными организациями и запретил их деятельность в России.

² Левант, или Великая Сирия («Биляд аш-Шам») — термин, обозначающий регион в восточной части Средиземноморья. После краха Османской империи арабские националисты в рамках панарабской концепции предлагали план создания арабского национального государства на территории, где сейчас расположены Сирия, Ливан, Израиль, Иордания и территории, находящиеся под контролем Палестинской национальной администрации (Западный берег р. Иордан и Сектор Газа). Соглашение Сайкс — Пико (1916), в соответствии с которым Великобритания и Франция поделили между собой арабские провинции Османской империи, положило конец планам создания Великой Сирии в XX в.

ан-нусра» официально объявила о своих намерениях вступить в войну в Сирии против правительства Б. Асада [Narkous 2017: 6; Green 2013]. С этого времени ДН, имеющая свои боевые подразделения почти во всех провинциях Сирии, занимает ведущее место среди сирийских организаций джихадистско-салафитского направления.

Возглавляет «Джабхат ан-нусру» Абу Мухаммад аль-Джулани (настоящее имя Ахмад Хусейн аш-Шараа), выходец из семьи беженцев с оккупированных Израилем сирийских Голанских высот. В 2003 г. перебрался в Ирак, где вступил в ряды «Аль-Каиды». С 2006 г. по 2008 г. находился вместе с лидером запрещенной в России группировки «Исламское государство» («Исламское государство Ирака и Леванта»), ИГ, ИГИЛ) Абу Бакром аль-Багдади в американском лагере военнопленных «Кэмп Бука» [Вавилов, Зинин и др. 2016: 13]. После освобождения был полевым командиром отрядов «Аль-Каиды», действовавших в районе иракского города Мосула. В январе 2012 г. был провозглашен «главным эмиром „Джабхат ан-нусры“». Позиции ДН особенно сильны в сирийских северо-западных провинциях Сирии Идлиб и Алеппо (см. карту). Здесь дислоцируются основные силы ДН, насчитывающие около 7 тыс. боевиков³.

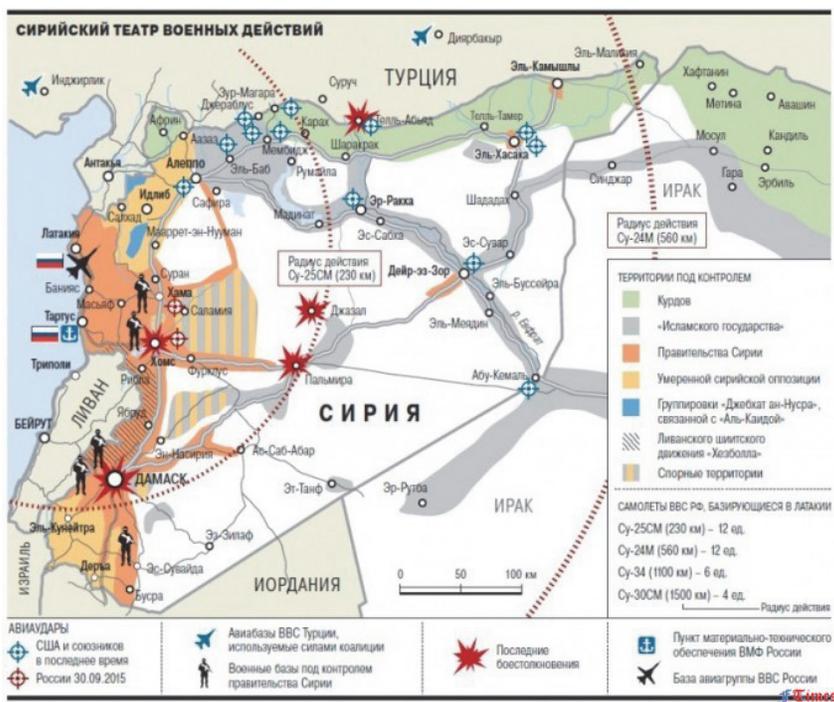

Рис. 1. Сирийский театр военных действий / Fig. 1. Syrian Theater of Military Action

Источник/Source: Коммерсант⁴

³ The Al-Nusra Front (Jabhat al-Nusra) is an Al-Qaeda Salafist-jihadi network, prominent in the rebel organizations in Syria. Ramat Hasharon: The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center, September 23, 2013. P. 1.

⁴ Сирийский театр военных действий. Коммерсант. Режим доступа: http://im1.kommersant.ru/ISSUES.PHOTO/DAILY/2015/180/_2015d180-01-01.jpg (дата обращения: 13.10.2017).

Всего под знаменем «Джабхат ан-нусры» помимо сирийцев воюет около 10 тыс. человек [Nusra Front 2016: 2]. Боевики рассредоточены, в основном, в следующих сирийских провинциях: в северной части Алеппо и в Дейр эз-Зоре — около 4 тыс. человек; в Идлибе — от 2,5 до 3 тыс. человек; в провинции Дамаск — не более одной тысячи боевиков; в Хомсе, Дераа и Латакии — около тысячи человек. Ячейки организации есть во всех провинциях Сирии.

Многие боевики ДН (около 2,5—3 тыс.) — добровольцы из Ливии, Туниса, Саудовской Аравии и Египта, около 500 — наемники из Чечни, Таджикистана, Туркмении; также в рядах группировки воюют несколько граждан США и стран Западной Европы. Весной 2015 г. на верность «Джабхат ан-нусре» присягнул батальон «Джейш аль-мухаджирин уаль-ансар» («Армия мухаджиров и первых сподвижников Пророка») Сейфуллы аш-Шишаи, состоящий из выходцев с Северного Кавказа, и узбекский батальон «Имам бухари». В состав ДН входят также несколько мелких сирийских джихадистских группировок, насчитывающих несколько сот религиозных фанатиков. Среди них: «Бригада Мунтаазара Биллаха», «Кятибат ат-таухид уаль-джихад» («Батальон единобожия и джихада»), «Джейш Мухаммад» («Армия Мухаммада»), «Джунуд аль-Акса» («Солдаты аль-Аксы») и др. Несмотря на то что «Джабхат ан-нусра» удерживает, казалось бы, небольшую территорию, есть основания полагать, что сейчас именно эта террористическая организация представляет собой даже бóльшую угрозу для Сирии, чем ИГИЛ. «Джабхат ан-нусре» удалось создать обширную сеть партнерств из локальных группировок, которые стали лояльными или полностью зависимыми от нее⁵.

29 июля 2016 г. «Джабхат ан-нусра» официально объявила об отходе от «Аль-Каиды» и изменении названия организации на «Джабхат фатх аш-Шам» («Фронт завоевания Леванта»). При этом в официальном заявлении, сделанном от имени нового образования, говорилось, что «организация не отмежевывается от идеологии „Аль-Каиды“ и «будет по-прежнему соблюдать законы шариата на подконтрольной территории и вести непримиримую борьбу с врагами и неверными»⁶. Айман аз-Завахири, со своей стороны, приветствовал оформление «Джабхат фатх аш-Шам» и заявил в этой связи, что «ваше единство и объединение является более важным для нас, чем любые организационные изменения», подтвердив тем самым, что переименование — это лишь тактический ход⁷.

В России, США и ряде стран мира, включая Францию, Великобританию, Турцию, Саудовскую Аравию, ОАЭ, Иран и др., «Джабхат ан-нусра» признана террористической организацией. После изменения названия Россия и США официально подтвердили, что будут по-прежнему относиться к новообразованию как к террористической организации. На совместной пресс-конференции с Государ-

⁵ *Triebert C., Komar R.* Jabhat Fateh al-Sham's income and resources. Hate Speech International investigating extremism, August 15, 2016.

⁶ *Yoscelyn T.* Al Nusra Front leader refuses to break with al Qaeda. The Foundation for Defense of Democracies (FDD): Long War Journal. December 15, 2015.

⁷ *Barrington L., Al-Khalidi S.* Al Qaeda tells Syrian branch Nusra Front it can drop links. Reuters. July 28, 2016.

ственным секретарем США Дж. Керри по итогам переговоров в Женеве 26 августа 2016 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил по этому поводу следующее: «„Джабхат ан-нусра“ мимикрирует, меняет названия, придумывает какие-то новые „зонтики“, под которые они собирают различные группы, формально не входящие в „Джабхат ан-нусру“, это требует очень пристального внимания и глубокого анализа, но это нужно делать быстро... Относительно того, чем занимаются те или иные ВВС, то мы ведем речь не о том, чтобы кто-то прекратил летать, а о том, чтобы авиация, работающая в сирийском небе, эффективно боролась и с ИГИЛ, и с „Джабхат ан-нусрой“. Об этом мы также говорили, прежде всего, в Москве. Мы достигли конкретных пониманий. Эти понимания будут реализованы после того, как будут согласованы остающиеся у нас технические детали»⁸.

После официального выхода ДН из «Аль-Каиды» широкое распространение получило мнение, что эти организации сейчас являются конкурентами, а не союзниками. На деле «Аль-Каида» всегда воспринималась в Сирии как иностранная организация с идеологией «всемирного джихада», никогда не имевшая широкой народной поддержки в стране. Возникновение собственно сирийской джихадистской организации, возглавляемой выходцем с оккупированных Голан, было, несомненно, поддержано значительной частью суннитского населения Сирии. Используя недовольство основной массы сирийских суннитов правящим руководством, «Джабхат ан-нусра» быстро получила довольно широкую социальную поддержку, особенно среди малообеспеченных представителей суннитской общины. На территориях, контролируемых как ДН, так и ИГИЛ, всегда реализовывались популистские мероприятия, которые импонировали миллионам суннитов. Здесь постоянно организуются пункты бесплатной раздачи медикаментов и питания, сладостей и игрушек для детей, вводятся жесткие меры борьбы против преступности, расцветшей в период войны и хаоса, семьи погибших боевиков получают пособия и иные льготы и т.п.

ИДЕОЛОГИЯ И ЦЕЛИ «ДЖАБХАТ АН-НУСРЫ»

По своей идеологии «Джабхат ан-нусра» мало чем отличается от «Исламского государства». Иначе и не может быть, поскольку обе организации имеют общие корни и, по сути, являются франшизами «Аль-Каиды». Основные задачи для ДН были сформулированы лично А. аз-Завахири, и А.М. аль-Джулани до сих пор остается верным исполнителем заветов своего наставника, суть которых сводится к следующему:

- глубокая интеграция движения в сирийскую революцию и сирийский народ;
- координация действий и тесное сотрудничество со всеми сирийскими исламистскими объединениями;

⁸ Foreign Minister Sergey Lavrov's remarks and answers to media questions at a news conference following talks with US Secretary of State John Kerry, Geneva. MFA of the Russian Federation. August 26, 2016. Available at: http://www.mid.ru/en/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts//asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2410768 (accessed: 13.10.2017).

- создание в масштабах всей Сирии системы шариатских судов;
- использование стратегических областей страны для создания устойчивой энергетической базы для «Аль-Каиды»;
- прекращение деятельности, связанной с проведением атак на страны Запада⁹.

ДН проявляет враждебность по отношению к Западу и Израилю, отрицает западные ценности, не приемлет любое иностранное вмешательство в гражданскую войну в Сирии, однако не участвует, в отличие от ИГИЛ, в организации диверсий в западных странах. ДН проявляет ненависть по отношению к этноконфессиональным меньшинствам, главным образом алавитам, друзам, курдам-йезидам и христианам, которых эта группировка рассматривает как неверных. «Джабхат ан-нусра» планирует после завершения «революции» в Сирии развернуть военные действия против Израиля. Основным средством борьбы считает джихад, с помощью которого эта организация стремится свергнуть режим Б. Асада и достичь главной цели движения — создать исламский эмират на территории Леванта, управляемый в соответствии с нормами шариата [Крылов 2016: 30]. Но только на этой территории, а не в границах халифата от Испании до Индии эпохи арабского золотого века, о возрождении которого грезят идейные вдохновители Исламского государства. При этом задача-максимум, по мнению идеологов обеих организаций, сводится к полному искоренению кяфиров (неверных) в мусульманской среде, к которым, по представлениям джихадистов, относятся все немусульмане [Крылов, Федорченко 2015]. Несмотря на схожесть целей, обе организации рассматривают друг друга в качестве конкурентов в борьбе за влияние на сирийской территории. Примечательно, что среди всех организаций и оппозиционных групп наибольшей общественной поддержкой пользуются именно джихадистские фракции: «Джабхат ан-нусра» и «Исламское государство» завоевали расположение, соответственно, 35 и 21% сирийского населения¹⁰. Некоторые аналитики даже сравнивают ДН с национально-религиозным образованием, а не с одним из структурных элементов международного терроризма [Steinberg 2016: 5].

В отличие от многочисленных групп сирийской оппозиции, которые за годы конфликта растеряли или вовсе не имели широкой поддержки, ДН стремительно набирает популярность именно среди сирийцев. Идеология и цели ДН в большей степени приемлемы для обнищавшей части местного населения, которая разочаровалась и в правящем режиме, и в прозападных оппозиционерах, которые предпочитают «вести войну» против Б. Асада и его окружения посредством нескончаемых дискуссий в пятизвездочных отелях за рубежом. Именно поэтому лидеры ДН не идут на контакт с представителями зарубежных государств в Сирии и принципиально отказываются от участия в любых переговорах по урегулированию конфликта при международном посредничестве.

⁹ *Lister C.* An Internal Struggle: Al Qaeda's Syrian Affiliate Is Grappling with Its Identity // *The World Post*. August 27, 2015.

¹⁰ *Cowans S.* Suppose a respectable opinion poll found that Bashar al-Assad has more support than the Western-backed opposition. Would that not be major news? The survey, conducted by ORB International. December 11, 2015.

Политизация ислама в форме исламистского радикализма — результат достаточно известных причин. События «арабской весны» вновь показали, что в регионе нет надлежащей системы безопасности. Массовые протесты и новые гражданские войны только усугубили гуманитарную ситуацию и обострили уже существовавшие традиционные проблемы (социальные и межконфессиональные конфликты, истощающиеся ресурсы, сдерживающая экономический рост неконтролируемая рождаемость, высокий уровень обнищания населения и безработицы, дефицит воды и продуктов питания). Маргинализация мусульманского населения в большинстве стран, в том числе и в Сирии, сопровождалась ростом недовольства погрязшими в коррупции властями и госчиновниками, что, безусловно, способствовало распространению идей радикального исламизма, особенно среди молодежи [Крылов 2013: 46].

Расширению социальной базы сторонников ДН способствовали также два объективных обстоятельства. Первое — продолжительная засуха в сельскохозяйственных провинциях Сирии в 2007—2010 гг., приведшая к разорению около полутора миллионов земледельцев [Крылов, Федорченко 2017: 33]. В этот же период государство, испытывавшее финансовые трудности из-за международных санкций, сократило субсидии производителям в аграрном секторе и в 3 раза увеличило цены на топливо, что превратило производство сельхозпродукции в крайне затратный бизнес. Протест оказавшихся без заработка миллионов феллахов (крестьян) стал одной из причин, приведших к началу затяжного сирийского конфликта.

Засуха и многолетняя продолжающаяся война способствовали размыванию такого важного института сирийского общества, как племенная организация. При этом нужно учитывать, что трайбализм как форма социальной организации, образа жизни и племенной замкнутости в Сирии особенно распространена у суннитов, курдов и друзов. С одной стороны, кризис клановой системы родственных связей привел к тому, что миллионы сирийцев, прежде всего молодых, в поисках лучших условий жизни стали покидать районы традиционного проживания: некоторые из них пополнили ряды вооруженных формирований, другие навсегда уехали из Сирии в надежде на лучшую жизнь в других странах. С другой стороны, шейхи суннитских племен, особенно тех, которые располагаются в северо-восточных провинциях страны, стали вступать в альянсы с салафитскими вооруженными группировками для защиты своих владений. В провинциях Дейр эз-Зор, Алеппо, Идлиб, Хасеке и некоторых других вожди суннитских племен предпочитают сотрудничать с «Джабхат ан-нусрой», усиливая тем самым влияние именно этой вооруженной организации.

Под началом Абу Мухаммада аль-Джулани была создана самая эффективная из всех оппозиционных военизированных структур, копирующая во многом опыт войск специального назначения ведущих стран мира. ДН искусно владеет тактикой ведения боя, которую принято называть «войной пчелиного роя»: небольшие подразделения, разбитые на мелкие отряды, оперативно концентрируют силы в районе выполнения боевой задачи, а после завершения операции тотчас же рассредоточиваются в разных направлениях. Все необходимые боевые ресурсы также

доставляются в район проведения операции не с одного склада, а из разных мест небольшими партиями. По этой причине удары с воздуха по «Джабхат ан-нусре» малоэффективны, поскольку организация не имеет своих постоянных баз.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ «ДЖАБХАТ АН-НУСРОЙ» И ИГИЛ

Во время отдельных наступлений или в ходе обороны некоторых городов или районов ДН вступала во временные объединения с другими оппозиционными вооруженными отрядами. Так, в боевых действиях за Алеппо был образован так называемый Фронт Алеппо с отдельными подразделениями «Сирийской свободной армии» (ССА). В марте 2015 г. в боях за Идлиб была создана коалиция с исламистскими боевыми фракциями «Ахрар аш-Шам» и «Ансар аш-Шам», получившая название «Джейш аль-фатх» («Армия завоевания»). В районе лагеря Ярмук и в Каламуне на ливанской границе «Джабхат ан-нусра» кооперировалась с джихадистами из ИГИЛ. Вместе с тем лидеры ДН отказались присягнуть на верность Абу Бакру аль-Багдади, который 29 июля 2014 г. провозгласил себя халифом на контролируемой боевиками ИГИЛ территории Ирака и Сирии, и проигнорировали призыв своего духовного наставника А. аз-Завахири объединиться с Исламским государством.

Внутренние разногласия между ДН и ИГИЛ возникли еще в апреле 2013 г. Лидер так называемого Исламского государства Абу Бакр аль-Багдади выступил с обращением, в котором заявил, что «Джабхат ан-нусра» создавалась для поддержки ИГИЛ и выполнения совместно с ним общих задач. В этой связи он призвал аль-Джулани влиться в состав ИГИЛ и признать главенствующую роль аль-Багдади [Szybala 2013: 1]. В ответном заявлении аль-Джулани отверг предложение о присоединении к ИГИЛ и подтвердил, что он присягал на верность только «Аль-Каиде»¹¹. В назревавший конфликт вмешался аз-Завахири, который адресовал аль-Багдади и аль-Джулани письма с сообщением о том, что он вынес решение отказаться от идеи слияния двух организаций и направить в Сирию специального эмиссара для урегулирования разногласий¹². Однако все усилия по прекращению конфронтации были тщетны.

В ноябре 2013 г. аз-Завахири приказал расформировать ИГИЛ, указав при этом, что филиалом «Аль-Каиды» в Сирии является только «Джабхат ан-нусра»¹³. Главарь ИГИЛ аль-Багдади отказался подчиниться и развернул кампанию арестов и убийств полевых командиров и активистов ДН, что в итоге спровоцировало серьезные боевые столкновения в провинции Дейр эз-Зор, в результате которых обе стороны потеряли сотни боевиков.

Ощутимые удары российских ВКС и сирийских правительственных войск по позициям ИГИЛ и ДН вынудили обе группировки отвлечься от внутренних

¹¹ *Newsdeck N.* Al-Nusra Commits to al-Qaida, Deny Iraq Branch 'Merger'. Agence France Presse. 10 April 2013.

¹² *Karouny M.* Insight: Syria's Nusra Front eclipsed by Iraq-based al Qaeda. Reuters. May 17, 2013.

¹³ *Green R.* Al-Qaeda Upgrades Its Presence In Syria. Washington: The Middle East Media Research Institute (MEMRI), 25 November 2013.

разборок. Однако одно из последних заявлений аль-Джулани убедительно свидетельствует о глубине конфликта между близкими по целям и идеологическим установкам структурами: «Между нами ни сейчас, ни в будущем не может быть никакого мира... Мы надеемся, что они [боевики ИГИЛ. — Прим. авт.] покаются перед Всевышним, а если нет, то война между нами будет продолжаться»¹⁴.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ДЖАБХАТ АН-НУСРЫ»

ДН широко практикует всевозможные виды терактов: взрывы начиненных взрывчаткой автомобилей, осуществляемые как террористами-смертниками, так и при помощи дистанционного управления; подрывы смертников в местах базирования правительственных войск и сил безопасности; установка фугасов на обочинах оживленных дорог, захват заложников и т.п. «Джабхат ан-нусра» обвиняется в многочисленных военных преступлениях, в том числе расправах над пленными солдатами правительственной армии и мирным населением, этнических чистках в районах проживания алавитов, курдов-йезидов и друзов. Из всех задокументированных преступлений, совершенных боевиками ДН, самые массовые — убийство 190 человек в алавитских деревнях в провинции Хомс; расправа в середине июня 2015 г. над жителями друзской деревни Кальб Луза, когда было убито около 40 человек. В середине сентября 2015 г. боевики ДН казнили 56 пленных военнослужащих сирийской армии, захваченных ими при взятии аэродрома Абу ад-Духур в провинции Идлиб. ДН несет ответственность за организацию 57 терактов с использованием смертников.

В конце августа 2014 г. на границе с Израилем боевиками «Джабхат ан-нусры» были захвачены в плен 45 миротворцев из контингента сил ООН по наблюдению за разъединением на Голанских высотах (UNDOF), которых ДН намеревалась судить по законам шариата. Однако вскоре все заложники были освобождены после переговоров с представителями Катара, возможно, за выкуп в размере 20 млн долл. США¹⁵. В октябре 2013 г. за освобождение захваченных в плен шиитских паломников, следовавших в Мекку, «Джабхат ан-нусра» получила около 150 млн долл. США¹⁶.

На северо-востоке Сирии ДН удалось захватить жизненно важные инфраструктуры государственного значения: нефтяные месторождения и нефте- и газопроводы, плотины, электростанции и зернохранилища. Плата, поступающая за пользование этими объектами, приносит солидный доход, который помогает этой организации выплачивать заработную плату боевикам и чиновникам, приобретать необходимые боеприпасы, оказывать социальную поддержку гражданскому населению. На подконтрольной территории «Джабхат ан-нусрой» создаются налоговые органы, которые занимаются фискальной деятельностью [Fanusie, Entz 2017: 8]. В частности, население облагается налогом на прибыль, подоходным

¹⁴ Nusra leader: No end to conflict with ISIL in Syria. AL Jazeera. June 4, 2015.

¹⁵ Kais R. Qatar paid ransom for release of Fijian peacekeepers // Y-net- News. 09.13.2014.

¹⁶ Jabhat Fatah al-Sham (Formerly Jabhat al-Nusra). Mapping Militant Organizations. Stanford University, US. August 25, 2016.

налогом, а также специфическими, например, налогом за пользование питьевой и технической водой или налогом за пользование электроэнергией¹⁷. Взимается также плата за сдачу в аренду недвижимого имущества, оставленного его собственниками во время боевых действий. Большие дивиденды ДН получает за выдачу разрешений на провоз товаров или проход повстанческих бригад из других антиправительственных формирований через контролируемые ею КПП. Чаще всего именно таким образом в распоряжение «Джабхат ан-нусры» попадает современная военная техника. Известно, что так в руки террористов попали противотанковые ракетные комплексы TOW американского производства, которые были переданы в качестве платы за трансфер боевиками ССА [Cafarella 2014: 31]. По данным арабских источников, 40% денежных средств, которые получает ДН, поступают из Саудовской Аравии и Катара¹⁸.

Структура управления в округах и населенных пунктах, захваченных боевиками ДН, во многом напоминает ту, что была создана Исламским государством. Высший орган «Джабхат ан-нусры» — «Маджлис шура аль-муджахедин» («Совещательное собрание муджахедов»), состоящий из полевых командиров и исламских богословов и судей. Собрание назначает глав местной администрации (эмиров), а также ответственных за сбор налогов, приобретение вооружения и доставку его в места дислокации боевиков, вербовку новобранцев и разъяснительную работу с населением, представителей мусульманского духовенства, ответственных за соблюдение шариатских законов и устоев. Возглавляет Совещательное собрание А.М. аль-Джулани; его заместителем является ваххабитский богослов из Иордании Сами аль-Орейди. Главный идеолог — Абу Мухаммад аль-Макдиси, палестинский беженец из Наблуса, написал около 200 трактатов, которые, по сути, стали пособиями для джихадистов. Главный казначей — Абдулла Ибрагим аш-Шарик, уроженец Саудовской Аравии, один из наиболее известных террористов, объявленных в США в международный розыск.

ДН не имеет такой развитой пропагандистской машины, как ИГИЛ, и ограничивается распространением заявлений своих лидеров в прессе и других СМИ Катара, Саудовской Аравии и ОАЭ. До недавнего времени пресс-секретарем организации был Абу Фирас ас-Сури, ветеран войны в Афганистане, один из ближайших соратников Усамы бен Ладена (убит в апреле 2016 г. в результате авиаудара).

Накануне вступления в силу режима прекращения огня в Сирии, достигнутого при посредничестве России и США в феврале 2016 г., лидер «Джабхат ан-нусры» А.М. аль-Джулани заявил в интервью телеканалу сирийской оппозиции «Orient News», базирующемуся в Дубае, следующее: «Мы остаемся в „Аль-Каиде“ и никогда не изменим своим принципам». Он отверг участие «Джабхат ан-нусры» в каких-либо переговорах по урегулированию в Сирии под эгидой международных посредников и резко осудил те оппозиционные группы, которые стремятся присоединиться к мирному процессу. «От прекращения огня выиграет только Асад,

¹⁷ *Triebert C., Komar R.* Jabhat Fateh al-Sham's income and resources. Hate Speech International investigating extremism. August 15, 2016.

¹⁸ *Gareth P.* Gulf allies and “Army of Conquest”. Al-Ahram Weekly. May 28, 2015.

а мы пойдем дорогой джихада... и навсегда покончим с режимом и его институтами», — заявил А.М. аль-Джулани и добавил, что «только „Джабхат ан-нусра“ способна противостоять ударам российской авиации, ...но Россия осознает, чем грозит ей полномасштабная интервенция в Сирии, и потому ставит перед собой лишь ограниченные цели»¹⁹.

В совместном заявлении Российской Федерации и США о прекращении боевых действий в Сирии особо подчеркивалось: «В соответствии с резолюцией 2254 Совета Безопасности ООН и заявлениями Международной группы поддержки Сирии прекращение боевых действий не распространяется на ИГИЛ, „Джабхат ан-нусра“ или другие террористические организации, признанные в качестве таковых Советом Безопасности ООН»²⁰.

В конце 2016 — начале 2017 г. ВКС России и ВВС США нанесли ряд мощных ударов по позициям террористов в Сирии, в результате которых террористы, в том числе и руководящий состав ДН, понесли ощутимые потери. Были уничтожены десятки полевых командиров, включая таких известных ветеранов «Аль-Каиды», как Абу Фирас ас-Сури, Абу Омар ат-Туркистани, Муслим аль-Фахди, Абу Марьям аль-Кахтани, Абу аль-Баха аль-Асфари и др.

По мере того как ИГИЛ и прочие исламистские радикальные формирования отступают и деградируют, ДН активно принимает в свои ряды перебежчиков из других джихадистских групп. После поражения в Алеппо «Джабхат ан-нусра» развернула самую настоящую войну против тех группировок, чьи полевые командиры отказываются присоединиться и присягнуть на верность аль-Джулани. В конце января 2017 г. в СМИ появились сообщения, что к ДН примкнули 68 салафитских военизированных отрядов, бригад и группировок, входивших в основном в опекаемый монархиями Аравийского полуострова «Сирийский исламский фронт». Наиболее крупные среди них: «Ахрар аш-Шам», «Джабхат ансар ад-дин», «Джейш ас-Сунна», «Лиуа аль-хакк» и «Харакат Нур ад-Дин аз-Зенги»²¹. Значительно пополнив свои ряды, руководство «Джабхат ан-нусры» вновь поменяло вывеску организации, и теперь она называется «Хайат тахрир аш-Шам» («Организация освобождения Леванта») и насчитывает 31 тыс. боевиков²². После реорганизации штаб командования был пополнен новыми фигурами, и он состоит сейчас из 30 полевых командиров. Аль-Джулани сохранил за собой пост руководителя всех структурных подразделений «Джабхат ан-нусры». Начальником штаба командования был назначен Абу Джабер Хашим аш-Шейх, ранее возглавлявший повстанческую группировку «Ахрар аш-Шам».

¹⁹ *Yoscelyn T.* Analysis: Al Nusrah Front rebrands itself as Jabhat Fath Al Sham. The Foundation for Defense of Democracies (FDD). Long War Journal. July 28, 2016.

²⁰ Joint Statement of the United States and the Russian Federation, as Co-Chairs of the ISSG, on Cessation of Hostilities in Syria. February 22, 2016. Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2105704 (accessed: 12.08.2017).

²¹ Нур ад-Дин аз-Зенги — основатель династии Зенгидов, наместник империи Сельджукидов в провинции Сирия; правил с 1146 по 1174 г.

²² *Rida N.* Syria: Surfacing of 'Hai'at Tahrir al-Sham' Threatens Truce. Asharq Al-Awsat. January 30, 2017.

В ответ на попытки лидеров «Джабхат ан-нусры» снять с себя ярлык террористов министр иностранных дел России С.В. Лавров тотчас четко дал понять, что «мы исходим из того, что никакие режимы прекращения боевых действий не касаются ИГИЛ, „Джабхат ан-нусры“ как бы она ни называлась»²³. Американский Центр по борьбе с терроризмом также подтвердил, что, несмотря на публичные заявления некоторых ведущих лидеров «Хайат тахрир аш-Шам» о том, что новая организация не имеет ничего общего с терроризмом и не запятнала себя военными преступлениями, это по-прежнему филиал «Аль-Каиды» и все та же самая «Джабхат ан-нусра» [At-Tamimi 2017: 16]. В совместном докладе, подготовленном группой экспертов Американского института изучения войны и Американского института предпринимательства, отмечалось, что «Аль-Каида» в Сирии, представленная «Джабхат ан-нусрой», будет представлять долгосрочную и еще большую угрозу, чем все джихадистские группировки, включая ИГИЛ [Kagan, Kagan et al. 2016: 33].

Таким образом, пока продолжается война в Сирии, среди всех противников правительства Б. Асада наибольшим влиянием и авторитетом будет пользоваться та военно-политическая структура, которая придерживается наступательной идеологии и практики воинствующего национализма, обещаний спокойной и сытой жизни в скором будущем для суннитов, что может гарантировать, на наш взгляд, только государство, основанное на салафитской трактовке ислама. До недавнего времени такими структурами были ИГИЛ и ДН. Однако, как показывает действительность, ИГИЛ в последнее время отступает и стремительно теряет завоеванные в Сирии позиции, тогда как «Джабхат ан-нусра» неуклонно расширяет зону своего контроля.

Как видно, «Джабхат ан-нусра» — чрезвычайно жизнеспособная и быстро восстанавливающаяся в критических условиях структура, пользующаяся большой поддержкой сирийских суннитов, особенно маргинальных групп этой части сирийского общества, численность которых постоянно растет в условиях продолжающейся войны и массовой вынужденной миграции. ДН постоянно мимикрирует, настойчиво пытаясь избавиться от своего первоначального названия, под которым фигурирует в списках террористических организаций многих стран мира. Очевидно, что лидеры ДН стремятся придать легитимность своему движению и принять участие в неизбежном процессе перераспределения власти в Сирии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вавилов А.И., Зинин Ю.Н., Казанцев А.А., Крылов А.В., Орлов А.А. (рук.), Федорченко А.В., Чечевишиников А.Л., Ярлыкапов А.А. «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы: Аналитические доклады ИМИ. Выпуск 1 (45). М.: МГИМО-Университет, 2016.

²³ Remarks by Foreign Minister Sergey Lavrov at the ministerial session of the Russian-Arab Cooperation Forum, Abu Dhabi, February 1, 2017. Available at: http://www.mid.ru/en/press_service/minister_speeches//asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2621092 (accessed: 12.08.2017).

- Крылов А.В.* Политический портрет сирийской оппозиции: Аналитические доклады ИМИ. Выпуск 2 (46). М.: МГИМО-Университет, 2016.
- Крылов А.В.* Роль религиозного фактора в «арабской весне» // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 43—52.
- Крылов А.В., Федорченко А.В.* Среднесрочный прогноз развития ситуации в регионе Ближнего Востока и Северной Африки: Аналитические доклады ИМИ. Выпуск 1 (47) Апрель 2017. М.: МГИМО МИД России, 2017.
- Крылов А.В., Федорченко А.В.* Феномен «Исламского государства» // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2. С. 211—220.
- At-Tamimi A.* The Formation of Hay'at Tahrir al-Sham and Wider Tensions in the Syrian Insurgency. New York: Combating Terrorism Center the United States Military Academy (USMA) in West Point, February, 2017.
- Cafarella J.* Jabhat AL-Nusra in Syria An Islamic Emirate Fjr Al-Qatda. Washington: Institute for the Study of War, 2014.
- Fanusie Y.J., Entz A.* Al-Qaeda's Branch in Syria: Financial Details. Washington: Center on Sanctions and Illicit Finance. 2017.
- Green R.* Al-Qaeda Upgrades Its Presence In Syria. Washington: The Middle East Media Research Institute (MEMRI), 25 November 2013.
- Harkous H.S.* The Islamic State's Tactics in Syria: Role of Social Media in Shifting a Peaceful Arab Spring into Terrorism. Fort Leavenworth, Kansas: U.S. Army Command and General Staff College, 2017.
- Kagan F.W., Kagan K., Cafarella J., Gambhir H., Zimmerman K.* U.S. Grand Strategy: Destroying ISIS and al Qaeda Report. Al Qaeda and ISIS: Existential Threats to the U.S. and Europe. Washington: The Institute for the Study of War (ISW), The American Enterprise Institute for Public Policy Research (AEI), 2016.
- Nusra Front (Jabhat Fateh al-Sham).* Brussels: The Counter Extremism Project (CEP), 2016.
- Steinberg G.* Ahrar al-Sham: The "Syrian Taliban". Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2016.
- Szybala V.* Al-Qaeda Shows its True Colors in Syria. Washington: Institute for the Study of War (ISW). August 1, 2013.
- The Al-Nusra Front (Jabhat al-Nusra) is an Al-Qaeda Salafist-jihadi network, prominent in the rebel organizations in Syria.* Ramat Hasharon: The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center. September 23, 2013.

Дата поступления статьи: 15.03.2017

Для цитирования: *Крылов А.В.* «Джабхат ан-нусра» — террористическая организация и участник сирийского конфликта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 655—668. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-655-668.

Сведения об авторе: *Крылов Александр Владимирович* — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО(У) МИД России, профессор кафедры востоковедения (e-mail: avkrylov2004@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-655-668

“JABHAT AL-NUSRA” — TERRORIST ORGANIZATION AND PARTICIPANT OF SYRIAN CONFLICT

A.V. Krylov

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on the history and evolution of the jihadist terrorist organization “Jabhat al-Nusra” (“The Support Front for the People of the Levant”). It also reveals the ideological principals of the organization, its main goals and objectives and the methods used to achieve them. “Jabhat al-Nusra” was created as a branch of “Al Qaeda” in Syria. Subsequently, the organization changed its name twice. From July 2016 known as the “Jabhat Fateh al-Sham” (“The Liberation Front of the Levant”) and from January 2017 — as the “Hay'at Tahrir al-Sham” (“Organization for the Liberation of the Levant”). The replacement of the signboard was determined primarily by the fact that “Al-Nusra” had been designated as a terrorist organization in many countries around the world, including Russia.

The main goals of “Jabhat al-Nusra” are follows: first — to overthrow the legitimate government of the Syrian President Bashar al-Assad; second — to create a Muslim Sunni state governed by the laws of Sharia on the territory of Syria. The article shows that now the front “Al-Nusra” is the most powerful military and political force among all political organizations and military groups of the Syrian opposition.

“Al-Nusra” is actively trying to become a more respectable movement and persistently seeks to get rid of the image of a terrorist organization. The article reflects the official position of the Russian Federation toward “Jabhat al-Nusra”.

Key words: Syria, the Syrian conflict, the Syrian opposition, Islamism, Islamic radicalism, Salafism, Jihadism, Terrorism

REFERENCES

- At-Tamimi, A. (2017). *The Formation of Hay'at Tahrir al-Sham and Wider Tensions in the Syrian Insurgency*. New York: Combating Terrorism Center the United States Military Academy (USMA) in West Point.
- Cafarella, J. (2014). *Jabhat AL-Nusra in Syria An Islamic Emirate Fjr Al-Qaeda*. Washington: Institute for the Study of War.
- Fanusie, Y.J. & Entz, A. (2017). *Al-Qaeda's Branch in Syria: Financial Details*. Washington: Center on Sanctions and Illicit Finance.
- Green, R. *Al-Qaeda Upgrades Its Presence in Syria*. Washington: The Middle East Media Research Institute (MEMRI), 25 November 2013.
- Harkous, H.S. (2017). *The Islamic State's Tactics in Syria: Role of Social Media in Shifting a Peaceful Arab Spring into Terrorism*. Fort Leavenworth, Kansas: U.S. Army Command and General Staff College.
- Kagan, F.W., Kagan, K., Cafarella, J., Gambhir, H. & Zimmerman, K. (2016). *U.S. Grand Strategy: Destroying ISIS and al Qaeda Report. Al Qaeda and ISIS: Existential Threats to the U.S. and Europe*. Washington: The Institute for the Study of War (ISW), The American Enterprise Institute for Public Policy Research (AEI).
- Krylov, A.V. (2016). *A Political Portrait of the Syrian Opposition*. Moscow: the Institute of International Studies at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), 1 (47). (in Russ.).
- Krylov, A.V. (2013). The Religious Factor in the «Arab Spring». *MGIMO Review of International Relations*, 4 (31), 43—52. (in Russ.).

- Krylov, A.V. & Fedorchenko, A.V. (2017). *Development of the Situation in the Middle East and North Africa Region: a Medium-Term Forecast*. Moscow: the Institute of International Studies at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), 1 (47). (in Russ.).
- Krylov, A.V. & Fedorchenko, A.V. (2013). The Phenomenon of «Islamic State». *MGIMO Review of International Relations*, 2 (41), 211—220. (in Russ.).
- Nusra Front (Jabhat Fateh al-Sham)*. (2016). Brussels: The Counter Extremism Project (CEP).
- Steinberg, G. (2016). *Ahrar al-Sham: The “Syrian Taliban”*. Berlin: German Institute for International and Security Affairs.
- Szybala, V. (2013). *Al-Qaeda Shows its True Colors in Syria*. Washington: Institute for the Study of War (ISW).
- The Al-Nusra Front (Jabhat al-Nusra) is an Al-Qaeda Salafist-jihadi network, prominent in the rebel organizations in Syria*. (2013). Ramat Hasharon: The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center.
- Vavilov, A.I., Zinin, Y.N., Kazanzev, A.A., Krylov, A.V., Orlov, A.A., Fedorchenko, A.V., Chechevishnikov, A.L. & Yarlikapov, A.A. (2016). “*Islamic state*”: a phenomenon, evolution, prospects. Moscow: the Institute of International Studies at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), 1 (45). (in Russ.).

Received: 15.03.2017

For citations: Krylov, A.V. (2017). “Jabhat al-Nusra” — Terrorist Organization and Participant of Syrian Conflict. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 655—668. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-655-668.

About the author: Krylov Alexander Vladimirovich — Doctor of History, Professor of the Oriental Studies Department at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Senior Researcher of the Middle East Studies Center of the Institute of International Studies at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (e-mail: avkrylov2004@mail.ru).

© КРЫЛОВ А.В., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-669-683

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В.А. Аватков

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Предметом данного исследования выступает противодействие терроризму в современной Турции. Подробно рассматриваются природа и характер подрывной деятельности боевых групп на территории Турции, внешние и внутренние факторы, оказывающие воздействие на контртеррористическую борьбу в различных регионах Турецкой Республики. В данной работе автор также затрагивает проблему трансформации национальной протестной контркультуры в контексте политического курса Партии справедливости и развития (ПСР).

Целью данного исследования является анализ механизмов и мер, используемых структурами турецкого государства, напрямую или косвенно задействованными в борьбе против террористической угрозы.

Достижению заявленной цели исследования и успешному разрешению поставленных задач способствовало использование институционального и системного подходов. В качестве методов исследования применялись общенаучные и прикладные политологические принципы, включая контент-анализ документов.

Особое внимание в статье уделено анализу спектра мер и механизмов, используемых турецкими властями для борьбы с террористическим и экстремистским элементом. Особый интерес представляет структура профильных правоохранительных ведомств, ответственных за реализацию государственных задач по данному направлению, и классификация функциональных обязанностей данных ведомств.

Кроме того, в фокусе исследования находится проблематика использования мобилизации турецкого населения на фоне борьбы режима Р.Т. Эрдогана с террористической угрозой для достижения узконаправленных интересов нынешнего турецкого руководства, которые не всегда можно назвать полностью тождественными государственным. Например, тезис о «разделенной нации» — убеждение общественности в том, что террористическая угроза в Турции является исключительно следствием существования курдской проблемы — нередко использовался правящим режимом в качестве механизма воздействия на электорат в предвыборных кампаниях.

Ключевые слова: Турция, терроризм, курды, миграция, контртеррористические меры, РПК, Сирия, ИГ¹, внешняя политика, внутренняя политика, полиция, армия

Для государств XXI в. одним из главных «стрессов», имеющих двойственную природу — внутреннюю и внешнюю, — наряду с проблемой государственного строительства выступает угроза совершения актов терроризма [Аватков 2016б: 685—689]. Турция не является исключением. Само геополитическое положение страны на стыке Европы и Азии, на пересечении различных цивилизаций приводит к поляризации страны, усилению противостояния по идеологической линии. Следствием этого является обострение конфликтности между различными поли-

¹ Организация включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

тическими субъектами, увеличение числа и интенсивности протестных проявлений, которые зачастую приводят к расширению деятельности террористических организаций. Помимо всего прочего, для Турции, непосредственно соседствующей с погрязшей в конфликте с десятками радикализированных бандформирований Сирией, продолжает сохраняться опасность трансграничного воздействия. В целом, по заявлению премьер-министра страны Б. Йылдырыма, в период с ноября 2016 г. по июнь 2017 г. турецким спецслужбам удалось предотвратить 360 терактов и задержать 1068 террористов².

В этом контексте значимым является восприятие понятия «терроризм» в системе безопасности Турции. В соответствии с Законом о борьбе с терроризмом (№ 3713), принятым в 1991 г., под *терроризмом* понимаются «действия, включающие насилие, запугивание, устрашение и угрозы, совершаемые человеком или группой людей с целью изменения политического, правового, социального, светского, экономического строя Турецкой Республики, подрыва турецкой нации и ее безопасности, ослабления государственной власти, нарушения основных прав и свобод»³.

Проблема подобных широко трактуемых определений заключается в размывании правовых рамок, что чревато злоупотреблением положениями закона. В Турции, где наблюдается сильная поляризация по линии «светскость — ислам» на политическом треке и продолжают применяться «восточные методы» воздействия на политических противников (за комплексной дискредитацией оппонента следует его физическое устранение), такое определение терроризма несет в себе угрозу целому ряду политических субъектов, чью деятельность с позиции действующего режима можно истолковать как «изменение политического, правового, социального, светского, экономического строя Турецкой Республики». Так, террористическими по определению до недавнего времени в Турции считались любые коммунистические партии [Аватков 2017].

Кроме того, политика властей направлена на максимально возможную «защитку» политического пространства от конкурентов в борьбе за власть, что также провоцирует притесняемые группы переходить к нелегальным методам воздействия на руководящую элиту. Одним из главных посылов кабинета Р.Т. Эрдогана общественности выступает тезис о том, что неприкасаемых в борьбе против террористического / оппозиционного элемента не будет. Так, 17 июня по подозрению в причастности к перевороту был задержан главный советник премьер-министра страны Б. Йылдырыма⁴. Ранее по той же причине был задержан глава местного представительства международной правозащитной организации Amnesty International⁵.

² Турция: июнь 2017 (дайджест). Центр востоковедных исследований МО и ПД. Режим доступа: <http://vostis.ru/analiticheskie-materialy/turciya-iyun-2017-g-dajdzhest.html> (дата обращения: 19.10.2017).

³ Закон о борьбе с терроризмом в Турции. Режим доступа: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3713.pdf> (дата обращения: 19.10.2017).

⁴ Chief Adviser to Turkish Prime Minister Detained. Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-06-03/chief-adviser-to-turkish-prime-minister-detained> (accessed: 19.10.2017).

⁵ Turkey: Free The Human Rights Defenders. Amnesty International. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/campaigns/2017/07/free-rights-defenders-in-turkey/> (accessed: 19.10.2017).

Противоречивые элементы, неявно подрывающие национальную безопасность, были заложены в турецкую модель государственности еще на стадии ее формирования. Так, один из шести принципов («стрел») М.К. Ататюрка, лежащих в основе современной Турции, а именно — национализм — подразумевает развитие в рамках парадигмы одной единственной нации — турецкой. Таким образом, согласно действующей турецкой конституции, все граждане республики автоматически причисляются к туркам.

Такой подход к восприятию собственных граждан провоцирует внутренние «стрессы». В Турции проживает много национальностей помимо турок, и самые крупные из них — курды и армяне — слабо интегрированы в турецкое общество. На этом фоне политические элиты используют тезис о «разделенной нации» в качестве механизма воздействия на электорат в своих предвыборных кампаниях⁶.

«КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА» В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА

Начиная с 2006 г. правящая умеренно-исламистская Партия справедливости и развития (ПСР) и премьер-министр Реджеп Тейип Эрдоган (ныне президент Турции) проводили курс на примирение с курдами, достигший некоторых результатов. Особенно интенсифицировались усилия турецкого правительства в 2013 г., когда между турецким руководством и содержащимся в тюрьме Имралы лидером Рабочей партии Курдистана (РПК) Абдуллой Оджаланом начались переговоры, предусматривающие отказ РПК от вооруженной борьбы взамен на некоторые уступки курдским левым националистам. Помимо контактов с левыми партиями ПСР пыталась воздействовать на курдов через ряд суфийских тарикатов, где влияние фигуры Р.Т. Эрдогана являлось определяющим. Фактически популярность последнего на ранних этапах правления объяснялась двумя факторами: успехами, достигнутыми турецкой экономикой, и эффективной работой по примирению в Турецком Курдистане. Однако, закрепившись у власти, Р.Т. Эрдоган увидел конкурентов в лице Партии демократии народов (ПДН) и ее главы Селухаттина Демираташа, поэтому всю позитивную динамику «курдского прорыва» было решено принести в жертву политическим амбициям турецкого лидера [Аватков 2012].

Репрессии против курдов в культурной, политической, законодательной и военной областях спровоцировали контрмеры со стороны Рабочей партии Курдистана [Alexander, Brenner, Krause 2008: 35—38], которую Анкара классифицирует как террористическую организацию. Произошла целая серия серьезных терактов в Стамбуле и Анкаре, продолжаются минно-фугасные и засадные нападения сторонников РПК на военных и полицию в основном в девяти «курдских» провинциях Турции.

С 2015 г. жертвами столкновений стали, по меньшей мере, 2,5 тыс. представителей силовых ведомств, военных и гражданских лиц⁷. Министерство внутренних дел Турции через государственные медиаструктуры сообщает о 10 100 убитых

⁶ Turkish Election Yields an Emboldened Erdoğan. World Policy. URL: <http://www.worldpolicy.org/blog/2015/11/05/turkish-election-yields-emboldened-erdo%C4%9F> (accessed: 19.10.2017).

⁷ 10 Conflicts to Watch in 2017. Foreign Policy. URL: <http://foreignpolicy.com/2017/01/05/10-conflicts-to-watch-in-2017/> (accessed: 19.10.2017).

членах Рабочей партии Курдистана в результате боевых действий⁸. Полноценные военные операции с применением тяжелой техники и армейских подразделений на юго-востоке страны привели к серьезному ущербу для объектов инфраструктуры страны. Результатом боестолкновений, сопровождаемых разрушениями жилого массива, стали 350 тыс. внутренне перемещенных лиц⁹.

В ответ на очень жесткое подавление оплотов РПК, как, например, в Джизре, во время которого потери среди мирного населения насчитывали сотни человек, начались террористические атаки на гражданское население в турецких городах. Для этого использовалась специальная группа «Соколы свободного Курдистана» (ССК). Турецкие силовики утверждают, что она тесно аффилирована с РПК. И создана она была в большей степени для того, чтобы взять на себя очень непопулярные репутационные риски в связи с терактами против гражданских целей, в том числе и против иностранцев. Курды расчетливо бьют по одной из самых болезненных точек Анкары, но такая практика чревата попаданием в списки террористических организаций как Вашингтона, так и Брюсселя. Логичным представляется, что группа ССК была создана с целью избежать утраты политической поддержки и финансирования центрального курдского аппарата.

На этом фоне в Турции сохраняется режим чрезвычайного положения, введенный летом 2016 г. после попытки государственного переворота, и происходит расширение полномочий силовых структур. Данная ситуация, усугубленная массовыми арестами (103 генерала и адмирала; почти 3 тыс. офицеров) и увольнениями (15 200 сотрудников министерства образования, 100 сотрудников национальной разведывательной организации, 2745 судей и 8000 полицейских)¹⁰ по всей стране, приводит к росту количества недовольных режимом. Несправедливо потерявшие работу сотрудники силовых ведомств представляют целевую аудиторию для вербовщиков подпольных боевых организаций.

Продолжая тенденцию, инициированную бахрейнскими коллегами, в МВД Турции сообщили, что руководство страны запустило процесс лишения гражданства 130 человек, обвиненных в подрывной деятельности¹¹. Среди них фигурируют депутаты прокурдской Демократической партии народов, а также члены так называемой террористической организации Ф. Гюлена (ФЕТО).

Интересно, что в отличие от, например, России, где основным закон не предусматривает лишения гражданства ни при каких обстоятельствах, в статье 66 Конституции Турции говорится о возможности лишения человека гражданства в случае, если он совершает действия, несовместимые с верностью Родине. Таким обра-

⁸ За последние 2 года в Турции убито более 10 тыс. курдских ополченцев. ИА EADaily. Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2017/05/01/za-poslednie-2-goda-v-turcii-ubito-bolee-10-tys-kurdskih-opolchencev> (дата обращения: 19.10.2017).

⁹ Turkey's PKK Conflict: The Death Toll. International Crisis Group. URL: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/western-europemediterranean/turkey/turkey-s-pkk-conflict-death-toll> (accessed: 19.10.2017).

¹⁰ Турция утратила безмятежность. Коммерсантъ. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3041438> (дата обращения: 19.10.2017).

¹¹ FETÖ elebaşı Gülen dahil 130 kişi için vatandaşlıktan çıkarma ilanı. Türkiye. URL: <http://www.turkiyegazetesi.com.tr/gundem/479242.aspx> (accessed: 19.10.2017).

зом, действующая власть в очередной раз демонстрирует жесткое решение проблемы присутствия в стране экстремистского — в их понимании — элемента. Подобная политика, характерная для таких стран, как Бахрейн¹² и Египет¹³, подчеркивает турецкую культурно-цивилизационную принадлежность к региону Ближнего Востока, в котором располагается 97% территории республики.

Ситуация в стране, равно как и меры руководства по купированию разрушительных процессов, привлекают внимание международных наблюдателей. В начале мая Верховный комиссар ООН по правам человека Зейд Раад аль-Хусейн выразил обеспокоенность массовыми арестами и увольнениями в Турции, которые начались после попытки государственного переворота в июле 2016 г. Он отметил, что, учитывая масштабы репрессалий, маловероятно, что они происходят при соблюдении законных процедур. Подобные шаги провоцируют разрушительную динамику, зарождающуюся в «разделенном обществе», поскольку понятие справедливости на Востоке воспринимается как очень принципиальный вопрос¹⁴.

Политика действующего турецкого руководства продолжает сохранять направленность на укрепление лидерства даже ценой слома социально-политического баланса в стране. Увольнения, задержания по политическим мотивам, цензура вещания и прочие ограничения гражданских свобод постепенно становятся нормой политической жизни Турции.

Такие тенденции особенно заметны в стране с собственной уникальной протестной культурой. Именно демонстрация различных взглядов посредством митингов, дискуссии на политические темы дома и на улицах и формируют один из элементов фундамента турецкой политической культуры [Социальный... 2016]. Ограничение традиционных способов самовыражения в условиях крайней поляризации общества по поводу будущего турецкого государства представляется «крышкой», которую опускают на «кипящий котел» восточного общества. Растущее количество терактов в данных условиях выступает одним из признаков того, что «пар» будет продолжать вырываться наружу, пока не погаснет «огонь» под «котлом». Прогрессирующая — от единичных арестов к массовым, от частичного ограничения политического пространства для оппозиции к тотальному — репрессивная политика турецких властей сужает пространство для диалога, в то время, как только посредством диалога, исключая вариант полного физического истребления, представляется возможным урегулировать внутринациональный аспект борьбы против террористических группировок с доминирующим курдским элементом¹⁵.

¹² Bahrain: Don't Arbitrarily Revoke Citizenship. Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/news/2012/11/08/bahrain-dont-arbitrarily-revoke-citizenship> (accessed: 19.10.2017).

¹³ Only terrorists will be deprived of Egyptian nationality, not opponents: Interior Ministry's official. Egypt Independent. URL: <http://www.egyptindependent.com/terrorists-will-deprived-egyptian-nationality-not-opponents-interior-ministrys-official/> (accessed: 19.10.2017).

¹⁴ Statement by Zeid Ra'ad Al Hussein, United Nations High Commissioner for Human Rights, to the Human Rights Council's 31st session. United Nations Human Rights Office of The High Commissioner. URL: <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=17200&LangID=E> (accessed: 19.10.2017).

¹⁵ Compare Terrorist Groups in Turkey. InsideGov. URL: <http://terrorist-groups.insidegov.com/d/a/Turkey> (accessed: 19.10.2017).

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Внешнеполитический фон при силовом решении «курдского вопроса» становится самостоятельным фактором, оказывающим воздействие на контртеррористические меры руководства республики. Страны Европы придерживаются тактики «пассивного негативизма», демонстрируя свое несогласие с методами кабинета Р.Т. Эрдогана, но при этом не задействовав всего ресурса политического давления, принятого к использованию в западных государствах в таких ситуациях (санкции, заморозка счетов, частичное эмбарго на поставки продукции и т.д.). После конституционного референдума в Турции, предоставившего еще большие полномочия действующему лидеру страны Р.Т. Эрдогану, прошло заседание Парламентской ассамблеи Совета Европы, на котором европейские государства проголосовали только лишь за возобновление мониторинга внутривосточной обстановки в Турецкой Республике. Однако, исходя из комментариев на высшем и высоком уровне, даже такой символический жест Европы был крайне негативно воспринят турецкой стороной¹⁶.

Следует отметить, что Турция — член НАТО, обладающий второй по численности армией в альянсе, — на протяжении всей холодной войны являлась правой рукой США на Ближнем и Среднем Востоке, а сейчас выступает самым восточным форпостом альянса. Однако разногласия, накопленные за время нахождения у власти администрации Б. Обамы, демонстрируют устойчивость и в эпоху Д. Трампа. В частности, проблематика поставок Вашингтоном вооружений курдам, а именно партии «Демократический союз» (PYD), отряды которой являются наиболее боеспособным звеном наземной коалиции США по борьбе с запрещенной в России группировкой «Исламское государство» (ИГ), вызвала шквал критики со стороны турецких властей. Они считают, что PYD и ее боевое крыло «Отряды народной самообороны» (YPG) связаны с РПК. С этой точки зрения деятельность США противоречит главным контртеррористическим задачам соответствующих ведомств в Турции, а именно — прерыванию цепочек поставок оружия боевикам и приобретению реального боевого опыта.

В этом контексте подчеркнуто нейтральная позиция России по данному вопросу представляет большое пространство для сотрудничества между двумя государствами в вопросах контртеррористической борьбы. Турецкие ведомства могут поддержать российских коллег в вопросе ликвидации ячеек «Таблиги джамаат» на территории Крыма, а Москва может выступить посредником в переговорах с боевыми группами курдов, воспользовавшись связями, оставшимися со времен поддержки РПК Советским Союзом. Однако при углублении сотрудничества между Россией и Турцией нельзя забывать, что наши страны пока что находятся в разных системах координат с точки зрения безопасности. Кроме того, следует принимать во внимание и активность Турецкой Республики в сфере распространения неопантюркизма и неоосманизма [Аватков 2014: 71—78].

¹⁶ Турция: апрель 2017 (дайджест). Центр востоковедных исследований МО и ПД. Режим доступа: <http://vostis.ru/analiticheskie-materialy/turciya-aprel-2017-dajdzhest.html> (дата обращения: 19.10.2017).

Вместе с тем, борьба президента Р.Т. Эрдогана с некоторыми представителями тарикатов, а также геополитическая ситуация вокруг Сирии и Украины — большой шанс для двух государств [Вопросы... 2015]. Именно от того, как Россия и Турция выстроят взаимодействие в сфере безопасности, будет зависеть развитие отношений двух стран в XXI в.: останутся ли они «заключеными друзьями» или перейдут в иную, единую систему координат.

Действительно серьезную опасность для турецкой внутривосточной ситуации представляет процесс фактической и юридической автономизации курдских регионов в Сирии и Ираке. Если не учитывать символический подтекст для Турции, де-юре независимый Иракский Курдистан не будет сильно отличаться от де-факто независимого, который и сейчас имеет хорошие экономические связи с Турцией. Власти Ирака уже многие годы не контролируют турецко-иракскую границу, а в административном центре иракской автономии городе Эрбиль действует консульство Турции. Но объявление автономной зоны сирийскими курдами на своем съезде накануне сложных переговоров между ЕС и Анкарой по вопросам миграционного кризиса провоцирует турецкое руководство на активное вмешательство во внутрисирийский процесс, поскольку именно на сирийских территориях располагаются жизненно важные для РПК объекты инфраструктуры и базируются бойцы группировки [Balci 2017: 98].

В этом контексте возможным представляется оформление союза иракских курдов и Турции, поскольку присутствие РПК в Синджаре беспокоит не только Анкару, но и Эрбиль. Так, например, власти иракской автономии, как и Турция, осудили подрывы нефтепровода Киркук — Юмурталык, организованные РПК. Также в 2015 и 2016 гг. представители властей автономии заявляли, что в приостановке транспортировки иракской нефти по трубопроводу виновны боевики РПК, которые нанесли ущерб в размере 500 млн долл. США и 100 млн долл. США, соответственно¹⁷.

Примечательной представляется смена идеологического инструментария государств в ходе реализации своих внешнеполитических парадигм [Аватков 2016а]. Турция стремилась к расширению своего воздействия на пограничные государства, потому была запущена доктрина «Ноль проблем с соседями», которая, в свою очередь, последовательно пережила 2 этапа: от миротворчества к экспансии. Глубокая вовлеченность Анкары в сирийский конфликт (физическое присутствие в рамках операции «Щит Евфрата» сменилось дипломатическим в рамках работы Астанинского переговорного формата и взаимодействия на местах через подконтрольные туркоманские группировки) представляется вполне естественным процессом — каждое государство заботится о том, чтобы контролировать обстановку на своих границах. Беженцы, приграничные вооруженные инциденты вплоть до переноса боевых действий на собственную территорию, экономические потери от сокращения торговли и инвестиций, повышенная угроза транзитным путям и маршрутам вынуждают руководство концентрировать национальные ре-

¹⁷ Курдский вопрос в турецко-иракских отношениях. Институт Ближнего Востока. Режим доступа: http://www.iimes.ru/?p=35565#_edn19 (дата обращения: 19.10.2017).

сурсы на данном направлении. При учете ревизионистских настроений нынешнего лидера и объемов политического капитала, инвестированного в попытки контролировать приграничные территории ослабленного соседа, для Турции данная проблема давно превратилась в вопрос национальной безопасности.

Однако Турция не учла тот факт, что снижение стрессоустойчивости соседа и, следственно, ослабление его государственности неминуемо должно сказаться на всем его окружении, включая саму Турцию. Таким образом, с 2015 г. Турецкая Республика подверглась ряду крупных потрясений:

- потеря ПСР большинства кресел после парламентских выборов;
- массовая миграция беженцев из Сирии;
- усиление давления со стороны США;
- рост конфликтности во взаимоотношениях с Россией;
- резкий рост динамики совершаемых террористических актов и столкновений с органами внутреннего правопорядка на всей территории страны.

Подобные потрясения стали результатом амбициозной политики партии власти — Партии справедливости и развития, а также президента республики — Р.Т. Эрдогана. Турция, не обладая достаточными ресурсами, стала стремиться к региональному и мировому лидерству, что привело к перенапряжению ее сил и ухудшению внутривнутриполитической обстановки.

Безусловно, терроризм в Турции носит неоднородный характер. Он связан с социальным положением отдельных групп граждан, со стремлением перехода от светского к исламскому государственному устройству, с борьбой на внутривнутриполитической арене, с нестабильностью в ближневосточном регионе. Так, одним из крупнейших терактов в Турецкой Республике был взрыв заминированных автомобилей у мэрии г. Рейханлы неподалеку от турецко-сирийской границы, где наблюдается крайне нестабильная обстановка с момента расширения конфликтного поля в Сирии¹⁸. Проблема миграции экстремистского элемента из охваченных войной приграничных областей стоит для Турции особенно остро (учитывая 2 млн сирийских беженцев)¹⁹, равно как и участие Республики в войне против ИГ и «Аль-Каиды»²⁰. Однако данные проблемы не обладают столь явной региональной спецификой и имеют свойства общего характера для стран Востока и Запада, поэтому противостояние террористической угрозе с этого ракурса будет рассматриваться в рамках общей практики противостояния угрозе терроризма и институциональной организации контртеррористической деятельности Турецкой Республики.

¹⁸ Reyhanli Worst Terror Attack Turkey Has Witnessed. Al-Monitor. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/05/reghanli-bombing-turkey-syria-policy.html> (accessed: 19.10.2017).

¹⁹ На пределе сирийские беженцы в Турции. Europe Insight. Режим доступа: <http://eirus.net/спросект/turkey/> (дата обращения: 19.10.2017).

²⁰ Организация включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ТУРЦИИ, ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ УГРОЗЫ ТЕРРОРИЗМА

В Турецкой Республике исторически роль правоохранительных органов и армии выходила за рамки их полномочий и проецировалась на политическую плоскость. С учетом расширения спектра вызовов и угроз, с которыми сталкивается Турция, а также в контексте геополитических трансформаций вокруг нее, все большую роль начинает приобретать профильная деятельность правоохранительных органов страны.

Правящая Партия справедливости и развития характеризуется как консервативная, или умеренно-исламистская. После прихода к власти ей удалось провести целый ряд реформ в Турции. В частности, в ходе судебных разбирательств по делу «Эргенекона» и «Бальёз» военные, являвшиеся символом светского пути развития со времен М.К. Ататюрка, были фактически отстранены от политических рычагов управления страной [Аватков, Томилова 2013]. Во внешней политике страны стали преобладать элементы политики «мягкой силы» [Аватков, Иванова 2012: 165—168], наблюдается трансформация внешнеполитической идеологии Турции [Дружиловский, Аватков 2013: 73—89].

В этом контексте основным социально-политическим субъектом на время консолидации умеренно-исламистских группировок внутри ПСР стали полиция и службы специального назначения, которые вместе составили своеобразный «противовес» армейским структурам. С расширением деятельности партии и увеличением числа митингов полиция начала действовать жестче, что можно доказать по последним протестным акциям вокруг парка Гези в Стамбуле и на границе с Сирией. Жесткость полиции и снижение политической конкуренции в стране привели к радикализации протестов.

Министерство внутренних дел Турции функционирует на основе Закона № 3152 «О задачах и структуре МВД» (1985 г.)²¹. У министра внутренних дел есть советник с четырьмя помощниками. В состав МВД входят основные, вспомогательные, консультативные и контролирующие подразделения. В соответствии с последними изменениями в структуре МВД среди основных подразделений: 1) Главное управление региональными подразделениями; 2) Главное управление по вопросам народонаселения и гражданства; 3) Главное управление местными органами; 4) Департамент по контрабанде, разведке, операциям и сбору информации; 5) Департамент организаций; 6) Департамент ЕС и внешних связей.

В свою очередь, консультативные и контролирующие подразделения — это: 1) Департамент инспекций; 2) Правовой департамент; 3) Советники министерства; 4) Совет по взаимодействию с прессой и населением.

Вспомогательные подразделения МВД включают в себя: 1) Главное управление по персоналу; 2) Департамент по образованию; 3) Департамент по административным и финансовым вопросам; 4) Департамент информации; 5) Секретариат.

²¹ Закон «О задачах и структуре МВД» Турции. Режим доступа: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3152.pdf>. — Дата доступа: 28.07.2017 (дата обращения: 19.10.2017).

В задачи МВД Турции входят поддержание единства нации, безопасности и общественного порядка в стране, защита прав и свобод граждан²². Министерством внутренних дел был разработан целый ряд законопроектов, которые впоследствии стали законами²³.

Кроме того, МВД Турции публикует доклады о борьбе страны с группировкой «Исламское государство»; датированный июлем 2017 г. доклад содержит черный список лиц, подозреваемых в терроризме. В нем также говорится, что турецкие власти опасаются попыток иностранных граждан проникнуть в зону боевых действий в Сирии и Ираке через территорию Турции. Всего в черный список занесены почти 54 тыс. иностранцев из 146 стран мира²⁴.

Министерству внутренних дел подчиняются: Главное управление безопасности (Emniyet Genel Müdürlüğü), Главное командование внутренних войск (Jandarma Genel Komutanlığı), Командование береговой охраны (Sahil Güvenlik Komutanlığı), Управление по безопасности и общественному порядку (Kamu Düzeni ve Güvenliği Müsteşarlığı) и Главная миграционная служба (Göç İdaresi Genel Müdürlüğü). Ранее министерству также подчинялась Организация национальной разведки, которая впоследствии была выведена из-под его командования.

Многие проекты в области борьбы с терроризмом реализуются на межведомственной основе. Например, проект строительства приграничной заградительной стены протяженностью 144 км на границе с Ираном в турецкой провинции Агры, нацеленный на воспрепятствование трансграничному перемещению террористических групп, объединил в себе деятельность Министерства обороны, Министерства финансов и Министерства по развитию жилищного строительства²⁵.

Именно все вышеперечисленные организации и занимаются вопросами безопасности внутри страны. Такой широкий спектр ведомств обуславливается масштабным полем охвата: например, различные боевые группировки придерживаются различных подрывных тактик. Если почти во всех случаях курды атакуют военнослужащих и сотрудников сил внутренней безопасности по одному сценарию: подрыв заминированного автомобиля рядом со скоплением силовиков, — то острие атак террористов ИГ было направлено против гражданских лиц, чаще всего иностранных туристов²⁶.

²² Сайт МВД Турции. Режим доступа: <http://www.icisleri.gov.tr/misyon> (дата обращения: 19.10.2017).

²³ Действующие законы, подготовленные МВД. Режим доступа: http://www.icisleri.gov.tr/kurumlar/icisleri.gov.tr/mevzuat/mevzuat_strateji_.pdf (дата обращения: 19.10.2017).

²⁴ В черном списке Турции — более 2,6 тыс. граждан Таджикистана. ИА EADaily. Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2017/07/18/v-chernom-spiske-turcii-bolee-26-tys-grazhdan-tadzhikistana> (дата обращения: 19.10.2017).

²⁵ Türkiye, İran sınırına yapıyor! 144 kilometre... Milliyet. URL: <http://www.milliyet.com.tr/iran-sinirina-144-kilometrelik-gundem-2449822/> (accessed: 19.10.2017).

²⁶ Раздвоенная Турция. ИА EADaily. Режим доступа: <https://eadaily.com/ru/news/2017/01/09/razdvoennaya-turciya-triumfator-erdogan-i-unizhennaya-armiya> (дата обращения: 19.10.2017).

Управление по безопасности и общественному порядку (Kamu Düzeni ve Güvenliği Müsteşarlığı) функционирует на основе Закона № 5952 от 2010 г. Основной целью этой организации является борьба с терроризмом. В структуре управления находится Центр анализа разведывательной информации, созданный с целью проведения стратегической разведки, сбора и анализа информации для принятия политических и стратегических мер в области борьбы с терроризмом²⁷. Кроме того, для согласования антитеррористической деятельности при Управлении создан Центр координации борьбы с терроризмом²⁸.

Главное управление безопасности (Emniyet Genel Müdürlüğü)²⁹ выполняет полицейские функции в городах. Функционал данного ведомства охватывает широкий круг обязанностей по мониторингу соблюдения закона во всех сферах деятельности внутри страны, что, соответственно, включает и сохранение порядка в общественных местах, на митингах и при проведении иных массовых мероприятий. В составе Управления есть отделы по борьбе с организованной преступностью, контрабандой и терроризмом, по гражданской обороне, по безопасности дорожного движения и пр.

Главное командование внутренних войск (Jandarma Genel Komutanlığı)³⁰ действует за пределами муниципалитетов, его сотрудники имеют право на ношение оружия. В мирное время «жандармерия» подчиняется МВД, в военное и при наступлении режима чрезвычайных ситуаций — Министерству национальной обороны.

В свою очередь, Командование береговой охраны (Sahil Güvenlik Komutanlığı)³¹ осуществляет контроль безопасности на водных границах Турции: в исключительных экономических зонах, на береговых линиях, во внутренних водах.

В Турции существует многолетняя история борьбы с терроризмом, что подразумевает соответствующую институциональную обеспеченность. Академия Турецкой национальной полиции, Международный центр по борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью (UTSAM) и Турецкая международная академия по борьбе с наркотиками и преступностью (TADOC) оказывают поддержку в оперативном реагировании различным правоохранительным органам, проводя тренинги и практико-ориентированные исследования в данных областях³². Последний пункт в контексте контртеррористического противостояния представляется особенно актуальным, поскольку группы боевиков в своих устремлениях используют новые тактики.

²⁷ План развития Управления на 2013—2017 гг. Режим доступа: <http://www.kdgm.gov.tr/snetix/solutions/KDGM/resources/uploads/files/stratejikplan.pdf> (дата обращения: 28.07.2017).

²⁸ Сайт Управления по безопасности и общественному порядку Турции. Режим доступа: <http://www.kdgm.gov.tr/> (дата обращения: 19.10.2017).

²⁹ Главное управление безопасности. Режим доступа: <http://www.egm.gov.tr/> (дата обращения: 19.10.2017).

³⁰ Главное командование внутренних войск. Режим доступа: <http://www.jandarma.gov.tr/> (дата обращения: 19.10.2017).

³¹ Командование береговой охраны. Режим доступа: <http://www.sgk.tsk.tr/> (дата обращения: 19.10.2017).

³² Per Concordiam. Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы. 2014. Том 4. № 3.

Контртеррористическая деятельность Турецкой Республики имеет определяющее влияние на ключевые сферы жизнедеятельности общества, поскольку терроризм подрывает доктринальные столпы турецкой государственности. Полномасштабные военные операции на территории городов и провинций, централизация власти как способ гарантировать безопасность, попутная трансформация внутривластного процесса, переформатирование характера связей с партнерами и соседями на международной арене — все это оказывается элементами тактико-стратегического комплекса мер Турецкой Республики в области борьбы с терроризмом.

Таким образом, к основным факторам, провоцирующим всплеск террористической активности в Турции, причисляют:

- борьбу курдов за создание собственной государственности;
- политические баталии по линии «светскость — политический ислам»;
- последствия ближневосточной политики Турции;
- многоуровневое «закручивание гаек» со стороны действующего руководства республики по отношению к тем, кого нельзя отнести к безусловным сторонникам Партии справедливости и развития и Р.Т. Эрдогана лично.

Можно предположить, что политически и идеологически разделенная Турция, обеспечившая себе неблагоприятное внешнеполитическое окружение и падение темпов экономического роста, будет периодически проходить «тесты на стрессоустойчивость». Для того чтобы успешно с ними справиться, республике потребуется вернуть политику комплексного подхода, подразумевающую подключение дипломатической составляющей к решению внутренних проблем и готовность идти на взаимные уступки. На международной арене партнеры Турции декларативно будут соглашаться с необходимостью борьбы с терроризмом³³, однако фактически будут использовать сложившуюся ситуацию в качестве рычага влияния на руководство Турции — либо посредством активизации риторики на тему «несоблюдения прав человека», либо путем сохранения прагматичных контактов с теми группировками, которые не фигурируют в их списках террористических организаций. Продолжатся также спекуляции на тему автономизации. Тем не менее, участие Турецкой Республики в работе международных организаций, на чьей повестке дня стоит вопрос по предотвращению террористических актов как на национальном, так и на межрегиональном уровне (КТК СБ ООН³⁴, Глобальный контртеррористический форум³⁵, ОБСЕ³⁶, Интерпол³⁷, НАТО³⁸) является неотъемлемой

³³ Турция: май 2017 (дайджест). Центр востоковедных исследований МО и ПД. Режим доступа: <http://vostis.ru/analiticheskie-materialy/turciya-maj-2017-g-dajdzhest.html> (дата обращения: 19.10.2017).

³⁴ Контртеррористический комитет ООН. КСК СБ ООН. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/ctc/index.html> (дата обращения: 19.10.2017).

³⁵ Global Counterterrorism Forum. GCF. URL: <https://www.thegctf.org/> (accessed: 19.10.2017).

³⁶ Organization for Security and Cooperation in Europe. OSCE. URL: <http://www.osce.org/> (accessed: 19.10.2017).

³⁷ International Police. INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/> (accessed: 19.10.2017).

³⁸ North Atlantic Treaty Organization. NATO. URL: <http://www.nato.int/> (accessed: 19.10.2017).

составляющей борьбы турецкого общества и государства против терроризма на всех уровнях измерения безопасности — от личного до глобального.

Множество профильных ведомств действуют в тесной кооперации, разрабатывая и претворяя в жизнь новые стратегии борьбы с террористической угрозой. Так, концепция возведения «плотин безопасности», чей функционал помимо непосредственно энергетической составляющей включает в себя затопление горных троп и схронов с оружием (например, плотина «Блысу» в провинции Мардин), демографическое регулирование состава населения в провинциях посредством политики переселения, возведение естественных преград по границам курдских провинций (водная граница между провинциями Тунджели и Элязыг), подразумевает совместную работу силовых структур и Управления водного хозяйства Турции.

Анализ механизмов противодействия террористической угрозе в Турецкой Республике осложняется фактором отсутствия в публичном доступе списка группировок, которые в соответствии с национальным законодательством являются террористическими [Cline 2004: 321—335]. Степень плотности контактов по линии межведомственного взаимодействия можно вычислять только индуктивным методом [Ergil 2000: 37—54], поскольку соответствующие структуры неохотно дают комментарии по данной проблематике, предпочитая не разглашать детали конкретных инициатив руководства и статистические данные, отображающих динамику и масштабы работы на контртеррористическом направлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аватков В.А. 25 лет Идеологема внешней политики России поиска // Свободная мысль. 2016а. № 5 (1659). С. 27—38.
- Аватков В.А. Кризис турецкой идентичности // Политика и общество. 2017. № 4. С. 96—103. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.4.19718.
- Аватков В.А. Курдская проблема на турецком поле // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 2. С. 128—133.
- Аватков В.А. Неосманнизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3.
- Аватков В.А. О нации, идентичности и логиках современной России: основные сложности и решения // Национальная безопасность. 2016б. № 6.
- Аватков В.А., Иванова Н.А. Коммуникативная интеграция в СНГ // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 29. С. 165—168.
- Аватков В., Томилова Ю. Новый облик турецкой армии в начале XXI в. РСМД. 2013. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1735#top (дата обращения: 28.07.2017).
- Вопросы безопасности, интеграции и евразийства / Под ред. В.А. Аваткова, А.Ш. Бадранова, М.В. Кочкина. М.: Международные отношения, 2015.
- Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологема Турции // *Обозреватель (Observer)*. 2013. № 6 (281).
- Социальный протест на современном Востоке / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2016.
- Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект-пресс, 2013.
- Alexander Y., Brenner E.H. & Krause S.T. Turkey: Terrorism, Civil Rights, and the European Union. Taylor & Francis, 2008.
- Balci A. The PKK-Kurdistan Workers' Party's Regional Politics. Palgrave Macmillan, 2017.

Cline L.E. From Ocalan to Al Qaida: The continuing terrorist threat in Turkey. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2004. N 27.

Ergil D. Suicide Terrorism in Turkey. *Civil Wars* 3. 2000. N 1.

Дата поступления статьи: 22.08.2017

Для цитирования: Аватков В.А. Особенности борьбы с терроризмом в Турецкой Республике на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 669—683. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-669-683.

Сведения об авторе: Аватков Владимир Алексеевич — канд. полит. наук, преподаватель военной кафедры при Московском государственном институте международных отношений (Университете) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия; доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия (e-mail: v.avatkov@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-669-683

FEATURES OF THE FIGHT AGAINST TERRORISM IN THE REPUBLIC OF TURKEY AT THE PRESENT STAGE

V.A. Avatkov

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russia

Abstract. The subject of this study concentrates on the problematic of confronting modern Turkey with a terrorist threat. The nature of the subversive activities of combat groups in Turkey, the factors influencing the external environment and the internal political orientation, which have an impact on the counter-terrorism struggle in various regions of the Republic of Turkey, are considered in detail. In this work the author also touches upon the problem of transformation of the national protest counterculture in the context of the political course of the Justice and Development Party.

The purpose of this study is to analyze the mechanisms and measures used by the entire institutional complex of the governmental bodies of the Turkish state at the present stage, whose functional, directly or indirectly, is focused around the task of combating terrorist threat.

The use of institutional and system approaches promoted the achievement of the stated goal of the study and the successful resolution of the tasks assigned. As research methods, general and applied political science principles were used, including content analysis of documents and synthesis of extracted information.

Particular attention is paid to the analysis of the range of measures and mechanisms used by the Turkish authorities to combat the terrorist and extremist element. A separate contribution to the development of the problems is presented by the structure of the profile law enforcement agencies responsible for the implementation of state tasks in this area and the classification of their functional responsibilities. This aspect of the research forms the basis for further development of the subject, for example, writing a comparative analysis of the work of Russian, American, European and Turkish approaches (at the institutional level) in the context of counter-terrorism activities.

In addition, the focus of the study is the problem of using the mobilization of the Turkish population against the backdrop of combating the terrorist threat of the R.T. Erdogan regime to achieve their own narrowly focused interests, which can not always be called completely identical with the national ones. For example, the misuse of the “divided nation” factor (provoked by a false discourse about the association of a terrorist threat with the Kurdish problem in Turkey) as a mechanism for influencing the electorate in some election campaigns.

Key words: Turkey, terrorism, kurds, migration, counter-terroristic measures, PKK, Syria, IS, foreign policy, internal policy, police, army

REFERENCES

- Alexander, Y., Brenner, E.H. & Krause, S.T. (2008). *Turkey: Terrorism, Civil Rights, and the European Union*. Taylor & Francis.
- Avatkov, V.A. (2016). Ideologems of Russia's foreign policy: 25 years of search. *Sobodnaya mysl*, 5 (1659), 27—38. (in Russ.).
- Avatkov, V.A. (2012). Kurdish problem in the Turkish field. *Vestnik. MGIMO University*, 2, 128—133. (in Russ.).
- Avatkov, V.A., (2014). Neo-Othmanism. Basic ideology and geostrategy of Turkey. *Sobodnaya mysl*, 3, 71—78. (in Russ.).
- Avatkov, V.A. (2016). On the nation, identity and logics of modern Russia: the main difficulties and solutions. *National Security*, 6, 685—689. (in Russ.).
- Avatkov, V.A. (2017). The Crisis of Turkish Identity. *Politics and Society*, 4, 96—103. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.4.19718 (in Russ.).
- Avatkov, V.A., Badranova, A. Sh. & Kochkina, M.V. (Eds). (2015). *Issues of security, integration and eurasism*. Moscow: International Relations. (in Russ.).
- Avatkov, V.A. & Ivanova, N.A. (2012). Communicative integration in the CIS. *International processes*, 10 (29), 165—168. (in Russ.).
- Avatkov, V. & Tomilova, Yu. (2013). *The new image of the Turkish army at the beginning of the XXI century*. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1735#top (accessed: 07.27.2017). (in Russ.).
- Balci, A. (2017). *The PKK-Kurdistan Workers' Party's Regional Politics*. Palgrave Macmillan.
- Cline, L.E. (2004). From Ocalan to Al Qaida: The continuing terrorist threat in Turkey. *Studies in Conflict & Terrorism*, 27, 321—335.
- Druzhilovsky, S.B. & Avatkov, V.A. (2013). Foreign policy ideologies of Turkey. *Observer*, 6 (281), 73—89. (in Russ.).
- Ergil, D. (2000). Suicide Terrorism in Turkey, *Civil Wars* 3, 1, 37—54.
- Streltsov, D.V. (eds). (2016). *Social protest in the modern East*. Moscow: Aspect Press Publishing House. (in Russ.).
- Streltsov, D.V. (eds). (2013). *Territorial issue in the Afro-Asian world*. Moscow: Aspect Press Publishing House. (in Russ.).

Received: 22.08.2017

For citations: Avatkov, V.A. (2017). Features of the Fight Against Terrorism in the Republic of Turkey at the Present Stage. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 669—683. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-669-683.

About the author: *Avatkov Vladimir Alexeevich* — PhD in Politics, Associate Professor of the Military Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Associate Professor of the Department of Foreign Affairs, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs (e-mail: v.avatkov@gmail.com).

© АВАТКОВ В.А., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-684-696

«ДЖИХАД НОЖЕЙ» В БАНГЛАДЕШ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

И.Ю. Котин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются некоторые случаи индивидуального терроризма, так называемого джихада ножей, к которому прибегали радикальные исламисты в Бангладеш в период с 2013 г. по 2016 г. Цель работы — выявление причин роста исламистского терроризма в Бангладеш в 2013—2016 гг. Задачи работы — анализ исторических предпосылок индивидуального и группового терроризма в Бангладеш, выявление групп, ставших жертвами террористических атак, а также анализ антитеррористических мероприятий правительства Хасины Вазед.

Автор обращается к методу контент-анализа источников, преимущественно англоязычной прессы. Историко-генетический методологический принцип, применяемый в работе, позволяет проследить развитие такого опасного явления, как терроризм в Бангладеш, стране с мусульманским большинством населения, долгое время не знавшей этого страшного явления.

В рамках исследования доказывается, что истоки проблемы терроризма в Бангладеш кроются в ранней истории страны, а также в ошибках нынешнего светского правительства. Отсутствие легальных форм политической борьбы, отказ оппозиции от участия в парламентском процессе усугубили проблему. Рассматривается серия убийств иностранцев, представителей меньшинств, либеральных блогеров и атеистов, анализируется деятельность властей Бангладеш, сумевших остановить волну террора к концу 2016 г.

Автор предлагает 4 возможных сценария дальнейшего развития событий в Бангладеш в ближайшие годы: победа секуляристов, вариант мягкой исламизации в случае прихода к власти оппозиции, жесткая исламизация и введение военного положения в стране.

Ключевые слова: Бангладеш, радикальный исламизм, терроризм, «джихад ножей», правительство Хасины Вазед, «Джамаат-и ислами»

Бангладеш — одна из стран в Южной Азии, преимущественно населенных мусульманами. В Бангладеш проживает также более 10 млн бенгальцев-индусов, есть общины христиан и буддистов, страна далека от Саудовской Аравии и других центров силы, связанных с исламом, но связана с мусульманскими странами надежным морским путем, проходящим через крупный порт в Бенгальском заливе — Читтагонг. Ежегодно в паломничество (хадж) в священные города ислама Мекку и Медину отправляются сотни тысяч верующих мусульман из Бангладеш. Кроме того, сотни тысяч выходцев из этой страны работают в Саудовской Аравии в качестве инженеров, врачей, учителей, медсестер, обслуживающего персонала гостиниц, работников муниципальных служб. Это делает Саудовскую Аравию существенным фактором влияния на Бангладеш.

В стране действует значительное число духовных школ — медресе, основанных и финансируемых саудовскими благотворительными организациями, име-

ющими и политические цели. Это также усиливает позиции сторонников «исламского пути» развития Бангладеш. Бенгальский язык и ислам объединяют большинство населения Бангладеш, при этом первый связывает Бангладеш с Индией, второй — с Пакистаном и с арабскими странами. Морскими, а в настоящее время и воздушными путями Бангладеш связана с Великобританией, где в настоящее время проживает многочисленная община выходцев из Бангладеш [Меренкова, Котин 2016: 1]. Они издают множество газет на бенгальском и английском языках, тем самым оказывая существенное влияние на общественное мнение страны.

ИСЛАМ В ВОСТОЧНОЙ БЕНГАЛИИ

Исторически Бангладеш, или Восточная Бенгалия — часть индийского культурного мира. Столетиями здесь процветали индуизм и буддизм. В XIII в. здесь появились завоеватели-мусульмане — афганский эмир Бахтияр Хильджи, делийский султан Гийас уд-дин Туглак. Мусульманские завоеватели насильно заставляли местное население принимать ислам. Дополнительным стимулом исламизации стала система налогообложения, более жесткая по отношению к иноверцам, которые облагались дополнительным налогом — *джизьей*. Ислам укоренился в Восточной Бенгалии также благодаря деятельности мусульманских миссионеров, таких как Шах Джалал. В XIX в. новая волна исламизации Восточной Бенгалии оказалась успешной благодаря активности таких талантливых проповедников ислама, как Шариат Аллах, Дудху Миян, Карамат Али. В 1891 г. из 50 млн мусульман, проживавших в Индии, 23,5 млн жили именно в Бенгалии [Rubee 2008: 1]. При этом бенгальцы-мусульмане были преимущественно сельскими жителями, а индусы — горожанами [Dutt et al. 1973: 122].

В 1905 г. вице-король Британской Индии лорд Керзон решил административно разделить Бенгалию на Западную и Восточную. Этот план, известный как «раздел Керзона», предполагал раздел Бенгальского президентства на две провинции, в одной из которых — Восточной Бенгалии — мусульмане составляли бы большинство, и она должна была управляться из старой столицы Бенгальского навабства — Дакки, где также доминировали мусульмане. Лидеры партии Мусульманская лига, созданной в 1906 г., приветствовали раздел, но против него выступила бенгальская интеллигенция, включая молодых бенгальцев-мусульман. Вскоре Бенгалия была вновь объединена, но опыт существования Восточной Бенгалии в качестве провинции с мусульманским большинством не прошел бесследно. Как замечает индийский исследователь Т.Н. Мадан, бенгальские мусульмане в тот период считали себя прежде всего «мусульманами, живущими в Бенгалии» [Madan 1998: 974].

ВОСТОЧНАЯ БЕНГАЛИЯ В СОСТАВЕ ПАКИСТАНА

15 августа 1947 г. Индия обрела независимость, а днем ранее независимым стал Пакистан. Изначально, как замечает О. Фарук, «мусульмане, жившие в Восточной Бенгалии и разделявшие идею создания независимого Пакистана, надеялись получить достойную поддержку от нового правительства в различных сферах

политической и социальной жизни» [Faruque 2006: 88]. На деле для Восточной Бенгалии вхождение в состав Пакистана обернулось прозябанием в качестве сырьевого придатка для западной части страны. Доходы от продажи восточно-бенгальского сырья оседали в банках Западного Пакистана [Dutt et al. 1973: 155]. Единственным государственным языком и в Западном, и в Восточном Пакистане был признан урду. Бенгальский язык не получил в первые годы существования Пакистана официального статуса и поддержки.

Решение западно-пакистанской администрации в 1948 г. объявить урду единственным государственным языком в стране сразу превратило большинство жителей Восточной Бенгалии в граждан второго сорта. Почти сразу, особенно среди студенчества, началось движение за сохранение бенгальского языка и придание ему статуса государственного. По призыву студентов 21 февраля 1952 г. молодежь Дакки, крупнейшего города Восточной Бенгалии и ее административного центра, а теперь столицы Бангладеш, вышла на улицы города с лозунгами о признании и сохранении бенгальского языка. В ходе разгона полицией участников демонстрации погибло несколько человек. В истории Бангладеш эта дата известна как «День памяти мучеников за родной язык» (Language Martyr's Day). В Пакистане после событий 1952 г. под давлением общественности бенгальский язык был признан вторым государственным языком наряду с урду. Тем не менее, администрация Западного Пакистана расценила движение в поддержку бенгальского как проявление крайнего национализма и сепаратизма и угрозу для общегосударственных интересов. Восточные бенгальцы становились самой большой группой населения Пакистана, что «предопределило будущее доминирование бенгальцев в любом демократически избранном парламенте страны» [Котин 2008: 52]. Само существование двух удаленных друг от друга на полторы тысячи километров частей Пакистана не могло не породить стремления к сепаратизму в рамках такого противоречивого образования.

БОРЬБА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И СОЗДАНИЕ СВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА БАНГЛАДЕШ

25 марта 1971 г. Лидер бенгальской партии «Авами Лиг» («Народная Лига») Шейх Муджибур Рахман обратился с речью к жителям Восточной Бенгалии с призывом к началу войны за независимость от Пакистана. Причин для действий Шейха Муджибура Рахмана было достаточно. Во-первых, военная администрация Пакистана не признала результаты выборов в Законодательное собрание страны, на которых победила «Авами Лиг». Во-вторых, военные из Западного Пакистана, направленные в Восточную Бенгалию, якобы для оказания помощи жителям после очередного наводнения, приступили к разгону проходивших в Дакке демонстраций протеста.

В ночь с 25 на 26 марта 1971 г. армия Западного Пакистана вошла на территорию Восточной Бенгалии и начала карательную операцию по подавлению «сепаратизма». Дакка оказалась захвачена пакистанскими войсками, действовавшими в своей стране как на оккупированной территории. Людей убивали, подвергали насилию при малейшем подозрении в сепаратистских настроениях. Под прикры-

тием борьбы с сепаратизмом военные и полицейские грабили мирных жителей. Шейх Муджибур Рахман был арестован пакистанской армией, но успел подписать официальное воззвание к бенгальцам не подчиняться войскам «оккупантов» и начать с ними войну. 27 марта 1971 г. поддержавший восставших генерал Зияур Рахман от имени Муджибура Рахмана по радио провозгласил независимость Бангладеш. На следующий день он выступил уже как «временный глава независимой Республики Бангладеш» с призывом к бенгальцам всеми силами оказывать сопротивление пакистанской армии. Кроме того, тех бенгальцев, которые служили в пакистанской армии, хотя их было немного, З. Рахман призвал переходить на сторону восставших [Qureshi 2002: 35]. К апрелю 1971 г. при поддержке Индии из бенгальских офицеров и солдат были сформированы части бангладешской армии. Индия также оказала этим частям военно-техническую помощь. Регулярные воинские подразделения и бенгальские партизанские отряды окружали пакистанских военных в джунглях и болотистых местностях и принуждали их к капитуляции. Карательные войска Пакистана под командованием С.Р. Датта капитулировали 16 декабря 1971 г.

ПРОСЧЕТЫ СВЕТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ И РОСТ ИСЛАМИЗМА В БАНГЛАДЕШ

Официальным Днем независимости Бангладеш считается 26 марта 1971 г. Лидер восстания за независимость Муджибур Рахман вскоре был провозглашен премьер-министром, а затем президентом страны. Большинство жителей Бангладеш в этот период стали воспринимать себя как «бенгальцы, исповедующие ислам» [Madan 1998: 974]. Бангладеш была провозглашена светским государством. М. Рахман начал преследования влиятельных клерикалов — активистов исламской политической партии «Джамаат-и ислами». Последние, исходя из позиции основателя партии мауланы Абу-ль Аля Маудуди, считали национализм племенным («шаабийя», или «кабилийя»), т.е. неисламским делом, разобщающим исповедующих ислам. Как замечает Дж. Эспозито, национализм воспринимался такими лидерами, как Маудуди как «узкая концепция, противоречащая универсализму ислама» [Esposito 1995: 67]. Поэтому представители «Джамаат-и ислами» выступили против создания Бангладеш, как ранее возражали против создания Пакистана.

Преследование исламистов вызвало недовольство среди части военных. 15 августа 1975 г. противники линии на создание светского государства осуществили кровавую расправу над М. Рахманом и членами его семьи. К счастью, дочь М. Рахмана Хасина Вазед (Ваджид), находившаяся в это время с сестрой за границей, пережила эту жуткую трагедию. В 1981 г. она, находясь за рубежом, возглавила основанную ее отцом партию «Авами Лиг», а вскоре вернулась в Бангладеш.

С этого времени Хасина Вазед участвует в политической жизни Бангладеш, во многом опираясь на огромное уважение соотечественников к ее отцу, «другу бенгальцев» (Банглабандху) М. Рахману. Хасина Вазед занимала пост премьер-министра Бангладеш в период 1996—2001 гг., а затем с 2009 г. по настоящее время. Она выступает за укрепление сотрудничества с Индией; в частности, ей удалось подписать соглашение о разделе вод Ганга между двумя странами. Она проводит

суровую политику по отношению к врагам своего отца и фанатично борется за выполнение его заветов. Как замечает А.А. Суворова, «страшная семейная трагедия придала политической деятельности Хасины сложную мотивацию. С одной стороны, личной мести, с другой — высокой миссии по восстановлению демократии» [Суворова 2014: 36]. В 2001 г. по настоянию Хасины Вазед смертный приговор был вынесен 12 участникам убийства Муджибура Рахмана и его семьи, хотя многие из приговоренных занимали до этого видные посты в армии и правительстве¹.

Главный оппонент Хасины Вазед — Халеда Зия Рахман Бегум, вдова Зияура Рахмана, который в 1975 г. возглавил военный переворот в Бангладеш, а в 1977 г. стал президентом страны. В 1981 г. Зияур Рахман был убит заговорщиками, и к власти пришел еще один военный — генерал Мухаммед Эршад [Дорохин 1990: 25], 10 лет правивший сперва как военный диктатор, затем — как президент, но в 1991 г. добровольно ушедший в отставку. Халеда Зия Рахман Бегум в 1984 г. возглавила созданную ее покойным мужем Националистическую партию и начала борьбу с военным режимом генерала Эршада. В 1991—1996 гг. и 2001—2006 гг. она занимала пост премьер-министра Бангладеш, а в 1996—2001 гг. и в 2006—2016 гг. она возглавляла оппозицию. Х. Зия Рахман Бегум, как и ее покойный супруг, опирается на происламские силы, включая мусульманских фундаменталистов. В свою очередь, Х. Вазед, как и ее отец, опирается на тех, кому ближе лингвистическое единство бенгальцев — на сторонников светского развития Бангладеш.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ХАСИНЫ ВАЗЕД И ВОЙНА С ИСЛАМИЗМОМ

5 января 2014 г. в Бангладеш прошли парламентские выборы, принесшие вновь победу Х. Вазед и ее партии «Авами Лиг». Однако как предвыборная кампания, так и процесс голосования прошли не без проблем для партии-победительницы. Ее основная соперница, Националистическая партия, обвинила «Авами Лиг» и ее лидера в использовании административного ресурса во время избирательной кампании, что делало победу партии на выборах незаконной. Справедливости ради отметим, что в 1996 г. партия Х. Вазед бойкотировала выборы, но Халеда Зия не постеснялась тогда занять премьерское кресло по результатам безальтернативных выборов. Ситуация 2014 г., однако, осложнялась тем, что в Бангладеш выросло поколение, с ранних лет приученное к участию в политических беспорядках, а соратницей Националистической партии в оппозиционной борьбе стала радикальная исламистская партия «Джамаат-и ислами», союзница по правительственной коалиции 2001—2006 гг., требовавшая превратить Бангладеш в исламское государство.

Отказ оппозиции участвовать в парламентской борьбе оставлял ей только протестные непарламентские формы противостояния с партией власти, поэтому оппозиция проводила различные митинги, которые нередко перерастали в беспорядки. Контролировать действия радикально настроенной молодежи антиправительственные силы оказались не в состоянии.

¹ Death Penalty for 12 Mujib Killers // The Times of India. 1 May, 2001.

В этих условиях Х. Вазед была вынуждена принять жесткие меры по отношению к Националистической партии и ее союзникам. Против Халеды Бегум одно за другим выдвигались обвинения в коррупции. Ее партнеры из «Джамаат-и ислами» были обвинены в военных преступлениях, совершенных в 1971 г. Х. Вазед бросила вызов оппозиционерам и с помощью военных и полиции обеспечила проведение выборов, подавив протестные выступления оппозиции. Более 50 тыс. военных и полицейских охраняли избирательные участки, но, тем не менее, более ста из них были сожжены протестующими. 150 человек, как из числа участников протестов, так и со стороны военных, были убиты во время предвыборной кампании, еще 13 человек погибло в день выборов. На парламентских выборах 2014 г. «Авами Лиг» одержала победу, но оппозиция не признала результаты выборов. Волна насилия, «разбившись» о стены правительственных учреждений и полицейских участков, но сохранив их в качестве объектов атак, захлестнула города и деревни Бангладеш, где объектом агрессии стали гражданские лица: преподаватели светских дисциплин, например, английского языка, индусские священники, просто случайные прохожие, а также иностранцы².

Реакция Х. Вазед и ее правительства на разгул радикальных исламистов не заставила себя ждать. Тысячи хулиганов были арестованы. Арестовали и тех, кто мог стоять за наиболее громкими убийствами. 9 мая 2016 г. в Бангладеш был приговорен к смертной казни через повешение Мотиур-Рахман Низами, лидер «Джамаат-и ислами»³. Хотя его связь с недавними убийствами была возможна, формально смертный приговор был вынесен за организацию преступлений во время борьбы Бангладеш за независимость. Низами обвинили в организации добровольных дружин милиции «Аль-Бадр», которые сотрудничали с пакистанскими войсками и были повинны в похищении и убийстве многих бенгальских журналистов, писателей, других представителей интеллигенции, выступавших за свободу Бенгалии. О своей роли в организации «Аль-Бадр» Низами рассказал в 2013 г. Он был четвертым из числа видных деятелей «Джамаат-и ислами», казненным за преступления организации в 1971 г. После приведения приговора в исполнение по стране прокатилась очередная волна убийств, завершившаяся громким террористическим актом в Дакке, унесшим жизнь 20 иностранцев и нескольких местных жителей.

Наиболее значительным террористическим актом недавнего времени и самым громким событием 2016 г. стало нападение террористов на кафе в дипломатическом районе Дакки, совершенное 1 июля. На месте теракта оказалось 20 иностранцев — американцы, итальянцы и японцы. Часть жителей Бангладеш, захваченных террористами, была отпущена. Остальные вместе с иностранцами оказались в заложниках. Вскоре после захвата кафе правительственные войска начали антитеррористическую операцию. Осада здания длилась 12 часов, после чего войска и полицейские пошли на штурм кафе, в результате которого было уничтожено 6 терро-

² Emma Graham-Harrison and Saad Hammadi, Inside Bangladesh's killing fields: bloggers and outsiders targeted by fanatics // *The Guardian*. 12 June 2016.

³ *The Guardian*. 10 May 2016.

ристов и освобождено 13 заложников. Однако 20 человек было убито. Среди убитых было двое полицейских, 3 гражданина США, 7 итальянцев и 7 японцев, а также один бангладешский студент, пришедший в кафе с друзьями-иностранцами и отказавшийся их покинуть. Вслед за штурмом кафе последовала серия арестов. 12 тыс. человек оказались за решеткой. Многие активисты «Джамаат-и ислами» были арестованы, хотя ответственность за теракт взяли на себя молодые радикалы из организации «Муджахидин-е Бангладеш». В октябре 2016 г. еще два лидера «Джамаат-и ислами» — Али Ахсан Мохаммад Муджахид и Салауддин Кадер Чоудхури — были повешены. В отличие от Низами, оба подали прошение о помиловании, но оно было отклонено президентом Бангладеш Абдул Хамидом. На некоторое время преступная активность радикальных исламистов пошла на спад. Но напряженность в Бангладеш сохраняется. Многие аналитики склонны обвинять правительство за коррупцию и бездействие, сделавшие возможным такое громкое преступление в дипломатическом районе Дакки⁴. В самой Бангладеш, стране с подавляющим мусульманским населением, средства массовой информации не могут обвинить в данной террористической атаке сторонников радикального исламизма. Как справедливо замечает Э. Пул, СМИ «воспроизводят доминирующие в обществе идеологемы» [Poole 2002: 23]. Поэтому и обвинение в адрес «Джамаат-и ислами» основывается на преступлениях членов организации в 1971 г. Эта организация по-прежнему рассматривается властью как противник в борьбе за независимость 1970-х гг., который не имеет права на парламентское представительство и прощение.

Наиболее опасной остается почти не контролируемая и не координированная активность рядовых исламистов, как правило, бедных и безработных выпускников медресе, иногда даже университетских студентов, столь жестоким способом выражающих свое недовольство действиями правительства и отсутствием надежды на изменение ситуации к лучшему. Своими жертвами они выбирают незащищенных полицией простых людей, а оружием — мясные ножи или тесаки для сельскохозяйственных работ типа мачете. «Джихад ножей» стал частым явлением в Бангладеш еще до выборов 2014 г. и казни Низами. Еще в начале 1990-х гг. вандалы с ножами нападали на книжные лавки, где продавались произведения скандально известного автора, убежденной феминистки Таслимы Насрин. Последовательный протест Т. Насрин против «религии, семьи и власти» [Суворова 2014: 70] раздражил многих традиционалистов и фундаменталистов в Бангладеш. Сама Таслима нашла убежище в Швеции, а затем в Индии. Тем не менее в 1993 г. ряд радикально настроенных богословов издал фетву, в которой говорилось, что за свои деяния Т. Насрин заслуживает смерти. Подобные документы, не имея юридической силы, бесспорно, настроили некоторых людей на насилие. Начиная с января 2013 г. нападения на людей по религиозным мотивам стало в Бангладеш достаточно заметным явлением. Но пик убийств такого рода пришелся на 2015 г.

⁴ Mosarrap Khan, Behind the Dhaka attack: radical secularization and Islamist terror in Bangladesh // Open Democracy, 12 July 2016. URL: <https://www.opendemocracy.net/mosarrap-khan/behind-dhaka-attack-radical-secularisation-and-islamist-terror-in-bangladesh> (accessed: 07.09.2017).

«ДЖИХАД НОЖЕЙ»

15 января 2013 г. близ своего офиса в районе Мотиджхил был зарезан видный политический активист и блогер Асиф Мохиуддин. Ответственность за это нападение взяла на себя исламистская группа «Ансарулла Бангла». Однако и в этом, и во многих других случаях вряд ли можно говорить о серьезной организации и координации нападавших. Определенно, множество жертв террора были включены в черный список, размещенный на сайтах исламистов. Однако во многих случаях жертвами «джихада ножей» становились и случайные люди. Отметим, что это нападение закончилось кровопролитием, но Мохиуддин выжил и даже имел мужество и милосердие навестить своих обидчиков в тюрьме. Нападавшие объяснили выбор жертвы тем, что А. Мохиуддин в своем блоге критиковал Коран.

Ночью 15 февраля 2013 г. был убит блогер-атеист Ахмед Раджиб Хайдер, инициатор движения «Шахбаг», требующего суда и наказания исламистов за военные преступления, совершенные ими в 1971 г. 7 марта 2013 г. в Дакке жертвой нападавших с ножами стал Суннир Рахман, активист движения «Шахбаг». Он выжил после покушения. 15 ноября 2014 г. профессор социологии Шафи-ул Ислам был смертельно ранен неизвестными за то, что ранее, в бытность главой факультета социологии одного из университетов Бангладеш, якобы запрещал студентам являться на занятия небритыми, а учащимся девушкам запрещал полностью закрывать лицо. Довод профессора заключался в возможности для студентов под покрывалом сдавать экзамен за других, но во внимание исламистами этот аргумент не был принят, и в списке потенциальных врагов профессор социологии числился с 2010 г.

26 февраля 2015 г. биоинженер, известный блогер доктор Авджит Рой был убит за то, что имел американское гражданство и основал влиятельное блог-сообщество «Мукто-Моно» («Свободомыслящие»). На это убийство откликнулись многие газеты, включая популярную в Бангладеш «Дейли Стар», редактор которой, Махфуз Анам, напомнил читателям, что каждый может стать жертвой произвола террористов. Отметим, что правительство на все случаи нападений реагировало жестко. Под арестом оказывались сотни подозреваемых. Однако минимальная координация или вообще отсутствие координации действий радикальных исламистов лишало власти возможности использовать своих информаторов. Удар наносился как бы ниоткуда, хотя одна из национальных организаций исламистов, как правило, брала ответственность за это преступление.

30 марта 2015 г. блогер Вашикур Рахман был убит в пригороде Дакки Теджгао. Два подозреваемых в убийстве были задержаны с ножами для разделки мяса. Они признались, что убили В. Рахмана за его «антиисламские» статьи в Интернете. И в случае с В. Рахманом, и в ряде других случаев мы не можем не отметить мужество жертв, продолжавших, несмотря на угрозы, критиковать «Джамаат-и ислами» и другие радикальные исламистские организации.

12 мая 2015 г. блогер-атеист и активист сообщества «Мукто-Моно» Ананта Биджой Дас был убит в Силхете, северо-восточном округе Бангладеш на границе с индийским Ассамом. 7 августа 2015 г. другой автор «Мукто-Моно» Нилой

Чаттерджи, писавший под псевдонимом «Нилой Нил», был убит шестью нападавшими в пригороде Дакки Горан.

31 октября 2015 г. был насмерть избит Файсал Арефин Дипан, издатель, опубликовавший осуждающий радикализм памфлет Авджит Роя «Бишвашер Вирус» («Вирус религиозности»). В тот же день, но несколько ранее нападение с ножами было совершено на писателей Ранадипа Басу и Тарека Рашида и издателя Ахмеда Рашида Чаудхури.

Ахмед Рашид Чаудхури, известный также под псевдонимом «Тутуль», подвергся атаке нападавших с ножами, но выжил. Тутуль ранее получал в свой адрес угрозы, вызванные публикацией им книг авторов-атеистов, а также другой литературы светского характера. Угрозы в адрес Тутуля поступали от организации «Ансар-аль ислам Бангладеш». Еще одна организация, «Джамаат-ул муджахидин Бангладеш», взяла на себя ответственность за ряд других нападений. Обе организации, вероятно, находили своих жертв по Интернету.

Итак, первыми жертвами исламистов стали блогеры-атеисты и критики радикального исламизма. Их противники выбрали тактику нападения с оружием на людей, критиковавших радикальный ислам, а не на сайты, на которых помещалась информация, которая их возмущала. Нападавшими были молодые пользователи Интернета, симпатизировавшие исламистам.

Жертвами отдельных нападавших, вероятно, не связанных с радикальными исламистскими организациями, стали просто иностранцы, а также индусы и буддисты, проживающие в стране. В числе пострадавших от рук таких террористов-одиночек стал и японец Кунио Хоши, зарезанный насмерть только за то, что он иностранец. Причем позже выяснилось, что Хоши принял ислам. Он был похоронен по мусульманскому обряду в Бангладеш. Он один из нескольких жертв, оказавшихся в списке исламистов по ошибке или из-за недостатка информации. Часто жертвы выбирались убийцами по субъективным соображениям. Профессор Реза уль-Карим Сиддик был убит за то, что преподавал английскую литературу, которую один из убийц, его бывший студент, считал безнравственной.

Одно из первых преступлений радикальных исламистов в 2016 г. — убийство Джогешвара Рая — индуистского жреца из округа Панчгарх. Во время нападения на жреца пострадало также два прихожанина-индуса, получивших ножевые ранения.

25 апреля 2016 г. были зарезаны насмерть два активиста гей-сообщества, проживавшие в Дакке. 30 апреля в округе Таджхил зарезали портного-индуса Никхила Джоардера. Почти сразу ответственность за преступление взяли активисты ИГИЛ (запрещена в РФ), но аналитики в Бангладеш полагают, что за убийством стояли местные исламистские организации, а, возможно, и радикально настроенные исламисты, не имеющие связей с какой-либо организацией.

Религиозные меньшинства являются традиционными жертвами исламистов в Бангладеш. В 2016 г. была предпринята попытка поджога шиитской мечети, к счастью, не приведшая к человеческим жертвам. 7 мая исламисты зарубили насмерть Мохаммеда Шахидуллаха, члена одного из суфийских братств. С точки зрения радикалов, суфизм, сторонники которого некогда обратили в ислам большинство жителей Восточной Бенгалии, не является правильной формой ислама.

14 мая жертвой исламистов стал буддист Маунг Шу У Чак. Его убийство воспринимается как месть исламистов буддистам на фоне сепаратистских выступлений в горах под Читтагонгом членов племен, исповедующих буддизм, а также нападения на мусульман-рохинджа в преимущественно буддийской Мьянме [Симония 2009: 27—31], впрочем, в Бангладеш все иностранцы и иноверцы могут стать объектом нападения.

20 мая 2016 г. исламистами был убит Мир Санаур Рахман, практиковавший традиционные методы медицины и бесплатно лечивший деревенских жителей в округе Кхульна. 25 мая 2016 г. жертвой исламистов с ножами стал владелец обувного магазина индус Дебеш Чандра Патнаик. 5 июня 2016 г. в деревне Банпара округа Натор был зарезан церковный сторож и хозяин мелкой лавочки христианин Сунил Гомес. 7 июня 2016 г. в округе Кхульна исламисты убили индусского жреца Ананда Гопала Гангули. Три исламиста вскоре были убиты в том же округе полицейскими. Предполагается, что именно они совершили это преступление.

Жертвами следующей серии убийств стали также индусы. 10 июня 2016 г. в Пабне был убит служащий индуистского матха (монастыря) Нитьяранджан Панде. 15 июня 2016 г. был зарезан индус, учитель Рипон Чакрабартти, а 1 июля служащий индуистского храма Шьямананда Дас был зарезан насмерть тремя исламистами. В соседней южно-азиатской стране нападения на представителей религиозных меньшинств (на индусов в особенности) в Бангладеш было воспринято как угроза конфессиональному миру в самой Индии⁵.

2 июля 2016 г. исламистами был убит буддист Монг Шве Лунг Марма, активист партии «Авами Лиг». Однако сообщение о его гибели не получило большого резонанса. Именно в это время внимание жителей Бангладеш было приковано к упомянутому ранее захвату заложников и штурму кафе в Дакке, закончившемуся гибелью 22 заложников, большей частью иностранцев, включая граждан США, что заставило американские средства массовой информации серьезнее отнестись к исламистской угрозе из Бангладеш⁶.

На многочисленные атаки исламистов и на террористический акт в Дакке правительство ответило жестокими мерами. Уже в июне были арестованы тысячи подозреваемых⁷. Вскоре число арестованных достигло нескольких десятков тысяч. Многие из них были осуждены и казнены. Однако отмечают и случаи гибели в тюрьмах тех арестованных, чья вина была не доказана.

Таким образом, жертвами «джихада ножей» стали блогеры, представители религиозных и сексуальных меньшинств. Рядовых убийц правоохранители сажают в тюрьмы. Но, например, среди организаторов громкого нападения на кафе в Дакке были дети высокопоставленных чиновников. С большим трудом властям Бангладеш удалось остановить волну «джихада ножей». Но выступления террористов

⁵ Sumit Ganguli, *Rising Islamic extremism in Bangladesh is a threat to India and Beyond* // Quartz India. May 20, 2016. URL: <http://qz.com/687719/rising-islamic-extremism-in-bangladesh-is-a-threat-to-india-and-beyond/> (accessed: 07.09.2017).

⁶ Ishaan Tharoor, *American is among 20 dead in terrorist attack in Bangladesh* // The Washington Post. July 2, 2016.

⁷ *Thousands arrested in Bangladeshi crackdown after attacks on minorities* // The Guardian. 12 June 2016.

вызваны не только курсом правительства на развитие Бангладеш как светского государства. Многие коренные проблемы в экономике Бангладеш не решены. Не получают работу десятки тысяч выпускников медресе. А значит, остаются десятки тысяч обозленных и не реализованных безработных представителей мусульманской молодежи, которые могут при новом обострении ситуации в стране пойти на преступления, поощряемые радикальными исламистами. Еще С. Хантингтон называл эти группы потенциальными рекрутами исламистов [Huntington 2003: 211].

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ЧТО ЖДЕТ БАНГЛАДЕШ В БУДУЩЕМ

Колебания политического маятника в Бангладеш уже достигали двух крайностей в годы правления Халеды Зия и Хасины Вазед. Военные как бы останавливали колебания маятника, замораживая многие, в том числе и губительные, политические процессы в стране, но, стремительно теряя популярность в обществе и провоцируя объединение против себя разных слоев общества и политических партий, они были вынуждены вернуть демократическое управление.

При таком раскладе сил возможны четыре сценария развития событий. Первый предполагает, что правительству Х. Вазед удастся заручиться всенародной поддержкой и победить радикальный исламизм в стране.

Второй сценарий развития событий в Бангладеш может быть реализован в случае поражения Х. Вазед в борьбе с исламизмом или в результате большого скандала, связанного с коррупцией в рядах ее правительства и правящей партии. Националистическая партия Халеды Зия может прийти к власти в результате политического кризиса и предложить «умеренный» вариант «Исламской Республики Бангладеш», в которой будет действовать шариатское право, но определенные гарантии будут даны национальным и религиозным меньшинствам.

Недостаточная решительность со стороны властей и особенно военных и полицейских в борьбе с исламистами, уже поднявшими оружие на граждан Бангладеш и ее гостей, может привести к реализации третьего сценария, — победе радикальных исламистов.

Вероятно развитие и четвертого сценария, когда военные Бангладеш вновь возьмут власть в свои руки приблизительно на 10 лет: в стране вновь будет править военная хунта, какое-то время пользующаяся поддержкой широких слоев населения, уставших как от коррупции властей, так и от беспредела радикальных исламистов. Не зря ведь некоторые зарубежные средства массовой информации прямо обвиняют правительство Х. Вазед в авторитаризме и видят в этом причину ряда террористических актов⁸.

Наконец, возможны варианты каждого из предложенных сценариев развития событий. Изданные в 2017 г. учебники бенгальского языка претерпели существенные изменения. Тексты авторов-индусов, рассказы светского характера исключены из учебников⁹. Это намек на то, что и правительство Х. Вазед не исключает перехода к «умеренной исламизации» страны.

⁸ Venkatachalam K.S. The Rise of Islamic extremism in Bangladesh // The Japan Times. 08.07.2016.

⁹ Ellen Barry and Julfikar Manik, To Secular Bangladeshis, Textbook Changes Are a Harbinger // The New York Times. 07.09.2017.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дорохин П.* Хоссейн Мохаммад Эршад // Азия и Африка сегодня. 1990. № 6. С. 25—27.
- Котин И.Ю.* Ислам в Южной Азии и в Великобритании. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2008.
- Меренкова О.Н., Котин И.Ю.* Бангладешцы в Лондоне: Этнокультурная группа в мультикультурном мегаполисе. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2016.
- Симония А.А.* Мьянма: Кто такие рохинджа? И почему так трагична их судьба // Азия и Африка сегодня. 2009. № 11.
- Суворова А.А.* «Дочь демократии»: триумфы и падения Хасины Вазед // Азия и Африка сегодня. 2014. № 9.
- Суворова А.А.* Между судом и мезтью. Судьба женщины в Бангладеш // Азия и Африка сегодня. 2014. № 11.
- Dutt K., Dasgupta R., Chatterjee A.* Bangladeshi Economy. An Analytical Study. New Delhi: People's Publishing House, 1973.
- Esposito J.L.* The Islamic Threat. Myth and Reality? New York-Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Faruque O.* Bangladeshi Expatriates in Britain. Dhaka-London: Hihal Publications, 2006.
- Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order New York: Simon and Schuster, 2003.
- Madan T.N.* Coping with ethnicity in South Asia: Bangladesh, Punjab and Kashmir compared // Ethnic and Racial Studies. 1998. Vol. 21. N 5. P. 969—989.
- Poole E.* Reporting Islam. Media Representations of British Muslims. London-New York: I.B. Tauris Publishers, 2002.
- Rubee Kh.F.* The Origin of Musalmans of Bengal. Calcutta: Thacker, Spink and Co. Reprint, 2008.
- Qureshi H.A.* The 1971 Indo-Pakistan War: A Soldier's Narrative. Oxford-London: Oxford University Press, 2002.

Дата поступления статьи: 13.09.2017

Для цитирования: *Котин И.Ю.* «Джихад ножей» в Бангладеш: причины и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 684—696. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-684-696.

Сведения об авторе: *Котин Игорь Юрьевич* — д-р исторических наук, старший научный сотрудник МАЭ РАН (Кунсткамера), Санкт-Петербург, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: igorkotin@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-684-696

“THE JIHAD OF MACHETES”. CAUSES AND CONSEQUENCES

I.Yu. Kotin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article covers causes and perspectives of the “Jihad of the machetes”, a series of terror acts by groups and individuals towards liberal bloggers, members of religious and sexual minorities in Bangladesh.

The aim of the research is to trace causes of the wave of terrorism in present day Bangladesh, to analyze the government's response to it and to give possible scenarios of the further development of Bangladesh as the result of the clash between the government and radical Islamic terrorists. The research task is to make the monitoring of a press, the list of terrorist events and the list of victims and to analyze them.

The main research method employed is historic one that puts all the events into the system of causes and consequences. The author finds the roots of present political instability in the ambiguous nature of Bangladesh and the conflict of the secular and the religious in its base. Bangladesh is the product of nationalist secession from the Islamic state of Pakistan while Pakistan is the result of Islamist secession from India.

The author discusses numerous cases of terror in Bangladesh and attempts to give possible scenarios of political development in this South Asian country. The four most probable scenarios are the victory of the secular government, the change of the government and the domination of 'mild Islamists' in the new government, the Islamist victory and the new military coup that would suppress radical Islamists but also will suppress all legal political activity.

Key words: Bangladesh, terrorism, radical Islamism, the Jihad of Machetes, Hasina Vazed government, Jamaat-e Islami

REFERENCES

- Dorokhin, P. (1990). Khussein Muhammad Ershad. *Asia and Africa today*, 6, 25—27. (In Russ.).
- Dutt, K., Dasgupta, R. & Chatterjee, A. (1973). *Bangladeshi Economy. An Analytical Study*. New Delhi: People's Publishing House.
- Esposito, J.L. (1995). *The Islamic Threat. Myth and Reality?* New York-Oxford: Oxford University Press.
- Faruque, O. (2006). *Bangladeshi Expatriates in Britain*. Dhaka-London: Hihal Publications.
- Huntington, S.P. (2003). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon and Schuster.
- Kotin, I. (2008). *Islam in South Asia and Great Britain*. Saint Petersburg: Petersburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.).
- Madan, T.N. (1998). Coping with ethnicity in South Asia: Bangladesh, Punjab and Kashmir compared. *Ethnic and Racial Studies*, 5 (21), 969—989.
- Merenkova, O. & Kotin, I. (2016). *The Bangladeshis in London*. Saint Petersburg: MAE RAS. (In Russ.).
- Poole, E. (2002). *Reporting Islam. Media Representations of British Muslims*. London-New York: I.B. Tauris Publishers.
- Rubee, Kh. F. (2008). *The Origin of Musalmans of Bengal*. Calcutta: Thacker, Spink and Co. Reprint.
- Qureshi, H.A. (2002). *The 1971 Indo-Pakistan War: A Soldier's Narrative*. Oxford-London: Oxford University Press.
- Simoniya, A.A. (2009). Who are the Rohingas? *Asia and Africa today*, 11, 27—31. (In Russ.).
- Suvorova, A.A. (2014). Between the Court and the Revenge: Destiny of woman in Bangladesh. *Asia and Africa today*, 11, 70—72. (In Russ.).
- Suvorova, A.A. (2014). The Daughter of Democracy: Triumphs and Falls of Hasiana Vazed. *Asia and Africa today*, 9, 35—39. (In Russ.).

Received: 13.09.2017

For citations: Kotin, I.Yu. (2017). «The Jihad of Machetes». Causes and Consequences. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 684—696. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-684-696.

About the author: *Kotin Igor Yur'evich* — Doctor of History, Senior Research Fellow of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences in Saint Petersburg, Professor of Saint Petersburg State University (e-mail: igorkotin@mail.ru).

© Котин И.Ю., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-697-709

УГРОЗА ТЕРРОРИЗМА В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Н.Г. Рогожина

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук, Москва, Россия

Статья посвящена анализу влияния ИГИЛ (ИГ, «Исламское государство») (запрещено в России) на развитие джихадистского движения в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА) с сопутствующим ростом угрозы терроризма в регионе, где проживает 15% мусульман мира и где уже давно действуют террористические организации исламистского толка, вынашивающие планы по созданию здесь салафитского халифата. Выясняются причины уязвимости мусульманских стран ЮВА к распространению идеологии радикального исламизма, что создает предпосылки для вовлечения местных джихадистов в мировое террористическое движение с опасными для стабильности региона последствиями.

Создание ИГИЛ представляет непосредственную угрозу для безопасности стран ЮВА, поскольку побуждает к активизации действий местные экстремистские группировки исламистского толка. Все они едины в своем отрицании демократической системы власти, на смену которой должны прийти исламское государство и шариат. Атака на г. Марави (юг Филиппин), предпринятая местными экстремистами, сторонниками ИГИЛ, стала предупреждением для других стран ЮВА об усилении опасности регионализации терроризма в странах Юго-Восточной Азии и превращения региона в новый фронт террористической деятельности группировки ИГИЛ, планирующей создать здесь свой плацдарм. Автор анализирует риски, связанные с усилением интереса к региону ИГИЛ, которое целенаправленно ведет работу по расширению здесь своей социальной базы и мобилизации своих сторонников, рассматривая регион как основной плацдарм по вербовке боевиков в рамках проведения стратегии экспорта терроризма силами «волков-одиночек». В этих целях применяются разные политические инструменты, среди которых наиболее эффективным способом идеологического влияния на местное мусульманское общество становится пропаганда джихада в Интернете.

Автор полагает, что создание ИГИЛ способствовало оживлению терроризма в странах ЮВА и появлению множества мелких ячеек такого рода, что повышает уровень террористической угрозы в регионе. Воздействие ИГИЛ на политическую ситуацию в ЮВА проявляется напрямую — в нарастании экстремизма и росте угрозы терроризма — и косвенно — в усилении исламистского радикализма в политическом развитии мусульманских стран.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, терроризм, ИГИЛ, джихадисты, радикализация, экстремистские организации

На фоне роста угрозы терроризма в странах Ближнего Востока, Европы, Южной и Центральной Азии ситуация в Юго-Восточной Азии до последнего времени представлялась достаточно стабильной. Большинство террористических атак удавалось предотвратить, и даже самый крупный теракт в Джакарте в январе 2016 г. к массовым жертвам не привел. Тем не менее регион ЮВА относится к числу самых уязвимых в плане распространения идеологии радикального исламизма с сопутствующим ростом насилия и укрепления позиции экстремистских организаций, сторонников запрещенной в России группировки ИГИЛ.

В регионе проживает 15% мусульман мира, или 250 млн человек, что составляет 40% от общей численности населения стран Юго-Восточной Азии. Только в Индонезии, самой крупной мусульманской стране мира, 253 млн человек (87,8% населения) исповедуют ислам суннитского толка. И несмотря на то что традиционно мусульмане региона придерживаются ислама умеренного толка, радикальный ислаимизм уже давно пустил свои корни в местном мусульманском сообществе, создав условия для формирования экстремистских исламистских организаций, которые с конца 1990-х гг. активизировали свою деятельность, заявив о себе серией крупных терактов. Их связь с международными джихадистами, прежде всего с запрещенной в России группировкой «Аль-Каида», установленная еще в бытность войны в Афганистане в 1980-х гг., стала фактором повышенного риска для безопасности не только самих стран ЮВА, но и для мира в целом. США после теракта 11 сентября 2001 г. объявили регион ЮВА «вторым фронтом глобальной борьбы с терроризмом», поддерживая национальные государства в противодействии этой угрозе на местном уровне.

О том, что эта борьба с исламистским экстремизмом в Юго-Восточной Азии была не завершена, говорит сам факт возрождения и приумножения террористических группировок за последние 3 года и появления в рядах местных мусульман сторонников ИГИЛ, которое рассматривает регион одним из своих форпостов в мире. Подтверждением этому служит осада террористами, сражавшимися под флагом ИГИЛ, города Марави на юге Филиппин в середине 2017 г.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ — НОВЫЙ ПЛАЦДАРМ ИГИЛ?

На юге Филиппин уже не одно десятилетие действуют мусульманские сепаратисты и исламистские террористы, борьбу с которыми президент страны Р. Дутерте объявил приоритетом своей внутренней политики, разместив более 10 тыс. солдат в провинции Минданао (второй по величине остров Филиппин, 20% населения которого являются мусульманами-суннитами). Но то, что исламистские экстремисты 23 мая 2017 г. предпримут атаку на г. Марави (полное название — Исламский город Марави), крупнейший в этой части страны (200 тыс. жителей) и будут удерживать его в течение многих недель, стало для властей полной неожиданностью.

Р. Дутерте вынужден был прервать свой официальный визит в Россию (22—26 мая 2017 г.), в ходе которого обсуждался вопрос о налаживании стратегического сотрудничества между странами, в том числе и в борьбе с терроризмом. Воспользовались ли террористы отсутствием Р. Дутерте на Филиппинах или их акция была давно спланированной? По всей видимости, последнее, если принять во внимание тот факт, что они имели четко разработанный план действий, были оснащены современным оружием в таком количестве, что смогли выдерживать длительную осаду города.

На возможность превращения о. Минданао в опорную базу ИГИЛ в Юго-Восточной Азии эксперты указывали неоднократно [Gunaratna 2016]. ИГИЛ еще летом 2016 г. распространило видеообращение с призывом к своим сторонникам в ре-

гионе присоединиться к моджахедам на Филиппинах с целью провозглашения там халифата. Эта идея — не новая для радикально настроенных мусульман в Юго-Восточной Азии, поэтому призывы ИГИЛ находят у них живой отклик.

Террористическая атака на г. Марави была инспирирована непосредственно ИГИЛ. Весной 2017 г. Абу Бакр аль-Багдади разработал план операции, которую должны были провести местные террористические организации, присягнувшие ему на верность [Gunaratna 2017: 5]. По сообщению филиппинских военных, на момент захвата г. Марави «с целью превращения его в «чисто исламский» город, ИГИЛ смогло мобилизовать 300 боевиков¹, которыми руководила группировка Мауте (также известная как «Исламское государство в Ланао»). Во главе ее стоят два брата — Омар и Абдулла Мауте, выступающие с позиции исламистского радикализма в его наиболее экстремистских формах. Они прошли обучение в исламских учебных заведениях на Ближнем Востоке. По мнению экспертов Института политического анализа конфликтов в Джакарте, террористическая группировка Мауте «имеет в своем составе самых умных, самых образованных и самых умудренных опытом сторонников ИГИЛ на Филиппинах» [Pro-ISIS Groups... 2016: 14].

Однако роль группировки Мауте в распространении терроризма на Филиппинах была недооценена спецслужбами. После уничтожения правительственными войсками в апреле 2017 г. лагеря ее боевиков военные полагали, что нанесли по ней сокрушительный удар. Но последующие события это опровергли. Напав 23 мая на г. Марави, террористы убивали солдат и мирных граждан, брали их в заложники, чтобы использовать в качестве живого щита, подожгли школу и католическую церковь, захватили тюрьмы и выпустили осужденных, среди которых были и их сторонники. По разным подсчетам, число боевиков колебалось в пределах 200—400 человек.

Для их подавления привлекли армейские подразделения, в поддержку которых были направлены штурмовые вертолеты, наносившие точечные удары по местам нахождения террористов. Но освобождение от них города осложнилось проведением операции в городских условиях. Уличные бои велись при яростном сопротивлении боевиков, хорошо знакомых с географией города и подземными коммуникациями, которые они использовали для своего укрытия. Сколько точно людей убито в ходе столкновений, неизвестно. По официальным данным, число погибших за 2 месяца боевых действий составило 630 человек, в том числе 471 боевик, 45 гражданских лиц и 114 филиппинских военных и полицейских².

Президент Р. Дутерте уже 23 мая ввел военное положение на о. Минданао сроком на 60 дней и при необходимости намеревался распространить его на всю

¹ Allard T. Seizing of Philippines city by Islamist militants a wake-up call for Southeast Asia. June 3, 2017. URL: <http://www.reuters.com/article/us-philippines-militants-battle-insight-idUSKBN18U0D0> (accessed: 15.08.2017).

² 'Reinforcements' caught sneaking into Philippine warzone. 28 July 2017. URL: <http://www.thestar.com.my/news/regional/2017/07/28/reinforcements-caught-sneaking-into-philippine-warzone/> (accessed: 20.08.2017).

страну в случае нарастания угрозы терроризма. Это решение было продиктовано тем соображением, что не исключалась вероятность эскалации ситуации на юге страны.

Почему именно юг Филиппин был выбран ИГИЛ для создания здесь своего плацдарма в Юго-Восточной Азии, вполне объяснимо по ряду причин. Во-первых, следует отметить удачное географическое расположение региона в непосредственной близости к морским границам Индонезии и Малайзии, что в условиях слабого пограничного контроля облегчает свободный трафик оружия, денег и трансграничное перемещение боевиков, которые могут легко уходить от преследования, скрываясь в джунглях архипелага.

Во-вторых, здесь уже не одно десятилетие действуют исламистские организации, присягнувшие на верность группировке ИГИЛ, которая в ноябре 2016 г. назначила эмиром этих организаций Иснилона Хапилона, лидера самой воинствующей филиппинской террористической группировки Абу Сайяф. Многие из местных террористов прошли военную подготовку в лагерях боевиков, расположенных на юге Филиппин, где наряду с ними «искусству террора» обучались и исламистские экстремисты из других стран ЮВА. Между ними уже давно установлены контакты, которые дополняются связями с международными террористическими организациями.

В-третьих, сохраняющийся этно-конфессиональный конфликт на юге Филиппин (подавляющее большинство населения страны исповедует католицизм), где мусульманское меньшинство населения уже много десятилетий не прекращает борьбу за самостоятельность (она понимается либо как полная независимость региона от центрального правительства и создание исламского государства для народа моро, либо как широкая автономия), создает питательную среду для распространения радикальных настроений в местном обществе.

Социально-экономические факторы также играют не последнюю роль в радикализации местного мусульманского населения, низкий уровень экономического положения которого усиливает передаваемое из поколения в поколение чувство обиды и несправедливости, переходящее в ненависть к государству и к немусульманам. Согласно выводам экспертов, многие мусульманские группировки, действующие на юге Филиппин, считают, что насилие является единственным способом привлечь внимание властей к проблемам местного сообщества [Samuel 2016: 98].

В-четвертых, мобилизации сторонников насильственной борьбы с правительством, которая в последние годы приобретает ярко выраженный религиозный характер, способствует и то обстоятельство, что в социальной структуре общества доминируют семейно-клановые отношения, которые и используются исламистскими экстремистами для пополнения своих рядов. Например, ядро террористической группировки Мауте составляют представители политически влиятельной и богатой мусульманской семьи, проживающей в г. Марави (клан Маранао), связанной кровными узами с верхушкой другой экстремистской организации — «Исламский освободительный фронт Моро», а также с лидерами исламистской группировки «Исламские борцы за свободу Бангсаморо».

Даже после освобождения г. Марави от исламистских экстремистов угроза эскалации терроризма на Филиппинах, как и в других странах ЮВА, сохраняется. Эта террористическая атака дает повод задуматься над несколькими вопросами.

Во-первых, насколько велика опасность регионализации и интернализации терроризма в странах Юго-Восточной Азии и объединения радикальных мусульман под флагом ИГИЛ? Известно, что в террористической атаке на г. Марави принимали участие 4 группировки боевиков, а между двумя террористическими структурами — Мауте и Абу Сайяф — налажены тесные контакты, которые подкрепляются связями с террористами в Индонезии и Малайзии. Разведслужбам Филиппин стало известно, что бывший преподаватель малазийского университета д-р Махмуд, присягнувший на верность ИГИЛ, планировал создать официальное подразделение этой организации на Филиппинах путем объединения различных филиппинских, индонезийских и малазийских террористических группировок³.

Не реализуется ли действительно сегодня замысел ИГИЛ по созданию на юге Филиппин своей базы с хорошо обученными боевиками, оснащенными современным оружием? По данным разведслужб Индонезии, летом 2017 г. здесь находились примерно 1200 террористов, связанных с ИГИЛ⁴. В нападении на г. Марави приняли участие боевики из Малайзии, Индонезии, Сингапура, Йемена, Марокко и Саудовской Аравии. Не является ли это свидетельством того, что ИГИЛ намеревается открыть новый джихадистский фронт в ЮВА? По информационному каналу ИГИЛ ANA было передано сообщение, что в шести районах на юге Филиппин создано 10 батальонов боевиков, подконтрольных этой группировке⁵.

По мнению главного прокурора Филиппин Жозе Калида, «происходящее на о. Минданао перестало быть мятежом граждан Филиппин. Этот мятеж превращается в нашествие иностранных террористов, которые выполняют указание ИГИЛ по созданию здесь его плацдарма»⁶.

Во-вторых, не являются ли последние события на юге Филиппин хорошо спланированной акцией ИГИЛ по оживлению терроризма в странах Юго-Восточной Азии? Вряд ли можно считать случайным тот факт, что накануне атаки на г. Марави прогремели также взрывы в Таиланде и Индонезии, где действуют подпольные террористические группы. Руководство стран ЮВА обеспокоено тем, что ИГИЛ может расширить свою экспансию за пределы южных районов Филиппин и повлиять на развитие ситуации во всем регионе. Эксперты Института по изучению политических конфликтов, расположенного в Джакарте, пришли

³ Militants aim to unite regional terror cells to form official ISIS faction in South East Asia. The Straits Times. November 14, 2015 (accessed: 13/08.2017).

⁴ Gutierrez N. Regional intel: ISIS fighters in Mindanao triple PH's estimate. June 04 2017. URL: <https://www.rappler.com/world/regions/asia-pacific/171920-isis-regional-intelligence-isis-fighters-philippines> (accessed: 23.08.2017).

⁵ Hutt D. New age war on terror for Southeast Asia // Asia Times. June 7, 2017. URL: <http://www.atimes.com/article/new-age-war-terror-southeast-asia> (accessed: 3.08.2017).

⁶ Griffiths J. ISIS in Southeast Asia: Philippines battles growing threat. CNN May 29, 2017. URL: <http://edition.cnn.com/2017/05/28/asia/isis-threat-southeast-asia/index.html> (accessed: 4.07.2017).

к мнению, что риски не уменьшатся с освобождением г. Марави. Его осада, предпринятая сторонниками ИГИЛ, может вдохновить других террористов на подобные акции и привести к объединению разрозненных исламистских групп [Marawi... 2017: 1].

УГРОЗА ТЕРРОРИЗМА НАРАСТАЕТ

Даже если ИГИЛ не удастся создать свою провинцию («*wilayat*») на юге Филиппин (ранее в его планы входило укрепиться в Индонезии, на о. Сулавеси в городе Посо, где действовала террористическая группировка «Муджахидин Индонезия Тимур» под командованием Сантосо, но этому замыслу помешала успешно проведенная в 2016 г. контртеррористическая операция по нейтрализации Сантосо), то это не означает, что его влияние на развитие джихадистского движения в ЮВА ослабнет. Воздействие ИГИЛ на политическую ситуацию в регионе проявляется напрямую — в нарастании экстремизма и росте угрозы терроризма — и косвенно — в усилении исламистского радикализма в политическом развитии мусульманских стран.

Создание ИГИЛ представляет непосредственную угрозу для безопасности стран ЮВА, поскольку побуждает к активизации действий местные экстремистские группировки исламистского толка. Все они едины в своем отрицании демократической системы власти, на смену которой должны прийти исламское государство и шариат. Региональные исламистские группировки уже не первое десятилетие вынашивают планы по созданию салафитского халифата в Юго-Восточной Азии под названием Даулах Исламиях Нусантара с включением в него территорий Индонезии, Малайзии, Сингапура, Брунея, юга Филиппин и юга Таиланда. А создание ИГИЛ укрепило их в вере в правильность выбранного пути.

Угроза распространения влияния ИГИЛ в регионе объясняется наличием здесь организационной базы террористов, имеющих давние контакты с международными террористическими структурами, сильных лидеров, готовых присягнуть на верность халифату, восприимчивой к этой идее социальной базы, способной численно возрасти в случае активного возвращения боевиков ИГИЛ на родину. По имеющимся далеко не полным оценкам, на стороне ИГИЛ воюют около 700—800 граждан ЮВА [ISIS in the Pasific... 2016: 3].

В Индонезии еще в 2014 г. свою солидарность с ИГИЛ выразили 2 тыс. человек, входящих в состав 19 террористических группировок, присягнувших на верность квазигосударству [Snider 2016], они в основном являются приверженцами идеологии такфиризма и твердо убеждены в том, что любой, кто отрицает законы ислама и работает на правительство Индонезии, является «кяфиром» («неверным») [Chan 2015: 18]. В Малайзии, которая до 2016 г. не подвергалась угрозе террористических нападений со стороны местных исламистских радикалов, возникла реальная опасность активизации исламистских экстремистов, вдохновленных идеей создания «суперисламского» халифата. Они сформировали 7 новых террористических группировок, связанных с ИГИЛ. За последние 2 года в стране по обвинению в причастности к вооруженной деятельности было арестовано 260 человек и раскрыто 10 терактов, готовившихся сторонниками ИГИЛ [Jayakumar 2017].

В Индонезии, которая является одним из главных поставщиков боевиков для ИГИЛ, его сторонниками было совершено 4 теракта (самый крупный из них в январе 2016 г. в Джакарте) и вовремя предупреждено 5 (в том числе ракетный обстрел Сингапура с территории Индонезии).

Новым явлением для Индонезии стала перегруппировка сил внутри террористического подполья, проявившаяся в создании множества мелких ячеек, независимых друг от друга. В отличие от начала 2000-х гг., когда исламистские экстремисты были объединены под началом «Джемаа Исламия» (ДИ) (ответственной за теракт на о. Бали в 2002 г., жертвами которого стали 202 человека), сегодня они предпочитают действовать в рамках небольших ячеек, руководствуясь интересами своего выживания — их труднее отследить⁷.

С укреплением положения ИГИЛ на Ближнем Востоке у последователей этой группировки в Индонезии появилось стремление объединить разрозненные формирования, присягнувшие ей на верность, под единым началом. Ядром этой новой структуры должна была стать организация «Джамах Аншаруд Даулах» (ДЖАД) (переименованная потом в «Аншаруд Даулах Исламиах», «Джамах Аншарул Кхилафах» и, наконец, в «Джамах Аншарул Кхилафах Исламиах»). ДЖАД была создана в 2015 г. по инициативе находившегося в тюрьме бывшего лидера ДИ проповедника Амана Абдурахмана, который планировал превратить организацию в подразделение ИГИЛ в Индонезии с перспективой создания здесь провинции квазигосударства ИГИЛ. В состав ДЖАД вошли члены других террористических группировок [Disunity Among... 2016: 5—8]. Предполагается, что именно ДЖАД стоит за терактом в Джакарте, совершенном по указанию ИГИЛ, с подразделением которого, «Катибах Масьярик», поддерживаются контакты.

Однако появление этой новой террористической структуры не привело к окончательному объединению всех сторонников ИГИЛ. Они могут одновременно входить в состав разных ячеек, часть из которых создается бывшими боевиками так называемого Исламского государства, возвратившимися на родину. По данным разведслужб региона, только за первую половину 2017 г. их число составило 100 человек⁸. Они прошли военную подготовку и идеологическую обработку, накопили опыт террористической борьбы и обросли международными связями, которые нередко подкрепляются семейными и дружескими узами. Сделанное экспертами предположение о том, что так называемые странствующие джихадисты могут присоединиться к террористам в ЮВА, было подтверждено участием таких странствующих террористов в осаде г. Марави [Abuza 2016].

Возвратившиеся из зоны конфликта боевики, которых нередко называют «волками-одиночками», могут оказать серьезное влияние на развитие джихадистского движения в ЮВА. Исходящая от них угроза измеряется не только их готовностью к совершению терактов, но и их способностью вдохновить на это мест-

⁷ Radical Islam in Indonesia // Indonesia Investments. 16 August 2017. URL: <https://www.indonesia-investments.com/business/risks/radical-islam/item245?> (accessed: 17.08.2017).

⁸ New age war on terror for Southeast Asia // Asia Times. June 7, 2017. URL: <http://www.atimes.com/article/new-age-war-terror-southeast-asia> (accessed: 10.07.2017).

ных исламистов, которые относятся к ним как к героям и воспринимают их как «естественных лидеров» экстремистских ячеек. Они способны организовать и даже попытаться объединить местных террористов в том случае, если откажутся от личных амбиций, что до последнего времени препятствовало сплочению террористов под единым началом⁹.

В то же время наличие мелких террористических ячеек представляет не меньшую угрозу для безопасности стран ЮВА, поскольку каждая из них захочет доказать ИГИЛ свою преданность и боеспособность, используя в качестве аргумента теракты [Disunity Among... 2016].

О том, что в Индонезии происходит процесс оживления террористических организаций, свидетельствует и факт возрождения ДИ, которая после 2010 г. отказалась от терактов и «залегла на дно». Это, по мнению Б. Сингха, стало стратегическим маневром, позволившим ДИ восстановиться, чтобы в будущем участвовать в джихаде [Singh 2017]. В этих целях она создала военизированное подразделение из числа молодежи, в основном студентов высших учебных заведений. Возможность радикализации студенчества и его привлечения в ряды ДИ А. Примихалда объясняет тем, что многие студенты в Индонезии, впервые оказавшиеся вне дома, испытывают потребность в защите со стороны социальной структуры, и такую защиту им предоставляют экстремистские сети [Samuel 2016: 45].

Эксперты Института по изучению политических конфликтов пришли к выводу, что те, кто получил подготовку в рядах ДИ, скорее всего, будут проявлять нетерпение и захотят проверить свои навыки. Они считают, что возможное в будущем отделение от ДИ ее военизированной структуры приведет к появлению в среде индонезийских исламистских экстремистов «самой профессиональной по своей организации, по уровню подготовки и мобилизующему началу террористической группы» [The Re-Emergence of Jemaah... 2017: 12].

По мнению индонезийского аналитика Юханиеса Суламаина, нынешний отряд джихадистов очень молод по своему возрасту и связывает себя с ИГИЛ, видя в нем движение будущего — более активное и более радикальное [Abuza 2016: 21].

Стратегия экспорта терроризма, которая сегодня активно апробируется ИГИЛ во многих странах, в том числе и ЮВА, зависит от поддержки мусульман и вербовки новых боевиков, которые подвергаются идеологической обработке через социальные сети. Уже к 2015 г. в Малайзии было зафиксировано более 500 связанных с ИГИЛ учетных записей в социальных сетях [Yasin 2017: 9]. По данным разведслужб, 95—98% сторонников ИГИЛ в Малайзии и Индонезии были завербованы через Интернет [Hamid 2016]. По мнению экспертов ООН, ИГИЛ рассматривает ЮВА как основной центр по вербовке боевиков¹⁰.

Подготовку терактов силами «волков-одиночек», инструктаж боевиков и даже проведение самой операции ИГИЛ осуществляет также через Интернет, используя

⁹ Singh J. IS returnees pose a danger // *New Straits Times*. 22 January 2016.

¹⁰ Nineteenth report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team concerning Islamic State in Iraq and the Levant (Da'esh), Al-Qa'ida and associated individuals, groups, undertakings and entities. United Nations Security Council. January 13, 2017. P. 19.

различные закодированные мессенджеры, прежде всего, Telegram, что побудило власти Индонезии прибегнуть к его блокировке в июле 2017 г.

Пропагандистская кампания ИГИЛ в Интернете достигает своей цели тогда, когда ее аудитория уже подвержена процессу радикализации. При этом факторы, побуждающие людей поддерживать ИГИЛ, могут быть самые разные:

— общность идеологических позиций и сходство взглядов на характер мироустройства (например, некоторые индонезийцы воспринимают ИГИЛ не как террористическую организацию, а как халифат) [Samuel 2016: 40];

— обостренное чувство несправедливости и уверенность в том, что мусульмане подвергаются дискриминации и, как следствие, ненависть к Западу, к его ценностям и культуре;

— недовольство проводимой правящей властью политикой (например, один малазийский боевик назвал в качестве причины своего присоединения к ИГИЛ неприятие правящей партии УМНО, а другой был недоволен тем, как одеваются современные женщины в Малайзии).

Угроза радикализации мусульманских стран ЮВА, во многом инспирированная извне, нарастает в условиях укрепления идейно-политических позиций консервативной части суннитской общины, настроенной враждебно по отношению к представителям других этносов и иных религиозных течений. Идея толерантности, лежащая в основе умеренного ислама как в Индонезии, так и в Малайзии (несмотря на преследование шиитов и гонения на представителей других конфессий) и являющаяся залогом существования светского государства, деформируется под влиянием усиливающейся пропаганды идеи исключительной мусульманской идентичности. А это ведет к вытеснению понятия гражданства как организационного принципа построения демократического государства.

И в Индонезии, и в Малайзии происходит политизация ислама под влиянием как внешних (экспорт идеологии исламского фундаментализма из стран Ближнего Востока), так и внутренних факторов (социально-экономическое неравенство и просчеты внутренней политики). В Малайзии наблюдается процесс включения некоторых принципов салафизма в политику правящей партии — УМНО, выступающей под лозунгом защиты интересов малайских мусульман от угрозы со стороны других религий и этносов. Обращение к тематике религиозной исключительности малайских мусульман позволяет УМНО, реагирующей на общественный запрос, одерживать победу на парламентских выборах. Последствием такой политики становится нарастание этнорелигиозной напряженности в обществе, которую пока удается удерживать от экстремистских форм выражения.

Этого нельзя сказать об Индонезии, где отход от умеренного ислама проявился при предыдущем президенте С. Юдхойоно, который приоткрыл политическое пространство для деятельности исламистских структур. Сегодня они сосуществуют с ведущими мусульманскими организациями умеренного толка. Именно на них государство делает ставку в борьбе с распространением влияния ИГИЛ в стране, противопоставляя его идеологии индонезийское религиозное учение Ислам Нусантара.

Мусульманские страны ЮВА стоят на пороге политического кризиса, проявляющегося в расколе общества на тех, кто поддерживает конституционное светское правительство, и тех, кто использует ислам для борьбы с плюралистическим демократическим государством. Распространение транснационального терроризма усиливает это политико-религиозное размежевание в обществе. А формирующийся в этих странах климат религиозной нетерпимости благоприятствует популяризации идеологии ИГИЛ.

На вопрос, готовы ли сегодня страны ЮВА к отражению удара ИГИЛ, однозначно ответить трудно. Хотя в последние 3 года значительно активизировалась контртеррористическая деятельность государств региона, усилены меры безопасности, проведены успешные операции по поимке террористов и раскрытию заговоров, тем не менее, угроза терроризма не только сохраняется, но и усиливается. При этом просчитываются различные сценарии развития ситуации в условиях как победы, так и поражения ИГИЛ на Ближнем Востоке. И в том, и в другом случае возможности влияния этой группировки на развитие джихадистского движения в ЮВА с сопутствующим высоким уровнем террористической угрозы остаются достаточно большими.

И хотя вероятность образования халифата на территории ЮВА невысока, тем не менее, в условиях распространения международного терроризма возрастает риск быстрой радикализации мусульманской общины. Для мусульманских стран ЮВА это имеет серьезные политические последствия, которые выражаются в возможном расколе общества при проявлении его религиозной нетерпимости, в подрыве стабильности пока еще хрупких демократических режимов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Abuza Z.* The Strategic and Tactical Implications of the Islamic State on Southeast Asia's Militant Groups // *Georgetown Journal of Asian Affairs*. Fall 2016. P. 20—30. URL: https://asianstudies.georgetown.edu/sites/asianstudies/files/do30cuments/gjaa_3.1_abuza_0.pdf (accessed: 28.08.2017).
- Chan A.* The Call of ISIS: The Medium and the Message Attracting Southeast Asians // *Counter Terrorist Trends and Analysis*. May 2015. Vol. 7. N 4. P. 4—9.
- Disunity Among Indonesian ISIS Supporters and The Risk of More Violence*. IPAC Report N 25. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta. 1 February 2016.
- Gunaratna R.* Islamic State branches in Southeast Asia // *Pacific Forum*. CSIS. 19 January, 2016. N 7. URL: http://csis.org/files/publication/160119_PacNet_1607.pdf (accessed: 20.08.2017).
- Gunaratna R.* The Siege of Marawi: A Game Changer in Terrorism in Asia // *Counter Terrorist Trends and Analyses*. Journal of the International Center for Political Violence and Terrorism Research. 2017. Vol. 9. N 7. P. 4—8.
- Hamid A.F.A.* Islamic State in Southeast Asia: Internalized Wahhabism Is Major Factor // *Eurasia Review Journal*. Institute of Southeast Asian Studies. May 18, 2016. URL: <http://www.eurasiareview.com/18052016-islamic-state-in-southeast-asia-internalized-wahhabism-is-major-factor-analysis/> (accessed 13.08.2017).
- ISIS in the Pacific: Assessing Terrorism in Southeast Asia and the Threat to the Homeland*. Testimony before the Subcommittee on Counterterrorism and Intelligence Committee on Homeland Security. United States House of Representatives. April 27, 2016.

- Jayakumar S.* The Islamic State Looks East: The Growing Threat in Southeast Asia // CTC Sentinel. 2017. Vol. 10. N 2. P. 27—33.
- Marawi, the 'East Asia Wilayah' and Indonesia.* IPAC Report N 38. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta. 21 July 2017.
- Pro-ISIS Groups in Mindanao and Their Links to Indonesia And Malaysia.* IPAC Report N 33. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta. 25 October 2016.
- Samuel Th.* Radicalization in Southeast Asia. A Selected Case Study of Daesh in Indonesia, Malaysia and The Philippines. The Southeast Asia Regional Centre for Counter-Terrorism (SEARCCT). Ministry of Foreign Affairs. Malaysia, 2016.
- Singh B.* Jemaah Islamiyah: Still a Latent Threat // RSIS commentary. S. Rajaranam School of International Studies. N 075. April 24, 2017.
- Snider J.* Beyond Performativity: Islamic State (ISIL) and Indonesia's Counter-radicalization Challenge. Middle East Institute. August 25, 2016. URL: <https://www.mei.edu/content/map/beyond-performativity-islamic-state-isil-and-indonesia> (accessed: 24.08.2017).
- The Re-Emergence of Jemaah Islamiyah.* IPAC Report N 36. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta. 27 April 2017.
- Yasin N.* The Evolution of Online Extremism in Malaysia // Counter Terrorist Trends and Analyses. A Journal of the International Centre for Political Violence and Terrorism Research. 2017. Vol. 9. N 7. P. 9—14.

Дата поступления статьи: 01.09.2017

Для цитирования: *Рогожина Н.Г.* Угроза терроризма в странах Юго-Восточной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 697—709. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-697-709.

Сведения об авторе: *Рогожина Наталья Григорьевна* — д-р полит. наук, главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: ngrogozhins@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-697-709

THE THREAT OF TERRORISM IN SOUTH-EAST ASIA

N.G. Rogozhina

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Moscow, Russia

Abstract. The article is dedicated to the analysis of ISIS impact on the evolution of jihadist movement in the countries of South-East Asia with implication for heightening the threat of terrorism in the region where 15% of the world Muslim population live and where long standing terrorist Islamite groups have been harboring a plan of creating a salafi caliphate for decades. The author explores the causes of vulnerability of Muslim countries of South-East Asia towards expansion of radical Islam ideology that creates prerequisites for involvement of local jihadists in the international terrorist movement with implication for stability of the region. The formation of ISIS poses direct threat for security of countries of South-East Asia as it stimulates the intensification of activity of local extremist Islamic groups. They share the

common position characterized by denial of democratic system of government that should be replaced by sharia governance. The attack on town Marawi (the South of the Philippines), conducted by local extremists that support ISIS has become the warning for other countries of South East Asia of reinforced threat of regionalization and internalization of terrorism and of region becoming the new front of battle for ISIS planning to create its base there.

The author analyses risks of growing interest of ISIS towards region where it conducts goal-directed activity aimed at expanding its social base and mobilizing its supporters while looking at the region as its main base for recruiting fighters in the context of promoting its strategy of export terrorism using “lone wolves”. For this purpose, ISIS applies different political instruments considering propaganda of jihad in Internet as the most effective way to exert ideological influence on local Muslim population. The author concludes that the formation of ISIS has resulted in renovation of terrorism in South-East Asia and emergence of different small terrorist cells, what leads to upgrading the level of terrorism threat in the region. The impact of ISIS on political situation in the region is displayed directly — by promoting extremism and reinforcing the threat of terrorism and indirectly — by intensifying the process of Islamic radicalization in the political development of Muslim countries of South-East Asia.

Key words: South-East Asia, terrorism, ISIS, jihadists, radicalization, extremist organization

REFERENCES

- Abuza, Z. (2016). The Strategic and Tactical Implications of the Islamic State on Southeast Asia's Militant Groups. *Georgetown Journal of Asian Affairs*, 20—30. URL: https://asianstudies.georgetown.edu/sites/asianstudies/files/do30cuments/gjaa_3.1_abuza_0.pdf (accessed: 28.08.2017).
- Chan A. (2015). The Call of ISIS: The Medium and the Message Attracting Southeast Asians. *Counter Terrorist Trends and Analysis*, 7 (4), P. 4—9.
- Disunity Among Indonesian ISIS Supporters and The Risk of More Violence*. (2016). IPAC Report N 25. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta.
- Gunaratna, R. (2016). Islamic State branches in Southeast Asia. *Pacific Forum*, 7. URL: http://csis.org/files/publication/160119_PacNet_1607.pdf (accessed: 20.08.2017).
- Gunaratna, R. (2017). The Siege of Marawi: A Game Changer in Terrorism in Asia. *Counter Terrorist Trends and Analyses*. Journal of the International Center for Political Violence and Terrorism Research, 9 (7), 4—8.
- Hamid, A.F.A. (2016). Islamic State in Southeast Asia: Internalized Wahhabism is Major Factor. *Eurasia Review Journal*. Institute of Southeast Asian Studies. Oregon. URL: <http://www.eurasiareview.com/18052016-islamic-state-in-southeast-asia-internalized-wahhabism-is-major-factor-analysis/> (accessed: 13.08.2017).
- ISIS in the Pacific: Assessing Terrorism in Southeast Asia and the Threat to the Homeland* (2016). Testimony before the Subcommittee on Counterterrorism and Intelligence Committee on Homeland Security. United States House of Representatives.
- Jayakumar, S. (2017). The Islamic State Looks East: The Growing Threat in Southeast Asia. *CTC Sentinel*, 10 (2), 27—33.
- Marawi, the 'East Asia Wilayah' and Indonesia*. (2017). IPAC Report N 38. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta.
- Pro-ISIS Groups in Mindanao and Their Links to Indonesia And Malaysia*. (2016). IPAC Report N 33. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta.
- Samuel, Th. (2016). *Radicalization in Southeast Asia. A Selected Case Study of Daesh in Indonesia, Malaysia and The Philippines*. The Southeast Asia Regional Centre for Counter-Terrorism (SEARCCT). Ministry of Foreign Affairs, Malaysia.
- Singh, B. (2017). *Jemaah Islamiyah: Still a Latent Threat*. RSIS commentary. S. Rajaranam School of International studies. 075.
- Snider, J. (2016). *Beyond Performativity: Islamic State (ISIL) and Indonesia's Counter-radicalization Challenge*. Middle East Institute. Washington. URL: <https://www.mei.edu/content/map/beyond-performativity-islamic-state-isil-and-indonesia> (accessed: 24.08.2017).

The Re-Emergence of Jemaah Islamyah. (2017). IPAC Report N 36. Institute for Policy Analysis of Conflict. Jakarta.

Yasin, N. (2017). The Evolution of Online Extremism in Malaysia. *Counter Terrorist Trends and Analyses*. A Journal of the International Centre for Political Violence and Terrorism Research, 9 (7), 9—14.

Received: 01.09.2017

For citations: Rogozhina N.G. (2017). The Threat of Terrorism in South-East Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 697—709. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-697-709.

About the author: *Rogozhina Nataliya Grigorievna* — Doctor of Political Science, Chief Researcher, Center for Development and Modernization Studies Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (e-mail: ngrogozhina@mail.ru).

© Рогожина Н.Г., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-710-726

УЧАСТИЕ ФРГ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ НА ТЕРРИТОРИИ СОМАЛИ

Ф.О. Трунов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Пребывание Сомали в состоянии нестабильности являет собой серьезную угрозу безопасности для международного сообщества, в том числе стран и институтов Запада. Главным фактором, провоцирующим эту нестабильность, на современном этапе является деятельность международной террористической структуры «Аш-Шабаб». С проблемой активизации ее боевиков уже столкнулась Германия и ее партнеры по Европейскому союзу.

Методологической основой работы выступают теории урегулирования вооруженных конфликтов и строительства вооруженных сил (на примере национальной армии Сомали). Основными методами исследования избраны инвент-анализ и сравнительный анализ.

Цель работы — выявление особенностей подхода ФРГ к урегулированию «сомалийской проблемы». В этой связи первой задачей статьи выступает изучение предшествующего опыта Германии по борьбе с нестабильностью в Сомали в 1990-е гг. и с конца 2000-х гг. (в рамках противодействия пиратству). Второй задачей, на решение которой обращено основное внимание в статье, является изучение комплексного по своему характеру использования Германией своих политических, военных и экономических инструментов для ослабления «Аш-Шабаб».

Рассматривается участие ФРГ в миссии ЕС по реформе сектора безопасности Сомали и на основе этого оценивается военный вклад Германии в дело борьбы с международным терроризмом. Раскрывается ход, проблемы и перспективы использования национальной армии Сомали для борьбы с «Аш-Шабаб» на юге, а также сепаратистскими течениями в северной части страны. Изучается содействие, оказываемое Германией восстановлению органов власти в Сомали в 2010-е гг. и процессу федерализации страны как ключевого направления стабилизации обстановки в ней. В статье исследуются особенности экономического участия Германии в решении глубоких внутренних проблем Сомали, во многом приведших к возникновению и укреплению позиций «Аш-Шабаб».

Делается вывод о мерах, которые требуются от ФРГ для полного разгрома «Аш-Шабаб» и будущей минимизации угрозы терроризма с территории Африканского рога для Германии и ЕС.

Ключевые слова: международный терроризм, «Аш-Шабаб» безопасность, устойчивое развитие, Германия, Сомали, Африка

Различным вопросам процесса дестабилизации обстановки в Сомали, в частности, распространению морского пиратства (детальное изучение которого выходит за рамки настоящей статьи), посвящен широкий круг зарубежных и отечественных исследований. Значительное внимание проблематике возникновения и развития «Аш-Шабаб» уделяется как на Западе [Hansen 2013; Hussein 2015; Jones, Liepman, Chandler 2016], так и в России [Коновалов 2008; Иванова 2013]. В этой связи изучаются усилия Африканского союза (АС) [Шагалов 2011], а также США, Великобритании и Франции — держав, рассматриваемых традиционными игроками на геополитическом поле Африки — по противодействию терроризму

в Сомали. Однако на этом фоне отсутствуют специальные исследования, освещающие деятельность ФРГ на континенте, особенно военно-политическую составляющую этой деятельности.

ВЛИЯНИЕ «СОМАЛИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ» НА БЕЗОПАСНОСТЬ ФРГ

Одной из ключевых проблем современного мирополитического развития является рост числа очагов нестабильности, где возникают и укрепляются структуры международного терроризма. Как показывают два процесса, тесно связанные между собой, — миграционный кризис в ЕС 2014—2015 гг. и акты в отношении мирных граждан, совершаемые боевиками «Исламского государства» (ИГ) (террористическая организация, запрещена в РФ) с 2015 г. в государствах Европейского союза, — «хрупкие» страны несут в себе огромную угрозу не только для соседей, но и мирового сообщества в целом.

Государства и институты евроатлантического сообщества (ЕС и НАТО) в своих доктринальных документах все более активно обращают внимание на взаимосвязанность проблемы возвращения государств, территория которых превратилась в «рассадник» международного терроризма, на путь устойчивого политического и социально-экономического развития, с вопросами обеспечения собственной безопасности [Попова, Трунов 2016]. Данное понимание обуславливает рост готовности Запада прикладывать свои усилия — политико-дипломатические, экономические и военные — для ликвидации или как минимум уменьшения размеров очагов нестабильности. Два из них расположены в Азии (в Афганистане и сопредельных территориях Ирака и Сирии) и еще три в Африке: в Ливии и поясе Сахеля, а также на Африканском роге (в первую очередь, Сомали). Однако к середине 2010-х гг. страны Запада гораздо активнее применяли внешнеполитические инструменты, особенно военные, для борьбы с террористами на Ближнем и Среднем Востоке, а не на Африканском континенте, что, с точки зрения автора, является стратегическим просчетом.

С начала 2010-х гг. в Африке наблюдаются активизация и рост влияния террористических структур. Так, в Мали на фоне восстания туарегов в 2012—2013 гг. боевики группировок «Ансар ад-дин» и «Аль-Каида в странах исламского Магриба»¹ провели успешное наступление на позиции правительственных войск, поставив на грань краха сам институт светского государства на малийской территории. Лишь благодаря активной внешней поддержке — в том числе Франции, Германии и ЕС в целом — властям в Томбукту удалось с 2014 г. добиться передела, постепенно уничтожая и рассеивая силы боевиков [Мезенцев 2014]. Росту влияния в зоне Сахеля террористических структур, часть из которых (в частности, «Боко Харам») присягнула на верность — во многом номинально — «Исламскому

¹ Организация включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

государству» и «Аль-Каиде»², способствовал широкой комплекс факторов. Среди них: свержение режима М. Каддафи в Ливии, новое обострение уже неоднократно вспыхивавшего «туарегского вопроса» [Klute 2013: 405—424], слабость вертикали власти в части стран Сахеля, а также то впечатление, которое произвели успехи ИГ по захвату территорий в Сирии и Ираке.

В тесной связи — в прямом (географическом) и переносном (политическом) смыслах — с укреплением террористических структур в Сахеле находится процесс роста нестабильности на Африканском роге и особенно в Сомали, что в первую очередь связано с деятельностью «Хараката аш-Шабаб аль-Муджахидин» (далее «Аш-Шабаб»). В частности, имеют место тесные контакты между «Аш-Шабаб» и «Боко Харам» [Lobban, Dalton 2017: 125—130], что в перспективе может привести к их сонаправленному (с востока и запада, соответственно) активному проникновению в глубь территорий стран Сахеля. В случае дальнейшего укрепления позиций «Аш-Шабаб» к концу десятилетия возможно совершение террористических актов его боевиками в странах ЕС, в том числе в ФРГ как ведущего участника объединения. Так, в отчете германского правительства Бундестагу 2017 г. прямо указывалось: «Африканский рог является частью зоны нестабильности, протянувшейся из Северной Африки через зону Сахеля, Ближний и Средний Восток до Центральной Азии. <...> Сохраняющаяся здесь нестабильность представляет угрозу для безопасности Европы и ее интересов»³.

В процессе ослабления структур интернационального терроризма в Африке и на Ближнем Востоке решение «сомалийской проблемы» занимает особое место, что, с точки зрения автора, обусловлено рядом факторов. Первый из них — это географическое положение территории Сомали, представляющей собой «коридор» для перетока боевиков террористических группировок из Ближнего Востока (особенно Междуречья — в случае разгрома ИГ) в Африку. Второй фактор состоит в «застарелости» «сомалийского вопроса»: гражданская война в стране началась еще в конце холодной войны и продолжилась после падения режима М.С. Барре (1991). Как минимум одно поколение мирных жителей выросло в условиях активной деятельности криминогенных структур и отсутствия легитимной центральной власти [Коновалов 2008: 47—48]. Это, как показывает опыт Афганистана, является серьезным «отягчающим» обстоятельством при урегулировании проблем в Сомали. В качестве третьего фактора уместно выделить природно-климатические особенности Сомали: решение и без того весьма сложных проблем засухи и снабжения мирного населения питьевой водой было еще более затруднено в условиях длительного фактического распада государства [Дунаев 2011: 129—136]. Наконец, еще одним фактором является уже отмеченная активизация «Аш-Шабаб». Идеоло-

² Организация включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EUTM Somalia. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/11273, 22.02.2017. S. 4.

гия движения, как отмечает западный исследователь С. Хуссейн, сочетает в себе элементы ваххабизма и национализма [Hussein 2015: 48—50]. Так, боевики «Аш-Шабаб» не приемлют саму возможность автономии для Сомалиленда и Пунтленда, стремясь создать на территории Сомали государственное образование с гомогенным суннитским населением как часть «мирового халифата» [Hussein 2015: 48—50].

В современных реалиях рост угрозы международного терроризма, связанной с «сомалийским вопросом», обусловлен не только обстановкой на Африканском континенте, но и ситуацией внутри групп выходцев из Сомали в ЕС — в частности, относительно небольшой общины в ФРГ, в основном компактно живущей в районе Бонна. Только в 2007—2011 гг. 13 сомалийцев, имевших германское гражданство, направились в Вазиристан (территория Пакистана), где влились в ряды «Аль-Каиды» и движения «Талибан»⁴. В 2011 г. под влиянием успехов «Аш-Шабаб» в Сомали группа выходцев из сомалийской общины ФРГ попыталась создать «Германский аш-Шабаб» [Baehr 2011: 35—36]. В июне 2012 г. властями Кении был задержан выходец из Турции с паспортом ФРГ Э. Эрдоган, который месяцем ранее, после пребывания в Сомали в расположении боевиков «Аш-Шабаб», организовал террористический акт в Найроби⁵. В 2014 г. германский суд по уголовным делам приговорил пятерых выходцев из африканских стран (в том числе трех братьев-сомалийцев), имевших паспорта ФРГ, к тюремному заключению за участие в деятельности «Аш-Шабаб»⁶.

Данные примеры иллюстрируют наличие серьезной проблемы «спящих» террористических ячеек из числа выходцев из сомалийской общины в ФРГ, чья активизация находится в прямой зависимости от успехов «Аш-Шабаб» и дружественных им сил на Африканском роге.

Уже с 1990-х гг. Германия предпринимала активные попытки по борьбе с нестабильностью в регионе и особенно в Сомали, однако они не дали предполагаемых результатов. Наиболее масштабные усилия на данном направлении ФРГ начала прикладывать с начала 2010-х гг.

УРОКИ ПЕРВЫХ ПОПЫТОК УРЕГУЛИРОВАНИЯ «СОМАЛИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»

С 1988 г. на территории Сомали идет гражданская война между сторонниками и противниками режима М.С. Барре. С его уходом с политической сцены (1991 г.) ситуация, однако, не нормализовалась: вертикаль власти в стране фактически рухнула, а население в ряде районов страны, особенно прилежащих к зоне Сахеля, в условиях дестабилизации, в том числе разраставшегося вооруженного конфликта,

⁴ Организация включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

⁵ Top German terrorism suspect arrested in Tanzania: police. URL: <http://www.reuters.com/article/us-tanzania-german-arrest-idUSBRE85B11820120612> (accessed: 15.07.2017).

⁶ German court sentences five ex-al-Shabab members who defected due to harsh treatment. URL: <http://www.newsweek.com/german-court-sentences-five-ex-al-shabab-members-who-defected-due-harsh-478795> (accessed: 15.07.2017).

оказалось на грани гуманитарной катастрофы. В данной ситуации, принимая во внимание ограниченные первоначальные успехи, достигнутые двумя миротворческими миссиями ООН (UNOSOM I и UNITAF) в Сомали, кабинет Г. Коля / К. Кинкеля запросил и получил 21 апреля 1993 г. санкцию Бундестага на использование бундесвера (общей численностью свыше 35 тыс. миротворцев) в Сомали в составе сил миссии UNOSOM II⁷. В ее состав была выделена весьма значительная (почти 2,5 тыс. военных [Bundeswehr... 2009: 53]) группировка вооруженных сил ФРГ. Германские военнослужащие участвовали в организации «воздушного моста» между Найроби (Кения) и Могадишо (Сомали), а также охране складов и раздаче воды, продовольствия и медикаментов для предотвращения гуманитарной катастрофы. Скоординированные действия неправительственных организаций (НПО) (в том числе германских) и бундесвера, как указывали германские исследователи, привели к резкому снижению угрозы массового голода в провинции Хиран и расположенных вблизи границы с Эфиопией районах [Ваконуй 2011: 222—223].

Однако, несмотря на отдельные тактические успехи мирового сообщества, в том числе ФРГ, в целом деятельность миссии UNOSOM II закончилась провалом. Ее миротворцы ввязались в боевые действия с радикальной оппозицией, фактически став стороной конфликта и начав нести потери, — около 20 военнослужащих погибли⁸, после чего в 1994—1995 гг. был осуществлен вывод миссии из Сомали; соответственно, миротворческий континент ФРГ также покинул страну.

Из весьма противоречивых итогов первой попытки участия в урегулировании «сомалийской проблемы» германская сторона вынесла ряд уроков. Главный из них состоял в том, что ключом к успеху в деле стабилизации обстановки является поиск как минимум условно демократических сил внутри страны, без опоры на которые все усилия внешних акторов окажутся напрасными.

Второй урок — это воздержание от масштабного наземного использования войск в Сомали, учитывая фрагментированность политического ландшафта страны и обусловленный этим риск серьезных невозвратных и санитарных потерь.

В последующие полтора десятилетия — до 2008 г. — ФРГ не вносила заметного вклада в урегулирование «сомалийской проблемы». До конца 1990-х гг. это объяснялось ограниченным масштабом и интенсивностью использования военных и политико-дипломатических инструментов в Африке в целом. С 2002 г. по 2013 г. в рамках операции «Несокрушимая свобода» в акваториях Красного и Аравийского морей, Аденского и Оманского заливов действовала оперативная группа (фрегат и силы поддержки) военно-морских сил Германии с пунктом базирования в Джибути [Bundeswehr... 2009: 76]. Основной задачей этих сил являлось предотвращение проникновения боевиков «Аль-Каиды» из Ближнего Востока на Африканский рог и далее в глубь континента. Однако данные, весьма ограниченные по своему характеру, меры не оказали заметного влияния на обстановку в Сомали.

⁷ Somalia — UNOSOM II background. The UN. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/missions/past/unosom2backgr2.html> (accessed: 15.07.2017).

⁸ Ibid.

В 2005—2006 гг. на базе Союза исламских судов в стране возникло террористическое движение «Аш-Шабаб» [Taylor 2013; Коновалов 2008: 47—48]. Параллельно в прибрежных районах Сомали, особенно в Пунтленде, в условиях глубоких проблем социально-экономического развития стало распространяться пиратство, угрожавшее оживленному грузопотоку через огибающие Африканский рог акватории — в 2006—2007 гг. пиратами было атаковано 251 гражданское судно [Bundeswehr... 2009: 96].

В соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН № 1816 и 1838 (2008) ЕС обрел право использовать военно-морские силы для борьбы с пиратами, получив статус стороны, «сотрудничающей с переходным правительством Сомали». В условиях развертывания операции EU NAVFOR ATALANTA («Аталанта») уже 10 декабря 2008 г. Бундестаг одобрил направление в ее состав оперативной группы ВМФ Германии, установив «потолок» численности военнослужащих в 1,4 тыс. человек⁹. В 2009 г. военно-морские силы ФРГ во взаимодействии с силами стран — членов ЕС сумели обеспечить проведение в порты Сомали без потерь 69 транспортных судов с 300 тыс. тонн продовольственной помощи, распределенной среди 3,7 млн сомалийцев¹⁰ (или более чем 20% населения страны). В 2010 г. военные суда стран Европейского союза, в том числе ФРГ, обеспечили прибытие в Сомали 31 транспортного судна с 90 тыс. тонн продовольственной помощи. Данная операция была важна для Германии и ЕС не только в практическом, но и в имиджевом плане как первая крупная военно-морская акция объединения [Reininghaus 2011: 205—207].

Параллельно Германия стала осуществлять и точечное использование военных инструментов на территории Сомали. Так, в 2010 г. ФРГ профинансировала экипировку и вооружение бурундийского батальона миротворческой миссии Африканского союза AMISOM (АМИСОМ), развернутой в Сомали с 2007 г.¹¹ Специалисты бундесвера были привлечены к подготовке сомалийских сил береговой охраны в рамках операции EU CAP NESTOR¹².

Прилагаемые военно-морской группировкой стран — участниц ЕС, взаимодействовавшей с ВМФ России, усилия привели к серьезному снижению активности сомалийских пиратов. В этой связи Бундестаг в 2011—2016 гг. последовательно уменьшал размер верхнего «потолка» численности войск, оперирующих в Аденском заливе и сопредельных акваториях, с 1400¹³

⁹ Antrag der Bundesregierung. Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Operation Atalanta zur Bekämpfung der Piraterie vor der Küste Somalias. — Deutscher Bundestag, 16. Wahlperiode. Drucksache 16/11337. 10.12.2008. S. 2.

¹⁰ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Operation Atalanta zur Bekämpfung der Piraterie vor der Küste Somalias auf Grundlage. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/179. 9.12.2009. S. 5—6.

¹¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Operation Atalanta zur Bekämpfung der Piraterie vor der Küste Somalias. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/3691. 10.11.2010. S. 5.

¹² Ibid. S. 5.

¹³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Operation Atalanta zur Bekämpfung der Piraterie vor der Küste Somalias auf Grundlage. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/1282, 30.04.2014. S. 5.

до 600¹⁴ военнослужащих. При этом в реальности в 2017 г. в составе миссии было всего 78 германских военнослужащих¹⁵ и один фрегат. Однако к 2010-м гг. на фоне успехов, достигнутых в борьбе с пиратством, резко ухудшилась обстановка внутри Сомали.

УЧАСТИЕ ГЕРМАНИИ В РЕФОРМЕ СЕКТОРА БЕЗОПАСНОСТИ СОМАЛИ

С 2009 г. боевики «Аш-Шабаб» перешли к активным наступательным действиям, сумев установить контроль над большей частью Могадишо и обозначив претензии на силовое объединение всей территории страны под своей властью [Taylor 2013; Hoehne 2011: 121—122]. Для этого у «Аш-Шабаб» имелись весомые основания: под ее контролем находились территории, на которых проживало примерно 55% сомалийского населения, а численность боевиков составляла в рассматриваемый момент от 5 до 12 тыс. человек [Jones, Liepman, Chandler 2016: 8], что было сопоставимо с мощностью «Аль-Каиды» в период ее расцвета. Для ФРГ и ее партнеров по ЕС становилось ясно, что предпринимаемые до этого шаги по стабилизации ситуации в Сомали были лишь полумерами, не дававшими необходимого эффекта, — требовалось активное использование инструментов внешней политики, в том числе военных, на территории Сомали.

Германия стала содействовать воссозданию институтов государственности в стране, построенных на демократических принципах. Реформа сектора безопасности — в первую очередь, создание боеспособных и не подверженных межплеменным и конфессиональным распрям вооруженных сил — является лишь органичным элементом данного процесса. Однако в условиях резкого усиления террористической угрозы в начале 2010-х гг. было решено сосредоточиться на тактической задаче — организации первых воинских формирований из сомалийцев — еще до достижения серьезных успехов в реализации задачи по перестройке политической системы страны в целом. Данная схема, когда Германия (и ее партнеры) активно включалась в реформу сектора безопасности проблемной страны, взаимодействуя с переходными федеральными властями, через 3 года нашла применение в Мали, доказав свою эффективность.

В 2010 г. на территории Сомали была развернута военно-тренировочная миссия EUTM Somalia, общая численность которой составляла до 160 военных специалистов из стран — участниц ЕС. Бундестаг определил «потолок» для германских военных в составе миссии всего в 20 человек, оставив эту квоту неизменной вплоть до настоящего момента¹⁶. Столь ограниченный масштаб германского участия (и в целом ЕС) в реформе сектора безопасности Сомали объясняется, с точки зрения автора, прежде всего неудачным опытом осуществления миротворческой

¹⁴ EUNAVFOR Atalanta (Horn von Afrika). Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/ausschuesse18/a12/auslandseinsaetze/auslandseinsaetze/atalanta/247440> (accessed: 15.07.2017).

¹⁵ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (Stand: 08. Mai 2017). Statistische Amt. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 15.07.2017).

¹⁶ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EUTM Somalia. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7556, 17.02.2016. S. 2.

деятельности в стране в 1992—1994 гг. Эта причина, как представляется, и предопределила отказ ФРГ от возможности участия во вновь инициированной ООН и Африканским союзом миротворческой миссии. Так, в состав развернутой еще в 2007 г. AMISOM не было направлено подразделений даже вспомогательных (военно-транспортная авиация, медицинская служба) родов войск бундесвера, не говоря уже о боевых частях. ЕС оказывал помощь миссии АС лишь вооружением и финансированием¹⁷.

АС сыграл важную роль в примирении Переходного федерального правительства в стране и части умеренной оппозиции, объединившейся в «Альянс за освобождение Сомали». Между ними в Джибути в 2008 г. было заключено соглашение о прекращении огня. Уже с 2009 г. представители оппозиции получили возможность избираться в парламент страны, численность депутатов в котором выросла вдвое (с 275 до почти 600 человек)¹⁸. Ключевой военной задачей, стоявшей перед миссией АС, являлась борьба с «Аш-Шабаб»¹⁹. Однако до начала 2010-х гг. войскам Африканского союза не удавалось нанести «Аш-Шабаб» решающего поражения [Taylor 2013]. Это требовало дополнительных усилий со стороны внешних игроков, в том числе евроатлантического сообщества.

В отличие от Афганистана, в Сомали участие ФРГ и ее партнеров по ЕС в реформе сектора безопасности отличалось отказом от сотрудничества с местными «полевыми командирами»²⁰. С одной стороны, это снижало потенциальную численность вооруженных сил и скорость их создания: в начале 2010-х гг. части армии Сомали приходилось формировать в большинстве случаев с нуля. В реальности подготовка первых подразделений сомалийской армии началась в 2011 г., после их формирования, а в районе Могадишо, очищенном от боевиков в 2011 г., лишь с начала 2014 г. К началу 2017 г. силами миссии EUTM Somalia было обучено 5,4 тыс. военнослужащих армии Сомали (эквивалент 6 батальонов и подразделений усиления), в том числе в районе Могадишо — 1,5 тыс. солдат и офицеров²¹ (2 батальона и силы поддержки). Соответственно, сомалийская армия стала вносить заметный вклад в борьбу с террористами «Аш-Шабаб» лишь к середине 2010-х гг. При этом, учитывая относительно небольшую численность боевиков «Аш-Шабаб» (3—4 тыс.) к 2016 г. [Jones, Liepman, Chandler 2016: 8], даже имеющих сил (вкуче с миссией AMISOM) оказалось достаточно для проведения контрнаступления против исламистов, начавшегося весной 2014 г. Принятие сомалийскими национальными вооруженными силами ключевой роли от войск АС способствовало легитимации властей страны, что являлось одной из целей ФРГ и ЕС.

¹⁷ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EUTM Somalia. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7556, 17.02.2016. S. 4.

¹⁸ Somali Peace Process. The African Union. URL: <http://amisom-au.org/about-somalia/somali-peace-process/> (accessed: 15.07.2017).

¹⁹ AMISOM Background. The African Union. URL: <http://amisom-au.org/amisom-background/> (accessed: 15.07.2017).

²⁰ Ibid.

²¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EUTM Somalia. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/11273. 22.02.2017. S. 5—6.

С другой стороны, указанный способ комплектования обеспечивал более высокую степень лояльности федеральному центру переобученных войск. Необходимо отметить, что помимо собственно военной подготовки, включавшей обучение контрповстанческой деятельности, в том числе боям в городских условиях, с солдатами и офицерами армии Сомали проводились политические занятия. В ходе них военнослужащим объясняли преимущества демократической модели устройства общества и страны. В этой связи показательное отсутствие фактов перехода групп военнослужащих армии Сомали на сторону террористов «Аш-Шабаб» на фоне осуществления успешной борьбы с последними.

Положительная динамика создания вооруженных сил страны позволила в 2014 г. принять план их развития до 2019 г., составленный при участии экспертов миссии EUTM Somalia. При сохранении неизменной численности своих военных в ее составе (20 человек), Германия приняла на себя одну из ключевых ролей в руководстве силами EUTM Somalia. В соответствии с ним сомалийские войска должны к началу 2020-х гг. достичь необходимого уровня численности и оснащенности для полного разгрома «Аш-Шабаб»²². Функции военных из состава миссии ЕС должны в этой ситуации сводиться не только к обучению (в основном рядового и младшего командного состава), но и к консультированию офицеров из войсковых частей и Генерального штаба Сомали, в том числе при планировании и осуществлении операций против «Аш-Шабаб». Кроме того, сотрудники миссии EUTM Somalia будут отслеживать вопросы соблюдения прав человека в войсках и сохранения необходимого уровня политической грамотности военнослужащих²³. Тем самым, частично трансформируя миссию, ФРГ и ее партнеры по ЕС сохраняют инструмент контроля над вооруженными силами Сомали на долгосрочную перспективу. Параллельно Германия участвует в подготовке полицейских кадров Сомали, что является одной из составляющих деятельности миссии ООН UNSOM (ЮНСОМ) по поддержке сил AMISOM. Однако во второй половине 2010-х гг. данная деятельность по сути лишь начиналась и не приобрела того значения в деле стабилизации обстановки в Сомали, как военно-тренировочная активность ЕС²⁴.

²² Entschließungsantrag der Abgeordneten Omid Nouripour... und der Fraktion BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN zu der Beratung des Antrags der Bundesregierung Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EUTM Somalia (Drucksachen 18/4203, 18/4447). Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/4461. 25.03.2015. S. 1—2.

²³ Die European Union Training Mission Somalia (EUTM SOM). Bundeswehr. URL: http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/start/aktuelle_einsaetze/eutm_som/info/!ut/p/z1/hY7NC0JAFIUfKPBmhmVLbTaGVGKkczdxUzFrckTE6u2baC2d3fnh44CQg1oem5qHxrSsrVe0PID-flzdtetKkTYi2u1PiS_juR8JZP8GZGsx0UAgLSsoy1hNMzykINCNR345nekHXQ0OF9-HUFduS10dTbH8gi2o1uZir2chVFj3s3eC7pE_xcK7fwBAoKb/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922DD0C0INOVQ8DL18I5 (accessed: 15.05.2017).

²⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EUTM Somalia. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/11273. 22.02.2017. S. 5.

В условиях продолжения борьбы с «Аш-Шабаб» перед национальными вооруженными силами Сомали стоит и еще одна сложная задача: инкорпорирование военизированных формирований полусамостоятельных частей Сомали (Пунтленд, Сомалиленд), что невозможно без реальной федерализации страны. При этом достижение этой цели позволит существенно увеличить военный потенциал, используемый в борьбе с международным терроризмом. На этом направлении практическое взаимодействие официального Могадिशо с Пунтлендом и Сомалилендом обладает весьма значительным потенциалом.

СОДЕЙСТВИЕ ВОССТАНОВЛЕНИЮ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СОМАЛИ

Перелом в боях с «Аш-Шабаб», достигнутый при ведущей роли сомалийских войск, обученных военно-тренировочной миссией ЕС, создал благоприятные внешние условия для воссоздания политической системы Сомали. Без заполнения «вакуума власти» — как на центральном уровне, так и на местном — военные успехи в борьбе с международными террористическими структурами оказались бы кратковременными и эфемерными.

Еще с 2004 г. на территории Кении находился временный парламент Сомали. Его депутаты 8 февраля 2012 г. уже на территории страны избрали первого за четверть века законного президента страны: им стал Х.Ш. Махмуд. Вновь избранный глава государства становился символом стабильности и противовесом «Аш-Шабаб».

В феврале 2013 г. в Могадिशо было вновь открыто Посольство ФРГ, что позволило активизировать оказание Сомали технической помощи — в первую очередь, посредством консультирования чиновников аппарата президента, органов законодательной и исполнительной власти. Данная работа ведется германскими дипломатами как по линии МИД, так и Дипломатической службы ЕС²⁵. Это содействовало созданию дееспособной вертикали центральной власти, иллюстрацией чего является отсутствие попыток государственных переворотов в стране с начала 2010-х гг. и рост поддержки правительства Сомали как внутри страны, так и за ее пределами.

Показательно, что все послы, направляемые ФРГ в Сомали, являются женщинами (М. Хельвиг-Бёте, Й. Фраш)²⁶. Тем самым властями Германии подчеркивалось пристальное внимание к положению женщин в стране, бросался определенный идеологический вызов радикалам. В мае 2017 г. министр иностранных дел ФРГ З. Габриель совершил первый в истории двусторонних отношений официальный визит в Сомали, тем самым подчеркнув особую важность борьбы с международным терроризмом для Германии²⁷.

²⁵ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EUTM Somalia. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7556. 17.02.2016. S. 4—6.

²⁶ Beziehungen zu Deutschland (Somalia). Auswärtiges Amt. URL: www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/Somalia/Bilateral_node.html (accessed: 15.07.2017).

²⁷ Gabriel in Somalia: Die Weltgemeinschaft darf nicht wegsehen. Auswärtiges Amt. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/EN/AAmt/BM-Reisen/2017/170501_SOM_ETH/170502_SOM.html (accessed: 15.07.2017).

В первой половине — середине 2010-х гг. армия Сомали достигла больших успехов в борьбе с «Аш-Шабаб». К лету 2016 г. террористы контролировали территории, на которых проживало только 5% населения Сомали. Восстановление контроля правительства над центральными и южными районами страны позволило провести в этих регионах выборы местных органов управления. В январе 2017 г. состоялись выборы в парламент Сомали, которые были проведены в 14 025 избирательных округах, в то время как в 2012 г. — лишь в 135²⁸. Это укрепило легитимность избранного парламентариями 8 февраля 2017 г. президента М.А. Мохаммеда, продемонстрировав возможность мирной передачи власти, что является признаком дееспособности политической системы Сомали.

Дальнейшее распространение влияния и контроля центрального правительства сложно осуществить без федерализации страны, что на практике означает предоставление широкой автономии Пунтленду и Сомалиленду. ФРГ не признала независимость данных самопровозглашенных образований, настаивая на необходимости сохранения территориальной целостности Сомали²⁹. Оба данных полусамостоятельных образования выступали против «Аш-Шабаб», стремившейся (как и другие исламистские террористические структуры) создать на сомалийской земле гомогенный суннитский халифат с фактически унитарным внутренним устройством [Hussein 2015: 40—51].

В случае с Пунтлендом прогресс наметился еще в 2014—2015 гг., в том числе под влиянием успехов войск правительства Сомали, которые подошли к границам непризнанной территории. Кроме того, в 2014 г. президентом Пунтленда стал А.М. Али, в 2011—2012 гг. занимавший пост премьер-министра Сомали. МИД ФРГ и Дипломатическая служба ЕС выступили посредниками на переговорах между представителями Пунтленда и властей Сомали. Сохраняя широкую автономию (в том числе институт собственного президента и местного парламента), Пунтленд начал реинтеграцию в состав единого Сомали: иллюстрацией этого стало участие пунтлендцев в общесомалийских парламентских выборах в январе 2017 г.

Не менее существенным в политическом отношении стал и процесс разоружения местных военизированных формирований. Еще с начала 2010-х гг. МИД ФРГ при поддержке ООН, АС и ЕС стали создаваться специальные лагеря для складирования амуниции и вооружения бывших комбатантов, возвращающихся к мирной жизни или переходящих на службу в армию Сомали. Первые 8 лагерей были созданы в центральных районах страны для сдачи оружия отрядами местных «полевых командиров» и в Пунтленде. На следующем этапе, с сентября 2015 г., еще 7 лагерей с 20 специальными хранилищами были созданы уже исключительно на территории последнего³⁰. Это было тем важнее, что Пунтленд был

²⁸ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EUTM Somalia. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/11273, 22.02.2017. S. 4.

²⁹ Beziehungen zu Deutschland (Somalia). Auswärtiges Amt. URL: www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/Somalia/Bilateral_node.html (accessed: 15.07.2017).

³⁰ Bau von sicheren Lagern für Waffen und Munition in Somalia // Auswärtiges Amt. URL: www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Themen/Abruestung/Projekte/150902_Waffenlager_Somalia.html (accessed: 15.07.2017).

основным регионом, где базировались пираты и активно действовали силы организованной преступности [Pabst 2011: 171—177]. Охрана лагерей возлагалась на войска Сомали и, в первую очередь, подразделения спецназначения.

Почему выполнение данной задачи было возложено именно на МИД ФРГ? Его специалисты обладали значительным опытом участия в различных проектах по разоружению, и, главное, были штатскими, а не военными, а значит не столь негативно воспринимались местным населением.

Применительно к Сомалиленду ситуация значительно сложнее — данная территория продолжает оставаться де-факто независимой от официального Могадишо. Для устранения этой «болевого точки» правительству Сомали необходимо завершить интеграцию Пунтленда в состав единого государства и сосредоточить на данной территории серьезные военные силы в качестве инструмента давления на Сомалиленд. Эти силы могут быть собраны, учитывая медленные темпы строительства вооруженных сил страны, только после разгрома или серьезного ослабления «Аш-Шабаб». ФРГ обладает значительными потенциальными возможностями для обеспечения сближения Сомалиленда и правительства Сомали. Есть также шанс воспользоваться помощью соседних с Сомалилендом Эфиопии и особенно Джибути, где весьма сильны германские позиции, а также увязать вопрос возвращения независимой территории в состав Сомали с объемами экономической помощи Сомалиленду.

МЕРЫ ФРГ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ВОССТАНОВЛЕНИЮ СОМАЛИ

Одной из ключевых трудностей на пути борьбы с международным терроризмом на территории Сомали является глубокий кризис социально-экономической сферы в этой стране. Сомали входит в тройку «антилидеров» по уровню детской смертности, ВВП на душу населения не превышает 400 долл. США в год, а по состоянию 2015 г. из 10,5 млн населения страны 2 млн являлись мигрантами, причем более половины из них (1,1 млн) жили за пределами Сомали — в первую очередь, в лагерях беженцев на территории соседней Кении³¹, а также Йемена. Учитывая плохие бытовые условия пребывания беженцев в данных лагерях, последние становятся пунктами для вербовки новых боевиков «Аш-Шабаб».

Всего для стабилизации обстановки в Сомали международное сообщество в первой половине — середине 2010-х гг. выделило 1,6 млрд долл. США, из которых 6% приходилось на долю ФРГ. Из 107,6 млн евро официальной помощи развитию (ОПР), выделенной Германией для Сомали в 2012—2016 гг., 24,5 млн евро (или 22,7%) пришлось на специальную программу помощи беженцам³². 63,1 млн евро было выделено по каналам международных организаций, а 20 млн евро было

³¹ Entschließungsantrag der Abgeordneten Omid Nouripour, Dr. Frithjof Schmidt, Agnieszka Brugger, Annalena Baerbock ... und der Fraktion BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN ... Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. — Drucksache 18/4461. 25.03.2015. S. 1—2.

³² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EUTM Somalia. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/11273, 22.02.2017. S. 6—7.

направлено по прямым каналам Министерства экономического сотрудничества и развития (МЭСР) — для оказания помощи местным органам власти. Для ФРГ ключевыми направлениями при использовании данной ОПР являются решение проблем водоснабжения (особенно в прилегающих к Сахелю районах Сомали) и повышения уровня медицинского обслуживания населения, особенно детей³³. Данные меры, с точки зрения автора, начинают создавать серьезные трудности на пути вербовки группировкой «Аш-Шабаб» новых боевиков в лагерях для перемещенных лиц.

До середины 2010-х гг. вследствие практически всеобщего характера вооруженного конфликта в стране представители МЭСР и GIZ (Общества по экономическому сотрудничеству) практически отсутствовали на территории Сомали. Лишь в 2016 г. в стране был открыт офис GIZ, до этого за сомалийское направление отвечало представительство Общества в Найроби (Кения). В 2017 г. в Сомали работало 70 экспертов GIZ, из которых 60 являлись гражданами ФРГ³⁴. Этого числа работающих в Сомали специалистов в области распределения и использования ОПР, на наш взгляд, недостаточно для достижения перелома в решении социально-экономических проблем, особенно в районах, недавно освобожденных от «Аш-Шабаб», где потребность в укреплении доверия к властям особенно остра.

К настоящему моменту GIZ во взаимодействии с МЭСР реализует шесть проектов, из которых выделяются три наиболее масштабных.

В рамках первого из них во взаимодействии с местными органами властями, старейшинами племен и частными структурами производится реконструкция сети дорог в Сомали³⁵. Это облегчит маневрирование правительственными войсками при борьбе с «Аш-Шабаб», что особенно важно в условиях ограниченной численности армии правительства Сомали.

В Сомалиленде в фокусе внимания GIZ находилась работа по обводнению сельскохозяйственных площадей, что служило не только инструментом решения вопросов продовольственной безопасности, но и средством снижения социальной напряженности за счет создания новых рабочих мест. Частично данная деятельность финансируется германским банком развития KfW.

Еще одним направлением является содействие возвращающимся в места постоянного проживания беженцам³⁶. Однако в современных реалиях данные проекты, в том числе из-за недавнего времени запуска (2015—2016 гг.) еще не дали необходимого эффекта, а, следовательно, и не привели к улучшению криминогенной обстановки. Так, несмотря на прилагаемые усилия по демилитаризации и последующей социальной адаптации сдавшихся боевиков «Аш-Шабаб», разоружения даже небольших групп террористов не наблюдается. О сохраняющейся остроте про-

³³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EUTM Somalia. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/11273, 22.02.2017. S. 6—7.

³⁴ Somalia // Die Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit. URL: www.giz.de/en/worldwide/33495.html (accessed: 15.07.2017).

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

блем обеспечения продовольствием и питьевой водой говорят объемы гуманитарной помощи, розданной только по каналам МИД ФРГ в 2016 г. — 38 млн евро³⁷. Высокий уровень социальной напряженности сохраняет возможности для потенциального роста поддержки «Аш-Шабаб».

Значимость «сомалийской проблемы» для обеспечения безопасности самой ФРГ последовательно возрастала с начала 1990-х гг., особенно после превращения Сомали в рассадник международного терроризма. Первая попытка Германии принять участие в урегулировании «сомалийского вопроса» в середине 1990-х гг. оказалась неудачной, вторая — в конце 2000-х гг. — была направлена на борьбу с производными нестабильности в Сомали, но не на причины самой нестабильности.

В начале 2010-х гг. ФРГ стала постепенно воздействовать на «сомалийскую проблему» изнутри, используя для этого преимущественно военно-политические инструменты. Лишь с 2013—2015 гг. Германия стала использовать широкий комплекс инструментов для поддержки официального Могадишо, рассматривая его как основного участника борьбы с «Аш-Шабаб».

Несмотря на имеющиеся успехи, «точка невозврата» в деле разгрома террористических структур в Сомали еще не пройдена, что означает необходимость наращивания усилий Германии по всем направлениям. В военном плане требуется оказание военно-технической помощи армии Сомали и увеличение масштаба участия Германии в миссии EUTM Somalia. Политико-дипломатические инструменты должны быть, в первую очередь, использованы с целью стимулирования скорейшей интеграции Пунтленда в состав единого Сомали и содействия развитию диалога официального Могадишо с Сомалилендом. При использовании экономических инструментов следует сосредоточить первоочередные усилия на повышении производительности сельского хозяйства Сомали.

В перспективе значимость Сомали с точки зрения прикладываемых ФРГ антитеррористических усилий как на африканском стратегическом направлении, так и на мировой арене в целом будет лишь возрастать.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-30066) в МГУ имени М.В. Ломоносова.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дунаев А.Л.* Сомали-2011: гуманитарная катастрофа на фоне гражданской войны // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 126—146.
- Иванова Л.В.* «Аш-Шабаб» в Сомали: надежда на мир или угроза миру? // Азия и Африка сегодня. 2013. № 12. С. 23—26.
- Коновалов И.* Исламисты Сомали // Азия и Африка сегодня. 2008. № 4. С. 47—52.

³⁷ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungs- und Beratungsmission EUTM Somalia. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/11273. 22.02.2017. S. 6—7.

- Мезенцев С.В.* Внутренние и международно-политические аспекты кризиса в Мали и французская операция «Сервал» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 1. С. 3—28.
- Попова О.П., Трунов Ф.О.* Межведомственное взаимодействие в рамках оказания помощи «нестабильным государствам»: опыт ФРГ // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. № 1. С. 107—139.
- Шагалов В.А.* Гражданская война в Сомали и миротворческая операция Африканского союза // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 207—216.
- Baehr D.* The Somali Shabaab militias and their jihadist networks in the West // KAS international reports. 2011. № 8. P. 22—38.
- Bakonyi J.* Land ohne Staat, Wirtschaft und Gesellschaft im Krieg am Beispiel Somalias. Frankfurt: Campus Verlag. 2011.
- Hansen S.J.* Al-Shabaab in Somalia: The History and Ideology of a Militant Islamist Group. Oxford: Oxford University Press. 2013.
- Hoehne M.V.* Al Shabaab in Somalia: Von einer Terrorzelle zu einem regierungsähnlichen Akteur // Somalia: Optionen — Chancen — Stolpersteine. Ed. by W. Feichtinger, G. Heinzl. Wien: Böhlau Verlag. 2011. p. 121—158.
- Hussein S.* Al Shabaab in Somalia: between clan and faith // Terrorism and Counter-Terrorism in Africa. New York: Springer Nature. 2015. p. 39—66.
- Jones S. G., Liepman A. M. & Chandler N.* Counterterrorism and Counterinsurgency in Somalia. Assessing the campaign against Al-Shabab. California: Rand Corporation. 2016.
- Klute G.* Tuareg-Aufstand in der Wüste. Ein Beitrag zur Anthropologie des Krieges und der Gewalt. Mit einem Geleitwort von Trutz von Trotha. Köln: Rüdiger Köppe Verlag. 2013.
- Kühne W.* West Africa and the Sahel in the grip of organized crime and international terrorism. Why the UN, EU and Germany should prepare for a long stay // Frankreich, Deutschland und die EU in Mali. Chancen, Risiken und Herausforderungen. Ed. By St. Brüne. Baden-Baden: Nomos, Aschendorff Verlag. 2015. p. 111—131.
- Lobban R.A., Dalton C.* African insurgencies: from the colonial era to the 21st century. New York: Praeger Security international. 2017.
- Pabst M.* Internationales Krisenmanagement in Somalia // Somalia: Optionen — Chancen — Stolpersteine. Ed. by W. Feichtinger, G. Heinzl. Wien: Böhlau Verlag, 2011. p. 161—180.
- Reininghaus Fr.* Operation Atalanta am Horn von Afrika Die erste maritime Operation der Europäischen Union // Somalia: Optionen — Chancen — Stolpersteine. Ed. by W. Feichtinger, G. Heinzl. Wien: Böhlau Verlag. 2011. p. 205—224.
- Taylor M.* Review: Al-Shabaab in Somalia: the history and ideology of a militant islamist group, 2005—2012. 2013. URL: <http://africanarguments.org/2013/04/25/review-al-shabaab-in-somalia-the-history-and-ideology-of-a-militant-islamist-group-2005-2012-by-magnus-taylor/> (accessed: 15.07.2017).
- The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad.* Berlin: Federal Ministry of Defense. 2009.

Дата поступления статьи: 30.08.2017

Для цитирования: Трунов Ф.О. Участие ФРГ в борьбе с международным терроризмом на территории Сомали // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 710—726. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-710-726.

Сведения об авторе: Трунов Филипп Олегович — канд. полит. наук, научный сотрудник факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: 1trunov@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-710-726

GERMAN PARTICIPATION IN THE STRUGGLE WITH THE INTERNATIONAL TERRORISM AT THE TERRITORY OF SOMALIA

Ph.O. Trunov

Moscow State University in the name of M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

Abstract. Staying Somalia in a state of instability is a serious threat for the security of the international community, including countries and institutions of the West. At the modern period, its key element is the activity of the international terrorist structure Al Shabab. Germany and its EU partners face with the problem of the revitalization of Al Shabab terrorists.

The methodological basis of the paper is the theories of armed conflicts resolution and the construction of armed forces (at the example of the Somalian national army). The key research methods are the event-analyses and the comparative analyses.

The aim of the article is the research of the German approach to resolving the “Somali problem”. In this regard, the first task is to study the previous experience of Germany in counteracting with instability in Somalia in the 1990-s and since the late 2000-s. (in the framework of counteracting piracy). The second task, on the solution of which is paid the main attention in the article, is the research of complex usage by Germany of its political, military and economic tools for the weakening of Al Shabab. The article studies German participation in the EU mission for the reform of the security sector of Somali. At this base, the article concludes about the military participation of Germany in the struggle with the international terrorism.

The article covers the course, problems and prospects of using the national army of Somalia for fighting against Al-Shabab in the south, as well as separatist currents in the northern part of the country. The paper researches German promotion in restoring the structures of power in the country and the process of federalization as the key direction of the stabilization in Somalia. The article covers the features of German economic participation in the decision of deep internal Somali problems, which mainly led to the appearance and strengthening of the Al Shabab positions.

The research paper concludes about the measures, which are needed from Germany for the full defeat of Al Shabab and future minimization of the terrorist threat from the Horn of Africa states for Germany and the EU.

Key words: International terrorism, security, development, Germany, Somalia, Africa

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 15-18-30066) at Moscow State University in the name of M.V. Lomonosov.

REFERENCES

- Baehr, D. (2011). The Somali Shabaab militias and their jihadist networks in the West. *KAS international reports*, 8, 22—38.
- Bakonyi, J. (2011). *Land ohne Staat, Wirtschaft und Gesellschaft im Krieg am Beispiel Somalias*. Frankfurt: Campus Verlag.
- Dunaev, A.L. (2011). Somali-2011: Humanitarian catastrophe at the phone of the civil war. *MSU Vestnik, Series 25: International Relations and World Politics*, 4, 126—146. (In Russ.).
- Hansen, S. J. (2013). *Al-Shabaab in Somalia: The History and Ideology of a Militant Islamist Group*. Oxford: Oxford University Press.
- Hoehne, M.V. (2011). Al Shabaab in Somalia: Von einer Terrorzelle zu einem regierungsähnlichen Akteur. In: *Somalia: Optionen — Chancen — Stolpersteine*. Ed. by W. Feichtinger, G. Heinzl. Wien: Böhlau Verlag, p. 121—158.

- Hussein, S. (2015). Al Shabaab in Somalia: between clan and faith. In: *Terrorism and Counter-Terrorism in Africa*. New York: Springer Nature, p. 39—66.
- Ivanova, L.V. (2013). Al Shabab in Somalia: hope of peace or threat to the world? *Asia and Africa today*, 12, 23—26. (In Russ.).
- Jones, S. G., Liepman A. M. & Chandler N. (2016). *Counterterrorism and Counterinsurgency in Somalia. Assessing the campaign against Al-Shabab*. California: Rand Corporation.
- Klute, G. (2013). *Tuareg-Aufstand in der Wüste. Ein Beitrag zur Anthropologie des Krieges und der Gewalt. Mit einem Geleitwort von Trutz von Trotha*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Konovalov, I. (2008). The Somali's islamists. *Asia and Africa today*, 4, 47—52. (In Russ.).
- Kühne, W. (2016). West Africa and the Sahel in the grip of organized crime and international terrorism. Why the UN, EU and Germany should prepare for a long stay. In: *Frankreich, Deutschland und die EU in Mali. Chancen, Risiken und Herausforderungen*. Ed. by St. Brüne. Baden-Baden: Nomos, Aschendorff Verlag, p. 111—131.
- Lobban, R.A. & Dalton, C. (2017). *African insurgencies: from the colonial era to the 21st century*. New York: Praeger Security international.
- Mezentsev, S.V. (2014). Internal and international and political aspects of crisis in Mali and French operation “Serval”. *MSU Vestnik, Series 25: International Relations and World Politics*, 1, 3—28. (In Russ.).
- Pabst, M. (2011). Internationales Krisenmanagement in Somalia. In: *Somalia: Optionen — Chancen — Stolpersteine*. Ed. by W. Feichtinger, G. Heinzl. Wien: Böhlau Verlag, p. 161—180.
- Popova, O.P. & Trunov, Ph. (2016). The interagency cooperation in the framework of assistance to fragile states: the German experience. *MSU Vestnik, Series 25: International Relations and World Politics*, 1, 107—139. (In Russ.).
- Reininghaus, Fr. (2011). Operation Atalanta am Horn von Afrika Die erste maritime Operation der Europäischen Union. In: *Somalia: Optionen — Chancen — Stolpersteine*. Ed. by W. Feichtinger, G. Heinzl. Wien: Böhlau Verlag, p. 205—224.
- Shagalov, V.A. (2011). The civil war in Somalia and peacekeeping operation of the African Union. *Scientific Notes of Kazan State University. Series: Humanitarian Sciences*, 1, 207—216. (In Russ.).
- Taylor, M. (2013). *Review: Al-Shabaab in Somalia: the history and ideology of a militant islamist group, 2005—2012*. URL: <http://africanarguments.org/2013/04/25/review-al-shabaab-in-somalia-the-history-and-ideology-of-a-militant-islamist-group-2005-2012-by-magnus-taylor/> (accessed: 15.07.2017).
- The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad*. (2009). Berlin, Federal Ministry of Defense.

Received: 30.08.2017

For citations: Trunov, Ph.O. (2017). German Participation in the Struggle with the International Terrorism at the Territory of Somalia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 710—726. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-710-726.

About the author: *Trunov Philipp Olegovich* — PhD in Political Science, Scientific Researcher of the Department of International Security, the Faculty of World Politics, Moscow State University in the name of M.V. Lomonosov (e-mail: 1trunov@mail.ru).

© Трунов Ф.О., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-727-737

CAMEROON FIGHTING BOKO HARAM

Jean Cottin Gelin KOUMA

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. This study proposes to retrace Boko Haram atrocities in Cameroon as well as the history of international cooperation against the Islamist sect since the declaration of the war against it in 2014. The principal internal counter-terrorist efforts are shown, including establishment of “Operational Command” missions, partial reorganization of the territorial map of the army’s command, the expansion of defense policy at the subregional level and the gradual redefinition of military, the allocation of resources and tools adapted to these new missions.

Cameroon engages in a process of multilateralization of the challenges of counter-terrorism cooperation, which gives a new dimension to the action of the defense and security forces as well as the multilateralization of the stakes of cooperation. The role of major powers and the countries of the subregion as well as the African Union and the United Nations is revealed. Cameroon is a traditional beneficiary of French military assistance. Counter-terrorist assistance also came from Russia, US, UK and Germany. The role of the Multinational Joint Task Force of Commission of the Lake Chad Basin (LCBC) is shown.

The author also shows that the war against Boko Haram seems to produce exceptional results that force both admiration and criticism of the Cameroonian people and the international community. The case of criticism by the NGO Amnesty International is analysed in details.

Key words: Cameroon, Africa, Regional Security, International Cooperation, Terrorism, Boko Haram

The emergence and then the growing development of terrorism in the northern region of Cameroon remains a relatively recent phenomenon. The first incursions of Boko Haram into Cameroon’s territory date back to 2012 [Bokeriya, Omo-Ogbebor 2016] with great control of the terrain in this part of northern Cameroon, forcing the Cameroonian authorities to retaliate.

ATROCITIES OF BOKO HARAM

This threat of Boko Haram was accompanied initially by kidnappings, then demands for ransom and finally suicide bombings. The release of the first targeted persons, such as the Moulin-Fournier family, kidnapped on 19 February 2013 in the locality of Dabanga, eighty kilometers from Kousséri, or the French priest Georges Vandenbeusch, kidnapped at Nguetchéwe on 14 November 2013, are obvious illustrations. At the beginning of April 2014, Fathers Gianantonio Allegri, Giampaolo Marta and Sister Gilberte Bussière were captured with the traditional chief of the village of Goumouldi, who was found to have his throat cut in Nigeria; on the night of 16 to 17 May, ten Chinese nationals disappeared in Waza; the town of Kolofata is the subject of a spectacular assault during which the wife of the deputy prime minister Amadou Ali, his sister-in-law, the mayor and lamido of Kolofata are abducted. Seini Boukar Lamine, his wife, six of their children and several other members of the family. Since the end of July 2015,

Cameroon has undergone some thirty suicide attacks in the Far North. If Boko Haram is suspected of infiltrating mosques and Koranic schools, the group recruits especially disadvantaged girls who have no idea that they carry bombs [Olivier 2015].

On February 9, 2015, about ten soldiers of the Rapid Intervention Battalion (BIR) were seriously injured, immediately from the jump of a vehicle on an “improvised explosive device” posed by the insurgents. Since the beginning of the war, 22 soldiers of Operation Alpha (BIR) — about 50 for all Cameroonian units — have lost their lives in ten months of almost daily confrontation with the sect [Dougueli 2015]. Even though this group of extremists is aiming to change specific policies or practices over the years, Cameroonian authorities should not underestimate their ability to endanger the life and social and economic welfare of the country.

According to the Cameroonian Government’s various assessments, 1,098 civilians, 67 soldiers and 3 policemen were killed in exactions and other targeted attacks by Boko Haram terrorists in the Cameroonian extreme north since 2013. It should also be noted that this area bordering Nigeria has experienced 315 incursions from Boko Haram terrorists, 12 mine incidents and 32 suicide bombings since 2013. In 2014, up to 37 Boko Haram attacks against Cameroonian soldiers. This number was 23 Boko Haram attacks were perpetrated in 2015. As for the civilian populations, they underwent in 2014, about 66 attacks and various exactions by Boko Haram. This figure was 116 in 2015 and only five in the first 15 days of 2016. According to the assessment made by the Cameroonian Minister of Communication, spokesman of the Government, early in 2016, Cameroon underwent “15 terrorist attacks perpetrated by Boko Haram. Among these attacks are two suicide attacks and a total of 10 people were killed, 11 wounded, nine abducted and six homes burned”¹. Pillages, killings, kidnappings and suicide attacks have furnished this area during the year 2017 and the material and human damage are counted by ten. By way of illustration, an attack attributed to Boko Haram killed 15 people and kidnapped 8 people on 11 August 2017².

INTERNAL COUNTERTERRORISM RESPONSE

Cameroonian state has put in place a defense and security arsenal to deal with the terrorist threat to its independence and sovereignty. These are the Ministry of Defense, the General Delegation for National Security (DGSN), the Directorate General for External Research (DGRE), the National Security Council (CNS), the Counter-Terrorism Act voted by Parliament and the vigilance committees. For example, in February 2000, the authorities established “Operational Command” missions at the national level to deal with the rise of criminal acts. The creation of the “Operational Commands” makes it possible to entrust special police missions to the military, under the command of generals, on a provisional basis. However, a number of burrs have affected the deployment of these operational units, which, moreover, have not succeeded in solving political and development problems by systematically using expeditious methods. Prior to the establishment of the “Operational Commands”, Cameroon had already created

¹ Cameroon Radio-Television (CRTV), 2016.

² Fifteen dead in an attack on Boko Haram in Cameroon. Journal L’oeil du Sahel. 17 August 2017.

in 1999, the Light Battalion of intervention (BLI), transformed in 2008 into Rapid Intervention Battalion (BIR), an elite unit of the army, very engaged today in the fighting against Boko Haram.

Following the declaration of war at Boko Haram, in August 2014, the Cameroonian authorities also carried out a partial reorganization of the territorial map of the army's command by creating a specific military region, which groups together the departments most affected by the actions of the terrorist group. These decisions are part of what is similar to a readjustment of the concept of employment of forces in Cameroon. They reflect a new direction already begun in 2001, with the expansion of defense policy at the subregional level and the gradual redefinition of military the allocation of resources and tools adapted to these new missions [Ntuda Ebode, Koungou 2014].

National security itself has evolved with the creation of special police units (ESIR, GSO) over the last twenty years. Overall, of the 40,000 men represented by the FAC, 10,000 are special forces and units. The BIR and the GP alone bring together 6000. The remaining 4000 are divided into BSA, FMC, FAI, etc. Cameroon thus has a soldier of third and fourth category. The forces of "3rd category" train little and are poorly equipped. On the other hand, those of "4th category" have training and equipment of high level, at least for the national and African context [Messe 2010].

In light of the *modus operandi* of Boko Haram, the Government of Cameroon has also taken certain measures concerning only the far north of the country, such as the creation of vigilance committees, the banning of regrouping and closure of drinking places after 6 pm, the increase in checks and searches, the strengthening of the forces in the North, with some 2,000 Cameroonian soldiers deployed in the Far North to officially increase the number of soldiers sent to the region to 8,500, on the roads, the prohibition on the sale of cars, the restriction of the use of two-wheeled vehicles, the control of children used as kamikazes, the ban on wearing the full veil and the supervision of mosques.

Since 2014, Cameroon has declared an unlimited war against Boko Haram, which began with the bombing of their target and various riposte, while causing thousands of deaths and material damage on the enemy side. The Cameroonian response has, of course, made it possible to repel this invisible enemy and weaken it, but as long as the initial goal of reaching the leader and eradicate Boko Haram will be achieved? Doubt remains, and perhaps for a long time. For even if Boko Haram seems weakened, its exactions tend not to disappear, because suicide bombings are only perpetuated in the northern part of the country, as shown by the murderous attacks perpetrated by the Islamist sect since January 'in September 2017, with suicide bombings, for example, involving considerable material and human losses. That is to say, the important device deployed by the Cameroonian government since April 2014, namely: three thousand soldiers, bomber fighters, tanks and assault craft, runs up against a powerful organization that seems to be melting into the landscape [Nana Ngassam 2015].

INTERNATIONAL COOPERATION: CASE OF MAJOR POWERS

Cameroon's weakness in dealing with the terrorist threat has become increasingly evident through the vulnerability of its defense and security forces. This weakening of state structures and the threat of latent destabilization orchestrated by Boko Haram,

particularly in the northern region, have become a matter of concern in international politics. The multiple, dramatic, murderous and asymmetrical attacks of Boko Haram in this part of the country led the Cameroonian president, Paul Biya, during his New Year's speech before the diplomatic corps (08 January 2015), to call a "global response" face this threat and international aid to address it [Cakpo Guedegbe 2015].

The major powers, but also the countries of the subregion and the African Union, have made Boko Haram on the defensive, although the participants at the 2016 summit in Abuja in Nigeria all acknowledge that the threat remains. This obviously leads to the scrutiny of the various international supporters of Cameroon in the fight against Boko Haram.

Cameroon is a traditional beneficiary of French military assistance. The last Defense Partnership Agreement between the two countries, signed in 2009, entered into force on 1 August 2012. This partnership consists mainly of training of personnel from various Cameroonian security forces and neighboring countries. They are provided by three establishments of the ENVR type (National School with Regional vocation): the International Superior School of War (ESIG) in Yaoundé³, the Center for the improvement of policing techniques the International School of Security Forces (EIFORCES) in Awaé⁴ and the national aeronautical center with regional vocation of Garoua⁵. In addition, the 2009 agreement provides for collaboration between the two countries in the area of intelligence sharing and the organization of joint military exercises. This agreement, unlike with other African countries, does not have a permanent French presence in Cameroon, nor military intervention inside the country, especially in the event of unrest [Leymarie 2009].

With the proliferation of incursions of Boko Haram in the Far-North region, and while Cameroon's public opinion was concerned about an attitude deemed passive and even complicit in France⁶, the formations were strengthened. Thus, in March and April 2015, in N'Gaoundéré and Garoua, French instructors gave training to combat shooting and demining to several dozen Cameroonian soldiers⁷. Six months later, also in N'Gaoundéré, France organized a series of training courses for Cameroonian special units involved in the fight against terrorism⁸, while in October, about forty Cameroonian officers went to Libreville for training courses in the fields of battalion command and combat warfare.

Furthermore, in March 2015, Paris announced the establishment, as at Diffa in Niger, of a liaison and contact detachment in Cameroon, charged with collecting intelligence

³ International Graduate School of War (ESIG), Network of Francophone Expertise and Training for Peace Operations.

⁴ raining in Homeland Security. France Diplomatie. June 2013.

⁵ France and Cameroon, Country files, France Diplomacy, undated; National Schools in Regional Involvement in Sub-Saharan Africa: France's support for multilateral efforts, Ministry of Foreign and European Affairs, October 2009.

⁶ Cameroon: France responds to suspicions of complicity with Boko Haram and speaks of its involvement in the war against terrorists. Cameroon.Info.Net. February 23, 2015.

⁷ Boko Haram: two French officers in Cameroon. Le Figaro. March 18, 2015.

⁸ Military training: France alongside the Cameroon Defense Forces. Press release, French Embassy in Yaoundé, 6 October 2015.

“on the ground” in the framework of Operation Barkhane. Composed of two officers, it was deployed in Maroua, chief town of the Cameroonian region most affected by Boko Haram⁹. In order to take stock of this collaboration, on 6 January 2016, President Biya received French officers, including General Pierre de Villiers, Chief of Staff of the Armed Forces, who called for a “pooling” of resources between among others, in the area of intelligence¹⁰. In terms of arms purchases, during the period 2010—2014, Cameroon imported a limited number of arms from France: the fifth supplier, surpassed by China, Spain, Russia and the United States. In terms of donations, France remains a major supplier to Yaoundé, again offering 11 fully equipped tactical vehicles in January 2016.

The Russian Federation is one of the first powers to join Cameroon in pushing back the incursions of armed Islamists. As of January 2015, the Head of the Russian Diplomatic Mission is received by the President of the Republic of Cameroon. HE Nicolay Ratsiborinski will assert to his host that his country will provide Cameroon with the military and technical assistance needed to overcome Boko Haram. Heavy artillery, missiles, air protection, anti-aircraft missile systems and guns will gradually equip the defense forces, and Russian military personnel sent for training in the use of this equipment.

At the level of American assistance in the fight against Boko Haram, the most significant event in 2015 was probably the arrival in Cameroon, on 12 October, of 90 US military personnel, vanguard of a total of 300 soldiers, in charge of “conducting airborne intelligence, surveillance and reconnaissance in the region”, in the words of President Obama. Indeed, the United States had just created a new base of drones Predator in Garoua, capital of the Northern region¹¹. The force was supposed to become fully operational when the total number of 300 troops expected to be reached by February 2016¹². This US presence, albeit still modest, represents a sprain on Cameroonian traditional politics for more than half a century, for the permanent presence of foreign troops on its soil. Is it to better “pass the pill” that a few days later the commander of AFRICOM announced the donation to the Cameroonian army of six armored personnel carriers transporting mines?¹³ On the same day, the two countries signed a memorandum of understanding to strengthen their military cooperation¹⁴. Also, it should be emphasized that the threat of Boko Haram has therefore changed the situation in Cameroon. After the Chadian deployment in the Far North and the multiplication of French intelligence and training missions, the arrival of hundreds of US military personnel called into ques-

⁹ Boko Haram: France will deploy a liaison and contact detachment in Cameroon. Opex360.com. March 17, 2015.

¹⁰ Two senior French military officials received by Paul Biya at the Palais de l’Unité. Yaoundeinfo.com. January 6, 2016.

¹¹ Obama sends U.S troops, drones to Cameroon in anti-Boko Haram fight. Reuters. October 14, 2015.

¹² Cameroon Welcomes US Assistance Against Boko Haram. Voice of America. January 1, 2016.

¹³ Fight against Boko Haram: Africom (U.S. Africa Command) offers armored vehicles to the Cameroonian Army. Cameroon-Info.Net. October 18, 2015.

¹⁴ Cameroon: Six American Armored Vehicles Against Boko Haram. Cameroon Tribune. October 19, 2015.

tion a certain conception of the sovereignty of the Cameroonian state. It remains to be hoped that what some will interpret as renunciations will produce results quickly, ie a significant reduction in the Boko Haram's nuisance capacity in the country.

The British government has invested heavily in the fight against Boko Haram. In April 2015, the Foreign Office announced the release of more than CFAF 4 billion to support the military effort of the Multinational Joint Force. This coalition of member countries of the Lake Chad Basin Commission plus Benin, set up to fight Boko Haram. What makes Brian Olley, United Kingdom High Commissioner for Cameroon, said: "The United Kingdom fully supports the efforts of Cameroon, Chad, Nigeria, Niger, Benin and other regional partners to fight the Boko Haram scourge. Important victories have already been recorded in the field. The mixed force will continue to play an important role in the fight against this terrorist insurgency"¹⁵. The United Kingdom therefore provides a non-exhaustive list of accompanying measures for Cameroon in the fight against Boko Haram.

Germany is also involved in the fight against terrorism in the world and mainly in Cameroon, both diplomatically and militarily. In November 2014 Germany handed over 120 vehicles to the Cameroonian army to fight Boko Haram. In detail, there are 60 Wolf jeeps, Mercedes and 60 Unimog-Mercedes trucks. Some of the trucks are fitted with quadrature 14.5 mm long-range artillery pieces. In addition, Germany offers a training period for Cameroonian military personnel to use this equipment. In February 2015, the German Chancellor pledged to financially support a fighting force against Boko Haram.

MULTILATERAL EFFORTS

The internationalization and regionalization of the counter-offensive against Boko Haram is assessed in the light of the concerted action of multiple actors, including foreign powers, member states of the Commission of the Lake Chad Basin (LCBC) and Benin, the Joint Multinational Force (FMM), the Multinational Joint Task Force (MNJTF)¹⁶. Following the summit in Addis Ababa on 30 and 31 January 2015, the African Union adopted the principle of deploying a 7,500-strong African force to fight Boko Haram. The African Union also called on the UN Security Council to seek international funding, as promised by the European Union, to support the fight against the Islamist sect.

It should be noted that the international community is not inactive and numerous summit meetings have taken place, notably in Paris on 17 May 2014. The major resolution of the summit was the elaboration of a co-ordination between several countries weakened by the boko-haram exactions, specifically the strengthening of increased co-operation between Nigeria and Cameroon, which was consolidated by the visit of President Muhammadu Buhari in Yaoundé, from 28 to 30 July 2015, with a view to discussing security issues between the two countries. In line with the Paris Summit, Nigeria hosted

¹⁵ The United Kingdom is offering 4.4 billion CFA francs for the Multinational Joint Force. Journalducameroun.com, 06/04/2015.

¹⁶ The European Union (EU) pledges to provide \$ 55 million in funding to the regional force to fight Boko Haram. Nigeria, BBC Africa. 02 August 2016.

an international summit on the fight against Boko Haram on 14 May 2016 in order to assess regional action against Boko Haram and adopt a collective strategy capable of managing the consequences of this crisis on security, development, governance, socio-economic and humanitarian situation.

The United Nations Security Council, at its 7492nd meeting, on 28 July 2015, called on the international community and donors to finance the Multinational Joint Task Force on Security to strengthen regional military cooperation and effectively against the threat represented by the terrorist group Boko Haram for the Lake Chad Basin region and for international peace and security. It should be noted that the instruments implemented in the framework of this international public action are bilateral before being regional and international, as illustrated by the two summit meetings between President Biya and his Nigerian counterpart Muhamadou Buhari. Indeed, these meetings which took place in July 2015 in Yaoundé and in May 2016 in Abuja, had as a highlight the fight against Boko Haram in all its declensions. With regard to the legal instruments, the Cameroonian parliament adopted at its session of November 2014 the law repressing acts of terrorism in Cameroon. This Act is part of the internal implementation of international measures to combat terrorism. On relevance, this law is adopted in a context where acts of Boko Haram have caused many tragedies and that the release of these hostages in Cameroon was effective, with a few exceptions.

REACTION OF NEIGHBOURS

The transnationalization of the Boko Haram nebula following its “de-fertilization” plunged the region of Lake Chad into the vicious circle of terror. Faced with a movement that has taken advantage of the icy and suspicious relations between states to move in total contempt of national borders, the strengthening of collective security mechanisms has quickly become an imperative.

Chad has always shown hegemonic inclinations in an area that it considers to be acephalous. By projecting its forces into several theaters of operations and responding promptly to the demands of its peers in the subregion, Chad wants to carve out a reputation as a stabilizing leader¹⁷. Chad’s intervention is justified on the one hand by its fear that the city of Maroua, which has become the regular target of Boko Haram attacks in the summer of 2014, does not fall into the Islamist orbit, which would have meant the closure of the N’Djamena-Kousserie transnational road, Kousserie-Maroua, which nevertheless represents the channel of rallying of Chad [Nkalwo Ngoula 2015] to the coast of Cameroon, that is to say to the port of Douala, main maritime outlet of Chad. It is therefore in order to secure the supply lines vital to its economy that Chad has decided to invest in the fight against Boko Haram. Moreover, for geopolitical motives, by positioning itself as the spearhead of the fight against terrorism in Africa, Chad is now a must in the eyes of the French and Americans who are increasingly worried about the rise of jihadist currents in sub-Saharan Africa [Chad 2016].

As the fifth largest foreign direct investment destination in the continent, Nigeria has seen a gradual withdrawal of investors since its security situation deteriorated.

¹⁷ Central Africa: Risks and Reversal of the Pax Tchadiana. GRIP. February 2014.

The murderous violence of the Islamist movement and the indiscriminate repression of the Nigerian army have resulted in an influx of Nigerian refugees into Cameroonian territory [Bakare 2016]. It seems that the elements of Boko Haram infiltrated in these populations to find refuge in Cameroon. The humanitarian crisis that followed this movement has taken the Cameroonian authorities already hampered by the massive presence of Central African refugees in their territory at the same time. It is with a view to curbing this financially unsustainable and socially struggling flow of refugees — in view of the intercommunity tensions which, it could sustain due to the pressure on resources — that Cameroon and Nigeria are invested in the fight against the terrorist group.

However, the question of the regional institution that could house the FMM arose at the beginning of the cooperation. The affiliation of the Nigeria-Niger couple to ECOWAS and the Cameroon-Chad couple to ECCAS required a joint platform of cooperation to be revived in the four states, the Lake Chad Basin Commission (LCBC) shown in the past its inability to prevent conflicts arising from Nigeria's claims on parts of Lake Chad.

The contribution of South Africa, which equipped the BIR with at least a dozen armored vehicles in December 2015¹⁸, can not be put under the wheel.

PERCEPTION OF COUNTER-TERRORIST ACTIVITIES

Perception expresses the representation made by any decision-maker of the national, regional or global environment [Heam 1986]. Thus, the war against Boko Haram seems to produce exceptional results that force the admiration and criticism of the Cameroonian people and the international community. To account for this dichotomous conception of the struggle against this nebula, it is necessary to distinguish the image that each of them has of this war. According to Boulding, “the image is the organized representation of an object in the cognitive system of the individual” [Heam M 1986]. It is therefore a matter of questioning the place that this war occupies in the imaginary of the various sociological components.

The merciless struggle of the terrorist threat in Cameroon not only posed security and economic challenges for the partner states but also opened a window of criticism from non-governmental organizations (NGOs), such as Amnesty International. The NGO Amnesty International has repeatedly criticized the detention outside the national and international legal framework of individuals captured by the Cameroonian armed forces. Detention without limit and under degrading conditions, the procedures in which certain prisoners are tried, and the acts of torture practiced on prisoners are all points denounced by this NGO. On the basis of dozens of testimonies corroborated by satellite imagery, photos and videos, the report entitled Chambers of torture secret in Cameroon: human rights violations and war crimes in the fight against Boko Haram gathers information on 101 cases of incommunicado detention and torture that took place between 2013 and 2017 on more than 20 different sites¹⁹. “We have always unequivocally condemned

¹⁸ Fight against Boko Haram: South African tanks for the Cameroonian army. Camerpost. January 19, 2016.

¹⁹ www.amnesty.org/.../cameroon-amnesty-report-reveals-war-crimes-in-fight-ag, on 20/07/2017.

the atrocities and war crimes committed by Boko Haram in Cameroon. Nevertheless, nothing can justify the ruthless and widespread use of torture by the security forces against ordinary Cameroonians, who are often arrested without proof and are subjected to unimaginable suffering”, said Alioune Tine, West and Central Africa to Amnesty International.

The Cameroonians do not deprive themselves of playing the card of defense of the interests of Cameroon in this war and to oppose the condemnations of Amnesty International. Jacques Yoki Onana, Mayor of the Commune of Yaounde VI takes exception to the report of the NGO: “A true heresy” “I read with some interest the last report of the NGO Amnesty International on the alleged abuses against the members of the Islamist sect Boko Haram by our defense and security forces. This immediately leads to the question: who is now the victim in this conflict? I would like these Amnesty International people who write their reports to take the place of those men and women whom Cameroon has been mobilizing for years to protect, leaving their families for months on end, some of whom leave their lives behind. Let them take the place of Cameroon which mobilizes enormous resources, which could have been used for its development, to face this aggression. In the end, this report is a heresy. We continue to reaffirm our support for the Head of State and our valiant soldiers in this war”²⁰.

Moreover, the war against Boko Haram has involved a long series of external interventions since 2014, which led the allies of Cameroon to show solidarity against this aggression. What is to be retained is the variety of configurations of external interventions, depending on the country. Of course, the role of senior leaders must be taken into account when making decisions about interventions. The responsible powers, endowed with great diplomacy, are committed to accompany Cameroon in this war. But this external contribution does not seem to be the object of criticism. According to Vincent Ntuda Ebode, “Africans must not lose sight of the fact that counter-terrorism and the fight against piracy can hide other motivations. They can divert the attentions of the countries concerned on the essential: the plundering of the natural resources of the country, among others the oil drawn off its waters or the export of citrus fruits. The popular chronicle gave French diplomacy a cold sweat. In the cottages and in the bistros, one sees the hand of Paris behind Boko Haram “to destabilize the Cameroon” [Ntuda Ebode 2010]. Not destabilized by this witch-hunt, the former colonial power will reaffirm its position against terrorism and provide its political, diplomatic, and military support in Cameroon.

Cameroon and its partners commit themselves to further strengthening security in the northern part of the country. In the medium term, reflections could focus not only on improving the effectiveness of permanent structured cooperation to fight the Islamist sect, but also on managing refugees. Given that the challenge of terrorism and the refugee problem have their roots in the immediate vicinity of Cameroon, it would be necessary to have a good Central African Neighborhood Policy in order to counteract the terrorist attacks carried out to this day in this part of the country.

²⁰ Cameroon — Boko Haram: This is what politicians think of Amnesty’s damning report. International. 24 July 2017.

REFERENCES

- Bakare, I.A. (2016). Soft Power as a means of fighting international terrorism: a case study of Nigeria's "Boko Haram". *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (2), 285—295.
- Bokeriya, S.A. & Omo-Ogbebor, D.O. (2016). Boko Haram: A new paradigm to West Africa Security Challenges. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (2), 274—284.
- Cakpo Guedegbe, B. (2015). *Boko Haram: Armed arm of international terrorism, Destabilization of Nigeria and reconfiguration*. Geopolitics of the Sahelian zone, IRIS, Observatoire géopolitique du Religieux (in French).
- Chad: between ambitions and fragilities* (2016). International Crisis Group, Africa Report N ° 233.
- Dougueli, G. (2015). Cameroon: the army facing the octopus Boko Haram. *Jeune Afrique*. 20 Mai (in French).
- Gautier, L. (2016). The ways and means of combating terrorism. *Pouvoirs. French review of constitutional and political studies*. 158, 39—50 (in French).
- Heam, M. (1986). The perception. *French Revue de science politique*. 36 (in French).
- Koungou, L. (2015). *Strategic culture and defense concept in Cameroon*. Paris: Harmattan.
- Laurens, H. (2010). Terrorism as a Historical Person, in Laurens H. & Delmas-Marty, M. (ed.). *Terrorisms. History and law*. Paris, CNRS éditions. P. 9—66 (in French).
- Leymarie, P. (2009). France-Africa: new-generation military agreements. *Le Monde diplomatique*. June (in French).
- Messe, L. (2010). *The Staff of the Armed Forces and the Training of Forces*. Memory of the Master of Security, Defense, Strategy and Conflict Management. University of Yaoundé, CREPS.
- Nana Ngassam, R. (2015). Cameroon under the threat of Boko Haram. *Le Monde Diplomatique*. January.
- Nkalwo Ngoula, J-L. (2016). *Understanding the determination of Chad in the fight against Boko Haram*. International Crisis Group, Africa Report N ° 233, March.
- Ntuda Ebode, J-V & Kongou, L. (2014). Boko Haram: imbroglio in northern Cameroon. *Revue Défense nationale*. No. 775, December (in French).
- Olivier, M. (2015). Terrorism: who are the suicide bombers of Boko Haram in Cameroon? *Jeune Afrique*. 12 Août (in French).

Received 23.08.2017

For citations: Kouma, J.C.G. (2017). Cameroon Fighting Boko Haram. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 727—737. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-727-737.

About the author: Jean Cottin Gelin KOUMA — post-graduate student of the Department of theory and history of international relations of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: cottin@yahoofr).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-727-737

КАМЕРУН В БОРЬБЕ С «БОКО ХАРАМ»

Ж.К.Ж. Кума

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В данном исследовании описаны преступления террористической группы «Бoko Харам» в Камеруне, а также история международного сотрудничества в борьбе против данной исламистской секты с момента объявления войны против нее в 2014 г. Показаны основные антитеррористические

усилия Камеруна, в том числе создание «Оперативных командований», частичная реорганизация территориальной обороны, расширение оборонной политики на субрегиональный уровень и постепенная передислокация военных, распределение ресурсов и резервов с учетом новых задач.

Камерун участвует в процессе многостороннего контртеррористического сотрудничества, которое придает новый импульс действиям национальных сил обороны и безопасности. Выявлена роль основных держав и стран субрегиона, а также Африканского союза и Организации Объединенных Наций в борьбе с «Бoko Харам». Камерун является традиционным бенефициаром французской военной помощи. Антитеррористическая помощь также поступает из России, США, Великобритании и Германии. Показана роль Многонациональной объединенной целевой группы Комиссии бассейна озера Чад.

Автор также показывает, что война против «Бoko Харам» вызывает одновременно одобрение и критику как со стороны камерунского народа, так и международного сообщества. Подробно разбирается анализ критики со стороны НПО «Международная амнистия».

Ключевые слова: Камерун, Африка, региональная безопасность, международное сотрудничество, терроризм, «Бoko Харам»

Дата поступления статьи: 23.08.2017

Для цитирования: *Кума Ж.К.Ж.* Камерун в борьбе с «Бoko Харам» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 727—737. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-727-737.

Сведения об авторах: *Жан Котэн Желэн Кума* — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: cottingelin@yahoo.fr).

© Kouma J.C.G., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748

СЕТЕВАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА И ВОЗМОЖНОСТИ КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Абрамов, С.Н. Федорченко

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

К.П. Курылев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Целью статьи является анализ сетевого механизма воспроизводства международного терроризма — феномена постправды, решительно изменяющего прежнюю интерпретацию политического, этнического, религиозного, культурного и социального, приводя к исчезновению прежних смыслов, когда важно уже не то, правдиво новостное сообщение или нет, а его активное переживание, обсуждение. Используемый в качестве методологии контент-анализ сетевых сообществ подтвердил рабочую гипотезу, согласно которой несмотря на имеющийся абсентеизм и атомизацию социума в современных странах проявляется стремительная политизация сообществ социальных сетей Интернета по причине подрыва доверия граждан к традиционным политическим институтам — партиям и парламенту. Вербовщики террористических организаций используют этот тренд в своих целях, разогревая эмоциональный настрой участников социальных сетей и заостряя их обиды и противоречия по различным признакам.

По мнению авторов, террористической пропаганде псевдобратства и космополитического религиозного общества современное государство может противопоставить только идеологию патриотизма. При этом характерной чертой патриотизма должна оставаться его опора на национальный суверенитет и дееспособное государство. Однако авторы, проанализировав методические разработки по проблеме патриотического воспитания в современной России, отмечают, что большинство предлагаемых приемов не учитывают развитие сетевого общества и заимствовано из советского ассортимента: лекции, беседы, классные часы, конкурсы смотра строя и песни, военно-патриотические сборы и пр. В работе делается вывод, что государство, не обращающее внимание на механизмы сборки новых политических идентичностей через социальные сети и не занимающееся элементарным политическим просвещением через интернет-коммуникации, будет вытеснено из виртуальной среды и не сможет выстроить эффективную защиту от технологий государственных переворотов в виде «цветных революций».

Ключевые слова: международный терроризм, патриотическая консолидация, политизация социальных сетей, Интернет, политическая идентичность, глобализация

POST-TRUTH СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Усилившиеся в последнее время риски международного терроризма связаны со многими факторами. Возникает проблема соотношения этих факторов и локализации той матрицы, которая способствует созданию благоприятных условий для появления международных террористических групп. Поэтому целью работы будет исследование сетевой основы данного деструктивного явления, а также пред-

ложение профилактических мер по снижению влияния международных террористических группировок на глобальной арене.

В первую очередь, важно понимать экономические причины терроризма. Но это не просто выгода от торговли оружием и наркотиками. После Великой депрессии часть правительств поверили в уникальную роль государства по регулированию экономических процессов, но во второй половине прошлого столетия произошло снижение интереса к кейнсианской модели, вместо этого на передний план выдвинулся либеральный подход к рыночным отношениям. Однако после глобального кризиса 2008 г. многие перестали верить и в силу государства, и в возможности рынка, разочаровавшись как в принципах Дж.М. Кейнса, так и в советах М. Фридмана [Дуткевич, Казаринова 2017].

Во-вторых, питательной средой терроризма стало и социальное неравенство, связанное во многом с провалами экономических экспериментов в различных странах. И все это происходит в сетевом обществе (особенности которого подробно описаны в книгах М. Кастельса) с новыми коммуникационными возможностями и растущим критическим порогом по отношению к власти.

В-третьих, социально-экономические проблемы совпали по времени с ценностным кризисом. К примеру, З. Бауман определяет это явление как «плавающее общество», когда ослабляются прежние культурные ядра, идентичность становится функцией рыночных отношений, одновременно в западном мире растет постоянный страх (*liquid fear*) индивидов за свою безопасность [Bauman 2006] от мигрантов, новых социальных групп, способных разрушить привычный для них порядок. Реакцией на это становится, с одной стороны, популярность правых политических сил, активизация неонацистских движений, а с другой стороны, и углубляющаяся архаизация мигрантов и жителей экономически неблагополучных стран.

Весь этот далеко не исчерпывающий перечень причин радикализации общества гипертрофируется феноменом *post-truth* (постправды) — удобной и желаемой для лиц, формирующих «проблемное поле» политики, правды, возникающей под влиянием социальных сетей Интернета, где накапливается масса непроверенной информации. Постправду не нужно путать с заурядной ложью, фейком, мифом, она, скорее, выступает специфической квазиреальной средой, особенно комфортной для всевозможных стереотипов и псевдоновостей [Чугров 2017]. Не зря М. Игнатъев главной проблемой терроризма считает подрыв легитимности власти в современных государствах, разрушающий всю парадигму антитеррористических мер, выстроенную вокруг принципа фиксации политического противостояния [Ignatieff 2004]. Гарвардский профессор заметил, что в настоящее время международный терроризм переплетается не только с политическим насилием, но и с личной и религиозной сферой недовольных групп.

Важно понимать, что постправда «взламывает» прежнюю интерпретацию политического, этнического, религиозного, культурного и социального, приводя к исчезновению прежних смыслов, когда важно уже не то, правдиво новостное сообщение или нет, а активное переживание, обсуждение содержания этого со-

общения. Террористические вербовщики разогревают эмоциональный настрой потребителей информации, заостряя их обиды и противоречия по различным признакам. Цель террористов — это, прежде всего, сообщества, недовольные социально-экономическим положением, активная часть политической оппозиции, сепаратисты, радикальные религиозные группировки. Но самым уязвимым слоем населения является, конечно, молодежь. Последние исследования свидетельствуют, что репрезентативность популярных социальных сетей в ведущих странах составляет порядка 40—50% [Дегтерев, Белякова 2013], и наиболее представленная здесь группа — именно молодое поколение. В этом нет ничего удивительного, ведь молодежные группы часто воспринимают информацию через эмоциональный фон постправды социальных сетей Интернета, где царит эффект «карнализации сознания» из мемов и хештегов, меняющих интерпретацию образов политического процесса.

ПОЛИТИЗАЦИЯ ИНТЕРНЕТА КАК УСЛОВИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

На базе кафедры политологии и права Московского государственного областного университета в декабре 2015 — январе 2016 г. была организована первая, а в декабре 2016 — январе 2017 г. вторая волна сетевого проекта «Глобальное исследование политизации социальных сетей» (научный руководитель — кандидат политических наук С.Н. Федорченко, координатор проекта — Е.М. Лымарь). Целью исследования было изучение наиболее политизированных сообществ (узлов, групп) в популярных социальных сетях (Facebook, Twitter, YouTube, Instagram, ВКонтакте, Одноклассники). Как раз одной из задач являлось определение радикально настроенных к власти сообществ социальных сетей Интернета. Методологией стал контент-анализ сетей, позволивший выявить политизированный контент через поиск ключевых слов («политика», «власть», «государство», «правительство», «партии» и др.) на различных языках. Итоговый объем материала по тегам определялся путем подсчета количества крупных политизированных сетевых сообществ по каждому из ключевых слов.

Самыми политизированными социальными сетями оказались Facebook и Twitter. Результаты проекта показали, что социальные сети Интернета не просто политизировались — в них возникают определенные идентичности. Террористы используют для расширения своей базы наиболее радикальные сетевые сообщества, недовольные политикой официальных властей. Такая почва есть практически в любой стране. Например, в США был зафиксирован рост сообществ, связанных с флагом Конфедерации (политические хештеги #southernpride, #confederate_flag). В различных американских сетевых группах возрождается противостояние идентичностей «Юга» и «Севера»: с одной стороны, наблюдается расизм, исламофобия, негативное отношение к гомосексуализму, критика действующей власти, с другой — нетерпимость по отношению к южанам, их истории, флагу Конфедерации.

Таблица 1 / Table 1

**Дискурс пользователей сетей о власти, %¹ /
Discourse of network users about power, %**

Первая волна / First wave			
Кластеры Интернета / Internet Clusters	Политические субкультуры / Political subcultures		
	Проправительственная / Pro-governmental	Умеренно-оппозиционная / Moderately oppositional	Радикальная / Radical
Западноевропейский / Western European	38	58	4
Англосаксонский / Anglo-Saxon	54	33	13
Латиноамериканский / Latin American	81	18	1
Азиатский / Asian	59	35	6
Африканский / African	41	57	2
Вторая волна / Second wave			
Западноевропейский / Western European	47	44	9
Англосаксонский / Anglo-Saxon	64	25	11
Латиноамериканский / Latin American	69	28	3
Юго-Западный Азиатский / South-West Asian	67	20	13
Юго-Восточный Азиатский / South-East Asian	55	41	4
Африканский / African	71	23	6
Постсоветский / Post-Soviet	62	27	11

Источник: Составлено авторами

¹ В период методологической подготовки первой волны была проведена примерная кластеризация Интернета стран по следующим группам: Западноевропейский (Германия, Италия, Испания, Франция, Швеция, Люксембург), Англосаксонский (США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия), Латиноамериканский (Бразилия, Перу, Аргентина, Мексика, Колумбия, Венесуэла, Коста-Рика), Азиатский (Саудовская Аравия, Иордания, Сирия, Иран, Китай, Южная Корея) и Африканский (ЮАР, Марокко, Египет, Кения, Нигерия, Тунис) кластеры. Следует подчеркнуть, что во время подготовки второй волны были осуществлены важные методологические корректировки: из Азиатского кластера с учетом культурных особенностей регионов были выделены Юго-Западный Азиатский кластер (Турция, Саудовская Аравия, Иран, Иордания, Сирия, ОАЭ) и Юго-Восточный Азиатский кластер (Китай, Южная Корея, Япония, Индонезия), появился и новый Постсоветский кластер (Россия, Украина, Белоруссия, Молдавия, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Армения и Азербайджан), в Западно-европейский кластер были добавлены Нидерланды.

Сетевые риски терроризма заставляют политиков обращаться к непопулярным мерам фильтрации данных. В европейских странах была зафиксирована активизация политической цензуры Интернета. Если раньше антимусульманские сообщества были доступны, то теперь их страницы заблокированы. Цензура проводится местными властями по нескольким причинам: из-за вызовов со стороны сетевых групп мигрантов, а также из-за рисков со стороны радикальных антимусульманских сообществ. Но это не решает проблемы, так как вызывает сопротивление как со стороны европейских правых, так и со стороны представителей исламских активистов. Причем сами европейские исследователи фактически признают возникшее сильное взаимовлияние традиционных, реальных политических идентичностей и новых, виртуальных сетевых политических идентичностей друг на друга [Coretty, Pica 2015]. Политизация миграционной темы сближает Интернет Европы и Австралии, тогда как в социальных сетях Ирана проправительственные сообщества активно набирают популярность, а оппозиционные, напротив, теряют ее, в том числе и по причине практикующейся фильтрации данных. Вполне возможно, что это происходит в рамках применения иранскими властями технологий «мягкой силы» [Курьлев, Никулин, Гончарова 2017]. В Марокко и Египте большинство радикальных групп в социальных сетях также блокируются, организаторы их вынуждены бежать за границу. При этом практически во всех исследованных постсоветских странах (за исключением Украины, Азербайджана и Армении) критика власти подвергается решительной цензуре.

Контент-анализ сетевых сообществ подтвердил рабочую гипотезу проекта, согласно которой, несмотря на имеющийся абсентеизм и атомизацию социума в современных странах, проявляется стремительная политизация сообществ социальных сетей Интернета по причине подрыва доверия граждан к традиционным политическим институтам — партиям и парламенту. Этим и пользуются террористические организации, использующие политические манипуляции через сетевые алгоритмы [Beer 2009].

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И СУВЕРЕНИТЕТ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

Осознание терроризма глобальной угрозой заставляет правительства современных стран заняться выработкой антитеррористической политики. В современной литературе под ней понимают деятельность по профилактике и борьбе с терроризмом, по устранению его причин, предупреждению терактов ради сохранения существующего общественного и государственного строя, целостности и суверенитета страны, обеспечения безопасности граждан, промышленных и гражданских объектов [Шикунов 2014].

Реализация такой политики сводится обычно к силовому способу борьбы с терроризмом. Такой подход заключается в уничтожении террористов, разрушению мест их базирования, пресечению каналов финансирования их деятельности. Если такая деятельность осуществляется суверенным государством, имеющим дееспособные спецслужбы, она дает положительный результат.

Примером здесь может послужить антитеррористическая политика России на Северном Кавказе. Хотя борьба далеко не закончена, тем не менее, разветвленное террористическое бандподполье в целом уничтожено. Напротив, последние террористические акты в странах Евросоюза (март 2016 г. — Брюссель, декабрь 2016 г. — Берлин, февраль 2017 г. — Париж, март 2017 г. — Лондон, апрель 2017 г. — Стокгольм и т.д.) продемонстрировали, что отказ Европы от своего суверенитета, выразившийся в перекладывании антитеррористической деятельности на США, привел к абсолютной неспособности европейских сил правопорядка остановить террористов.

Использование силовой стратегии в международном масштабе имеет еще более неоднозначные последствия. Так, совместная деятельность российских Воздушно-космических сил России, сирийской армии и иранских добровольцев позволила нанести так называемому Исламскому государству (организация запрещена в России) существенный ущерб, в то время как предшествующая этому деятельность Международной коалиции во главе с США в этом регионе имела весьма скромные последствия [Шегаев 2015]. Последнее, впрочем, объясняется явным желанием Запада использовать террористов в своих интересах: осуществить свержение режима Б. Асада в Сирии и дестабилизировать государства Центральной Азии, а через них создать проблемы для Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Впрочем, несмотря ни на что, главный недостаток силового подхода к реализации антитеррористической политики заключается в том, что уничтожение отдельных террористов и ликвидация их «гнезд» лишь временно ослабляют угрозу. Терроризм подобен сказочному змею, отсечение голов которого приводит к отрастанию новых до тех пор, пока не отрублен «волшебный коготь», т.е. не ликвидированы причины этого явления.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ VS ТЕРРОРИЗМ

Как представляется, причины терроризма лежат не столько в материальной, сколько в духовой сфере жизни общества. В силу этого отмеченная выше тенденция — использование Интернета для воздействия на сознание современной молодежи с целью организации создания наднациональных сетевых террористических групп — нуждается во внимательном изучении и анализе.

Как совершенно справедливо отмечают российские исследователи С.И. Грачев, О.А. Гасымов и А.С. Попов, «при поиске путей повышения эффективности борьбы с терроризмом наиважнейшим представляется решение вопросов идеологического противоборства, ибо роль идеологического компонента важна как при формировании террористических угроз, так и при организации эффективного противодействия этим угрозам» [Грачев, Гасымов, Попов 2013].

Очевидно, что современный терроризм существенным образом отличается как от бомбизма XIX — начала XX в., так и от вооруженного сепаратизма баскской организации ЭТА и Ирландской республиканской армии второй половины XX в. Не будет преувеличением заметить, что терроризм XXI в. — это проявление отмеченного еще С. Хантингтоном «столкновения цивилизаций». Осознание несправедливости современной мир-системы, в которой вчерашние колонии так

и не обрели настоящей экономической и политической самостоятельности, с одной стороны, и навязывание Западом своей системы ценностей и образа жизни всему миру — с другой, закономерно вызвали у незападной молодежи желание найти альтернативу. В первую очередь, это коснулось молодых европейцев, чьи родители были трудовыми мигрантами. «Популярность религиозных практик и набожности, — отмечает французский социолог Ю. Лагранж, — растет среди иммигрантов, которые прибыли во Францию до 16 лет, и детей иммигрантов, однако это не относится к тем, кто приехал уже взрослым» [Каргина 2013]. Не сумев найти себя на новой родине, молодые беженцы и дети мигрантов бросились в объятия идеологии исламизма, отрицающей авторитеты и эксплуатирующей идеи социальной справедливости, что весьма созвучно юношескому максималистскому восприятию мира.

Современный исламизм, сторонники которого вербуются через Интернет, является ярким примером постправды. В значительной степени этому влиянию оказалась подвержена и определенная часть российской молодежи.

Проповедям псевдобратства и космополитического религиозного общества современное государство может противопоставить только идеологию патриотизма. Характерной чертой патриотизма является его опора на национальный суверенитет и дееспособное государство. Как было показано выше, именно космополитическая модель «европейского дома», в котором произошла деградация национальных государственных институтов, прежде всего, силовых структур и спецслужб, стала предпосылкой распространения терроризма. Напротив, сильное национальное государство, артикулирующее и отстаивающее свои национальные интересы и имеющее мощные силовые структуры, характеризуется пониженным фоном террористической угрозы. Контрастом европейскому Западу служат США, где после событий 11 сентября 2001 г. деятельность спецслужб позволила свести теракты к минимуму. Аналогичная тенденция наблюдается и в современной России, где после разгула терроризма в 1990-е гг., являвшегося прямым следствием неспособности государственной власти поддерживать порядок, начиная с 2000-х гг. происходит укрепление вертикали власти и снижение террористической угрозы.

Помимо государства важным компонентом патриотической идеологии является опора на традиционные ценности, в том числе и религиозные. Россия в этом отношении представляет собой великолепный пример долговременного совместного бытия множества конфессий и этносов. Гордость за историю и культуру своей этнической группы в сочетании с чувством глубокого уважения к другим этническим и религиозным группам, населяющим Россию, является той самой «точкой сборки» нашей страны.

Такая патриотическая консолидация общества может и должна стать реальным противовесом распространению террористической угрозы, несущей гибель и смерть как конкретным людям, так и государству в целом.

Однако реализация этой цели невозможна без государственной информационной поддержки, прежде всего, в сети Интернет. С сожалением приходится констатировать, что деятельность патриотических сообществ в социальных сетях является недостаточно эффективной. Государство с трудом «подбирает ключи» к молодежной аудитории.

Серьезнейшей проблемой является недостаточная проработанность новых форм, в которых необходимо проводить антитеррористическую, патриотическую работу. Подобно тому, как генералы готовятся к прошедшей войне, некоторые из российских чиновников предлагают воспитывать патриотов с помощью приемов из прошлой эпохи. Если проанализировать методические разработки по проблеме патриотического воспитания, мы увидим, что большинство предлагаемых методов заимствовано из советского ассортимента: лекции, беседы, классные часы, конкурсы смотра строя и песни, военно-патриотические сборы, ДОСААФ, нормы ГТО и пр. Однако мир изменился. Нынешняя молодежь — это визуалы с клиповым мышлением. Им надо видеть, действовать. Но современных действий предлагается немного. Из наиболее удачных акций — «Бессмертный полк».

Чтобы достучаться до современной молодежи, власти необходимо использовать современные ресурсы: компьютерные игры, социальные сети, видеосюжеты на YouTube (типа саркастического ролика «Я русский оккупант!») и т.п. Думается, что только в этом случае патриотическая идеология станет эффективным средством борьбы с терроризмом, дополнив силовые методы борьбы с этим глобальным злом XXI в.

Подводя итоги, важно подчеркнуть, что условия для распространения международного терроризма формирует современная постправда Интернета. Крайняя невнимательность государства к формированию легитимности общественного порядка, конструированию патриотически ориентированных целевых аудиторий через сетевые коммуникации может иметь фатальные для страны последствия. И никакая традиционная цензура и фильтрация данных здесь не помогут, если власть не станет целенаправленно выстраивать эффективную обратную связь между обществом и государством посредством диалога (не манипуляции) с сетевыми сообществами. К примеру, ИГИЛ (террористическая организация, запрещена в РФ) обрела известность благодаря последовательной интернет-пропаганде своей деятельности, рассчитанной на молодежь, тогда как власти различных государств решительно проигрывают битву за молодежь в сетевом формате.

Контент-анализ интернет-пространства свидетельствует о стремительной политизации социальных сетей, где патриотический дискурс (как инициированный независимыми группами, так и властями) буквально теряется в море других политических новостей и тем, не пересекающихся с патриотизмом. Исследование политизированного дискурса сообществ социальных сетей (Facebook, Twitter, YouTube, ВКонтакте, ЖЖ (русскоязычная платформа), В Кругу Друзей, Google+, Профессионалы.ru, linkedin.com) это хорошо доказывает [Абрамов, Федорченко 2016]. Государство, не обращающее внимание на механизмы «сборки» новых политических идентичностей через социальные сети и не занимающееся элементарным политическим просвещением через интернет-коммуникации, будет вытеснено из виртуальной среды и не сможет выстроить эффективную защиту от технологий государственных переворотов в виде «цветных революций».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамов А.В., Федорченко С.Н. Политизация современного российского общества и патриотизм граждан: контент-анализ социальных сетей // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 1 (9). С. 115—120.
- Грачев С.И., Гасымов О.А., Попов А.С. Идеология как определяющий компонент террористической активности и антитеррористической политики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. Т. 1. № 12. С. 45—49.
- Дегтерев Д.А., Белякова Е.А. Современные технологии анализа международных конфликтов // Обозреватель-Observer. 2013. № 1 (276). С. 80—87.
- Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Конец эпохи глобализации: причины и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2017. Т. 19. № 1. С. 7—14.
- Каргина И.Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социс. Социологические исследования. 2013. № 6. С. 108—115.
- Курьлев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А. «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 46—55. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-46-55.
- Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42—59.
- Шегаев И.С. ИГИЛ и национальная безопасность России: оценка рисков и угроз // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2015. № 1. Режим доступа: <http://vestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/622>. Дата обращения: 13.05.2017.
- Шкунов Д.В. Система противодействия терроризму в Российской Федерации // Власть. 2014. № 8. С. 190—192.
- Bauman Z. Liquid Fear. Cambridge: Polity Press, 2006.
- Beer D. Power though the algorithm? Participatory web cultures and the technological unconscious. New Media & Society. 2009. Vol. 11. № 6. P. 985—1002. DOI: 10.1177/1461444809336551.
- Coretta L., Pica D. The Rise and Fall of Collective Identity in Networked Movements: Communication Protocols, and Anti-Berlusconi Protest // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18. № 8. P. 951—967.
- Ignatieff M. The lesser evil: political ethics in an age of terror. Princeton (N.J.); Oxford: Princeton univ. press. 2004. XII. P. 124—125.

Дата поступления статьи: 15.09.2017

Для цитирования: Абрамов А.В., Федорченко С.Н., Курьлев К.П. Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 738—748. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748.

Сведения об авторах: Абрамов Андрей Вячеславович — канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета (e-mail: abram-off@mail.ru).

Федорченко Сергей Николаевич — канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru).

Курьлев Константин Петрович — д-р ист. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: kurylev_kp@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748

NETWORK CHARACTER OF INTERNATIONAL TERRORISM AND THE POSSIBILITY OF THE CONSOLIDATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

A.V. Abramov, S.N. Fedorchenko

Moscow State Regional University, Moscow, Russia

K.P. Kurylev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The purpose of this article is to analyze the network of the mechanism of reproduction of international terrorism — the phenomenon of post-truth, strongly modifies the previous interpretation of the political, ethnic, religious, cultural and social, leading to the disappearance of the former meaning when it is important that people are truthful news report or not, and his active experience, discussion. Used as a methodology content analysis of online communities has confirmed the working hypothesis that, despite absenteeism and the atomization of society in modern countries, manifested by the rapid politicization of the communities the social networks of the Internet because of the undermining of public confidence in traditional political institutions — parties and Parliament. Terrorist recruiters use this trend to their advantage, warming the emotional state of the participants of social networks and sharpening their grievances and contradictions on various grounds.

According to the authors, the terrorist propaganda about brotherhood and religious cosmopolitan society the modern state can be countered only by the ideology of patriotism. With the characteristic feature of patriotism should be its bearing on national sovereignty and a functioning state. However, the authors are analyzing methodological developments in the problem of Patriotic education in modern Russia, note that most of the proposed techniques do not consider the development of a network society and borrowed from the Soviet range: lectures, discussions, class hours, competitions of the show and songs, military-Patriotic fees, etc. The work concludes that the state is not paying attention to the mechanisms of Assembly of new political identities through social networks and are not involved in elementary political education through Internet communication, will be eliminated from the virtual environment and will not be able to build an effective protection of technologies of coups in the form of “color revolutions”.

Key words: international terrorism, patriotic consolidation, politicization of social networks, the Internet, political identity, globalization

REFERENCES

- Abramov, A.V. & Fedorchenko, S.N. (2016). The politicization of contemporary Russian society and the patriotism of the citizens: a content analysis of social networks. *Bulletin of Omsk University. A series of “Historical science”*, 1 (9), 115—120. (In Russ.).
- Bauman, Z. (2006). *Liquid Fear*. Cambridge: Polity Press.
- Beer, D. (2009). Power though the algorithm? Participatory web cultures and the technological unconscious. *New Media & Society*, 11 (6), 985—1002. DOI: 10.1177/1461444809336551.
- Chikunov, V.D. (2014). System of combating terrorism in the Russian Federation. *Power*, 8, 190—192. (In Russ.).
- Chugrov, S.V. (2017). Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy? *Polis. Political studies*, 2, 42—59. (In Russ.).
- Coretta, L. & Pica, D. (2015). The Rise and Fall of Collective Identity in Networked Movements: Communication Protocols, and Anti-Berlusconi Protest. *Information, Communication & Society*, 18 (8), 951—967.

- Degterev, D.A. & Belyakova, E.A. (2013). Modern technologies of the analysis of international conflicts. *Obozrevatel-Observer*, 1 (276), 80—87. (In Russ.).
- Dutkiewicz, P. & Kazarinova, D.B. (2017). End of the era of globalization: causes and effects. *RUDN Journal of Political Science*. 19 (1), 7—14. (In Russ.).
- Grachev, S.I., Gasimov, O.A. & Popov, A.S. (2013). The Ideology as a defining component of terrorist activity and counter-terrorism policy. *Bulletin Kazan law Institute of MIA Russia*, 1 (12), 45—49. (In Russ.).
- Ignatieff, M. (2004). *The lesser evil: political ethics in an age of terror*. Princeton (N.J.); Oxford: Princeton univ. press, XII, 124—125.
- Kargina, I.G. (2013). Key trends in the study of contemporary manifestations of religiosity. *Sotsis*. 6, 108—115. (In Russ.).
- Kurylev, K.P., Nikulin, M.A. & Goncharova, A.A. (2017). “Soft power” cultural diplomacy of the Islamic Republic of Iran. *Bulletin of Moscow state regional University. Series: History and Political science*, 2, 46—55. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-46-55 (In Russ.).
- Segaev, I.S. (2015). ISIL and Russia’s national security: assessing risks and threats. *Bulletin of Moscow state regional University (E-journal)*, 1. URL: <http://evestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/622> (accessed: 13.05.2017).

Received: 15.09.2017

For citations: *Abramov, A.V., Fedorchenko, S.N. & Kurylev, K.P.* (2017). Network Character of International Terrorism and the Possibility of the Consolidation of the Russian Society. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 738—748. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748.

About the authors: *Abramov Andrey Vyacheslavovich* — PhD in Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University (e-mail: abram-off@mail.ru).

Fedorchenko Sergey Nikolaevich — PhD in Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru).

Kurylev Konstantin Petrovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: kurylev_kp@rudn.university).

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-749-759

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ (МНПО) В СОБЫТИЯХ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» В ЕГИПТЕ: РОЛЬ, МЕХАНИЗМЫ ВМЕШАТЕЛЬСТВА И РЕЗУЛЬТАТЫ

А.В. Шитова

Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия

«Арабская весна» запустила процесс масштабной политической трансформации стран Северной Африки и Ближнего Востока. В регионе Северной Африки до сих пор остается немало «точек напряжения», в которых сходятся политические и экономические интересы многих внешних акторов, в том числе и международных неправительственных организаций (МНПО). Изменения, связанные с лоббированием демократических ценностей в противовес клановости, привели к усилению роли Запада в отношении государственных и общественных институтов стран Северной Африки и Ближнего Востока.

Академические круги признают, что МНПО на настоящем этапе активно участвуют в современных международных отношениях, во внутривнутриполитической жизни тех стран, где они осуществляют свою деятельность. Еще более значимыми их действия становятся в условиях смены политических режимов.

Целью данной статьи является выявление особенностей деятельности МНПО в событиях «арабской весны» до, во время и после смены правительства Х. Мубарака в Египте, при правительствах М. Мурси и Абдель Фаттаха ас-Сиси (2010—2016 гг.).

В статье идентифицированы несколько МНПО, активно действующих в Египте в период «арабской весны», среди них: Национальный демократический институт, Международный республиканский институт, Центр Картера и др. Проведенный анализ деятельности данных МНПО позволяет сделать выводы о стратегии поведения, методах и инструментах применения современных технологий, содействующих смене политического режима в Египте.

Наиболее распространенными механизмами влияния МНПО на политический процесс стали: участие в организации избирательного процесса при проведении президентских и парламентских выборов, организация избирательных кампаний, семинаров, консультаций для гражданского общества, содействующих выдвижению новых потенциальных политических лидеров.

Особое внимание уделяется социально-экономической ситуации в Египте после массовых беспорядков. Автор выявляет, какие внешние силы стояли за иностранными МНПО, действовавшими в Египте, как они способствовали демократическому транзиту этой арабской страны и к каким неоднозначным результатам для населения это привело.

Методологической базой исследования стали системный и сравнительный методы анализа, а также ивент-анализ.

Ключевые слова: Египет, «арабская весна», международные неправительственные организации, гражданское общество, демократический транзит

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» В ЕГИПТЕ

События «арабской весны» в Египте и последующие политические процессы не перестают занимать умы отечественных и зарубежных политологов. Обращает на себя внимание тот факт, что одними из новых акторов революционных событий в Египте стали международные неправительственные организации. Многие из них, финансируемые США или странами ЕС, ставили своей целью содействие так называемому демократическому транзиту арабских режимов с использованием новых технологий и современных методов управления.

Анализ хроники протестных событий в странах региона Северной Африки отсылает нас к событиям осени 2010 г. в Египте, когда манифестации в Каире привели к избранию нового состава Народного собрания. «Именно эта победа протестующих подорвала позиции самого влиятельного режима в арабском мире — режима Хосни Мубарака», пробывшего у власти 30 лет [Гайдукевич 2012].

На общенациональном референдуме в Египте, состоявшемся 19 марта 2011 г., были одобрены поправки к действующей конституции. В преддверии парламентских выборов (с ноября 2011 г. по март 2012 г.) в Египте сформировалось около 50 политических партий, т.е. почти вдвое больше, чем при режиме Мубарака, когда их насчитывалось 24 [Долгов 2012].

Однако не стоит забывать о том, что политическая жизнь Египта имеет выраженные религиозные особенности [Фахрутдинова 2013: 28]. Так, большую популярность к началу «финиковой революции» приобрела ассоциация «Братья-мусульмане», «организация образованных набожных людей, возмущенных беззаконием и коррупцией политического режима со строгой внутренней иерархией, формула которой: „Ислам — вот решение!“» [Мирский 2013: 397]. Обладая способностью быстро и эффективно мобилизовать массы, в январе 2011 г. она примкнула к молодежным группировкам с демократическими установками и уже по итогам первых парламентских выборов получила наибольшее число депутатских мандатов (47,2%) [Долгов 2012]. В 2012 г. кандидат «Братьев-мусульман» Мухаммед Мурси был избран на пост президента страны, «заручившись поддержкой 51,73% избирателей» [Мирский 2013: 399].

Тенденция исламизации в политической жизни Египта в период правления М. Мурси усилилась, и постепенно, как ни удивительно, это и привело к тому, что его режим потерял широкую общественную поддержку и потерпел поражение [Lavie 2017: 10]. Более того, в июне — июле 2013 г. начались массовые протесты и стычки между сторонниками М. Мурси и его противниками. Результатом непримиримых разногласий между президентом и Военным советом стал военный переворот под руководством маршала Абдель Фаттаха ас-Сиси. Президент М. Мурси был отстранен от власти и арестован.

В мае 2014 г. маршал Абдель Фаттах ас-Сиси был избран президентом Египта. Однако социально-экономическое положение страны при нем и сейчас остается противоречивым: при наличии серьезных положительных подвижек (рост ВВП, снижение уровня безработицы и др.) нет уверенности в том, что эти темпы удастся поддерживать. Более того, динамика котировок на египетской бирже — один из симптомов возможного ухудшения ситуации в экономике страны [Васильев 2015: 5].

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МНПО ВО ВРЕМЯ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» В ЕГИПТЕ

До и после революции 2011 г. жизнь гражданского общества в Египте регулировалась положениями Закона об ассоциациях и сообществах (Law on Associations and Community Foundation) № 84 от 2002 г.¹

По данным ЭКОСОС, в 2009 г. Египет занимал второе место по количеству МНПО во всей Северной Африке (первое место занимал Тунис) [Housseini 2009: 11]. Как ни странно, но важная роль неправительственных организаций США в экспорте демократии была официально признана бывшим Государственным секретарем Соединенных Штатов Х. Клинтон. В своем выступлении 7 ноября 2011 г. она отметила: «Давайте не будем забывать, что, когда улицы арабских городов были спокойны, Национальный демократический институт (*National Democratic Institute — NDI*) на местах был занят тем, что поддерживал выражения голосов, собиравшихся сменить длительную арабскую зиму на новую арабскую весну...» [Guilmain 2012: 387—388].

Египетский эксперт Мохамед Илагати в своей работе «Иностранное финансирование в Египте после революции» [Elagati 2013] анализирует зарубежное донорство как инструмент акторов мировой политики, пытающихся манипулировать общественным мнением для формирования и продвижения своей повестки дня (*agenda-setting*).

Иностранное финансирование в качестве средства содействия демократическому транзиту воспринималось в Египте как:

- попытки иностранного государства влиять на результаты избирательных процессов;
- попытки повлиять на общественное мнение и политические тенденции путем подкупа медийного пространства внутри страны [Elagati 2013: 5].

После падения режима Х. Мубарака, в 2011 г., США перенаправили дополнительные 65 млн долл. США из своих фондов экономической поддержки на оказание содействия демократическому транзиту Египта [Carothers 2010: 32].

Государственный департамент США в рамках программы «Инициатива по партнерству на Ближнем Востоке» (MEPI — Middle East Partnership Initiative) предоставил еще 6,5 млн долл. США для поддержки МНПО, которые готовились к проведению демократических выборов в 2011—2012 гг. в Египте [Elagati 2013: 14].

Среди международных неправительственных организаций, действующих в Египте и оказывающих консультационную, техническую и/или финансовую помощь, можно выделить следующие: Национальный демократический институт (*National Democratic Institute — NDI*); Международный республиканский институт (*International Republican Institute — IRI*); Центр Картера — *Carter Center*).

Список неправительственных организаций, частично финансируемых американским правительством, включает Фонд Форда (*Ford Foundation*) и «Дом свобо-

¹ Law 84 (2002) on Non-governmental organization. International Center for Not-for-Profit Law, 2002. URL: <http://www.icnl.org/research/library/files/Egypt/law84-2002-En.pdf> (accessed: 16.01.2017).

ды» (*Freedom House*). Кроме перечисленных выше, техническую помощь в поддержке «политического» гражданского общества оказывали немецкие фонды, такие как Фонд Фридриха Эберта (*Friedrich Ebert Foundation*), Фонд Фридриха Наумана (*Friedrich Naumann Foundation*), Фонд Конрада Аденауэра (*Konrad Adenauer Foundation*).

В декабре 2011 г. правящий Высший совет вооруженных сил Египта (*Supreme Council of the Armed Forces — SCAF*) совершил проверку более 30 отделений международных НПО, действующих в Египте. По итогам данного «рейда» отделения «Дома свободы» и Фонда Конрада Аденауэра были закрыты [Elagati 2013: 6]. Сотрудникам этих МНПО были предъявлены обвинения в «политической измене и участии в заговоре против страны с раскрытием конфиденциальной информации иностранным лицам»².

А.В. Крылов, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований МГИМО (У) МИД России, в своих исследованиях «арабской весны» подтверждает факт того, что в египетских отделениях МНПО были проведены обыски. «Влиятельная египетская газета „Аль-Ахрам“ опубликовала скандальную статью своего обозревателя Мухаммеда Дуния, в которой он предал гласности обнаруженный во время обыска в каирском офисе американской неправительственной организации — Международный республиканский институт — „американо-сионистский план“, предусматривающий раздел Египта на четыре маленькие страны» [Крылов 2012].

Данная публикация вызвала общественный резонанс, особенно у исламизированной части населения Египта. Поэтому государственные институты, в том числе и исламистские партии, стали квалифицировать МНПО как «агентов влияния Запада», что, на наш взгляд, привело к росту антиамериканских настроений в стране. Более того, зарубежные НПО, которые планировали открыть филиалы в Египте, приостановили свою деятельность или сосредоточили внимание на областях, не связанных с политической сферой [Elagati 2013: 14].

По сообщениям новостного агентства «Аль-Джазира» от 30 мая 2017 г., президентом Египта был подписан чрезвычайно ограничительный закон, регулирующий деятельность организаций гражданского общества³. Это вызвало массу недовольства у правозащитников и адвокатов. По их мнению, данный закон стал правовой нормой, которая вообще ликвидирует присутствие гражданского общества на территории Египта⁴.

Далее представляется необходимым проанализировать роль и механизмы вмешательства тех МНПО, которым удалось повлиять на политическую жизнь Египта.

² Najjar F. Egypt's NGO law aims to 'erase civil society'. Aljazeera, 2017. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/02/egypt-ngo-law-aims-erase-civil-society-170215121321442.html> (accessed: 16.01.2017).

³ Najjar F. Why is Egypt's new NGO law controversial? Aljazeera, 2017. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/05/egypt-ngo-law-controversial-170530142008179.html> (accessed: 07.07.2017).

⁴ Civic Freedom Monitor: Egypt // International Center for Not-for-Profit Law Civic Freedom Monitor: Egypt, 2017. URL: <http://www.icnl.org/research/monitor/egypt.html> (accessed: 31.02.2017).

Рассмотрим примеры применения ими современных технологий, содействующих смене политического режима в стране.

Наибольший интерес представляет анализ деятельности вышеупомянутого Национального демократического института (НДИ). НДИ начал свою деятельность в Египте в 1995 г., оказав помощь по наблюдению за местными выборами. В 2005 г., а потом и в 2011 г. оказывал помощь организациям гражданского общества при проведении первых наблюдений за официально санкционированными президентскими и парламентскими выборами в Египте⁵. Таким образом, практика НДИ по агрегации и артикуляции интересов египетского общества в том, что касалось электоральных процессов на уровне президентских выборов, началась еще в 2005 г.⁶

После революции НДИ и Международный республиканский институт (МРИ) расширили свою деятельность в Каире, включив в нее программы по активизации предвыборных кампаний новых и уже существующих политических партий. Они обучали представителей СМИ использовать современные технологии для «обхода» цензуры власти, занимались просвещением избирателей, а также проводили опросы общественного мнения [NDI 2014]. Ниже перечислены конкретные программы, которые осуществлялись в Египте в 2010—2012 гг. Национальным демократическим институтом:

1) программа для политически активных граждан. Данная программа помогала организовывать ресурсы для создания политических партий и групп влияния на общественное мнение;

2) укрепление гражданского общества через социальные сети. В.В. Желтов и М.В. Желтов в своей совместной работе «Интернет, протестные движения и „арабская весна“» отмечают, что социальные сети были активно вовлечены в процесс изменения идеологических установок молодежи. Они смогли открыть новые пути выражения мнений, помогли создать площадку по обмену информацией и сплотили тех активистов, кто был готов выражать протестное мнение в реальном мире [Желтов, Желтов 2014: 197—201];

3) программа поддержки женщин и молодежи.

Египетское традиционное политическое устройство по-прежнему недооценивало потенциал женщин и молодежи. НДИ помогал политическим партиям прорабатывать соответствующие меры политики по гендерным вопросам [Шумилин 2015: 68].

Однако деятельность НДИ на территории Египта была приостановлена в ходе обысков каирских офисов в 2012 г., когда сотрудников НДИ обвинили в незаконном получении 14 млн долл. США от американского правительства на осуществление деятельности неправительственной организации⁷.

⁵ The National Democratic Institute. URL: <https://www.ndi.org/whoweare> (accessed: 29.03.2017).

⁶ NDI annual report 2005. URL: https://www.ndi.org/sites/default/files/2219_ndi_annual_report_120105_5.pdf (accessed: 19.09.2017).

⁷ The National Democratic Institute. URL: <https://www.ndi.org/egypt> (дата обращения: 29.03.2017).

В ответ на действия египетской стороны официальные лица США предупредили власти Каира о серьезных последствиях для двусторонних отношений, что, в первую очередь, отразилось на сокращении финансовой помощи Египту [Greenfield, Hawthorne, Balfour 2013: 15].

Похожие методы содействия ненасильственной смене власти применял и Фонд Фридриха Наумана на территории Египта в период 2008—2014 гг. Ниже перечислены инструменты содействия демократическому транзиту, которыми пользовался данный фонд.

1. Проведение семинаров для блогеров. Так, в Каире с 20 по 22 мая 2011 г. прошел семинар под названием «Арабские блогеры как новый инструмент свободы».

2. Выпуск сборников о демократических государствах. Книги с мировыми рейтингами, где Египет находится в числе отстающих стран по показателям свободы слова и прессы, по проведению честных и конкурентных выборов и др.

3. Выпуск документальных фильмов о революции 2011 г., например, «Люди требуют» и др.⁸

Используя методику Дж. Шарпа, американского общественного деятеля, известного своими методами ненасильственной борьбы с авторитарными режимами, автора книги «От диктатуры к демократии: концептуальная структура либерализации» [Шарп 2005], иностранные МНПО разрабатывали механизмы проявления своего и общественного несогласия с действующей на тот момент властью Хосни Мубарака.

Кроме расклеивания листовок с запоминающимися слоганами, распространения видеороликов о произволе государственных структур и применения насильственных методов борьбы [Ghabra 2015: 204] МНПО в Египте прибегали к очень интересным, на наш взгляд, методам. В ответ на насильственное подавление правоохранительными структурами восстания «египетской улицы» активисты стремились обнять представителей полиции. Завораживают кадры видеосъемок, когда вооруженная полиция движется плотной линией на толпу, а та встречает полицейских с распростертыми объятиями, дабы показать, что им всем пора сплотиться и вместе выступить против правительства Х. Мубарака.

Еще один метод, к которому прибегали сторонники ненасильственной борьбы — намаз. Бастующие, начиная молитву, становились на колени перед полицией и кланялись. Единственным выходом из ситуации силы правопорядка сочли отвернуться и стать спиной к людям, совершающим религиозный обряд, который им всем так знаком.

Следует заключить, что международные неправительственные организации в целом пользовались нетрадиционными методами борьбы с режимом Х. Мубарака (гражданское неповиновение, символический протест и др.) [Sadiki 2015]. На наш взгляд, международные НПО стремились таким способом внедрить запад-

⁸ Friedrich Naumann Foundation for Liberty. URL: <http://www.fnst-egypt.org/Arab-Bloggers-Meet-and-Stratigize-at-Cairo-Workshop-Arabic.html> (дата обращения: 03.04.2017).

ные модели демократического развития, однако не предусмотрели результаты применения этих механизмов в исламизированном Египте, что в итоге вызвало недоверие к западным «провозвестникам демократии» как со стороны властей, так и со стороны простого населения.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕГИПТА ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

После прихода к власти вновь избранного президента Абдель Фаттах ас-Сиси в Египте была принята новая Конституция (2014 г.), которая содержит многочисленные средства защиты гражданских прав и свобод, хотя большинство из них еще предстоит увидеть в применении на практике.

Согласно оценкам международных рейтингов, в том числе рейтинга неправительственной организации *Freedom House*, который делит страны на «свободные», «частично свободные» и «несвободные», Египет 2011 г. был «несвободным» государством («*not free*»), и в 2017 г. все еще остается несвободным⁹.

По данным неправительственной организации по борьбе с коррупцией *Transparency International*, Египет в 2011 г. занимал 112-е место из 183 стран по индексу восприятия коррупции¹⁰. По данным за 2016 г., Египет находился на 108-м месте из 178 стран, что означает, что за время трансформаций политического режима Египет потерял 4 позиции в рейтинге¹¹.

Сейчас уже ясно, что, вопреки ожиданиям участников «египетской весны», в результате политических трансформаций социально-экономическая обстановка в стране существенно ухудшилась. Так, уровень безработицы в 2011 г. достигал 10,4%, по данным за 2016 г. — 12,7%, что является границей предельно допустимого уровня безработицы¹². Туризм когда-то был одним из ключевых секторов экономики Египта, однако затяжные массовые беспорядки отбили желание у туристов приезжать смотреть пирамиды и греться на солнце. Для России, например, египетское направление до сих пор закрыто в связи с террористическими актами, что тоже является сигналом о необходимости укрепления национальной безопасности Египта.

Анализ роли и механизмов вмешательства международных некоммерческих организаций в события «арабской весны» в Египте показал, что «революция пирамид» не является всего лишь спонтанным проявлением недовольства египтян. По прошествии нескольких лет стало ясно, что в трансформации авторитарного режима Х. Мубарака были заинтересованы Государственный департамент США и международные глобалистские структуры, такие как ООН, Европейский союз и др.

⁹ Свобода в Египте в 2011—2017 г. *Freedomhouse*, 2017. URL: <https://freedomhouse.org/report/countries-crossroads/egypt> (accessed: 29.03.2017).

¹⁰ *Transparency International*. Official website of the Transparency International, 2011. URL: http://files.transparency.org/content/download/101/407/file/2011_CPI_EN.pdf (accessed: 29.03.2017).

¹¹ *Ibid.*

¹² Уровень безработицы в Египте. *Кноема.ru*, 2017. URL: <http://knoema.ru/atlas/Египет/Уровень-безработицы> (accessed: 29.03.2017).

Несмотря на разницу во мнениях отечественных и зарубежных исследователей по поводу роли иностранного вмешательства в события «арабской весны» и его масштабов, мы больше склоняемся к мнению о том, что МНПО как инструмент иностранного влияния стали одним из важных механизмов смещения режима Х. Мубарака.

Среди основных активно действовавших МНПО в Египте во время «арабской весны» можно выделить следующие организации: Национальный демократический институт, Международный республиканский институт, Центр Картера (все — США), Фонд Фридриха Наумана (ФРГ), «Дом свободы» (США), Фонд Конрада Аденауэра (ФРГ) и др.

Наиболее распространенными механизмами вышеперечисленных МНПО по смене политического режима в Египте стали: участие в организации избирательного процесса при проведении президентских и парламентских выборов (2012 г.), проведение предвыборных кампаний (2011—2013 гг.), проведение семинаров, консультаций для представителей гражданского общества, нацеленных на подготовку новых потенциальных политических лидеров арабских государств. МНПО производили короткометражные ролики, печатали пособия с пропагандой демократических основ. Использовали методы ненасильственной борьбы, что, на наш взгляд, указывает на «неарабскую» природу таких явлений.

После 2014 г. деятельность МНПО в Египте стала ограниченной, более «сдержанной» по отношению к правящей элите, так как для вновь избранной власти во главе с президентом Абдель Фаттахом ас-Сиси стало неприемлемо участие глобалистских структур в принятии решений по вопросам внутренней политики государства. Новое правительство существенно ограничило активность МНПО, считая их деятельность не созидательным, а дестабилизирующим фактором.

В случае если международные неправительственные организации хотят сохранить свое присутствие в социально-политической жизни Египта, то их главной целью на данном этапе должно стать налаживание диалога между обществом и правительством, а не подогревание поляризации мнений по поводу «недемократического» стиля управления Египта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Васильев А.М.* Сотрудничество Российской Федерации с Арабской Республикой Египет: возможности и ограничения. Российский совет по международным делам (РСМД). № 22. М.: Спецкнига, 2015.
- Гайдукевич Л.М.* «Арабская весна» 2011 г.: демократические преобразования или геополитический передел региона? // Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 1. С. 29—34. Режим доступа: http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/31198/1/2012_1_JLIR_gaidukevich.pdf. Дата обращения: 12.02.2017.
- Долгов Б.В.* «Арабская весна»: итоги и перспективы // Перспективы, 2012. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/arabskaja_vesna_itogi_i_perspektivy_2012-04-19.htm. Дата обращения: 10.03.2017.
- Желтов В.В., Желтов М.В.* Интернет, протестные движения и арабская весна // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. № 1 (24). С. 189—204. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-protestnye-dvizheniya-i-arabskaya-vesna>. Дата обращения: 17.11.2016.

- Крылов А.В.* «Арабская весна» в контексте планов пересмотра границ Большого Ближнего Востока. 2012. Режим доступа: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document220009.phtml>. Дата обращения: 10.03.2017.
- Мирский Г.И.* Египет в пору больших перемен // Год планеты. 2013. Ежегодник. С. 397—408.
- Фахрутдинова Н.З.* А была ли «арабская весна»? // Восстание в арабском мире: посевы и всходы. 2013. № 5. С. 27—32.
- Шарп Дж.* От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской. М.: Новое издательство, 2005.
- Шумилин А.И.* Политика США на Ближнем Востоке в контексте «арабской весны». М.: Международные отношения, 2015.
- Brechenmacher S.* Civil Society Under Assault: Repression and Responses in Russia, Egypt, and Ethiopia. Carnegie Endowment. 2017. URL: <http://carnegieendowment.org/2017/05/18/civil-society-under-assault-repression-and-responses-in-russia-egypt-and-ethiopia-pub-69953> (accessed: 11.07.2017).
- Carothers T.* Democracy Policy Under Obama Revitalization or Retreat? Carnegie Endowment. 2017. URL: http://carnegieendowment.org/files/democracy_under_obama.pdf (accessed: 19.04.2017).
- Elagati M.* Foreign Funding in Egypt after the Revolution. FRIDE, 2013. URL: <http://fride.org/publication/1117/foreign-funding-in-egypt-after-the-revolution> (accessed: 18.03.2017).
- Ghabra S.* The Egyptian Revolution: Causes and Dynamics // Routledge Handbook of the Arab Spring. Rethinking Democratization. 2015. URL: https://biblio.parlament.ch/e-docs/PDF_I/368249.pdf (accessed: 23.04.2017).
- Greenfield D., Hawthorne A., Balfour R.* US and EU: Lack of Strategic Vision, Frustrated Efforts Toward the Arab Transitions. Atlantic Council, 2013. URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/US_EU_Lack_of_Strategic_Vision_Frustrated_Efforts_Toward_Arab_Transitions.pdf (accessed: 02.05.2017).
- Guilmain O.* L'influence des ONG américaines sur le printemps arabe: l'exemple de la National Endowment for Democracy. La face cachée des révolutions arabes. 2012. P. 387—388.
- Housseini B.* Middle-Eastern and North African NGOs' Participation in the United Nations Economic and Social Council: Current Situation, Challenges and Solutions. Website UN. Department of Economic and Social Affairs. 2009. URL: <http://csonet.org/content/documents/MENA.pdf> (accessed: 20.12.2016).
- Lavie L.* The Egyptian Muslim Brothers' ideal state model: a religious state — out; a civil state — in // Middle East Studies. 2017. Vol. 53. № 6. P. 996—1012. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00263206.2017.1350845>.
- National Democratic Institute.* Three Decades of Working for Democracy and Making Democracy Work. 2014. URL: <https://www.ndi.org/sites/default/files/2014%20NDI%2030th%20Anniversary%20Report.pdf> (accessed: 19.09.2017).
- Sadiki L.* Unruliness through Space and Time. Reconstructing «Peoplehood» in the Arab Spring // Routledge Handbook of the Arab Spring. 2015. URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315763026.ch1> (accessed: 23.03.2017).

Дата поступления статьи: 15.08.2017

Для цитирования: Шитова А.В. Международные неправительственные организации (МНПО) в событиях «арабской весны» в Египте: роль, механизмы вмешательства и результаты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 749—759. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-749-759.

Сведения об авторе: Шитова Александра Вячеславовна — аспирант Института Африки РАН (e-mail: avshitova8@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-749-759

INTERNATIONAL NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS (INGOs) IN THE EVENTS OF THE «ARAB SPRING» IN EGYPT: ROLE, MECHANISMS OF INTERFERENCE AND RESULTS

A.V. Shitova

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. “Arab spring” has launched a process of large-scale political transformation of the countries in the North Africa and the Middle East.

There are many “points of tension” in the region of North Africa, in which converge the political and economic interests of external actors, including international non-governmental organizations (INGOs). The lobbying of democratic values as opposed to clan interests led to the strengthening of the role of the West in relation to the state and public institutions of the North Africa and the Middle East.

Moreover, academic community recognizes that currently INGOs actively participate in modern international relations, in internal policy of the countries where they perform their activities. Their actions have even more significant impact during the times when the political regimes change.

This article aims to analyze the activities of INGOs before, during and after the change of H. Mubarak’s government in Egypt, under the governments of M. Mursi and A.F. As-Sisi (2010—2016 gg.).

The article deals with several active INGOs of the “Arab Spring”, such as National Democratic Institute, International Republican Institute, Carter Center and other.

The analysis of the activities of the above-mentioned INGO allows us to draw conclusions about their strategies, methods, and instruments of modern technologies facilitating the change of the political regime.

The most common mechanisms of INGOs influence on political transition were participation in organization of the electoral process, organization of election campaigns, seminars, consultations for civil society that promote the emergence of new potential political leaders.

Great attention in this article is paid to the socio-economic situation in Egypt after the mass unrest. The author shows how the external forces behind foreign NGOs contributed to the political transition, and relates to the ambiguous results for population it has brought.

Methodological basis of this study was system and comparative methods of analysis, event-analysis.

Key words: Egypt, “Arab Spring”, international non-governmental organizations (INGOs), civil society, democratic transition

REFERENCES

- Brechenmacher, S. (2017). *Civil Society Under Assault: Repression and Responses in Russia, Egypt, and Ethiopia*. Carnegie Endowment. URL: <http://carnegieendowment.org/2017/05/18/civil-society-under-assault-repression-and-responses-in-russia-egypt-and-ethiopia-pub-69953> (accessed: 11.07.2017).
- Carothers, T. (2017). *Democracy Policy Under Obama Revitalization or Retreat?* Carnegie Endowment. URL: http://carnegieendowment.org/files/democracy_under_obama.pdf (accessed: 19.04.2017).
- Dolgov, B.V. (2012). “Arab Spring”: results and prospects. *Perspectives*. URL: http://www.perspektivy.info/book/arabskaja_vesna_itogi_i_perspektivy_2012-04-19.htm (accessed: 10.03.2017). (in Russ.).
- Elagati, M. (2013). *Foreign Funding in Egypt after the Revolution*. FRIDE. URL: <http://fride.org/publication/1117/foreign-funding-in-egypt-after-the-revolution> (accessed: 18.03.2017).
- Fakhrutdinova, N.Z. (2013). And was there “Arab Spring”? *Rise in the Arab world: crops and shoots*, 5, 27—32. (in Russ.).
- Gaidukevich, L.M. (2012). “Arab Spring” 2011: democratic transformation or geopolitical redistribution of the region? *Journal of International Law and International Relations*, 1, 29—34. URL: http://www.elib.bsu.by/bitstream/123456789/31198/1/2012_1_JILIR_gaidukevich.pdf (accessed: 12.02.2017). (in Russ.).

- Ghabra, S. (2015). The Egyptian Revolution: Causes and Dynamics. *Routledge Handbook of the Arab Spring. Rethinking Democratization*. URL: https://biblio.parlament.ch/e-docs/PDF_I/368249.pdf (accessed: 23.04.2017).
- Greenfield, D., Hawthorne, A. & Balfour, R. (2013). *US and EU: Lack of Strategic Vision, Frustrated Efforts Toward the Arab Transitions*. Atlantic Council. URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/US_EU_Lack_of_Strategic_Vision_Frustrated_Efforts_Toward_Arab_Transitions.pdf (accessed: 02.05.2017).
- Guilmain, O. (2012). *L'influence des ONG américaines sur le printemps arabe: l'exemple de la National Endowment for Democracy*. La face cache des revolutions arabes, 387—388.
- Housseini, B. (2009). *Middle-Eastern and North African NGOs' Participation in the United Nations Economic and Social Council: Current Situation, Challenges and Solutions*. Website UN. Department of Economic and Social Affairs. URL: <http://csonet.org/content/documents/MENA.pdf> (accessed: 20.12.2016).
- Krylov, A.V. (2012). "Arab spring" in the context of plans to review the boundaries of the Greater Middle East. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document220009.phtml> (accessed: 10.03.2017). (in Russ.).
- Lavie, L. (2017). The Egyptian Muslim Brothers' ideal state model: a religious state — out; a civil state — in. *Middle East Studies*, 53(6), 996—1012. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00263206.2017.1350845>.
- Mirsky, G.I. (2013). Egypt at a time of great change. *Year of the planet*. Yearbook, 397—408. (in Russ.).
- National Democratic Institute. *Three Decades of Working for Democracy and Making Democracy Work*. (2014). URL: <https://www.ndi.org/sites/default/files/2014%20NDI%2030th%20Anniversary%20Report.pdf> (accessed: 19.09.2017).
- Sadiki, L. (2015). Unruliness through Space and Time. Reconstructing "Peoplehood" in the Arab Spring. *Routledge Handbook of the Arab Spring*. URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315763026.ch1> (accessed: 23.03.2017).
- Sharp, J. (2005). *From dictatorship to democracy: Strategy and tactics of liberation*. Transl. by N. Kozlovskaya, Moscow: New Publishing House. (in Russ.).
- Shumilin, A.I. (2015). *US policy in the Middle East in the context of the "Arab Spring"*. Moscow: International Relations. (in Russ.).
- Vasiliev, A.M. (2015). *Cooperation of the Russian Federation with the Arab Republic of Egypt: opportunities and limitations*. The Russian Council for International Affairs (INF), 22. Moscow: Special book. (in Russ.).
- Zheltoy, V.V. & Zheltoy, M.V. (2014). Internet, protest movements and the Arab Spring. *Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service*, 1 (24), 189—204. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-protestnye-dvizheniya-i-arabskaya-vesna> (accessed: 17.11.2016). (in Russ.).

Received: 15.08.2017

For citations: Shitova, A.V. (2017). International Non-Governmental Organizations (INGOs) in the Events of the «Arab Spring» in Egypt: Role, Mechanisms of Interference and Results. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 749—759. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-749-759.

About the author: Shitova Alexandra Vyacheslavovna — post-graduate student of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: avshitova8@gmail.com).

© Шитова А.В., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-760-769

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Г.А. Ханнанова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Статья посвящена анализу основных факторов, определяющих внешнеполитическую линию ФРГ в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Актуальность темы обусловлена потребностью исследования феномена активизации военно-политического участия Германии в урегулировании кризисных ситуаций. Автор, опираясь на принцип историзма, рассмотрел внешнюю политику германского государства на Арабском Востоке в ее развитии, начиная с формирования в конце XIX в. Применение историко-генетического метода позволило выделить основные аспекты колониальной политики Германии в преддверии Первой и Второй мировых войн, а также предпосылки углубления контактов со странами региона в период холодной войны. Выявление факторов, детерминирующих современную ближневосточную политику Германии, способствовало системному анализу рассматриваемой проблематики. Несмотря на аргументированность заявлений официальных лиц ФРГ о заинтересованности в установлении «баланса сил» и в восстановлении политической стабильности региона, данные цели были подвергнуты критической оценке, учитывая, что в условиях геополитической «разбалансировки» Германия получает возможность упрочить свое влияние в регионе.

Взяв за основу цели германского правительства на Ближнем Востоке и в Северной Африке, определенные в коалиционном договоре 2013 г., автор пришел к выводу о приоритетности кризисного урегулирования в исследуемом регионе. При этом отмечается, что конфликтный потенциал Арабского Востока и его поддержание на высоком уровне отвечает интересам германского военно-промышленного комплекса. Увеличение экспорта продукции ВПК в арабские страны и игнорирование экспортных ограничений можно расценить как поддержку гонки вооружений в регионе.

Таким образом, на современном этапе внешняя политика Германии на Ближнем Востоке и в Северной Африке характеризуется наличием «двойных стандартов» и противоречием предпринимаемых инициатив декларируемым целям. Явная непоследовательность ближневосточной политики ФРГ на современном этапе объясняется незавершенным процессом ее реформирования и выделением новых приоритетов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: внешняя политика Германии, Ближний Восток и Северная Африка, колониальная политика, трансформация ближневосточного регионального порядка, кризисная дипломатия

Страны Ближнего Востока и Северной Африки занимают важное место в комплексе внешнеполитических и внешнеэкономических интересов Германии. Значимость данного региона особенно возросла во втором десятилетии XXI в., что доказывает активизация военного и гуманитарного участия Германии в разрешении кризисных ситуаций на Ближнем Востоке. Многие внешнеполитические акции ФРГ стали противоречить устоявшимся представлениям о Германии как о государстве, опирающемся преимущественно на инструменты политики «мягкой силы». ФРГ поддержала курдов в борьбе с «Исламским государством» (ИГ) (террористическая организация, запрещена в РФ) и впервые после Второй мировой

войны нарушила свой основной принцип о запрете экспорта вооружений одной из воюющих сторон во время активной фазы конфликта. В январе 2015 г. 100 немецких консультантов были отправлены в Ирак для военной подготовки курдских солдат, а в январе 2016 г. немецкие летчики начали осуществлять разведывательные миссии над территорией Сирии и Ирака. Изменение ближневосточной политики стало свидетельством процесса эволюции внешнеполитической парадигмы ФРГ в целом. Так, можно говорить об уверенном тренде на усиление роли «жесткой силы» в арсенале ее внешней политики.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ

Интерес Германии к Ближнему Востоку в конце XIX — начале XX в. был тесно связан со стремлением Германии обрести свое место под солнцем, или расширить сферы влияния. Вступив в империалистическую стадию своего развития, сопровождавшуюся господством монополий, образованием финансовой олигархии и вывозом капитала, Германия стала проводить колониальную политику.

Встав на данный путь позже своих европейских соседей, Германия была вынуждена не завоевывать, а отвоевывать свою долю «колониального пирога». Как отмечает доктор философских наук А.В. Шабага, «проводимая Бисмарком политика соответствовала теории *Realpolitik*», которая, в том числе, представляла собой «приспособление буржуазных либеральных идей (борьба за территории, колонии и рынки сбыта) к внешнеполитической конкретике Германии» [Шабага 2015: 28].

Колониальная политика Германской империи на Арабском Востоке началась с притязаний на Марокко. Изначально причиной пристального внимания к этому району Африки служили экономические интересы немецких монополий. Германия настаивала на «политике открытых дверей» в Марокко и не желала мириться с тем, что Франция отстраняет другие страны от эксплуатации ресурсов этого североафриканского государства. В дальнейшем Марокко рассматривалось как определяющее направление геополитического плана Второго рейха по созданию будущих африканских владений империи. В результате первого марокканского кризиса (1905—1907 гг.) Франция обязалась гарантировать интересы германских подданных в «экономическом равенстве» в Марокко. Для продвижения своих интересов в этой стране Германия активно использовала такую стратегию по завоеванию популярности у марокканцев, как поддержка религиозных чаяний. Германская империя выступала в качестве «друга ислама», рекомендуя проводить все преобразования в соответствии с духом религии мусульман.

Плацдармом же для распространения влияния на Ближнем Востоке служила Турция, которую Германская империя стремилась подчинить политически и экономически. Как отмечал доктор исторических наук А.С. Аветян, Германия изначально была против дележа территорий Османской империи, но признавала, что в случае неизбежности такой ситуации она претендовала бы на такие ближневосточные районы, как Алеппо и Северная Месопотамия (северо-восточная Сирия и северный Ирак) [Аветян 1968: 100]. Строительство под контролем Немецкого банка Багдадской железной дороги, ведущей от Босфора к берегам Персидского

залива [Багдадская железная дорога 1911—1915: 325—327] позволяло реализовать геополитические претензии Германской империи и интересы немецких промышленников на Ближнем Востоке.

Получение в 1903 г. окончательной концессии на строительство Багдадской железной дороги привело к обострению отношений Германской империи с Великобританией, Францией и Россией, поэтому в преддверии Первой мировой войны Берлин сделал ставку на военное сотрудничество с османами. В 1913 г. в Стамбул была отправлена военная миссия Лимана фон Сандерса, которая получила широкие полномочия для командования отдельными частями турецкой армии вплоть до установления военно-политического контроля над важнейшими пограничными пунктами и проливами [Котов 2012: 127—128].

После поражения в Первой мировой войне Германии так и не удалось реализовать проект Багдадской железной дороги в своих интересах, а окончательно вся магистраль была закончена только к концу 30-х гг. XX в. частными английскими и французскими компаниями. Однако сам факт заинтересованности Германии в контроле над транспортными потоками на Ближнем Востоке свидетельствует о значимости данного региона во внешней политике Второго рейха и стремлении вовлечь страны региона в орбиту своего влияния.

После Первой мировой войны Германия, вынашивавшая идеи реваншизма, стала вновь активно готовиться к переделу сфер влияния и повторной реализации своих имперских амбиций. Понимая, что Англия и Франция основную долю своих ресурсов получали из Африки, а основные коммуникации пролегали через Средиземноморье, немцы с середины 1930-х гг. создавали агентурную сеть на средиземноморском побережье Африки. Они планировали разрушить английские и французские коммуникации посредством ряда боевых операций по захвату североафриканских территорий. В 1936 г. Испанское Марокко стало центром немецко-фашистской агентуры, которая активно привлекала на свою сторону марокканские племена, снабжая их стрелковым оружием с целью провоцирования повстанческого движения [Ланда 1985: 63]. Но нацистскому руководству не удалось подготовить из арабов дополнительные контингенты наемников, а значительного успеха на этом театре действий не удалось достичь из-за приоритетности советско-германского фронта.

Стратегическое значение региона Средиземноморья для внешней политики Федеративной Республики Германия (ФРГ) сохранялось и после поражения во Второй мировой войне, которое заставило, правда, отказаться Западную Германию от имперских амбиций, а «на смену имперскому универсализму пришел эгалитарный универсализм» [Шабага 2009: 404]. Сохранился интерес к региону у западногерманского монополистического капитала и промышленных кругов, чье бурное развитие требовало новых рынков сбыта. Однако появились новые предпосылки активизации ближневосточной политики Западной Германии, которые были подробно представлены в работе А.К. Дудайти [Дудайти 2009].

Во-первых, этому способствовали Соединенные Штаты, ведь интересы двух стран совпадали. Так, оба государства были заинтересованы в вытеснении английского и французского капиталов и уменьшении их влияния на Ближнем Востоке.

Еще со времен Первой и Второй мировых войн арабские народы рассматривали Германию как исторического союзника арабских народов в антиколониальной борьбе, поэтому в среде политических и деловых кругов ближневосточных стран предложения ФРГ об активизации всесторонних связей находили понимание и поддержку.

Во-вторых, перед Западной Германией стояла задача сближения с Израилем для того, чтобы искупить вину за Холокост и в результате поднять моральный авторитет Германии в мире. Правящие круги США также были заинтересованы в укреплении германо-израильского сотрудничества, которое служило дополнительным финансовым каналом для усиления военного потенциала Израиля.

Помимо продвижения экономических интересов Германии было крайне важно не допустить укрепления международных позиций Германской Демократической Республики (ГДР). Именно с этой целью была разработана «доктрина Хальштейна», на основе которой Западная Германия выстраивала отношения с арабскими странами на протяжении 1950—1960 гг. Согласно данной доктрине, условием сотрудничества арабских государств с Западной Германией было отсутствие дипломатических отношений с ГДР.

В целом во время холодной войны ФРГ не могла полноценно реализовывать свои интересы на Ближнем Востоке, ведь ее внешнеполитический суверенитет был ограничен рамками трансатлантических структур. Во многом ее шаги на мировой арене согласовывались с политикой США и служили интересам Вашингтона в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. С распадом биполярной системы объединенная Германия пусть не сразу, но начала процесс идентификации собственных государственных интересов, в том числе на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПОЛИТИКУ ФРГ В РЕГИОНЕ АРАБСКОГО ВОСТОКА

В условиях трансформации ближневосточной региональной подсистемы Германия уделяет пристальное внимание акторам, чье влияние в регионе возрастает, нарушая тем самым хрупкий и крайне уязвимый «баланс сил» на Ближнем Востоке. В отличие от США, которые поддерживают идею «управляемого хаоса», Германия крайне отрицательно оценивает наблюдающуюся в регионе «разбалансировку». Напротив, основной целью ближневосточной политики ФРГ является установление «баланса сил», являющегося основой предсказуемой и развивающейся по определенным правилам региональной ситуации.

Стоит отметить, что «кардинально переформатировался весь базис ближневосточного порядка, и на смену так называемой арабской эксклюзивистской системе, фактически исключавшей из этого порядка такие государства, как Израиль, Турция, Иран, пришел иной порядок, детерминированный возникновением новых центров силы неарабского происхождения...» [Савичева 2014: 15]. Более того, структурная трансформация на Ближнем Востоке сопровождается снижением влияния США, что дает Германии возможность активизировать свою внешнеполитическую деятельность в регионе и упрочить свои позиции. Сразу стоит

отметить, что укрепление рычагов влияния на политическую ситуацию на Арабском Востоке нацелено на обеспечение необходимого «баланса сил» в регионе. С этой целью Германия стремится выстроить стратегически равные отношения с региональными «неоимперскими центрами» (Саудовская Аравия, Турция и Иран). Другим инструментом по укреплению влияния ФРГ является создание позитивного образа государства, чьи действия направлены на развитие региона и кризисное урегулирование. Таким образом, «...в отличие от США, строящих свою политику в регионе в основном на методах прямого силового и экономического воздействия, ФРГ предпочитает укреплять свои позиции путем планомерного и весьма активного проникновения во все значимые экономические и социальные сферы арабских стран региона...» [Зинькина 2008].

Учитывая, что такие проблемы, как миграционный кризис в Евросоюзе и увеличение числа беженцев в соседних с Сирией и Ираком странах являются последствием политической нестабильности, стремление к нормализации политической ситуации в арабских государствах также является определяющим в ближневосточной политике ФРГ. В 2011 г. Германия, полагая, что самой устойчивой формой правления является демократия, активно приветствовала процесс демократизации Северной Африки в результате событий «арабской весны».

Однако, как показало развитие событий в североафриканских странах, установление демократического строя чревато активизацией исламистских сил в политике государств региона и обострением суннито-шиитских противоречий. В этой связи Германия вернулась к практике «двойных стандартов» (де-юре пропагандируя демократические ценности и обуславливая свою помощь странам региона необходимостью реформирования политической системы, но де-факто полностью приемля авторитарную форму правления светского типа). Такая практика ранее позволяла поддерживать тесные отношения с режимами Муаммара Каддафи и Хосни Мубарака. Данный подход к выстраиванию отношений с арабским миром объясняется тем, что политическая стабильность является гарантией от распространения в странах региона радикальной идеологии и влияния террористов.

ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ

Переходя от факторов, определяющих ближневосточную политику Германии, к целям, стоит отметить, что внешнеполитическая активность ФРГ на Ближнем Востоке и в Северной Африке с 1990 по 2016 г. по большей части характеризовалась различными инициативами по урегулированию конфликтов и углублению экономического сотрудничества. В этой связи можно говорить о кризисной дипломатии Германии в регионе, имеющей ряд своих особенностей.

В первую очередь, ФРГ как приверженец многостороннего подхода предпочитает оказывать содействие кризисному урегулированию в рамках международных организаций. Говоря же о двустороннем формате, то приоритетным инструментом кризисной дипломатии ФРГ является политика содействия международному развитию (СМР), в рамках которой Германия стремится снизить социально-экономическую напряженность в арабских государствах. С конца 2014 г.

в арсенале внешнеполитических средств, применяемых Германией в регионе, возрастает роль «жесткой силы», о чем свидетельствуют участие немецких военных в повышении боеспособности иракских и курдских солдат, в разведывательных миссиях антитеррористической коалиции на территориях Сирии и Ирака, а также расширение в 2017 г. мандата бундесвера на участие в наступательных миссиях НАТО¹.

Выделяя урегулирование конфликтов в регионе в качестве ключевой цели, Германия уделяла особое внимание арабо-израильскому конфликту и кризисной ситуации в Ираке. В XXI в. к ним добавились политические потрясения в странах Северной Африки, а впоследствии сирийский кризис. Именно эти четыре проблемы были причислены к основным задачам ближневосточной политики ФРГ в 2013—2017 гг. К последним также относятся защита прав христианского населения в регионе и возвращение Ирана в круг надежных международных партнеров². С обострением ситуации в Сирии к данным целям добавились борьба с террористической угрозой и решение проблемы сирийских беженцев.

Углубление экономического сотрудничества Германии с арабскими странами также служит внешнеполитическим целям. Заинтересованность немецких компаний в арабских рынках особенно возросла в эпоху глобализации. Но нестабильность в регионе и коррумпированность арабских чиновников вынуждали немецких промышленников и инвесторов быть осторожными. Это доказывают данные за 1991—2000 гг. Объем торговли с Ближним Востоком и Северной Африкой в общей структуре внешней торговли ФРГ упал с 3,1% в 1991 г. до 2,5% в 2000 г. С 2000 по 2015 г. доля импорта из стран региона осталась без изменений (1,3%), показатели же экспорта выросли незначительно с 3 до 4%³. В целом доля региона в общей структуре внешней торговли ФРГ осталась практически без изменений (2,8%).

Нельзя сказать, что у немецкого бизнеса совершенно нет заинтересованности в связях с Ближним Востоком. В начале XXI в. активно развивалась энергетическая дипломатия ФРГ в регионе, причем не только в традиционном углеводородном секторе, но и в сфере возобновляемых источников энергии. Однако перспективы экономического взаимодействия и инвестиционной активности немецких компаний находятся в зависимости от политического развития и от экономической политики лидеров стран региона. В связи с этим немецкий бизнес пока будет следовать за германской политикой, а не давать ей толчок, как это было в преддверии двух мировых войн и в годы холодной войны. Поэтому от усилий, в том числе, кризисной дипломатии ФРГ зависит повышение внимания немецких компаний к арабским рынкам.

¹ Deutschlands Zukunft Gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 2013.

² Deutschlands Zukunft Gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 2013.

³ Fakten zum deutschen Außenhandel. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, BMWi. Berlin, Juni 2016. URL: http://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Publikationen/Aussenwirtschaft/fakten-zum-deutschen-aussenhandel-2015.pdf?__blob=publicationFile&v=14 (accessed: 01.02.2017).

Несмотря на невысокие показатели экспорта гражданской промышленности ФРГ в арабские страны, в последние годы активно развивается сотрудничество в сфере экспорта вооружений. Политические потрясения в Северной Африке, активизация оппозиционных сил, распространение радикальной исламистской идеологии становятся причинами гонки вооружений на Ближнем Востоке. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), импорт вооружений в ближневосточных странах в 2011—2015 гг. вырос на 61% по сравнению с 2006—2010 гг. [Fleurant, Perlo-Freeman et al. 2016].

За последние 5 лет Германия стала одним из крупных поставщиков оружия и военного оборудования и извлекает выгоды из военно-политической напряженности в регионе. Так, возросли объемы продаж оружия государствам, не являющимся союзниками по НАТО (третьи страны) с 180 млн евро в 2009 г. до 4,6 млрд евро в 2015 г., а доля третьих стран в 2015 г. составила 59%⁴. Непосредственно на государства Ближнего Востока приходится 59% (2,7 млрд евро) от военного экспорта ФРГ третьим странам, или 35% от общего объема экспорта в 2015 г. (7,9 млрд евро). Особенно возросло сотрудничество с монархиями Залива. В 2012 г. Саудовская Аравия стала самым крупным клиентом ФРГ (объем продаж составил 1,2 млрд евро)⁵. А в 2015 г. самым крупным покупателем немецкого оружия стал Катар, закупив продукцию немецкого ВПК на 1,6 млрд евро⁶.

Более того, в условиях финансового кризиса правительство Меркель ослабило ограничения на экспорт продукции ВПК. Германское правительство не останавливает тот факт, что среди импортеров немецкого оружия есть страны, осуществляющие репрессии в отношении своего населения. Игнорирование экспортных ограничений германским правительством вызывает недовольство у немецкого общества, которое серьезно возмутила репрессивная политика властей Эр-Рияда (казнь 47 заключенных в Саудовской Аравии в декабре 2015 г.). Несмотря на данные события, германское правительство не вводит запрет на продажу продукции ВПК Саудовской Аравии, что является очередным свидетельством политики «двойных стандартов» и извлечения экономических выгод из эскалации напряженности в арабском мире.

Как представляется, непоследовательность ближневосточной политики Германии объясняется как таковым отсутствием долгосрочного видения своей роли на Арабском Востоке, что связано с тем, что данный регион исторически не является сферой интересов Германии. Однако факт активного военно-технического участия в урегулировании сирийского кризиса и военной операции против запрещенной в России группировки ИГ подогревает дискуссии о стремлении ФРГ вовлечь Арабский Восток в орбиту своего влияния на долгосрочной основе.

⁴ Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015. Bundesministerium für Wirtschaft und Technologie.

⁵ Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2012. Bundesministerium für Wirtschaft und Technologie.

⁶ Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015. Bundesministerium für Wirtschaft und Technologie.

Исторически регион Ближнего Востока и Северной Африки не входил в сферу влияния Германии, а попытки повысить свою роль на Арабском Востоке в конце XIX — начале XX вв. исходили из экспансионистских устремлений германского империализма. В период холодной войны на отношения Западной Германии с арабскими государствами оказывали воздействие «внутригерманский контекст» и потребности бурно развивающейся экономики в энергоресурсах и рынках сбыта, а сам Бонн двигался в фарватере американской политики. После воссоединения немецкого народа «атлантическая солидарность» сохранила свою роль как фактор ближневосточной политики ФРГ, однако стали выкристаллизовываться непосредственно германские внешнеполитические интересы, а именно: обеспечение безопасности, формирование устойчивого баланса сил в регионе, а также восстановление политической стабильности в государствах Арабского Востока. Кризисная дипломатия наряду с укреплением экономического сотрудничества, особенно в энергетической и военно-технической сферах, нацелены на последующее увеличение германского политического авторитета и влияния в регионе. Стоит добавить, что интересы национальной безопасности, которой стали угрожать наплыв беженцев из арабских государств и вербовка боевиками запрещенного «Исламского государства» европейских граждан, также обуславливают решение ФРГ «взять на себя большую ответственность» за разрешение ближневосточных проблем.

Серьезными препятствиями на пути последовательной реализации целей ближневосточной политики ФРГ является отсутствие долгосрочного видения своей роли в регионе и политика «двойных стандартов». Однако активизация непосредственного участия Германии в миротворческих миссиях и в военных операциях в многостороннем формате дает основания полагать, что Германия стремится повысить свою роль на Ближнем Востоке и в Северной Африке в долгосрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аветян А.С.* Основные вопросы ближневосточной политики германского империализма накануне Первой мировой войны (1913—1914) // Первая мировая война 1914—1918 гг. / Под ред. А.Л. Сидорова. Москва: Наука, 1968. С. 99—107.
- Багдадская железная дорога // Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого. Том 4. СПб., 1911—1915.
- Дудайти А.К.* ФРГ: ближневосточная политика (1949—1983). Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, 2009.
- Зинькина Ю.В.* Палестинское направление ближневосточной политики ФРГ. 2008. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=6634> (дата обращения: 18.01.2017).
- Котов Б.С.* «Германский Босфор»: миссия Лимана фон Сандерса в откликах русской прессы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. № 3. С. 127—134.
- Ланда Р.Г.* Вторая Мировая война и страны Магриба // Народы Азии и Африки. 1985. № 1. С. 63—73.
- Савичева Е.М.* К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 14—21.

Фокин С.В. Геополитическое измерение колониальной политики Германии. Москва: Изд-во РАГС, 2005.

Шаббага А.В. Исторический субъект в поисках своего «я». Москва: РУДН, 2009.

Шаббага А.В. Методология исследования международных отношений: реализм // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 24—33.

Fleurant A., Perlo-Freeman S., Wezeman P. and Wezeman S. Trends in international arms transfers, 2015. SIPRI Fact Sheet, 2016. URL: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1602.pdf> (accessed: 23.12.2016).

Regional Powers in the Middle East: New Constellations after the Arab Revolts. Ed. by H. Fürtig. New York: Palgrave Macmillan. 2014.

Дата поступления статьи: 23.03.2017

Для цитирования: Ханнанова Г.А. Основные интересы и цели внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 760—769. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-760-769.

Сведения об авторах: Ханнанова Гюзель Айдаровна — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: gzhelkaha@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-760-769

SPECIFICS OF GERMAN FOREIGN POLICY IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA

G.A. Khannanova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to an analysis of the main factors, determining German policy in the Middle East and North Africa (MENA). More active German military-technical engagement in the settlement of the crises in the region on the modern stage determines relevance of this article's topic. Based on historical method, author considers the development of German foreign policy in the Arab world, examining the main aspects of the colonial policy of German empire on the threshold of the First and Second World Wars, as well as the prerequisites of the intensification of German-Arabic contacts in the period of Cold War. In accordance with the principals of system analysis Germany's Middle East policy was investigated in complex, given geopolitical, economic and military aspects. Special emphasis is put on the problem of transformation of Middle East regional order as a factor of political instability. Notwithstanding the reasonableness of Germany's standing for stable and predictable regional order, these goals were challenged owing to the fact that Germany benefits from the regional disorder in terms of increase of its influence.

In reliance on the German goals in the Middle East and North Africa, mentioned in the Coalition Agreement of 2013, the author points out the priority of crisis management. At the same time the ethno-confessional conflict potential of the region meets the interests of German military-industrial complex. Increase of Germany's export of weapons to the Arab states as well as neglecting the restrictions on export go to prove that Germany backs the armaments race in the Middle East. In this regard, German policy is characterized by "double standards" and inconsistency. These specifics can be explained by the ongoing process of Middle East policy shift and searching for new priorities on a long-term horizon.

In the conclusion, the author analyzes the specifics and prospects of German policy in MENA region.

Key words: German foreign policy, Middle East and North Africa, colonial policy, transformation of Middle East regional order, crisis diplomacy

REFERENCES

- Avetyan, A.S. (1968). The main questions of the Middle East policy of German imperialism on the eve of the First World War (1913—1914). In: *Pervaya mirovaya voina 1914—1918 gg.* Ed. by A.L. Sidorov. Moscow: Nauka, p. 99—107. (in Russ.).
- Bagdadskaya zheleznaya doroga. (1911—1915). In: *Voennaya entsiklopediya*. Vo. 4. Ed. by V.F. Novitskiy. Saint Petersburg. (in Russ.).
- Dudaiti, A.K. (2009). *FRG: Middle East policy (1949—1983)*. Vladikavkaz: Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy im. V.I. Abaeva. (in Russ.).
- Fleurant, A., Perlo-Freeman, S., Wezeman, P. & Wezeman, S. (2016). *Trends in international arms transfers, 2015*. SIPRI Fact Sheet, 2016. URL: <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1602.pdf> (accessed: 23.12.2016).
- Fokin, S.V. (2005). The geopolitical dimension of Germany's colonial policy. Moscow: RAGS Publishing House. (in Russ.).
- Fürtig H. (ed.). (2014). *Regional Powers in the Middle East: New Constellations after the Arab Revolts*. New York: Palgrave Macmillan.
- Kotov, B.S. (2012). “The German Bosphorus”: the mission of Liman von Sanders in the response of the Russian press. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 3, 127—134. (in Russ.).
- Landa, R.G. (1985). The Second World War and the Maghreb Countries. *Narody Azii i Afriki*, 1, 63—73. (in Russ.).
- Savicheva, E.M. (2014). On Geopolitical Situation in the Middle East: Interaction between Regional and Global Trends. *Vestnik RUDN. International Relations*, 3, 14—21. (in Russ.).
- Shabaga, A.V. (2009). *A historical subject in search of his I*. Moscow: RUDN. (in Russ.).
- Shabaga, A.V. (2015). International Relations Research Methodology: Realism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (3), 24—33. (in Russ.).
- Zin'kina, Yu.V. (2008). *The Palestinian direction of the Middle East policy of the FRG*. URL: <http://www.iimes.ru/?p=6634> (accessed: 18.01.2017). (in Russ.).

Received: 23.03.2017

For citations: Khannanova G.A. (2017). Specifics of German Foreign Policy in the Middle East and North Africa. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 760—769. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-760-769.

About the author: *Khannanova Guzel' Aidarovna* — post-graduate student of the Department of theory and history of international relations of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: gzhelkaha@mail.ru).

© Ханнанова Г.А., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-770-780

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ СЕПАРАТИЗМА В СУАР КНР

А.С. Мавлонова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

В статье рассматривается важное геостратегическое положение Синьцзяна, находящегося на пересечении очагов нестабильности, главным образом вследствие наличия общей границы с Афганистаном и Пакистаном. Обозначено серьезное влияние на Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики (СУАР КНР) масштабного военного конфликта на Ближнем Востоке. Проведенный анализ показывает, что особенность данного конфликта заключается в том, что он влияет не только на политическую, но и экономическую обстановку в СУАР КНР.

Что касается политического аспекта, то появление на Ближнем Востоке новой активной силы в лице «Исламского государства» (ИГИЛ, ИГ) (террористическая организация, запрещена в России) создает определенные риски для КНР, учитывая наличие радикально настроенной молодежи и возможность проникновения религиозных экстремистов с Ближнего Востока на его территорию через Афганистан и республики Центральной Азии. В этой связи Китаю совершенно не выгодна длительная дестабилизация политической обстановки в Сирии, распад государства или победа религиозных экстремистов.

Автор также приходит к выводу, что военный конфликт на Ближнем Востоке может негативно сказаться и на реализации проекта Нового Шелкового пути. Отправной его точкой является СУАР. Успешная реализация проекта будет стимулировать торгово-экономические и энергетические обмены с республиками Центральной Азии и положительно влиять на стабилизацию обстановки в СУАР. Но проблема заключается в том, что сам путь пролегает в опасной близости от ближневосточного региона, где в острой фазе находится противостояние «Исламскому государству».

В статье также рассматривается влияние США на обстановку в Синьцзяне и поддержка Вашингтоном уйгурского сепаратистского движения. В будущем уйгурский вопрос с большой вероятностью может быть использован американцами с целью ослабления Китая и получения уступок с его стороны по различным вопросам.

Ключевые слова: Синьцзян, КНР, Центральная Азия, Сирия, сепаратизм, уйгуры, Ближний Восток

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СИНЬЦЗЯНА

Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР занимает важное геостратегическое положение, находится на пересечении очагов нестабильности, главным образом, вследствие наличия общей границы с Афганистаном и Пакистаном. В случае эскалации конфликтного потенциала СУАР Китаю будет намного сложнее претендовать не только на место мировой державы, но и на положение ведущего государства в Азии. Это также нанесет серьезный удар по экономике Синьцзяна и значительно усложнит выстраивание отношений по линии КНР — «мир ислама»; под угрозу будут поставлены союзнические отношения с Пакистаном и Ираном, а также республиками Центральной Азии.

В настоящий момент негативное влияние на ситуацию в Синьцзяне также оказывает существенное ухудшение геополитической обстановки во втором десятилетии XXI в. на пространстве так называемого Большого Ближнего Востока, протянувшегося от Марокко до Пакистана и включающего в себя страны Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, а также Центральной Азии и Южного Кавказа.

Из зон повышенной конфликтности в этом и в соседних регионах, расположенных в непосредственной близости к Синьцзяну, можно выделить следующие: 1) Фергана, разделенная между Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном; 2) Афганистан; 3) северный Пакистан; 4) Кашмир; 5) Белуджистан, разделенный между Афганистаном, Ираном и Пакистаном; 6) Тибет.

Все эти территории и конфликты в той или иной степени взаимосвязаны. В частности, Таджикистан соприкасается с Афганистаном и Ферганой, а через часть Ферганской долины, входящую в состав Киргизии, и Памир — с Синьцзяном. В большинстве перечисленных государств борьба за социальную справедливость идет под знаменем исламского фундаментализма, подчас с использованием экстремистских мер.

Как уже упоминалось выше, на ситуацию в Синьцзяне оказывает влияние обстановка в Ферганской долине — перманентно нестабильном регионе, где конфликт может вспыхнуть в любой момент. Географическая близость к южным районам Синьцзяна явилась одной из причин переселения уйгуров с территории Китая в долину. Так же как и сами ферганцы, уйгуры из Хотана, Кашгара, Аксу и Учтурфана являются яркими приверженцами ислама. Этот факт сыграл определенную роль в их культурной ассимиляции с жителями Ферганской долины. Таким образом, исламский фундаментализм, который в настоящий момент упорно просачивается через афгано-таджикский коридор, может отыскать своих последователей, в первую очередь, в Ферганской долине. И в данном регионе антикитайские выступления, в отличие от регионов Урумчи и Кульджи, зачастую проходят под исламистскими лозунгами.

Особый интерес и обеспокоенность Ферганская долина вызывает также ввиду того, что данная территория была и продолжает оставаться своеобразным катализатором уйгурских движений преимущественно на западе и юге Синьцзяна. В доказательство этому можно вспомнить печальные события 1871—1881 гг., когда здесь произошло крупное антикитайское восстание, в результате которого было образовано мусульманское государство Якуб-бека — выходца из Ферганской долины [Дубровская 1998]. Хотя очаг исламского сопротивления в тот период удалось подавить, тем не менее, это было достигнуто с большими трудностями.

На Синьцзян и Фергану оказывают влияние радикально настроенные сепаратисты, которые используют в своих политических программах элементы салафитской идеологии. Английский исследователь Дж. Рудельсон, который провел несколько лет в этом автономном районе, считает, что западные и северные территории Таримской впадины от Кашгара до г. Куча исторически тяготеют к Западному Туркестану, и в особенности к народам, населяющим Ферганскую долину и непосредственно города Коканд, Андижан, Ош и их окрестности [Рудельсон 1994].

Также ситуацию в Ферганской долине осложняет и наблюдающаяся в последние годы стремительная радикализация жителей данного района ввиду падения уровня жизни населения, сокращения числа рабочих мест и реальных доходов. Следовательно, растет социальное напряжение, увеличивается число недовольных, особенно среди молодежи.

Здесь также нельзя не отметить, что из-за непосредственной близости к Афганистану стабильности как самой Ферганской долины, так и в целом государств Центральной Азии серьезно угрожает присутствие запрещенной в России группировки «Исламское государство». Учитывая то, что Афганистан является своего рода мостом для переброски террористов в Центральную Азию, а также то, что большое количество граждан государств региона присоединились к террористической группировке ИГ в Сирии и Ираке, можно предположить, что в этих странах велико число сторонников «Исламского государства» (террористическая организация, запрещена в России).

Нестабильность военно-политической обстановки в Афганистане стала оказывать все более и более негативное влияние на Центрально-Азиатский регион и СУАР начиная с конца 90-х гг. XX в. И в связи с этим особо актуальным стал вопрос касательно исламистского радикализма и экстремизма, а также международного терроризма [Wallace 2014].

И если еще в первой половине 1990-х гг. ситуация в Афганистане несущественно влияла на Китай, то с появлением на военно-политической сцене движения «Талибан»¹ ситуация стала заметно изменяться. Успехи его последователей в вооруженном конфликте с прочими афганскими группировками и захват власти в государстве во второй половине 1990-х гг. способствовали созданию крайне благоприятных условий для активизации на территории Афганистана разнообразных радикальных и экстремистских сил. И все это, в свою очередь, оказало отрицательное воздействие на ситуацию в Центральной Азии и Синьцзяне.

Эти события способствовали превращению Афганистана в базу для международного терроризма. Замечено в Афганистане и появление членов уйгурских группировок из Синьцзяна, которые могли приобрести военный опыт благодаря участию в различного рода боевых действиях на стороне талибов, а также благодаря прохождению подготовки в лагерях «Аль-Каиды»² [Сыроежкин 2006]. И по возвращению в СУАР они могли принимать непосредственное участие в вооруженных столкновениях и акциях против представителей властей КНР, а также быть инструкторами в учебно-тренировочных базах, созданных в труднодоступных районах Китая. Активисты уйгурских сепаратистов не без основания полагали, что «Аль-Каида» и движение «Талибан» являются реальной силой, способной оказать существенную помощь в образовании независимого исламского государства на территории Синьцзяна [Надточей 2014].

¹ Организация включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

² Организация включена в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

Таким образом, с приходом к власти в Афганистане талибов как в Центральной Азии, так и непосредственно в самом Синьцзяне стали еще более активно распространяться разнообразные радикальные исламистские организации и группировки³. В первую очередь, следует выделить партии «Хизб ут-тахрир аль-ислами» и группировку «Исламское движение Узбекистана»⁴. Угроза исламистского экстремизма и радикализма стала для КНР вполне реальной.

В настоящий момент присутствие террористической группировки ИГ в Афганистане усиливает волнения в Китае, в особенности принимая во внимание план «Великий Хорасан», согласно которому «Исламское государство» планирует перебазировать свои войска в Центральную Азию, захватить Ферганскую долину, где активно действуют многие экстремистские группировки, и продвигаться до китайских границ в Синьцзяне.

Что касается Пакистана, то для КНР большое значение имеет стремление посредством использования пакистанских структур контролировать ситуацию с исламистскими террористическими и экстремистскими группами практически в китайском приграничье [Small 2015].

Пакистан не раз заявлял о своей непричастности к терактам, совершенным «Исламским движением Восточного Туркестана», и неоднократно выражал намерение оказать помощь правительству КНР в борьбе с боевиками данного движения. Поддерживать боевиков, осевших на территории Пакистана, Исламабаду совершенно не выгодно. Для Пакистана Синьцзян является не террористическим полигоном, а платформой для укрепления экономических связей с Китаем. Тем не менее само наличие в Пакистане как минимум трех этнических конфликтов практически у границ КНР вызывает серьезную озабоченность у китайских властей.

КНР проявляет особую заинтересованность в различных проектах в сфере строительства и развития инфраструктуры в регионе Гилгит-Балтистан — части Кашмира, контролируемого Пакистаном, так как данная территория находится на пересечении многих глобальных интересов: Афганистан — на севере, Китай — на северо-востоке, пакистанская провинция (де-факто) Азад Кашмир — на юге и индийский штат Джамму и Кашмир — на юго-востоке [Kumar 2012].

Пакистан для китайского СУАР является выходом в Индийский океан через пакистанский порт Гвадар⁵, переданный пакистанскими властями в управление

³ По мнению казахстанских экспертов, с начала 1990-х гг. в государствах Центральной Азии стали действовать представители следующих организаций радикального толка: сеть групп «Общество социальных реформ», «Братья-мусульмане», «Комитет исламского призыва», «Комитет мусульман Азии», «Аль-Игаса», ХАМАС, экстремистское течение «Товба», «Центр исламского развития» в Киргизии, религиозное течение «Акромия» в Узбекистане, «Адолат уюшмаси».

⁴ Организации включены в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

⁵ Порт «Гвадар», находящийся в провинции Белуджистан, построен при поддержке Китая в 2007 г. КНР планирует использовать данный порт для экспорта своих товаров в страны Ближнего Востока, Европы и Африки. Развитие дорожно-транспортного сообщения в Пакистане является частью китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути. Развитие китайско-пакистанского экономического коридора включено в план 13-й пятилетки КНР (2016—2020 гг.).

китайской государственной компании [Антипов 2015]. Следовательно, дестабилизировать Синьцзян — значит отсечь КНР от Пакистана и, как следствие, от выхода в Индийский океан. Такой поворот событий мог бы быть выгоден Индии, которую США, один из главных соперников Китая на мировой арене, считают ключевым союзником в Южной Азии.

ВЛИЯНИЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В СИНЬЦЗЯНЕ

Серьезное влияние на ситуацию в СУАР в настоящий момент оказывает масштабный военный конфликт на Ближнем Востоке. Он является своего рода угрозой и вызовом для безопасности КНР, а также возможностью извлечь для себя определенные выгоды, грамотно используя ситуацию. Особенность данного конфликта заключается в том, что он влияет не только на политическую, но и на экономическую обстановку как в Синьцзяне, так и в Китае в целом.

Что касается политического аспекта, то тут нельзя не отметить, что появление на Ближнем Востоке новой активной силы в лице «Исламского государства» создает определенные риски для КНР. Во-первых, стоит отметить, что данная террористическая организация в последнее время активизировала свою деятельность в Афганистане. Соответственно, свои позиции «Исламское государство» укрепляет и в близлежащем Пакистане.

Конечно, учитывая, что СУАР непосредственно граничит с Афганистаном и Пакистаном, регион также интересен для «Исламского государства», принимая во внимание недовольство уйгурского населения Китая своим положением, а также наличие радикально настроенной молодежи, готовой на активные действия для изменения сложившейся ситуации и возможного создания независимого мусульманского государства [Chaudhuri 2010]. Ввиду того что граница между СУАР и Пакистаном, Афганистаном и Таджикистаном проходит по горной местности боевики из различных группировок имеют возможность пересекать китайскую границу, прихватив с собой оружие. Тем не менее, КНР до настоящего времени достаточно эффективно пресекала подобную деятельность.

Как представляется, Китаю совершенно не выгодно длительная дестабилизация политической обстановки в Сирии и тем более распад государства или победа религиозных экстремистов и образование непредсказуемого теократического государства. С другой стороны, о чем уже говорилось выше, Китай опасается того, что религиозные экстремисты из стран Ближнего Востока могут проникнуть на его собственную территорию через Афганистан или республики Центральной Азии.

Здесь также стоит отметить, что уйгурские сепаратисты могут попытаться вести борьбу с КНР на территории государств Центральной Азии. Можно вспомнить инцидент с атакой китайского посольства в Бишкеке 30 августа 2016 г.⁶ Террористом оказался этнический уйгур, гражданин Таджикистана. Это первая

⁶ МИД Китая назвал терактом взрыв в посольстве в Бишкеке. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/08/30/mid-kitaia-nazval-teraktom-vzryv-v-posolstve-v-bishkeke.html> (дата обращения: 15.06.2017).

атака радикальных уйгурских сепаратистов на официальные учреждения КНР за пределами Китая. Подтверждено, что часть уйгуров участвуют в боевых действиях в Сирии, и если они решат вести борьбу с Китаем на территории центральноазиатских республик, то это может повлечь за собой ухудшение обстановки в регионе, учитывая более низкий уровень подготовки спецслужб Киргизии или Казахстана по сравнению с китайскими [Yin Zhiguang 2016]. Таким образом, если уйгурские сепаратисты примутся за борьбу с Китаем на территории постсоветских республик, то это вызовет большие проблемы с безопасностью и в этих республиках.

Следующая проблема, с которой сталкивается Китай из-за активизации боевиков на Ближнем Востоке, — экономическая, представляющая серьезную угрозу для проекта «Один пояс — один путь». Отправной его точкой является СУАР. Для Китая реализация Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) чрезвычайно важна. Это не только развитие западных регионов Китая до уровня восточных районов, но и, несомненно, модернизация Синьцзян-Уйгурского автономного района [Yu 2016]. Это можно заметить, если взглянуть на изменившуюся транспортную инфраструктуру региона [Тоорс 2016]. Улучшение экономической обстановки, повышение уровня жизни, создание новых рабочих мест, вовлечение местного населения в работу в рамках проекта, стимулирование торгово-экономических и энергетических обменов с республиками Центральной Азии — все это будет способствовать стабилизации обстановки в СУАР. Сам же путь пролегает в опасной близости от ближневосточного региона, где в острой фазе находится противостояние «Исламскому государству» [Clarke 2016].

Ввиду этого следует обратить внимание на возможный рост террористической угрозы. Многие сегодня недооценивают способность «Исламского государства» организовать теракты на пространстве от Ближнего Востока до Синьцзяна [Yin Zhiguang 2015]. Наличие у этой террористической организации этнических группировок с многочисленными выходцами из стран Центральной Азии, России, а также Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР заставляет воспринимать ее всерьез. Возможно, в этом контексте можно рассматривать попытку КНР подключить к реализации проекта ЭПШП ресурсы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Организация, ориентированная на борьбу с терроризмом и экстремизмом и уже имеющая некий опыт на этом направлении, действительно могла бы сыграть свою роль в усовершенствовании механизмов координации региональных усилий по обеспечению безопасности будущих экономических проектов. Тем более, это могло бы послужить прекрасным опытом для самой организации.

Также следует учитывать, что КНР получает почти половину нефти от государств Ближнего Востока, и ее экономика теснейшим образом связана с данным регионом⁷. Инвестиции Китая в энергетические и экономические проекты в Сирии и других государствах региона исчисляются миллиардами долларов США⁸.

⁷ OPEC Monthly Oil Market Report, 1 January 2016.

⁸ 2016 Oil Predictions: China Could Beat US As Top Crude Importer As Demand Surges Amid Low Prices. URL: <http://www.ibtimes.com/2016-oil-predictions-china-could-beat-us-top-crude-importer-demand-surges-amid-low-2346168> 03/31/16 (accessed: 13.05.2017).

Таким образом, ослабление позиций режима Б. Асада в Сирии и всплеск экстремизма в регионе может отразиться на КНР как с точки зрения национальной безопасности, так и с экономической точки зрения.

КИТАЙСКАЯ ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ СИРИИ

Ввиду всех вышеперечисленных факторов КНР не смогла остаться в стороне от сирийского конфликта, здесь даже стоит подчеркнуть, что она впервые за длительный период отошла от своей строгой позиции неучастия в военных союзах за пределами своих территориальных интересов [Chen 2016]. Можно сказать, что когда в военном конфликте в Сирии стали принимать участие уйгуры, активизация КНР на ближневосточном направлении стала лишь вопросом времени.

В августе 2016 г. с визитом в Сирию для проведения переговоров с министром обороны Сирии Ф.Д. аль-Фреджем прибыла делегация из КНР во главе с контр-адмиралом, руководителем канцелярии по международному сотрудничеству Центрального военного совета КНР Гуань Юфэем.

Контр-адмирал Гуань Юфэй заявил, что «Китай играет активную роль в политическом решении сирийского вопроса. Активно поддерживает позицию о необходимости защиты Сирией своего суверенитета и независимости. У военных Китая и Сирии существуют устоявшиеся контакты, китайские военные намерены и в дальнейшем укреплять сотрудничество и связи с сирийскими военными»⁹.

Китайской стороной были направлены военные советники для оказания Сирии помощи в подготовке личного состава вооруженных сил. Конечно, в данном случае не следует однозначно понимать данную договоренность, так как стоит разделять военную мощь государства и боеспособность армии. Если говорить о потенциале, то, конечно, на сегодняшний день Народно-освободительной армии Китая (НОАК) доступны все виды самого современного оружия [Кривопапов 2016], а что касается уровня боеспособности, то рассуждать об этом достаточно сложно. В прошлом веке НОАК не одерживала побед: были поражения в войне с Японией, в приграничных конфликтах с СССР, весьма сомнительные успехи в китайско-индийском конфликте и войне с Вьетнамом [Nie 2009]. Таким образом, подтвердить реальную боеспособность армии может только участие в военных действиях. Тем не менее интересно отметить, что в китайских исследованиях звучат высказывания о том, что немалую роль в освобождении Алеппо сыграла помощь КНР в подготовке личного состава вооруженных сил Сирии¹⁰.

Соответственно, несложно понять, что фактическая помощь Китая в сирийском конфликте не играет серьезной роли, но здесь даже более важна именно политическая составляющая. Совершенно очевидно, что КНР занимает серьезное положение на международной арене, и ее позиция по отношению к легитимности правительства Б. Асада и защите территориальной целостности и государствен-

⁹ 叙利亚副总理兼国防部长弗拉杰会见中国军队外事代表团. [Вице-премьер и по совместительству министр обороны Сирии Фахад Джассим аль-Фрейдж встретился с военной делегацией из КНР]. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2016-08/16/c_1119396907.htm (accessed: 13.05.2017).

¹⁰ 华英豪. 解放军插手叙利亚让西方吃了大亏. [НОАК вмешалась в военный конфликт в Сирии]. URL: http://www.armystar.com/jspl/2016-12-05_47040.html (accessed: 13.05.2017).

ности Сирии имеет серьезный вес. Также вполне оправданно желание Китая получить поддержку от России и Ирана в борьбе с экстремистами. Оказывая помощь Сирии, Пекин, четко следуя своим принципам, позиционирует себя как непримиримого борца с терроризмом и защитника легитимных режимов. Косвенно участвуя в сирийском конфликте, КНР сможет лучше контролировать прибывших на войну уйгуров и, как минимум, не допустить возвращения большинства боевиков.

США И «ВСЕМИРНЫЙ УЙГУРСКИЙ КОНГРЕСС»

Говоря о внешних факторах, влияющих на развитие сепаратизма в СУАР, нельзя также забывать о том, что разжигаемые при активной поддержке извне межнациональные конфликты сыграли свою роковую роль в распаде не одного государства [Наумов 2014]. Здесь речь идет главным образом о США. Сепаратизм стал одним из рычагов Вашингтона в борьбе с основным в настоящий момент геополитическим соперником — Китаем. И объектом пристального внимания Соединенных Штатов является СУАР, который имеет важное геостратегическое положение, недаром именно здесь в разные периоды истории пересекались интересы России, Великобритании, Германии, Японии, Китая и США.

Но на сегодняшний день именно США имеют как заинтересованность в дестабилизации КНР, так и реальные институциональные и материальные возможности для противостояния Пекину в рамках проблемы образования независимого Синьцзяна. В будущем вполне вероятно, что уйгурский вопрос может быть использован американцами в их игре с центральноазиатскими государствами с целью получения уступок со стороны Китая по ряду вопросов.

США активно спонсируют «Всемирный уйгурский конгресс» (ВУК) через Национальный фонд доноров США в защиту демократии и Американскую ассоциацию уйгуров, возглавляемую Р. Кадыр. Важно отметить, что Национальный фонд доноров США оказывал поддержку «цветным революциям» и антиправительственным выступлениям в Грузии, Сербии, на Украине, в Иране.

Годовая сумма выплат ВУК составляет 215 тыс. долл. США¹¹, но это только официальная сумма. Очевидно, что в действительности финансирование уйгурского движения значительно больше. Об этом говорит чрезмерно активная деятельность организации: собрания в разных частях света с большим количеством делегатов, филиалы организации во многих странах, выпуск многочисленной пропагандистской литературы, видеофильмов и т.д.

В 2005 г. Соединенные Штаты добились от КНР выдачи им уйгурской диссидентки Р. Кадыр и создали ей имидж «матери всего уйгурского народа», выступающей за права уйгуров. В 2004 г. она стала лауреатом Норвежского международного правозащитного фонда «Рафта» в области защиты прав человека, а в 2006 г. шведский парламентарий А. Енохсон выдвинул ее кандидатуру на Нобелевскую премию мира, что вызвало резкую критику со стороны официальных властей КНР¹².

¹¹ *Кожемьякин С.* Агрессивный сепаратор. Уйгурский сепаратизм на службе Вашингтона // Советская Россия. 2013. № 94.

¹² Rebiya 'an insult to Peace Nobel'. URL: http://www2.chinadaily.com.cn/china/2009xinjiangriot/2007-01/09/content_8415765.htm (accessed: 13.05.2017).

Таким образом, СУАР, будучи чрезвычайно важным геостратегическим регионом КНР, имеет для Китая особое значение и в экономическом, и в политическом плане. КНР приходится строго контролировать проблемные регионы мира, расположенные вблизи границ Синьцзяна, чтобы конфликтный потенциал соседних районов не перекинулся сюда, а также принимать решительные и чрезвычайно ответственные шаги в своей внешней политике в регионах, прямо не примыкающих к нему, но непосредственно влияющих не только на Синьцзян, но и на политический и экономический вес КНР в мире. Также не стоит забывать и про поддержку уйгурского сепаратистского движения западными государствами, главным образом США. Ставка Вашингтона именно на сепаратизм в Синьцзяне очевидна. В случае потери СУАР Китаю будет уже намного сложнее претендовать не только на место мировой державы, но и на положение ведущего государства в Азии. Отделение региона непременно нанесет серьезный удар по экономике страны и значительно усложнит выстраивание отношений между Пекином и государствами «мира ислама», под угрозой будут поставлены союзнические отношения с Пакистаном и Ираном, а также взаимодействие с республиками Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Антипов К.В.* Экономический коридор «КНР — Пакистан» открывает Шелковый путь на Запад // История и современность. 2015. № 20. С. 260—272.
- Дубровская Д.В.* Судьба Синьцзяна. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
- Кривопалов А.А.* Китайская военная мощь как новый фактор мировой политики. М.: Научный эксперт, 2016.
- Надточей И.В.* Исламское движение Восточного Туркестана: история, эволюция, динамика террористической активности // Пути к миру и безопасности. 2014. № 2 (47). С. 28—54.
- Наумов А.О.* «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя // Государственное управление. 2014. № 45. С. 148—176.
- Рудельсон Дж.* Уйгуры и будущее Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 8—9. С. 98—112.
- Сыроежкин К.Л.* Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2006.
- Chaudhuri D.* Minority Economy in Xinjiang — A Source of Uyghur Resentment // China Report. 2010. Vol. 46 (1). P. 9—27.
- Chen Zh.* China Debates the Non-Interference Principle // Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 9 (3). P. 349—374.
- Clarke M.* 'One Belt, One Road' and China's emerging Afghanistan dilemma // Australian Journal of International Affairs. 2016. Vol. 70 (5). P. 563—579.
- Kumar S.* China's Grand Strategy, Kashmir and Pakistan: Transformation of Islamabad from a Spoiler State to Frontline State for Beijing // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. N 8. P. 1200—1217.
- Nie H.* Explaining Chinese Solutions to Territorial Disputes with Neighbor States // Chinese Journal of International Politics. 2009. Vol. 2 (4). P. 487—523.
- Small A.* The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics. New York: Oxford University Press, 2015.
- Toops S.* Reflections on China's Belt and Road Initiative // Area Development and Policy. 2016. Vol. 1 (3). P. 352—360.
- Wallace T.* China and the Regional Counter-Terrorism Structure: An Organizational Analysis // Asian Security. 2014. Vol. 10 (3). P. 627—645.

Yin Zh. Kongbu zhuyi yu “shijie xin zhixu” shenhua de pomie [Терроризм и крушение мифа о новом мировом порядке] // *Wenhua zongheng*. 2016. № 3. С. 52—60. (на кит.яз.).

Yin Zh. Yidai yilu de lishi fudan: Fankong zhanzheng yu “zhengzhi yisilan” kunjing [Историческая роль инициативы «Один пояс — один путь»: проблема борьбы с терроризмом и исла-мизмом] // *Wenhua zongheng*. 2015. № 3. С. 36—47. (на кит.яз.).

Yu Q. China’s Transport Infrastructure Investment: Past, Present, and Future // *Asian Economic Policy Review*. 2016. Vol. 11. N 2. P. 199—217.

Дата поступления статьи: 15.02.2017

Для цитирования: *Мавлонова А.С.* Влияние внешних факторов на развитие сепаратизма в СУАР КНР // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 4. С. 770—780. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-770-780.

Сведения об авторе: *Мавлонова Анна Сергеевна* — канд. ист. наук, старший преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: mavlonova.anna@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-770-780

THE INFLUENCE OF EXTERNAL FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF SEPARATISM IN XINJIANG OF PRC

A.S. Mavlonova

The National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Abstract. The article considers the important geostrategic position of Xinjiang, located at the intersection of foci of instability, at least having a common border with Afghanistan and Pakistan.

The large-scale military conflict in the Middle East has definitely influenced the geostrategic position of Xinjiang. The analysis shows that the peculiarity of this conflict lies in the fact that it affects not only the political, but also the economic situation of Xinjiang. The aim of the study is to identify and analyze the main external factors that influence the activation of separatism in Xinjiang.

As for the political aspect, the emergence of a new active force in the Middle East represented by ISIS creates certain risks for China, given the presence of radical young people, and the possibility of religious extremists from penetrating into its territory through Afghanistan and the Central Asian republics. China does not benefit from the prolonged destabilization of the political situation in Syria, the disintegration of the state or the victory of religious extremists.

The author also comes to the conclusion that the military conflict in the Middle East can negatively affect the implementation of the project of the new Silk Road. Its starting point is Xinjiang. Successful implementation of the project will stimulate trade, economic and energy exchanges with the Central Asian republics and positively influence the stabilization of the situation in Xinjiang. But the problem lies in the fact that the road itself lies close to the Middle Eastern regions, where conflicts with the ISIS occur in the acute phase.

The article also examines the US influence on the situation in Xinjiang and support for the Uyghur separatist movement. In the future, the Uyghur issue is more likely to be used by the Americans to weaken and gain concessions from China on various issues.

This research is based on the principles of general scientific system and structural approaches, as well as structural and functional approaches; cultural-civilizational and logical methods in order to ensure the study of the problem in accordance with historical facts and realities of the issue under study.

Key words: Xinjiang, China, Central Asia, Syria, separatism, Uighurs, Middle East

REFERENCES

- Antipov, K.V. (2015). The economic corridor “China-Pakistan” opens the Silk Road to the West. *Istoriya i sovremennost'*, 20, 260—272. (in Russ.).
- Chaudhuri, D. (2010). Minority Economy in Xinjiang—A Source of Uyghur Resentment. *China Report*, 46 (1), 9—27.
- Chen, Zh. (2016). China Debates the Non-Interference Principle. *Chinese Journal of International Politics*, 9 (3), 349—374.
- Clarke, M. (2016). ‘One Belt, One Road’ and China’s emerging Afghanistan dilemma. *Australian Journal of International Affairs*, 70 (5), 563—579.
- Dubrovskaya, D.V. (1998). *The fate of Xinjiang*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (in Russ.).
- Krivopalov, A.A. (2016). *Chinese military power as a new factor in world politics*. Moscow: Nauchnyi ekspert. (in Russ.).
- Kumar, S. (2012). China’s Grand Strategy, Kashmir and Pakistan: Transformation of Islamabad from a Spoiler State to Frontline State for Beijing. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8, 1200—1217.
- Nadtochei, I.V. (2014). Islamic Movement of Eastern Turkestan: history, evolution, dynamics of terrorist activity. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2 (47), 28—54. (in Russ.).
- Naumov, A.O. (2014). “Color revolutions” in the post-Soviet space: a view ten years later. *Public administration*, 45, 148—176. (in Russ.).
- Nie, H. (2009). Explaining Chinese Solutions to Territorial Disputes with Neighbor States. *Chinese Journal of International Politics*, 2 (4), 487—523.
- Rudel'son, Dzh. (1994). Uygurs and the future of Central Asia. *World Economy and International Relations*, 8—9, 98—112. (in Russ.).
- Small, A. (2015). *The China-Pakistan Axis: Asia's New Geopolitics*. New York: Oxford University Press.
- Syroezhkin, K.L. (2006). *Problems of modern China and security in Central Asia*. Almaty: Kazakhstanskii institut strategicheskikh issledovaniy pri Prezidente RK. (in Russ.).
- Toops, S. (2016). Reflections on China's Belt and Road Initiative. *Area Development and Policy*, 1 (3), 352—360.
- Wallace, T. (2014). China and the Regional Counter-Terrorism Structure: An Organizational Analysis. *Asian Security*, 10 (3), 627—645.
- Yin, Zh. (2015). “Yidai yilu” de lishi fudan: fankong zhanzheng yu “zhengzhi yisilan” kunjing [Historical burden: the war on terror and the “political Islam” predicament]. *Wenhua zongheng*, 3, 36—47. (in Chin.).
- Yin, Zh. (2016). Kongbuzhuyi yu “shijie xin zhixu” shenhua de pomie [Terrorism and the Disillusionment of the Myth of “New World Order”]. *Wenhua zongheng*, 3, 52—60. (in Chin.).
- Yu, Q. (2016). China's Transport Infrastructure Investment: Past, Present, and Future. *Asian Economic Policy Review*, 11 (2), 199—217.

Received: 15.02.2017

For citations: Mavlonova, A.S. (2017). The Influence of External Factors on the Development of Separatism in Xinjiang of PRC. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 770—780. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-770-780.

About the author: Mavlonova Anna Sergeevna — PhD in History, Senior Lecturer of the School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs of National Research University Higher School of Economics (e-mail: mavlonova.anna@yandex.ru).

© Мавлонова А.С., 2017

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-781-792

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ В АФГАНИСТАН: ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУСТОРОННЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Н. Асеф

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В статье рассматривается динамика развития экономической ситуации в Исламской Республике Афганистан после падения режима талибов в 2001 г., а также современное состояние и перспективы развития российско-афганских торгово-экономических отношений.

Россия и Афганистан имеют долгую историю сотрудничества. В XX в. Советский Союз оказывал экономическую помощь Афганистану, включающую финансирование и строительство объектов промышленности и инфраструктуры, которые сегодня нуждаются в восстановлении и модернизации. Благодаря накопленному опыту сотрудничества Россия сегодня может стать одним из основных игроков в Афганистане и поучаствовать в восстановлении страны.

Актуальность данной статьи обусловливается тем, что в настоящее время в условиях экономических санкций и ухудшения отношений со странами Запада Россия намерена возобновить и развивать отношения с давними партнерами. Сегодня Афганистан пытается оправиться от разрушительных последствий многолетней гражданской войны и приглашает Москву присоединиться к этому процессу.

Проведенный анализ российско-афганских отношений показал, что на сегодняшний день, несмотря на наличие определенных проблем, с которыми сталкиваются наши страны, развитие торгово-экономических отношений является перспективным направлением двухстороннего сотрудничества.

Ключевые слова: торгово-экономические отношения, экономическое развитие, инвестиции, реконструкция Афганистана, товарооборот

В настоящее время правительство Афганистана направляет значительные усилия на стабилизацию политической ситуации и возрождение национальной экономики. Важным компонентом такой политики может стать налаживание торговых контактов с другими государствами, в частности с Россией. Афганистан в прошлом достаточно плодотворно сотрудничал с Советским Союзом, большинство инфраструктурных объектов в стране было построено благодаря активной помощи СССР. Сегодня восстановление экономических отношений с Россией, правопреемницей СССР, безусловно, окажет положительное воздействие на восстановление экономики Афганистана.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ

За последние 10 лет Афганистан добился значительного, хоть и нестабильного, экономического роста, а также больших результатов в области реконструкции, развития и увеличения доходов на душу населения. Улучшены показатели разви-

тия человеческого потенциала, включая доступ к школьному образованию, чистой воде, услугам и т.д. В целом страна постепенно восстанавливается после нескольких десятилетий конфликтов.

С 2005 г. ВВП Афганистана показывает хорошие темпы роста, их пик пришелся на 2009 г., когда рост ВВП составил 21% [Cibea et al. 2013: 6]. До 2014 г. быстрое развитие экономики поддерживалось благодаря международной помощи и присутствию иностранных войск, которые искусственно раздули экономический рост. Однако, вывод международных сил безопасности, начавшийся в 2012 г., отрицательно сказался на экономической ситуации в стране, поскольку значительная часть торговли, особенно в секторе услуг, стимулировалась за счет иностранных войск. Поэтому с 2013 г. наблюдается заметный спад экономики, если в 2012 г. рост ВВП составил 14,4%, то в 2013 г. — 1,9%, а в последующие 2 года рост ВВП не превышал 1,3%¹. Несмотря на улучшение социально-экономических показателей, таких как увеличение продолжительности жизни, доходов населения и грамотности, а также успехов в создании демократических институтов, Афганистан остается одной из беднейших стран мира и по-прежнему нуждается в иностранной помощи.

Экономическое состояние Афганистана тесно связано с политической ситуацией в стране, а также уровнем безопасности. Несмотря на множество национальных экономических программ и большие суммы международной помощи, отсутствие безопасности внутри страны и невозможность правительства распространить власть на всю территорию страны усилия правительства и мирового сообщества дают минимальный эффект [Коргун 2004: 4].

Эта ситуация усугубляется наличием теневой экономики. Согласно данным Международного валютного фонда, в 2013 г. в Афганистане было произведено 5,5 тыс. тонн опиума, а доход от его продажи составил 15% от ВВП страны. Это делает Афганистан крупнейшим производителем опиума в мире. В наркосфере занято более половины работоспособного населения страны, что, по данным Всемирного банка, составляет около 376 тыс. человек [Greenfield et al. 2015: xi].

Международное сообщество прилагает значительные усилия по экономическому развитию Афганистана. В период между 2003—2016 гг. суммарные дотации стран — доноров Афганистана составили более 83 млрд долл. США. На международной конференции, которая прошла 4—5 октября 2016 г., страны-доноры пообещали выделить 15,2 млрд долл. США до 2020 г. на развитие Афганистана².

Правительство Афганистана под руководством президента Ашраф Гани Ахмадзая активно проводит экономические реформы. Тем не менее реформы требуют времени, и страна в обозримом будущем будет по-прежнему зависеть от иностранной помощи. Развитие торговых отношений может стать одним из факторов скорейшего восстановления Афганистана. В 2016 г. Афганистан стал членом Все-

¹ World Bank national accounts data. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=AF> (accessed: 30.08.2017).

² Economy — overview: Afghanistan. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/print_2116.html (accessed: 30.08.2017).

мирной торговой организации, благодаря чему страна получила более широкий доступ к глобальным рынкам. Это поможет заложить основу для дальнейшего экономического роста, так как страна богата минеральными ресурсами, такими как нефть, газ, медь, хром и железо, а также драгоценными камнями. Однако из-за отсутствия финансирования сектор добычи природных ресурсов не развивается, а вступление в ВТО дает большие возможности получить доступ к иностранным инвестициям.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ В АФГАНИСТАН

Россия и Афганистан имеют долгую историю сотрудничества еще со времен существования Российской империи. С СССР экономические отношения были установлены в конце 1950-х гг., а после военного переворота в 1978 г. в Афганистане СССР активно оказывал финансовую помощь новому правительству. К 1980-м гг. более половины всех промышленных, транспортных, энергетических объектов и объектов здравоохранения и науки в Афганистане было создано с участием СССР [Siddiqui, Butt 2014: 622, 623]. Однако ввод ограниченного контингента советских войск в 1979 г. в Афганистан отрицательно сказался на торгово-экономических отношениях, а спад в экономике РФ в 1990-е гг. привел к дальнейшему ослаблению позиций России на рынке Афганистана. Таким образом, Россия на несколько десятилетий выпала из афганского экономического процесса, уступив место США, Китаю, Пакистану, Ирану, Индии, Турции и т.д. В связи с этим, по мнению российских исследователей А.Н. Михайленко и А.В. Кожухова, которые предложили модель с доминирующим элементом для определения рамок двустороннего российско-афганского сотрудничества, экономика не может стать центральным компонентом этих отношений [Михайленко, Кожухов 2014: 136]. На данный момент Афганистан во внешней политике России занимает важное место. Несмотря на то что мировое сообщество лишь недавно заговорило о возвращении РФ в эту страну, на протяжении последних 15 лет ситуация в ИРА и угрозы, исходящие с ее территории, занимали одно из центральных мест в повестке дня российской политики в области безопасности. В Концепции внешней политики РФ за 2016 г. делается акцент на то, что «сохраняющаяся нестабильность ситуации в Исламской Республике Афганистан на фоне вывода из страны большей части международных военных контингентов несет серьезную угрозу безопасности России и других государств — участников СНГ»³. Несмотря на отдельные достижения, международным силам не удалось выполнить главную задачу — создать и сохранить безопасную обстановку в стране. А ввиду того что нестабильность в Афганистане представляет угрозу для безопасности РФ и ее соседей, политика по возвращению России в Афганистан может стать одной из эффективных мер по защите национальных интересов российского государства. Поэтому налаживание двусторонних экономических отношений остается одним из приоритетных направлений российско-афганского взаимодействия в регионе.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г). Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 22.10.2017).

После того как в 2002 г. на конференции в Токио международные доноры приняли решение об оказании финансовой помощи для восстановления Афганистана [Коргун 2004: 8], Россия предложила сразу несколько проектов для восстановления основных отраслей афганской экономики: энергетики, ирригации и инфраструктуры.

В последнее время российские предприниматели и представители деловых кругов все активнее интересуются сотрудничеством с Афганистаном в области добычи разработки природных ресурсов, строительства и инфраструктуры. Значителен интерес российских инвесторов к Афганистану, в период с 2007—2010 г. объем российских инвестиций в афганскую экономику составил 34 млн долл. США [Топорков 2013: 227].

Современный этап торгово-экономических отношений России и Афганистана начался в 2002 г. после визита афганской делегации во главе с главой временной администрации Афганистана Хамидом Карзаем. Афганская сторона выразила заинтересованность в российском участии в послевоенном восстановлении страны. В ходе визита стороны на различных уровнях обсуждали вопросы торгово-экономических отношений. В частности, были обсуждены возможности сотрудничества в таких сферах, как добыча энергоресурсов, восстановление инфраструктуры, транспорта и сельского хозяйства, а также поставка стройматериалов, техники и продовольствия.

Серьезной проблемой торгово-экономических отношений оставался афганский долг СССР, а затем России. Общая сумма долга на 2006 г. составляла 11,1 млрд долл. США⁴, и была сформирована за счет поставок советского оружия и военной техники, а также строительства промышленных объектов. В 2006 г. в ходе Лондонской международной конференции по Афганистану стороны договорились решить эту проблему в рамках Парижского клуба. 6 августа 2007 г. Россия и Афганистан подписали Соглашение об урегулировании задолженности Исламской Республики Афганистан (ИРИ) РФ по ранее предоставленным кредитам. Соглашение предполагало списание 10,4 млрд долл. США и реструктуризацию остальной части на 23 года. Таким образом, Россия списала 93% долга в 2007 г., а оставшаяся часть — 891 млн долл. — была списана в 2010 г. [Лалетин]. Тем не менее признание Афганистаном долга и готовность выплатить его часть стало сигналом к возможности построения долгосрочных российско-афганских экономических связей.

В феврале 2007 г. при содействии Торгово-промышленной палаты РФ был создан Российско-Афганский деловой совет (РАФДС). РАФДС стал площадкой для деловых кругов двух стран, заинтересованных в расширении экономического сотрудничества. 22 октября 2007 г. Торгово-промышленной палатой РФ была организована презентация перспективных проектов российско-афганского торгово-

⁴ Соглашения между Правительством РФ и Правительством ИРА об урегулировании задолженности Исламской Республики Афганистан перед Российской Федерацией по ранее предоставленным кредитам. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-121/45682 (дата обращения: 30.08.2017).

экономического сотрудничества. В мероприятии приняли участие 25 государственных и частных компаний, а также посол ИРИ в РФ Залмай Азиз, президент Афганского агентства по инвестициям Омар Захилвал, представители Министерства иностранных дел и Министерства экономического развития России, члены РАФДС и представители российских научных, общественных и предпринимательских кругов. Российские предприниматели выразили интерес в расширении сотрудничества в области энергетики, строительства, транспорта, горнодобывающей промышленности, инфраструктуры и связи. Всего с 2007 по 2009 г. компании — члены делового совета вложили в различные совместные проекты более 40 млн долл. США [Menkiszak 2011: 31].

Одним из путей восстановления Афганистана могут стать именно иностранные инвестиции. Крупнейшими донорами на сегодняшний день являются США, Турция, Япония, Евросоюз, Германия, а также такие международные организации, как Всемирный Банк и Азиатский банк развития. Основными отраслями, на развитие которых направлены международные финансы, являются энергетика, промышленность, связь и транспорт [Ханеев 2008: 55].

Россия хотя и не занимает первые места в списке основных инвестиционных партнеров Афганистана, но инвестиционное сотрудничество между Россией и Афганистаном существует и поступательно развивается. Среди российских инвесторов наблюдается интерес к афганским проектам, особенно в сфере совместной разработки месторождений. Однако российские инвестиции в Афганистан требуют правовой поддержки и защиты в силу региональной нестабильности. Афганистан пытается создать благоприятный нормативно-правовой климат для зарубежной помощи. В октябре 2005 г. был принят «Закон о внутреннем и иностранном инвестировании», что упростило процедуру оформления внешней помощи Афганистану. А в 2006 г. было создано Агентство по поддержке инвестиций для облегчения регистрации, лицензирования и продвижения инвестиционных проектов в Афганистане.

Создание законодательной базы и национальных институтов помогли привлечь российских инвесторов в Афганистан. С 2005 г. на территории Афганистана работают российские компании «Инсет» и «Норманн», занимающиеся строительством мини-ГЭС. В 2007 г. российская государственная инжиниринговая компания «Технопромэкспорт» выиграла тендер на ремонт ГЭС «Наглу», расположенной недалеко от Кабула [Арунова 2012: 161—162]. С конца 2004 г. на территории страны действует компания «Мультинет» (филиал Ростелекома), которая в партнерстве с афганской компанией «Telecom Development Company Afghanistan Ltd» является одним из крупнейших интернет-провайдеров и операторов связи. Кроме того, российские авиакомпании «Вертикаль-Т», «UTair» и «Волга-Днепр» предоставляют услуги грузоперевозок на территории Афганистана [Чихринова 2015: 146]. Афганские компании также осуществляют инвестиционную деятельность в России. В основном инвестиции сосредоточены в области торговли и ремонта дорог.

В мае 2009 г. в Москве состоялся первый Российско-Афганский форум, посвященный 90-летию установления дипломатических отношений между Россией и Афганистаном. В ходе форума стороны обсудили вопросы расширения сотруд-

ничества во всех областях двусторонних отношений. Итогами форума стала резолюция, в которой содержались предложения и рекомендации для правительств России и Афганистана по углублению сотрудничества в области культуры, экономики и безопасности. В области экономики резолюция предполагала принятие ряда мер, таких как:

- 1) подписание межправительственного соглашения о сотрудничестве в области энергетики, промышленности и сельского хозяйства;
- 2) совместное восстановление 142 хозяйственных объектов, созданных при содействии СССР, а также возобновление более 100 нереализованных проектов;
- 3) создание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, а также активизация сотрудничества в рамках таких региональных организаций, как ШОС, СНГ, ЕврАзЭС и т.д.;
- 4) предоставление правительству Афганистана, в случае необходимости, долгосрочного кредита, а также облегчение условий и снижение пошлин на импорт афганских товаров;
- 5) содействие российским инвесторам и открытие филиалов российских банков на территории Афганистана для облегчения процесса кредитования;
- 6) институционализация постоянного диалога между государственными экономическими структурами обоих государств⁵.

Эти усилия принесли результаты. В мае 2010 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Торгово-промышленными палатами двух стран, а осенью того же года в Москве открылся афганский бизнес-центр, который стал выполнять функции Торгово-промышленной палаты. Главной задачей новой структуры стала защита интересов афганских бизнес-кругов и содействие торгово-экономическому сотрудничеству Афганистана и России. Так, на конец 2010 г. крупнейшими российскими проектами на территории ИРА стали: модернизация ГЭС «Наглу» стоимостью 40 млн долл. США и строительство мини-ГЭС в провинциях Бамиан, Кунар, Пактия, Панджшер и Бадахшан [Мендкович 2012].

В январе 2011 г. в Москву с официальным визитом прибыл президент Афганистана Х. Карзай. Главной темой переговоров стало экономическое сотрудничество. По итогам визита стороны заключили соглашение, которое предусматривало создание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству.

Еще одним важным событием этого визита стала встреча Х. Карзая с представителями российских бизнес-кругов. В результате встречи стороны подписали важное соглашение о намерении по поставке нефтепродуктов в Афганистан⁶, а также Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. Соглашение содержит меры по развитию и поощрению российско-афганских экономических от-

⁵ Резолюция Российско-Афганского форума. Режим доступа: <http://www.idmrr.ru/rafresolution.html> (дата обращения: 30.08.2017).

⁶ Яшина Г.А. Экономическое сотрудничество поможет развитию Афганистана и принесет пользу России. Режим доступа: http://kapital-rus.ru/articles/article/ekonomicheskoe_sotrudnichestvo_pomozhet_razvitiyu_afganistana_i_prineset_po/ (дата обращения: 30.08.2017).

ношений, а именно введение режима наибольшего благоприятствования касательно таможенных пошлин, правил регулирования импорта и экспорта, налогов и сборов, транспортировки, международного перевода платежей и т.д.⁷ Это соглашение помогло Афганистану войти в перечень стран, в торгово-политических отношениях с которыми Россия применяет режим наиболее благоприятных условий.

В результате значительных усилий обеих сторон товарооборот между Россией и Афганистаном в 2011 г. увеличился более чем в 12 раз по сравнению с 2004 г., в основном за счет увеличения российского экспорта.

В 2011 г. Россия стала крупнейшим экспортером нефти и нефтепродуктов в Афганистан. 26 мая 2011 г. «Рособоронэкспорт» и правительство США подписали контракт на сумму 367,5 млн долл. США на поставку 21 российского вертолета для афганской армии. В 2012 г. стороны подписали дополнительное соглашение на поставку еще 12 вертолетов, а в 2013 г. — на поставку еще 30 вертолетов. Сумма всего контракта на поставку 63 вертолетов оценивается в 1,2 млрд долл. США⁸.

В марте 2012 г. состоялось первое заседание Российско-Афганской межправительственной комиссии. В ходе заседания стороны выразили удовлетворенность темпами роста торгово-экономического сотрудничества и выделили приоритетные задачи, среди которых: модернизация Кабульского домостроительного комбината и цементного завода в городе Джабаль-ус-Сирадж, восстановление туннеля «Саланг» и строительство новых ГЭС [Бондаренко 2011: 50]. В рамках работы комиссии Министерство энергетики РФ и Министерство торговли и промышленности ИРА подписали Меморандум о взаимопонимании в области топливно-энергетического комплекса, который предполагал дальнейшее углубление и расширение партнерских отношений в энергетической сфере.

Тем не менее российско-афганские экономические отношения уступают отношениям Афганистана с другими странами. В 2016 г. доля России от общего импорта Афганистана составила всего 2%, что больше, чем США (0,38%), но меньше, чем у основных поставщиков: Иран (22%), Пакистан (17%), Китай (14%), Казахстан (13%) и Туркменистан (7,7%)⁹. В этом же году доля России в общем объеме афганского экспорта составила 0,71% (США — 0,25%, Китай — 0,23%), а крупнейшими импортерами афганской продукции стали: Индия (46%), Пакистан (41%), Иран (3,1%), Ирак (2,1%) и Турция (1,9%)¹⁰. Таким образом, в 2016 г. Россия обогнала США по товарообороту с Афганистаном, однако по этому показателю намного уступает другим региональным игрокам, в частности Китаю. Китай в последнее время вносит заметный вклад в реконструкцию Афганистана. Китайские

⁷ Соглашение между Правительством РФ и Правительством ИРА о торгово-экономическом сотрудничестве. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract-/storage-viewer/bilateral/page-75/44926 (дата обращения: 30.08.2017).

⁸ Пентагон снова критикуют за покупку российских Ми-17 для Афганистана. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20131208/982727245.html> (дата обращения: 30.08.2017).

⁹ OEC Report on Afghanistan Economy. URL: http://atlas.media.mit.edu/en/visualize/tree_map/hs92/import/afg/show/all/2016/ (accessed: 22.10.2017).

¹⁰ Ibid.

компании являются одними из самых крупных иностранных игроков, которые участвуют в тендерах на проекты в области освоения и разработки природных ресурсов, в области строительства инфраструктурных объектов и т.д. В 2008 г. 2 китайские государственные корпорации выиграли тендер на разработку второго по величине месторождения меди в мире — месторождения Айнак. Сумма контракта составила 2,9 млрд долл. США [Amin 2017]. Особенно привлекательной для иностранных инвестиций является энергетическая сфера и сфера добычи природных ресурсов. В связи с этим многие государства стремятся наладить сотрудничество с Кабулом, однако инвесторов отталкивают большие риски, связанные с небезопасной обстановкой в стране.

Россия здесь не является исключением. Российские компании стремятся к участию в энергетических проектах на территории Афганистана. Россия выражает заинтересованность в участии в проекте газопровода Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия (ТАПИ), а также в проекте строительства линии электропередачи для экспорта электроэнергии из стран Центральной Азии в Афганистан и Пакистан — CASA-1000. Россия также является активным участником Стамбульского процесса и выступает за вовлечение Афганистана в региональное политико-экономическое сотрудничество [Сафронова 2012: 288].

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АФГАНСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В 2013 г. на фоне резкого замедления экономического роста Афганистана начинает падать объем российско-афганского товарооборота. Если в 2012 г. объем товарооборота между двумя странами составлял более 700 млн долл. США, то в 2013 г. упал до 431,9 млн долл. США; в последующие годы объем торговли продолжил свое падение и в 2014 г. составил — 420,4 млн долл. США, а в последующие 2 года — 223,5 млн долл. США в 2015 г. и 190,4 млн долл. США в 2016 г.¹¹

В 2016 г. наметился существенный прогресс в сфере энергетического сотрудничества. 24 марта 2016 г. афганский «Azizi Bank» и российский «Транскапиталбанк» подписали Меморандум о взаимопонимании о запуске механизма взаиморасчетов в национальных валютах. Это должно было заметно облегчить участие российских компаний в проектах на территории Афганистана.

В феврале 2016 г. российская делегация в рамках заседания Российско-Афганской межправительственной комиссии посетила Кабул для обсуждения вопросов энергетических поставок. Стороны обсудили возможности расширения энергетического сотрудничества с учетом привлечения российских компаний к модернизации и строительству объектов энергетической инфраструктуры. В частности, обсуждалось строительство нового нефтеперерабатывающего завода на территории Афганистана.

¹¹ Bilateral trade between Russian Federation and Afghanistan. URL: <http://www.trademap.org/Bilateral.aspx?nvpm=1|643|004|TOTAL||2|1|1|1|1|1|1|1|1> (accessed: 30.08.2017).

3 марта 2017 г. посол ИРА в России Абдул Каюм Кочай встретился с заместителем министра энергетики РФ Юрием Сентюриным. Во время встречи А. Корчай заявил, что афганская сторона рассчитывает, что российские компании будут активнее участвовать в восстановлении Афганистана, тем самым усиливая экономическое присутствие России. Эту инициативу поддерживает лично президент Ашраф Гани. С этой целью уже создан Высший экономический совет, который возглавил А. Гани, кроме того, он пообещал лично поспособствовать укреплению позиций российского бизнеса в Афганистане. Ю. Сентюрин заявил, что около 30 российских фирм готовы к сотрудничеству. 9 марта А. Корчай обратился к российским бизнесменам с призывом инвестировать в экономику Афганистана и участвовать в тендерах на восстановление инфраструктуры страны. Он также подчеркнул, что с Афганистаном активно сотрудничают Китай и США, но афганский народ хотел бы, чтобы именно Россия активнее наращивала свое экономическое присутствие в Афганистане. Об этом говорил и бывший президент ИРА Хамид Карзай. В интервью американской газете «The Washington Post» он заявил, что «советские финансы пошли именно на нужды афганского народа. Советский Союз эффективно тратил свои деньги и делал это через афганское правительство [Rytövuori-Arunen 2016: 249]. Тем не менее проблема наращивания российских инвестиций упирается именно в отсутствие стабильной политической и экономической ситуации, а также в неблагоприятный инвестиционный климат в стране.

Россия и Афганистан имеют долгую историю экономических отношений. Благодаря помощи Советского Союза в Афганистане было построено более половины промышленных, транспортных, энергетических объектов и объектов здравоохранения и науки. После нескольких десятилетий разрушительной гражданской войны Афганистан нуждается в восстановлении этих и строительстве новых объектов промышленности и инфраструктуры. В 2002 г. начался современный этап российско-афганских экономических отношений. Афганистан активно призывает российских бизнесменов инвестировать в реконструкцию страны. Несмотря на то что экономическая сфера не является основной в российско-афганских отношениях, однако у нее есть много перспектив на будущее. Правительство Афганистана, оглядываясь на прошлый опыт сотрудничества, отдает предпочтение именно российским компаниям в восстановлении и строительстве инфраструктурных объектов, таких как: дороги, туннели, мосты, гидросооружения, заводы и т.д. Кроме того, существует ряд экономических проектов с третьими странами, такие как газопровод ТАПИ и линия электропередач CASA-1000, по которым будет поставляться газ и электричество из Центральной Азии в Афганистан и Пакистан.

В целом, экономика Афганистана могла быть стать очень выгодным местом приложения российских инвестиций, если бы страна смогла улучшить свой инвестиционный климат. Сейчас же российские компании с осторожностью вкладывают деньги в афганские проекты. Однако правительство Афганистана прикладывает определенные усилия для того, чтобы привлечь российских бизнесменов в Афганистан и расширить российское экономическое присутствие в стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арунова М.Р.* К вопросу о регионализации решения афганской проблемы // Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития. Москва: ИВ РАН, 2012. С. 155—168.
- Бондаренко И.Н.* Афганская тетрадь: история глазами строителя // Строительные материалы, оборудование, технологии XXI века. 2011. № 3 (146). С. 50—51.
- Коргун В.Г.* Афганистан в начале XXI в. М.: Институт изучения Израиля и стран Ближнего Востока, 2004.
- Лалетин Ю.П.* Российско-афганские отношения на современном этапе. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/b57/b5731488fe76d68718d1247008145d71.pdf>. Дата обращения: 11.08.2017.
- Мендкович Н.А.* Политика России в Афганистане в 2001—2011 гг. // Фонд исторической перспективы. 2012. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/politika_rossii_v_afganistane_v_20012011_gg_2012-02-17.htm. Дата обращения: 11.08.2017.
- Михайленко А.Н., Кожухов А.В.* Доминирующий фактор в российско-афганских отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 10 (76). С. 134—143.
- Сафронова Е.И.* К вопросу об оптимизации экономических отношений по линии «ШОС-Афганистан» // Китай в мировой и региональной политике. Москва: ИДВ РАН, 2012. С. 280—293.
- Топорков В.М.* Национальные интересы России в Афганистане и перспективы ее региональной политики // Вестник Пермского университета. 2013. № 3 (23). С. 225—232.
- Ханеев М.В.* Политическая нестабильность в Афганистане: война идей или борьба кланов? // Азия и Африка сегодня. 2008. № 11. С. 51—56.
- Чихринова А.И.* Внешнеполитические интересы России в Афганистане: современные приоритеты: Дис. ... канд. полит. наук. М.: РУДН, 2015.
- Amin M.* The Story Behind China's Long-Stalled Mine in Afghanistan // The Diplomat. URL: <http://thediplomat.com/2017/01/the-story-behind-chinas-long-stalled-mine-in-afghanistan/> (accessed: 11.08.2017).
- Cibea A., Dearing S., Gures G., Khan A., Wolfsgruber I.* Budapest Process: a silk routes partnership for migration. Vienna: International Centre for Migration Policy Development, 2013.
- Greenfield V., Crane K., Bond C., Chandler N., Luoto J., Oliker O.* Reducing the Cultivation of Opium Poppies in Southern Afghanistan. Santa Monica: RAND Corporation, 2015.
- Menkiszak M.* Russia's Afghan problem. The Russian Federation and the Afghanistan problem since 2001. Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2011.
- Rytövuori-Apunen H.* The Regional Security Puzzle around Afghanistan: Bordering Practices in Central Asia and Beyond. Opladen: B. Budrich, 2016.
- Siddiqui A., Butt K.* Afghanistan-Soviet Relations during the Cold War: A Threat for South Asian Peace // A Research Journal of South Asian Studies. 2014. Vol. 29. № 2. P. 617—631.

Дата поступления статьи: 05.09.2017

Для цитирования: Асеф Н. Возвращение России в Афганистан: перспективы двустороннего экономического сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 781—792. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-781-792.

Сведения об авторе: Асеф Надери — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: asef.naderi@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-781-792

RUSSIA RETURNS TO AFGHANISTAN: PROSPECTS OF BILATERAL ECONOMIC COOPERATION

Naderi Asef

Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the dynamics of the development of the economic situation in the Islamic Republic of Afghanistan after the fall of the Taliban regime in 2001, and the current state and prospects of development of Russian-Afghan trade and economic relations. Russia and Afghanistan have a long history of cooperation. In the XX century, the Soviet Union provided economic assistance to Afghanistan, including the financing and construction of objects of industry and infrastructure, which are now in need of rehabilitation and modernization.

The accumulated experience of cooperation makes Russia may be one of the major players in Afghanistan and participate in reconstruction of the country. The relevance of this article stems from the fact that at the present time in conditions of economic sanctions and the deterioration of relations with countries of the West, Russia intends to renew and develop relationships with long-term partners. Today Afghanistan is trying to recover from the devastating effects of years of civil war, and invite Russia to join this process. This means that Russia had a unique chance to return and gain a foothold in the market of Afghanistan, which will be an advantage for the development of cooperation between the two countries.

The task of the article is analysis of the economic situation in Afghanistan, in order to study the possibilities of deepening and development of Russian-Afghan trade and economic cooperation.

The analysis of Russian-Afghan relations showed that to date, despite the existence of certain problems faced by our country, the development of trade and economic relations is a promising direction of bilateral cooperation.

Key words: trade and economic relations, economic development, investments, reconstruction of Afghanistan, turnover

REFERENCES

- Amin, M. (2017). The Story Behind China's Long-Stalled Mine in Afghanistan. *The Diplomat*. URL: <http://thediplomat.com/2017/01/the-story-behind-chinas-long-stalled-mine-in-afghanistan/> (accessed: 11.08.2017).
- Arunova, M.R. (2012). *Afghanistan and Pakistan: current state and development prospects*. Moscow: IV RAN, 155—168. (In Russ.).
- Bondarenko, I.N. (2011). Afghan Notes: History with the Builder's Eyes. *Stroitel'nyye materialy, oborudovaniye, tekhnologii XXI veka*, 3 (146), 50—51. (In Russ.).
- Chikhrinova, A.I. (2015). *Russia's foreign policy interests in Afghanistan: modern priorities* [dissertation]. Moscow: RUDN University. (In Russ.).
- Cibea, A., Dearing, S., Gures, G., Khan, A. & Wolfsgruber, I. (2013). *Budapest Process: a silk routes partnership for migration*. Vienna: International Centre for Migration Policy Development.
- Greenfield, V., Crane, K., Bond, C., Chandler, N., Luoto, J. & Oliker, O. (2015). *Reducing the Cultivation of Opium Poppies in Southern Afghanistan*. Santa Monica: RAND Corporation.
- Khaneyev, M. (2008). Political instability in Afghanistan: the war of ideas or the struggle of clans? *Asia and Africa today*, 11, 51—56. (In Russ.).
- Korgun, V.G. (2004). *Afghanistan in the beginning of the XXI century*. Moscow: Institut izucheniya Izrailya i stran Blizhnego Vostoka. (In Russ.).
- Laletin, Y.P. Russian-Afghan relations at the present stage. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/b57/b5731488fe76d68718d1247008145d71.pdf> (accessed: 11.08.2017). (In Russ.).

- Mendkovich, N.A. (2012). Russia's policy in Afghanistan in 2001—2011. *Fond istoricheskoy perspektivy*. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/politika_rossii_v_afganistane_v_20012011_gg_2012-02-17.htm. (In Russ.).
- Menkiszak, M. (2011). *Russia's Afghan problem. The Russian Federation and the Afghanistan problem since 2001*. Warsaw: Centre for Eastern Studies.
- Mikhailenko, A.N. & Kozhukhov, A.V. (2014). The dominant factor in Russian-Afghan relations. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, 10 (76), 134—143. (In Russ.).
- Rytövuori-Apunen, H. (2016). *The Regional Security Puzzle around Afghanistan: Bordering Practices in Central Asia and Beyond*. Opladen: B. Budrich.
- Safronova, E.I. (2012). Optimizing the economic relations of the “SCO-Afghanistan”. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike*. Moscow: IDV RAN, 280—293. (In Russ.).
- Siddiqui, A. & Butt, K. (2014). Afghanistan-Soviet Relations during the Cold War: A Threat for South Asian Peace. *A Research Journal of South Asian Studies*, 2 (29), 617—631.
- Toporkov, V.M. (2013). Russia's national interests in Afghanistan and prospects for its regional policy. *Vestnik Permskogo Universiteta*, 3(23), 225—232. (In Russ.).

Received: 05.09.2017

For citations: Asef N. (2017). Russia returns to Afghanistan: prospects of bilateral economic cooperation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 781—792. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-781-792.

About the author: *Asef Naderi* — post-graduate student of the Department of theory and history of international relations of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: asef.naderi@gmail.com).

© Асеф Н., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-793-806

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ СО СТРАНАМИ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ В СФЕРАХ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ (на примере Республики Кения)

Л.Р. Хлебникова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

В феврале 2016 г. премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху объявил о возвращении Израиля в Африку, особо отметив, что еврейское государство может успешно сотрудничать с представителями Африканского континента в двух ключевых сферах — борьба с терроризмом и «создание возможностей завтрашнего дня», т.е. содействие развитию. И эти две области, по мнению израильского лидера, взаимосвязаны.

В статье рассматривается израильско-кенийское сотрудничество в качестве примера успешного взаимодействия ближневосточного государства и страны Восточной Африки — приоритетной для Израиля части континента. Особое внимание уделено военной и невоенной помощи, оказываемой Израилем Кении.

Для обеспечения своей национальной безопасности кенийское руководство стремится получить доступ к израильским военным инновациям и богатому опыту еврейского государства в сфере борьбы с терроризмом. Расширяя и углубляя военное сотрудничество с Израилем, кенийское руководство также обращается к израильским успехам в сфере развития. Израильские инновации, особенно в сельском хозяйстве и медицине, представляют большой интерес для африканских государств, и Кения здесь не исключение.

Целью исследования является анализ современного израильско-кенийского взаимодействия как в сфере развития, так и в области безопасности. В статье использованы официальные документы МИД Израиля, Кнессета, а также кенийского парламента.

Путь Израиля к «сердцам и умам» кенийцев лежит как через предоставление технической помощи, так и через укрепление взаимодействия в области борьбы с одной из главных для обоих государств угроз — терроризмом. В свою очередь, еврейское государство, вновь прокладывая путь в Африку, ждет от Кении экономических и торговых преференций, дипломатической лояльности в ООН, поддержки в сдерживании амбиций Исламской Республики Иран в Африке. Автор приходит к выводу, что для сохранения позитивного импульса в развитии израильско-кенийских отношений стороны должны продолжать интенсивно углублять сотрудничество с учетом взаимных интересов.

Ключевые слова: Израиль, Африка, Кения, безопасность, развитие, терроризм, МАШАВ, помощь развитию, Иран, Восточная Африка

В политике Государства Израиль Африканский континент всегда занимал особое место. В первое десятилетие после провозглашения независимости израильское руководство избрало одной из своих внешнеполитических целей завоевать умы и сердца африканцев (одним из первых государств, с кем Израиль стал развивать отношения в Африке, была Гана, получившая независимость в 1957 г.).

За этим стояли геостратегические (расширение собственной сферы влияния в Африке и противодействие египетскому влиянию на Африканском континенте) и экономические (прежде всего, развитие торговых отношений с африканскими государствами) мотивы.

Большую роль в становлении партнерских отношений еврейского государства с африканскими странами играло предоставление им невоенной и военной помощи. От «золотого периода» сотрудничества 1960-х гг., разрыва отношений в 1970-х гг. и до открытия новой главы израильско-африканского взаимодействия в первом десятилетии 2000-х гг. Израиль и государства Африки прошли долгий путь¹.

На современном этапе израильско-африканские отношения крепнут как в области развития, так и в сфере безопасности. Израиль, являясь членом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), предоставляет странам Африки невоенную помощь на двусторонней и многосторонней основе². В Африке главным приоритетом для Агентства по развитию международного сотрудничества при МИД Израиля (МАШАВ) являются Гана, Кения, Руанда, Сенегал, Уганда, Эфиопия, Южный Судан³. По данным ОЭСР, в 2014 г. израильская помощь Африканскому континенту была оказана преимущественно Гане, Кении и Эфиопии⁴.

Одновременно с этим израильский политический и военный истеблишмент интенсивно укрепляет контакты с африканскими правительствами по военной линии. Сотрудничество в военной сфере успешно развивается с Кенией, Нигерией, Угандой, Эфиопией, Южно-Африканской Республикой. По данным СИПРИ, с 2006 по 2010 г. главным покупателем израильского оружия была Нигерия [Wezeman et al. 2011]. В списке экспортеров израильских систем вооружения также значатся Камерун, Кения, Лесото, Руанда, Уганда и Чад.

Из всех регионов Африки особый интерес для Израиля представляет Восточная Африка. Во-первых, географически это самая близкая к еврейскому государству часть Африки. Во-вторых, в восточноафриканских государствах по сравнению с другими регионами континента большинство населения исповедуют христианст-

¹ Пик израильско-африканских отношений пришелся на 1950-е — начало 1970-х гг., так называемое золотое время, когда Израиль активно предоставлял африканским государствам невоенную и военную помощь. После арабо-израильской «войны Судного дня» (1973 г.) многие африканские правительства, выказывая тем самым поддержку арабской стороне конфликта, разорвали отношения с еврейским государством. Несмотря на то что с некоторыми государствами Африки Израиль восстановил отношения уже в 1980-х гг., в целом для израильско-африканского сотрудничества была характерна низкая интенсивность взаимодействия.

² OECD. Geographical Distribution of Financial Flows to Developing Countries 2016 Disbursements, Commitments, Country Indicators. February 2016. P. 88; Aid Flows. Donor View. OECD. Israel. Bilateral ODA. 3-year average. URL: <http://www.aidflows.org/> (accessed: 13.06.2017).

³ MASHAV. Israel's Agency for International Development Cooperation. Africa. Israel Ministry of Foreign Affairs URL: http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Where_We_Work/Pages/Africa.aspx (accessed: 24.04.2017).

⁴ OECD. Geographical Distribution of Financial Flows to Developing Countries 2016 Disbursements, Commitments, Country Indicators. February 2016. P. 88.

во. Еврейскому государству легче строить отношения именно с христианскими государствами Африки. Неурегулированные палестино-израильские противоречия являются препятствием для сближения с мусульманскими государствами континента. В-третьих, для еврейского государства страны Восточной Африки важны еще и из-за того, что благодаря отношениям с этими государствами Израиль может получить «привилегированный доступ»⁵ к Аденскому заливу.

В феврале 2016 г. израильский премьер-министр Б. Нетаньяху на заседании в Кнессете заявил: «Израиль возвращается в Африку, Африка возвращается в Израиль»⁶. Нетаньяху особо отметил, что Израиль может успешно сотрудничать с представителями Африканского континента в двух ключевых сферах — борьба с терроризмом и «создание возможностей завтрашнего дня», т.е. содействие развитию. И эти две области, по мнению израильского премьер-министра, взаимосвязаны.

Эта взаимосвязь все чаще становится предметом отдельного рассмотрения в работах зарубежных и отечественных ученых [Kokoshin, Bartenev 2016; Amer et al. 2012]. В настоящей статье предпринята попытка раскрыть эту взаимосвязь на примере отношений Израиля с одним из ключевых африканских государств — Кенией. Стоит отметить, что российские ученые уделяют недостаточно внимания современной израильской политике на Африканском континенте, особенно в ее важнейшей для Израиля части — Восточной Африке [Костенко 2016; Рыжов 2009]. Большинство работ, характеризующих современное состояние израильско-кенийских отношений, написано американскими, израильскими и кенийскими авторами⁷ [Mogire 2008; Oluch 2009; Carol 2012; Birkett 2013; Butime 2014; Shay 2014]. Однако на данный момент проблема взаимосвязи императивов безопасности и развития во взаимодействии двух государств остается практически неизученной. Данная статья представляет собой попытку заполнить эту исследовательскую нишу.

ИЗРАИЛЬ И КЕНИЯ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

На современном этапе Республика Кения занимает стержневое место в политике Израиля в сфере безопасности на Африканском континенте. В последние годы страны стали открыто декларировать наличие особых отношений. Так, президент Израиля Р. Ривлин назвал отношения с Кенией «наиболее стабильными»⁸

⁵ *Perez M.* L'Afrique de l'Est main dans la main avec Israël. Jeune Afrique URL: <http://www.jeuneafrique.com/189132/politique/l-afrique-de-l-est-main-dans-la-main-avec-isra-/> (accessed: 10.06.2017).

⁶ PM Netanyahu attends launch of Knesset caucus for Israel-Africa relations // Israel Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://mfa.gov.il/MFA/PressRoom/2016/Pages/PM-Netanyahu-attends-launch-of-Knesset-caucus-for-Israel-Africa-relations-29-Feb-2016.aspx> (accessed: 10.06.2017).

⁷ *Ningthoujam A.S.* Military ties bind Israel and Kenya. Asia Times URL: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MID-03-091013.html (accessed: 12.06.2017).

⁸ Speaker of the House congratulated the Prime Minister of Kenya and called on him to join the economic sanctions against Iran and to use his influence to prevent the purchase of nuclear materials and technology by the Iranian Government // Knesset (Official Site). URL: http://knesset.gov.il/spokesman/eng/PR_eng.asp?PRID=9167 (accessed: 24.04.2017).

в Африке. В свою очередь, глава кенийской дипмиссии в Израиле Т. Амолло подчеркнул, что для Кении Израиль — это «ключевой геостратегический партнер» в регионе⁹. Сближение государств произошло на фоне объявленного США «крестового похода против терроризма». Израиль и Кения — естественные союзники в войне с глобальным терроризмом. Еврейское государство обладает огромным опытом антитеррористической деятельности, который важен для Кении, ведущей борьбу против организации «Аш-Шабаб», ответственной за ряд террористических актов на территории страны (самая крупная за последние годы террористическая атака была совершена на университетский колледж Гариссы в 2015 г. и унесла жизни 148 человек).

На фоне усиления террористической активности в мире в последние годы контакты между ближневосточным и африканским государствами по военной линии заметно интенсифицировались.

Одним из первых израильских официальных лиц, который вновь открыл Израилю «дорогу в Африку», был министр иностранных дел А. Либерман, совершивший в 2009 г. «тур по Африке». Одной из остановок была Кения. На встрече с президентом Кении был поднят вопрос об усилении террористической активности в Африке южнее Сахары и на Ближнем Востоке. А. Либерман заметил, что «ось зла» (туда он включил ИГИЛ (запрещена в России) в Ираке, ХАМАС, «Боко Харам» в Западной Африке, «Аш-Шабаб» в Восточной Африке) является частью глобальной джихадистской сети [Shay 2014: 4]. Министр иностранных дел Израиля подчеркнул, что международное сообщество доказало свою неэффективность в борьбе с международным терроризмом, тогда как террористические группы объединены и скоординированы.

А. Либерман выступил за обмен данными между ближневосточными и африканскими государствами, что поможет быстрее и эффективнее противостоять терроризму. Кроме предоставления разведанных Израиль был готов оснащать кенийскую армию своим вооружением. В 2010 г. министр по вопросам внутренней безопасности Кении Дж. Сайтоти выразил свою заинтересованность в покупке израильского вооружения для противодействия угрозе распространения радикального исламизма, исходящей из Сомали¹⁰.

Как сообщили официальные представители кенийского правительства, израильский лидер Б. Нетаньяху заявил, что «враги Кении — враги Израиля»¹¹. Для правительства Нетаньяху «Аш-Шабаб» — одна из организаций, придерживающихся радикального исламизма, который является «всеобщим врагом»¹². К «вет-

⁹ Kenya's foreign policy priorities, diplomatic presence and expansion plans: promoting economic interests. WikiLeaks. URL: https://www.wikileaks.org/plusd/cables/07NAIROBI1221_a.html (accessed: 12.06.2017).

¹⁰ Ibid.

¹¹ BBC News. Israel-Kenya Deal to Help Fight Somalia's al-Shabab. URL: <http://www.bbc.com/news/world-africa-15725632> (accessed: 12.06.2017).

¹² Yedioth Ahronoth. Netanyahu at Paris memorial: 'Radical Islam is an enemy to us all'. URL: <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4613991,00.html> (accessed: 12.06.2017).

вям отравленного дерева» он также причисляет «Исламское государство» (ИГИЛ, ИГ) (запрещено в РФ), ХАМАС, «Боко Харам», «Аль-Каиду», «Джабхат ан-нус-ру»¹³ и «Хизбаллу»¹⁴.

В 2011 г. премьер-министр Кении подтвердил, что Найроби ищет помощи израильского правительства в борьбе с «фундаменталистскими элементами», как их назвал президент Израиля Ш. Перес, которые проникают на кенийскую территорию [Wezeman et al. 2011]. В октябре 2011 г. Кения начала военную операцию «Линда Нчи» на юге Сомали, приведшую к ослаблению «Аш-Шабаб»^{15, 16} [Anderson, Mcknight 2014; Birkett 2013; Back 2013]. В то же время стоит отметить, что в декабре 2011 г. министр обороны Кении (2008—2013) Мухаммед Юсуф Хаджи на заседании Национальной ассамблеи заявил, что кенийской армии не нужна помощь других государств в проведении этой операции: «Мы не должны позволить премьер-министру Израиля прийти и бороться с нами в Сомали. Мы не должны позволить даже израильскому посольному поддержать нас в борьбе с „Аш-Шабаб“»¹⁷.

Уже через год Кения и Израиль подписали договор о сотрудничестве в области обеспечения безопасности, направленный, в первую очередь, на взаимодействие в сфере борьбы с терроризмом¹⁸. Израиль поставляет в Кению «военные ноухау»¹⁹. Кенийская армия использует, в частности, израильские пулеметы «Негев», а также автоматы «Галиль» [Wezeman 2011].

Кроме продажи вооружения Израиль проявил готовность оказывать содействие Кении в кризисных ситуациях. Например, во время террористического захвата торгового центра в Найроби (2013) на помощь кенийскому правительству были присланы израильские военные советники²⁰. Традиционно Израиль не отправляет свои боевые части воевать в другие регионы мира, однако он может проводить точечные операции, используя, например, силы Шин Бет (Общая служба безопасности Израиля) или ЯМАМ (Специальное центральное подразде-

¹³ Организации включены в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Shay S. Kenya and the War against al-Shabaab. Israel Defense. 2014. URL: <http://www.israeldefense.co.il/en/content/kenya-and-war-against-al-shabaab> (accessed: 12.06.2017).

¹⁶ Стоит подчеркнуть, что, по данным ОЭСР, Африка не является ведущим реципиентом израильской помощи развитию. За последние 3 года Ближний Восток и Северная Африка, Латинская Америка и страны Карибского бассейна, а также Европа стали ключевыми регионами, которые получают помощь от Израиля.

¹⁷ Parliamentary Debates. National Assembly Official Report. Wednesday, 7 December, 2011. P. 49.

¹⁸ Lappin Y. Israel, Kenya sign anti-terror, anti-crime pact // Jerusalem Post URL: <http://www.jpost.com/Diplomacy-and-Politics/Israel-Kenya-sign-anti-terror-anti-crime-pact> (accessed: 13.06.2017).

¹⁹ Ravid B. Israelis Aid to End Nairobi Siege Kenya, Israel's Forward Base in Africa. Haaretz. URL: <http://www.haaretz.com/israel-news/.premium-1.548375> (accessed: 20.04.2017).

²⁰ Ningthoujam A.S. Military ties bind Israel and Kenya. Asia Times. URL: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MID-03-091013.html (accessed: 12.06.2017).

ление пограничной полиции Израиля, являющееся ее основной антитеррористической структурой), и / или отправлять военных экспертов для помощи в урегулировании чрезвычайных ситуаций.

В начале 2016 г. премьер-министр Б. Нетаньяху подчеркнул, что Израиль готов увеличить военную помощь Кении для борьбы с терроризмом²¹. По сообщениям кенийского издания *The East African*, в феврале 2016 г. в Иерусалиме на официальной встрече между Б. Нетаньяху и У. Кениатой, президентом Кении, руководство африканского государства высказало желание, чтобы Израиль более активно и открыто проводил контртеррористические операции в Африке²². Другими словами, можно со всей уверенностью утверждать, что кенийское руководство нашло в Израиле важного партнера в борьбе с распространением терроризма в регионе.

ИЗРАИЛЬ И КЕНИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ В XXI В.

Израиль предоставляет Найроби не только военную, но и невоенную помощь. Несмотря на маленькие объемы помощи, Кения остается приоритетным направлением для МАШАВ²³. Израильская программа помощи развитию Кении охватывает такие сферы, как медицина, образование, сельское хозяйство, устранение гендерного неравенства, устойчивое развитие и многое другое. Израильские инновации, особенно в сельском хозяйстве и медицине, представляют большой интерес для африканских государств, и Кения здесь не исключение.

В 2016 г. МАШАВ предложил около 30 курсов, доступных кенийским гражданам²⁴. В 2015 г. в Израиле прошли обучение 130 специалистов из Кении, 46 из них получили новые знания в сфере образования, 22 — в области гендерных проблем, 20 — в области градостроительства и развития сельского хозяйства²⁵. В этом же году в Иерусалиме прошла конференция «Образование в сфере устойчивого развития как метод трансформации», в которой приняли участие более 50 специалистов из Израиля и Кении²⁶. Израильская организация «Клуб Шалом»,

²¹ *Keinon H.* Kenyan president arrives in Israel for first visit since 1994. *Jerusalem Post*. URL: <http://www.jpost.com/Israel-News/Politics-And-Diplomacy/Kenyan-president-arrives-in-Israel-for-first-visit-since-1994-445748> (accessed: 12.06.2017).

²² *Oluoch F.* Kenya asks for Israel's help in war on terror. *The East African*. URL: <https://www.theeastafrican.co.ke/news/Kenya-asks-for-Israel-s-help-in-war-on-terror/2558-3095108-14eb57xz/index.html> (accessed: 12.06.2017).

²³ OECD. *Geographical Distribution of Financial Flows to Developing Countries 2016 Disbursements, Commitments, Country Indicators*. February 2016. P. 88.

²⁴ Israel's Embassy in Kenya. *MASHAV Courses. Training Schedule for 2016*. URL: <http://embassies.gov.il/nairobi/mashav/Pages/MASHAV-Courses.aspx> (accessed: 12.06.2017).

²⁵ MASHAV. *Annual Report 2015*. 58 p. URL: http://www.mashav.mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/Annual%20Report%202015.pdf P. 28 (accessed: 12.06.2017).

²⁶ MASHAV. *Education for Sustainable Development Conference*. Israel Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mashav.mfa.gov.il/MFA/mashav/Latest_News/Pages/Education-for-Sustainable-Development.aspx (accessed: 12.06.2017).

восстановившая свою работу в Кении в 2012 г., является площадкой для бывших участников программ МАШАВ, которая предоставляет им возможность посещать различные лекции и семинары, а также принимать участие в разного рода общественных мероприятиях²⁷.

В 2015 г. МАШАВ заключил с кенийским правительством соглашение о строительстве ирригационных систем в засушливых районах Кении — округах Тана и Килифи. Цель проекта «Галана/Кулалу» — повысить продовольственную безопасность, снизить уровень бедности, а также создать новые рабочие места в Кении²⁸. МАШАВ также продолжает оказывать гуманитарную помощь кенийскому народу. В 2011 г. в Найроби произошел крупный взрыв трубопровода, от которого пострадали в общей сложности более 200 человек (100 погибших, 116 раненых). Израиль одним из первых прислал предметы для оказания первой медицинской помощи, включая обезболивающие препараты и бинты²⁹.

Сотрудничество в гуманитарной сфере и сфере развития также усиливается по линии правительств Израиля и Кении. В 2014 г. Кнессет и парламент Кении подписали соглашение о развитии дипломатических, культурных и экономических связей между двумя государствами³⁰. Важно отметить, что стороны договорились проводить регулярные встречи по проблемам компьютеризации, информационной безопасности, продовольственной и водной безопасности, а также устойчивого развития.

Кроме того, МАШАВ принимает активное участие в реализации многосторонних проектов в Кении. Стоит выделить трехсторонний проект Израиля, Германии и Кении, запущенный в 2014 г. и направленный на улучшение экосистемы озера Виктория³¹. За последние годы МАШАВ и Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин (ООН — Женщины) подписали два меморандума о взаимопонимании (в 2013 г. и 2016 г.), нацеленных на обмен опытом, технологиями для сельского хозяйства, а также на расширение политических прав и возможностей женщин³². Более того, в Найроби в 2014 г. при поддержке Университета Кениата был

²⁷ MASHAV. Annual Report 2015. 58 p. URL: http://www.mashav.mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/Annual%20Report%202015.pdf P. 55 (accessed: 12.06.2017).

²⁸ MASHAV. Israel-Kenya Cooperation in the Galana/Kulalu Project. Israel Ministry of Foreign. URL: http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Latest_News/Pages/Israel-Kenya-Cooperation-in-the-GalanaKulalu-Project.aspx (accessed: 13.06.2017).

²⁹ MASHAV. Annual Report 2011. 57 p. URL: http://www.mashav.mfa.gov.il/MFA/mashav/Publications/Annual_Reports/Documents/AnnualReport2011.pdf P. 12 (accessed: 12.06.2017).

³⁰ Memorandum of Understanding between the National Assembly of the Republic of Kenya and the Knesset of the State of Israel. Knesset. URL: <http://main.knesset.gov.il/News/PressReleases/Documents/121114.pdf> (accessed: 12.06.2017).

³¹ Israel-Kenya-Germany Cooperation in Lake Victoria. Embassy of Israel in Kenya. URL: <http://embassies.gov.il/nairobi/NewsAndEvents/Pages/Israel-Kenya-Germany-Cooperation-in-Lake-Victoria.aspx> (accessed: 10.06.2017).

³² MASHAV and UN Women Regional Office Sign MOU. Embassy of Israel in Kenya. URL: <http://embassies.gov.il/nairobi/NewsAndEvents/Pages/MASHAV-UNWomen-Sign-MOU-2016.aspx> (accessed: 20.04.2017).

создан Африканский центр по трансформационному и инклюзивному лидерству (African Center for Transformative and Inclusive Leadership — АСТИЛ), ставший ключевым центром по подготовке руководящих кадров в Восточной Африке³³. МАШАВ активно сотрудничает с этим центром, направляя туда своих экспертов.

Несмотря на то что МАШАВ называет Кению одним из приоритетных направлений, по данным ОЭСР, Найроби не входит даже в первую десятку реципиентов израильской официальной помощи развитию (Official Development Assistance)³⁴. Специфика израильской программы помощи состоит в том, что руководство страны не тратит большие средства на помощь, но при этом остается важным игроком в Африке южнее Сахары, поскольку в основном Израиль делает ставку на предоставление технической помощи, что помогает ему в том числе создавать устойчивые и долговременные связи с молодыми специалистами из африканских стран, которые впоследствии занимают важные государственные посты.

ИЗРАИЛЬ И КЕНИЯ: ПРИМЕР УСПЕШНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В XXI в. Кения и Израиль успешно укрепляют отношения в сфере безопасности и развития. В марте 2016 г. в Израиль прибыл президент Кении Ухуру Кениата³⁵. Во время исторического визита главы Кении в Израиль, который был первым за более чем 20 лет, стороны обсуждали укрепление военного сотрудничества. Кроме того, лидеры государств подписали соглашение о создании двусторонней комиссии по взаимодействию (в том числе в таких важных областях, как сельское хозяйство и кибербезопасность)³⁶. Участвовавшие в последние годы контакты по линии правительств, министерств и неправительственных организаций свидетельствуют о еще большем сближении двух государств на фоне расширения спектра военных и невоенных вызовов.

Для обеспечения своей национальной безопасности кенийское руководство стремится получить доступ к израильским военным инновациям и богатому опыту еврейского государства в сфере борьбы с терроризмом. Расширяя и углубляя военное сотрудничество с Израилем, кенийское руководство также обращается к израильским успехам в сфере развития. Израиль для Кении — ключевой ближневосточный партнер, близкий по идеологическим ориентирам (оба государства определяют себя как демократические) и понимающий суть кенийских проблем. В отличие от Нигерии Кения не сталкивается с внутривнутриполитическими рисками,

³³ Headquarters Visit to Kenya. Israel Ministry of Foreign Affairs. URL: http://mfa.gov.il/MFA/mashav/Latest_News/Pages/Headquarters-Visit-to-Kenya.aspx (accessed: 20.04.2017).

³⁴ Israel. Top 15 Recipients of ODA (in US\$M). 5-year Average. URL: <http://www.aidflows.org/>.

³⁵ Haaretz. Kenya, Israel Reportedly Agreed on Security Cooperation During President's Visit. URL: <http://www.haaretz.com/israel-news/1.705807> (accessed: 12.06.2017).

³⁶ Arutz Sheva Staff. Watch: Netanyahu welcomes Israel's 'leading' African ally. Israel National News. URL: <http://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/208440#.Vu2tGeKLSM8> (accessed: 25.05.2017).

открыто сближаясь с Израилем^{37,38}. Опросы общественного мнения, проведенные BBC в 2012—2014 гг., демонстрируют, что в целом большинство кенийцев положительно оценивают израильское влияние в мире (в 2014 г. 47% респондентов положительно отозвались об Израиле)³⁹.

Вместе с тем тесные связи с еврейским государством и западными державами являются дополнительным аргументом для исламистских террористических организаций при организации атак против Найроби [Otenyo 2014: 80; Otiso 2009: 111]. Примечательно, что кенийский политик Д. Мидиво, заместитель лидера меньшинства Национальной ассамблеи, на заседании нижней палаты кенийского парламента летом 2016 г., критикуя визит израильского премьер-министра, выпадавший на священный для мусульман месяц Рамадан, заявил, что «мы тот остров, который под ударом из-за этих израильтян и американцев, из-за чужих ошибок»⁴⁰. В защиту Израиля на этом заседании выступил С. Чепконга, член коалиции «Юбилейный альянс», подчеркнувший, что Израиль хорошо тренирует кенийские вооруженные силы, которые сражаются против терроризма. Он также напомнил, что Израиль одним из первых пришел на помощь, когда произошел теракт в американском посольстве в 1998 г.: «Они спасли столько кенийцев, которые могли погибнуть»⁴¹. Стоит отметить, что израильские деловые и культурные объекты также были атакованы террористами на кенийской территории (например, в 2002 г. в Момбасе был атакован отель, принадлежащий израильтянам, а также гражданский лайнер израильской авиакомпании «Аркиа»).

Израильское руководство, оказывая поддержку и предоставляя помощь Найроби, в большей степени преследует геостратегические и экономические интересы. В то время когда в мире усиливается критика в адрес еврейского государства⁴² и его

³⁷ Pew Research Center. *Global Unease with Major World Powers. Chapter 5. Views of the Middle East Conflict*. URL: <http://www.pewglobal.org/2007/06/27/chapter-5-views-of-the-middle-east-conflict/> (accessed: 25.05.2017); Kull S., Ramsay C., Weber S., Lewis E., Brouwer M., Ciolek M., Medoff A. *World Public Opinion on the Israeli-Palestinian Conflict*. July 1, 2008 URL: http://www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/jul08/WPO_IsPal_Jul08_packet.pdf; BBC World Service. *Negative views of Russia on the Rise: Global Poll*. June 3, 2014. URL: <http://downloads.bbc.co.uk/mediacentre/country-rating-poll.pdf> (accessed: 12.06.2017).

³⁸ В нигерийском обществе в последние годы усиливается негативное восприятие Израиля. Этому способствует, прежде всего, неурегулированность израильско-палестинского конфликта. Нигерийцы в большей степени поддерживают палестинскую сторону. Опрос, проведенный Мэрилендским университетом в 2008 г., показал: 50% нигерийцев считают, что Израиль не предпринимает достаточных усилий для урегулирования конфликта с палестинцами. По опросу BBC, проведенному в 2014 г., 46% нигерийцев негативно оценивают роль Израиля в мире. Усиливающаяся критика в адрес еврейского государства со стороны простых нигерийцев может стать препятствием для более тесного взаимодействия между двумя государствами.

³⁹ Beauchamp Z. *How the World sees Israel, in one chart*. The VOX. URL: <http://www.vox.com/2014/7/29/5948255/israel-world-opinion> (accessed: 25.05.2017).

⁴⁰ Parliamentary Debates. National Assembly Official Report. Wednesday, 6th July, 2016. P. 5.

⁴¹ Parliamentary Debates. National Assembly Official Report. Wednesday, 6th July, 2016. P. 7.

⁴² Движение «Бойкот, отчуждение и санкции» (Boycott, Divestment and Sanctions, или BDS movement), ставящее своей целью оказание политического и экономического давления на Израиль из-за его оккупационной политики, набирает обороты в мире.

традиционные западные партнеры все более открыто выражают недовольство бескомпромиссной политикой Б. Нетаньяху на палестинском направлении, Израиль стремится расширить сферу влияния, включив в нее как можно больше африканских и азиатских государств. Установление партнерских отношений с развивающимися государствами может помочь снизить давление на Израиль со стороны международных организаций, таких как ООН, где африканские государства играют важную роль. Подобная практика уже оправдала себя, когда в 2014 г. Нигерия и Руанда воздержались от голосования по резолюции СБ ООН, направленной на то, чтобы заставить Израиль прекратить поселенческую политику на оккупированных с 1967 г. палестинских территориях.

Одним из факторов, который подталкивает еврейское государство к интенсификации своей политики на африканском направлении, является активизация в Африке Исламской Республики Иран (ИРИ), рассматриваемой Израилем в качестве основного ближневосточного противника. Иранское продвижение на Африканском континенте угрожает еврейскому государству не только потерей партнерских отношений с африканцами. Израильское правительство обвиняет ИРИ в инициировании и финансировании террористических актов против израильтян и евреев в Африке. В 2012 г. в Кении были приговорены к пожизненному заключению двое иранцев, признанных виновными в подготовке теракта против американских и израильских объектов в стране⁴³. Через 2 года кенийским полицейским удалось захватить двух других связанных с Ираном подозреваемых, которых обвиняли в подготовке террористического акта⁴⁴.

Израильский премьер-министр Б. Нетаньяху уверен, что Иран стоит за подготовкой террористических атак в отношении израильских объектов в Кении⁴⁵. Для того чтобы противостоять распространению влияния Тегерана в Африке, Б. Нетаньяху стремится объединить усилия с теми государствами, в которых большинство населения исповедует христианство, и в число таких государств входит Кения.

Создание «коалиции против исламского фундаментализма»⁴⁶ в Восточной Африке, включающей в себя Кению, Эфиопию, Танзанию и Южный Судан, отвечает целям еврейского государства на Африканском континенте. На встрече с президентом Кении премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху заметил, что его стра-

⁴³ The Associated Press. Global Terror Kenya Official: Iranian Agents Planned Attack Against Israeli, U.S. Targets. The Haaretz URL: <http://www.haaretz.com/israel-news/kenya-official-iranian-agents-planned-attack-against-israeli-u-s-targets-1.448358> (accessed: 25.05.2017).

⁴⁴ The AFP. Kenya arrests two nationals over Iran-linked plot. URL: <http://www.timesofisrael.com/kenya-arrests-two-nationals-over-iran-linked-plot/> (accessed: 12.06.2017).

⁴⁵ The AFP. Kenya arrests two nationals over Iran-linked plot. URL: <http://www.timesofisrael.com/kenya-arrests-two-nationals-over-iran-linked-plot/> (accessed: 12.06.2017).

⁴⁶ BBC News. Israel-Kenya Deal to Help Fight Somalia's al-Shabab. URL: <http://www.bbc.com/news/world-africa-15725632> (accessed: 10.06.2017).

на готова укреплять сотрудничество с африканскими государствами⁴⁷. В своем «возвращении» в Африку Израиль опирается на уже сложившиеся партнерские отношения с Кенией, обещая расширить и углубить их. Так, в рамках новой «африканской стратегии» Б. Нетаньяху, включающей сотрудничество в области безопасности и развития с африканскими государствами, израильско-кенийские отношения могут стать примером для других стран региона, которые недавно также изъявили желание сотрудничать с Израилем.

Уровень сотрудничества между Кенией и Израилем пока в большей степени зависит от личных взаимоотношений между главами государств и в целом политической конъюнктуры в обеих странах. На данный момент стороны демонстрируют заинтересованность в развитии отношений. Путь Израиля к «сердцам и умам» кенийцев лежит как через предоставление технической помощи, так и через укрепление взаимодействия в области борьбы с одной из главных для обоих государств угроз — терроризмом. В свою очередь Израиль, вновь прокладывая путь в Африку, ждет от Кении экономических и торговых преференций, дипломатической лояльности в ООН, поддержки в сдерживании африканских амбиций Ирана. Для того чтобы израильско-кенийские отношения сохранили этот позитивный импульс, стороны должны продолжать углублять сотрудничество с учетом взаимных интересов.

Благодарность: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-30066 «Эволюция подходов ведущих субъектов международных отношений к проблемам взаимозависимости безопасности и развития в условиях трансформации мирополитической системы: анализ и прогноз»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Костенко Ю.И.* «Новая периферия» как фактор укрепления израильских позиций на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО. 2016. № 2 (47). С. 134—144.
- Рыжов И.В.* Африканское направление внешней политики Государства Израиль // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 1. С. 169—173.
- Amer R., Swain A., Ofendal J.* The Security-Development Nexus: Peace, Conflict and Development. New York: Anthem Press, 2012.
- Anderson D.M., Mcknight J.* Kenya At War: Al-Shabaab And Its Enemies in Eastern Africa // African Affairs. 2014. N 114/454. P. 1—27.
- Back I.* Al-Shabab's Attack at Westgate Mall: Somalia and Regional Instability // Tel Aviv Notes. Vol. 7. N 19. October 8, 2013. URL: <http://dayan.org/content/tel-aviv-notes-al-shababs-attack-westgate-mall-somalia-and-regional-instability> (accessed: 12.06.2017).
- Birkett D.J.* The Legality of the 2011 Kenyan Invasion of Somalia and its Implications for the Jus Ad Bellum. // Journal of Conflict and Security Law. 2013. N 18 (3). P. 427—451.
- Butime H.* Shifts in Israel-Africa Relations // Strategic Assessment. 2014. Vol. 17. N 3. URL: [http://www.inss.org.il/uploadImages/systemFiles/adkan17_3ENG%20\(3\)_Butime.pdf](http://www.inss.org.il/uploadImages/systemFiles/adkan17_3ENG%20(3)_Butime.pdf) (accessed: 12.06.2017).

⁴⁷ Prime Minister's Office. PM Netanyahu Meets with Kenyan President Uhuru Kenyatta. Prime minister of Israel site URL: <http://www.pmo.gov.il/English/MediaCenter/Events/Pages/eventKenya230216.aspx> (accessed: 12.06.2017).

- Carol S.* From Jerusalem to the Lion of Judah and Beyond. Israel's Foreign Policy in East Africa. Bloomington: IUniverse, 2012.
- Kokoshin A.A., Bartenev V.I.* Security-development nexus in strategic planning in the Russian Federation: From goal-setting to forecasting // *Studies on Russian Economic Development*. 2016. Vol. 27. N 1. P. 5—12.
- Mogire E.* Balancing Between Israel and the Arabs: An Analysis of Kenya's Middle East Relations // *The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs*. 2008. Vol. 97. Issue 397. P. 561—574.
- Shay S.* Kenya, Israel and the War against Al-Shabaab // IDC Herzliya, International Institute for Counter-Terrorism. 2014. P. 1—6. URL: <https://www.ict.org.il/UserFiles/Shaul%20Shay%20-%20June%202014.pdf> (accessed: 12.06.2017).
- Oluch M.L.* Kenya's Foreign Policy towards Israel, 1963—2002. Contradiction between Rhetoric and Practice. Master's Degree thesis. University of Nairobi. College of Humanities and Social Sciences. Department of Political Science and Public Administration. May 2009. URL: https://www.uonbi.ac.ke/leonard/files/maumo_thesis.pdf (accessed: 12.06.2017).
- Otenyo E.* New Terrorism Toward an explanation of cases in Kenya // *African Study Review*. 2014. N 13 (3). P. 75—84.
- Otiso K.F.* Kenya in the Crosshairs of Global Terrorism: Fighting Terrorism at the Periphery // *Kenya Studies Review*. 2009. Vol. 1. N 1. P. 107—132.
- Wezeman S.T.* Israeli Arms Transfers to Sub-Saharan Africa // SIPRI Background Paper. 2011.
- Wezeman P.D., Wezeman S.T., Béraud-Sudreau L.* Arms Flows to Sub-Saharan Africa // SIPRI. Policy Paper. 2011.

Дата поступления статьи: 27.10.2016

Для цитирования: *Хлебникова Л.Р.* Сотрудничество Государства Израиль со странами Восточной Африки в сферах безопасности и развития (на примере Республики Кения) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 4. С. 793—806. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-793-806.

Сведения об авторе: *Хлебникова Луиза Романовна* — канд. ист. наук, научный сотрудник факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lkhlebnikova@fmp.msu.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-793-806

ISRAEL'S COOPERATION WITH EAST AFRICAN STATES IN SECURITY AND DEVELOPMENT DOMAINS: CASE OF KENYA

L.R. Khlebnikova

Moscow State University in the name of M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

Abstract. In February 2016, the Israeli Prime Minister Benjamin Netanyahu declared Israel's comeback to Africa and Africa's comeback to Israel. He stressed that the Jewish State is ready to help African countries both in security and development domains. Netanyahu sees these domains, fighting the forces of terror and seizing the opportunities of tomorrow, as interrelated. Due to the recent Israel's traditional partners' grievances of Netanyahu's unwillingness to make compromises on the Palestinian policy, Israeli government is looking toward extending the sphere of influence, adding new partners from Africa, Latin America and Asia.

This paper examines the Israeli-Kenyan cooperation as an example of a successful partnership between the Middle Eastern country and the East Africa — its priority region. Special attention is paid to Israel's military and non-military assistance to Kenya. For strengthening its national security, the Kenyan government is seeking to gain an access to Israeli military know-how and a vast Israeli counterterrorism experience. Extending military cooperation with Israel, Kenya is also open to Israeli development innovations, especially in the field of agriculture and medicine. The Jewish state is trying to get some economic and trade preferences from Kenya, a diplomatic loyalty in the United Nations, and, finally, a support in deterring Iran's African ambitions.

The aim of the study is an analysis of the contemporary Israeli-Kenyan cooperation in security and development domains. It was examined official documents of Israeli Foreign Ministry, Knesset and the Kenyan Parliament. The author concludes that to maintain a positive course, Israel and Kenya should continue to deepen their cooperation demonstrating mutual respect for each other's national interests.

Key words: Israel, Africa, Kenya, security, development, terrorism, MASHAV, foreign aid, Iran, East Africa

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No 15-18-30066 'Evolution of Leading International Actors' Approaches to Security-Development Nexus in the Context of Transformation of Global System: Analysis and Prognosis'.

REFERENCES

- Amer, R., Swain, A. & Ojendal, J. (2012). *The Security-Development Nexus: Peace, Conflict and Development*. New York: Anthem Press.
- Anderson, D.M. & Mcknight, J. (2014). Kenya At War: Al-Shabaab and Its Enemies in Eastern Africa. *African Affairs*, 114/454, 1—27.
- Back, I. (2013). Al-Shabab's Attack at Westgate Mall: Somalia and Regional Instability. Tel Aviv Notes, 7 (19). URL: <http://dayan.org/content/tel-aviv-notes-al-shababs-attack-westgate-mall-somalia-and-regional-instability> (accessed: 12.06.2017).
- Birkett, D.J. (2013). The Legality of the 2011 Kenyan Invasion of Somalia and its Implications for the Jus Ad Bellum. *Journal of Conflict and Security Law*, 18 (3), 427—451.
- Butime, H. (2014), Shifts in Israel-Africa Relations. *Strategic Assessment*, 17 (3). URL: [http://www.inss.org.il/uploadImages/systemFiles/adkan17_3ENG%20\(3\)_Butime.pdf](http://www.inss.org.il/uploadImages/systemFiles/adkan17_3ENG%20(3)_Butime.pdf) (accessed: 12.06.2017).
- Carol, S. (2012). From Jerusalem to the Lion of Judah and Beyond. Israel's Foreign Policy in East Africa. Bloomington: IUniverse.
- Kokoshin, A.A. & Bartenev, V.I. (2016). Security-development nexus in strategic planning in the Russian Federation: From goal-setting to forecasting. *Studies on Russian Economic Development*, 27 (1), 5—12.
- Kostenko, Y.I. (2016). "New Periphery" As a Factor for Strengthening the Positions of Israel in the Middle East. *MGIMO Review of International Relations*, 2 (47), 134—144. (In Russ.).
- Mogire, E. (2008). Balancing Between Israel and the Arabs: An Analysis of Kenya's Middle East Relations. *The Round Table: The Commonwealth Journal of International Affairs*, 97 (397), 561—574.
- Oluch, M.L. (2009). *Kenya's Foreign Policy towards Israel, 1963—2002*. Contradiction between Rhetoric and Practice. Master's Degree thesis. University of Nairobi. College of Humanities and Social Sciences. Department of Political Science and Public Administration. URL: https://www.uonbi.ac.ke/leonard/files/maumo_thesis.pdf (accessed: 12.06.2017).
- Otenyo, E. (2014). New Terrorism Toward an explanation of cases in Kenya. *African Study Review*, 13(3), 75—84.

- Otiso, K.F. (2009). Kenya in the Crosshairs of Global Terrorism: Fighting Terrorism at the Periphery. *Kenya Studies Review*, 1 (1), 107—132.
- Ryzhov, I.V. (2009). The African Dimension of The Israeli Foreign Policy. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 1, 169—173. (In Russ.).
- Shay, S. (2014). Kenya, Israel and the War against Al-Shabaab. *IDC Herzliya, International Institute for Counter-Terrorism*, 1—6. URL: <https://www.ict.org.il/UserFiles/Shaul%20Shay%20-%20June%202014.pdf> (accessed: 12.06.2017).
- Wezeman, S.T. (2011). Israeli Arms Transfers to Sub-Saharan Africa. *SIPRI Background Paper*.
- Wezeman, P.D., Wezeman, S.T. & Béraud-Sudreau, L. (2011). Arms Flows to Sub-Saharan Africa. *SIPRI. Policy Paper*.

Received: 27.10.2016

For citations: Khlebnikova, L.R. (2017). Israel's cooperation with East African states in Security and Development domains: Case of Kenya. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 793—806. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-793-806.

About the author: *Khlebnikova Luiza Romanovna* — PhD in History, Research Fellow of the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lkhlebnikova@fmp.msu.ru).

© Хлебникова Л.Р., 2017

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-807-823

НЕМЕЦКОЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО В «ДВАДЦАТКЕ». ИСПЫТАНИЕ ТРАМПМ

М.В. Ларионова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия

Около десяти лет «Группа двадцати» объединяет лидеров развитых и развивающихся стран для управления общими вызовами. Существуют разные оценки ее роли. Однако в условиях изменяющегося расклада сил в мире, растущего протекционизма, деградации окружающей среды и значительного уровня враждебности по отношению к глобализации «Группа двадцати» остается важнейшим форумом экономического сотрудничества. Каждое председательство «двадцатки» уникально, поскольку каждое председательствующее государство выбирает свой подход к балансу национальных приоритетов и интересов стран-партнеров в процессе формирования повестки дня и выработки коллективных решений.

Высокий уровень ожиданий от председательства Германии был связан с внешними и внутренними факторами. Во-первых, потребность в ответе на растущие вызовы де-глобализации, экономического неравенства и изменения климата формирует запрос на решительные коллективные действия. Во-вторых, имея значительный уровень экономического и дипломатического влияния, готовность развивать многостороннее сотрудничество, Германия обладает уникальными возможностями повысить эффективность деятельности «двадцатки» и закрепить роль форума как гаранта всеобщего благосостояния.

В статье представлен анализ приоритетов и результатов председательства Германии в контексте внешних и внутренних вызовов работы «двадцатки» в 2017 г.: позиции 45-го президента США по международной торговле и климату, переговоров по Брекситу, сентябрьских парламентских выборов в ФРГ, значительного профицита счета текущих операций платежного баланса Германии. Анализ показывает, что ФРГ и ее партнерам по «двадцатке» удалось многое сделать. Геополитические проблемы не помешали согласовать решения лидеров по ключевым вопросам экономической повестки. Состоялось шесть министерских встреч; институционализировано сотрудничество по цифровой экономике и здравоохранению; принято 15 документов лидеров, включая Коммюнике лидеров «Группы двадцати» и План действий по борьбе с терроризмом; согласовано более 500 конкретных обязательств. Саммит стал площадкой для более чем 70 двусторонних встреч лидеров. Несмотря на противоречия между членами и внутренние и внешние вызовы председательства, заложен фундамент сотрудничества по приоритетным направлениям, сформулированным Германией как председательствующим государством; обеспечен прогресс по ключевым направлениям работы форума; выработаны формулировки, позволившие преодолеть протекционистские тенденции в международной торговле; закреплена приверженность «двадцатки» реализации Парижского соглашения по климату, усилено сотрудничество в области устойчивой энергетики и энергоэффективности. «Группа двадцати» успешно преодолела новые испытания, подтвердив свою роль ключевого форума экономического сотрудничества.

Ключевые слова: «Группа двадцати», Германия, приоритеты немецкой политики, глобальное управление, внешние и внутренние риски

Уже почти 10 лет «Группа двадцати» объединяет лидеров развитых и развивающихся стран для управления общими вызовами. Существуют разные оценки ее роли в преодолении мирового финансового кризиса и решении проблем глобального управления: от признания «двадцатки» «ядром системы сетевого взаимодействия многосторонних институтов» [Kirton 2013] до скептической оценки форума как устаревшего механизма, который в условиях усиления экономических и финансовых противоречий участников должен уступить место новой многосторонней конфигурации взаимодействия, очертания которой пока еще кристаллизуются¹. Тем не менее, в условиях изменяющегося расклада сил в мире, деградации окружающей среды и значительного уровня враждебности в отношении глобализации² «Группа двадцати» остается ключевым форумом экономического сотрудничества.

ВЫЗОВЫ И ОЖИДАНИЯ

Каждое председательство «двадцатки» уникально, поскольку каждое председательствующее государство выбирает свой подход к балансу национальных приоритетов и интересов стран-партнеров в процессе формирования повестки дня и выработки коллективных решений [Ларионова 2017]. Германия не исключение. Прежде чем перейти к анализу приоритетов и результатов деятельности Германии на посту председателя форума, необходимо охарактеризовать внешние и внутренние условия, в которых страна приняла председательство.

Вступление в должность 45-го президента США, известного жесткой риторикой в отношении многосторонней торговой политики и Парижского соглашения по климату, поставило под сомнение возможность продвижения «двадцатки» по и так буксующим направлениям сотрудничества: борьбе с протекционизмом, переговорам по сохраняющимся вопросам Дохийской повестки, вступлению в силу Парижского соглашения и своевременного осуществления его положений. Дополнительная неопределенность была связана с участием в саммите новых руководителей Франции, США, Республики Корея и Италии. Итоги референдума о членстве Великобритании в ЕС, июньские выборы в Соединенном Королевстве и начало переговоров по Брекситу потребовало мобилизации усилий для выработки внутринациональной и общеевропейской позиции относительно условий «соглашения по упорядоченному выходу» Великобритании из Евросоюза и будущего партнерства³.

¹ Мнение, выраженное профессором факультета экономических наук НИУ ВШЭ Мартином Гилманом.

² Cheng, Shuaihua (2017). When it comes to 'saving globalization' world leaders are still missing the point, 3 January. Geneva, World Economic Forum. URL: https://www.weforum.org/agenda/2017/01/when-it-comes-to-saving-globalization-world-leaders-are-still-missing-the-point?utm_content=buffer47b7b&utm_medium=social&utm_source=twitter.com&utm_campaign=buffer (accessed: 13.08.2017).

³ European Council (Art. 50) guidelines for Brexit negotiations. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/04/29-euco-brexit-guidelines/> (accessed: 13.08.2017).

Внутренние условия, ограничивающие возможности председательства Германии, связаны с основными вопросами повестки дня «двадцатки». Постоянный значительный профицит счета текущих операций платежного баланса Германии воспринимается международным сообществом как фактор, способствующий глобальным дисбалансам. Партнеры также негативно оценивают тот факт, что немецкое правительство не использует имеющееся значительное фискальное пространство для стимулирования внутреннего спроса и экономического роста в Европе и других странах⁴. Усилия Германии по реализации «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» на национальном уровне подвергаются суровой критике [Фуес 2017]. Кроме того, сентябрьские парламентские выборы и приход Мартина Шульца — кандидата от Социал-демократической партии Германии (СДПГ) — на пост канцлера ФРГ, рост влияния популистской партии «Альтернатива для Германии» добавили напряжения во внутренней политике и заставили спрессовать график мероприятий председательства.

Высокий уровень ожиданий от председательства Германии также был связан с внешними и внутренними факторами. Во-первых, потребность в ответе на растущие вызовы де-глобализации, экономического неравенства и изменения климата формирует запрос на решительные коллективные действия [James 2017]. Во-вторых, имея высокий уровень экономического и дипломатического влияния, готовность развивать многостороннее сотрудничество, Германия обладает уникальными возможностями повысить эффективность деятельности «двадцатки» и закрепить роль форума как гаранта всеобщего благосостояния [Cooper 2014]⁵.

ПРИОРИТЕТЫ

Приоритеты председательства, представленные Федеральным канцлером Германии Ангелой Меркель 30 ноября 2016 г., систематизированы в три блока проблем, объединенных лозунгом: «Усиливая сопротивляемость — укрепляя устойчивость — принимая ответственность». «Усиление сопротивляемости» включает традиционные для повестки дня «Группы двадцати» вопросы укрепления экономического роста через структурные реформы, меры монетарной и налогово-бюджетной политики; усиление финансовой архитектуры и развитие финансовых рынков; сотрудничество по противодействию размыванию налоговой базы и уклонению от налогов; борьбу с протекционизмом и укрепление многосторонних торговых и инвестиционных режимов; создание качественных рабочих мест и повышение производительности труда.

Сотрудничество в рамках блока «укрепление устойчивости» сфокусировано на защите климата, обеспечении энергетической устойчивости, создании стиму-

⁴ Germany: 2017 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for Germany. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2017/07/07/Germany-2017-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-and-Statement-by-the-45048> (accessed: 13.08.2017).

⁵ Priorities of the 2017 G20 summit, p. 2. URL: http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017_hamburg/2016-g20-praesidentschaftspapier-en.pdf (accessed: 13.08.2017).

лов для инвестиций в жизнестойкую инфраструктуру и технологические инновации. Реализация «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» и решение задач распространения цифровых технологий, развития цифровой инфраструктуры, формирования норм, стандартов и международных правил регулирования в цифровой торговле и экономике стали центральными вопросами сотрудничества в рамках председательства. Состоялась первая в истории «Группы двадцати» встреча министров, ответственных за цифровую экономику, определившая направления коллективных действий в рамках дорожной карты по цифровизации.

В блоке «принимая ответственность» наряду со ставшими традиционными для «двадцатки» вопросами борьбы с терроризмом, коррупцией, обеспечением продовольственной безопасности председательство поставило задачу по решению проблем защиты беженцев и борьбе с причинами вынужденного перемещения и нелегальной миграции.

На борьбу с миграцией была нацелена инициатива Германии по укреплению партнерства с Африкой. В рамках инициативы была поставлена задача на основе существующих региональных программ укрепить партнерство с заинтересованными странами Африки, создать условия для стимулирования частных инвестиций в инфраструктуру и энергетику континента, перейти от традиционной официальной помощи развитию к созданию потенциала экономического роста⁶. Нацеленность на равноправное партнерство неоднократно подчеркивала в своих выступлениях канцлер А. Меркель⁷.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Удалось ли Германии и ее партнерам по «двадцатке» превратить возможности повышения эффективности и закрепления роли форума как коллективного гаранта глобального общественного блага в конкретные результаты? Как реализованы приоритеты председательства? Какое наследие оставляет председательство Германии партнерам? Начнем с простых фактов:

- состоялось шесть министерских встреч;
- институционализировано сотрудничество по цифровой экономике и здравоохранению;
- принято 15 документов лидеров, включая Коммюнике лидеров «Группы двадцати» и План действий по борьбе с терроризмом;
- согласовано более 500 конкретных обязательств;
- расширено сотрудничество с социальными партнерами — положено начало взаимодействию с «Научной двадцаткой» (Science 20);

⁶ Speech by Federal Chancellor Angela Merkel at the G20 dialogue forum with business associations (B20) in Berlin on 3 May 2017, p. 3. URL: https://www.g20.org/Content/EN/Reden/2017/2017-05-03-bk-merkel-b20_en.html?nn=2186566 (accessed: 13.08.2017).

⁷ Speech by Federal Chancellor Angela Merkel at the G20 Dialogue Forum with Non Governmental Organisations (C20) in Hamburg on 19 June 2017. URL: https://www.g20.org/Content/EN/Reden/2017/2017-06-19-bk-merkel-c20_en.html (accessed: 13.08.2017).

— почти 50 докладов и рекомендаций разработано для «двадцатки» международными организациями, получившими от лидеров 50 мандатов на подготовку будущих решений и мониторинг исполнения принятых обязательств.

Саммит стал площадкой для более чем 70 двусторонних встреч лидеров. Впервые для участия в работе «двадцатки» был приглашен председатель форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)⁸. Премьер-министр председательствующего в АТЭС Вьетнама Нгуэн Суан Фук подчеркнул важность координации повестки АТЭС и «Группы двадцати»⁹. Несмотря на решение президента США Д. Трампа о выходе Америки из Парижского соглашения по климату, документы «двадцатки» отражают решимость членов продолжить работу по реализации положений соглашения. Политическая воля «вносить вклад в осуществление Повестки—2030, показывая пример в принятии решительных, направленных на преобразования совместных и планируемых национальных мер в самых различных сферах»¹⁰, нашла воплощение в новых конкретных коллективных решениях «двадцатки».

РЕЗУЛЬТАТЫ МИНИСТЕРСКИХ ВСТРЕЧ

Парижское соглашение по климату и Цели устойчивого развития занимают центральное место в декларации и плане действий пятой встречи министров сельского хозяйства. На форуме в Берлине участники договорились, реализуя политику, направленную на повышение производительности труда, обеспечивать защиту водной экосистемы¹¹, согласовали План действий по безопасности продовольствия и воды, приняли решение в ходе председательства Аргентины провести анализ исполнения ранее принятых обязательств.

Особенностью финансового направления в рамках председательства Германии стало то, что министры финансов и главы центральных банков приняли всего одно коммюнике. Вторая знаковая особенность — отсутствие в Баден-Баденском коммюнике традиционного обязательства «противодействовать всем формам протекционизма»¹². Третьей особенностью стал уход от тематики расширения практики «зеленого финансирования», вошедшей в повестку дня в 2016 г. Если первая особенность может быть связана с очень сжатыми сроками подготовки саммита, то отказ от развития рынков «зеленых облигаций» и «зеленых инвестиций» и обя-

⁸ На все предшествующие саммиты приглашался председатель АСЕАН.

⁹ APEC-G20 Align Trade and Growth Priorities. URL: https://www.apec.org/Press/News-Releases/2017/0710_g20.aspx (accessed: 13.08.2017).

¹⁰ Коммюнике лидеров «Группы двадцати» по итогам саммита в Ханчжоу (КНР) 5 сентября 2016 года, параграф 33. Режим доступа: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%8E%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B5%202016.pdf> (дата обращения: 13.08.2017).

¹¹ G20 Agriculture Ministers' Declaration 2017, para 8. URL: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/2017-01-22-g20-agarminister-erklarung-en.pdf> (accessed: 13.08.2017).

¹² G20 Finance Ministers and Central Bank Governors Meeting, Chengdu, China, July 24, 2016. URL: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/Communiqu%C3%A9%20G20%20Finance%20Ministers%20and%20Central%20Bank%20Governors%20Meeting%20July%202016.pdf> (accessed: 13.08.2017).

зательства по борьбе с протекционизмом явно отражает позицию президента США Д. Трампа по обязательствам Парижского соглашения по климату [Ларионова и др. 2017] и торговой политике [Irwin 2017].

Министры финансов и главы центральных банков подтвердили намерение использовать все рычаги экономической политики — денежно-кредитной, фискальной, структурной, — как на национальном уровне, так и совместно — для достижения общей цели — обеспечить уверенный, устойчивый и сбалансированный рост экономики, повышая экономическую и финансовую жизнестойкость. Они также согласовали набор принципов по обеспечению экономической жизнестойкости¹³ для Гамбургского плана действий. Подтверждены ставшие традиционными обещания продолжить внедрение согласованных реформ финансового регулирования, включая стандарт Базель III, и работу с целью завершения 15-го Общего обзора квот, включая новую формулу расчета квот, к годовому собранию управляющих органов МВФ и Всемирного банка. Правда, в отличие от заявленного в Ханчжоу срока — 2017 г. — новые даты ожидаемого согласования участники встречи сдвинули на два года — весеннее или ежегодное заседание МВФ 2019 г.

Сотрудничество по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и уходу от налогов (BEPS) является существенной частью финансового трека «двадцатки» [Шелепов 2016]. Министры финансов и главы центральных банков призвали всех подписать и ратифицировать многостороннюю конвенцию о взаимной административной помощи по налоговым делам¹⁴ и подтвердили намерение проработать защитные меры против стран, не сотрудничающих в вопросах налоговой прозрачности, список которых лидеры стран «двадцатки» в сентябре 2016 г. поручили Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) подготовить к саммиту в Гамбурге.

Одним из самых ожидаемых событий председательства стала министерская конференция по цифровой экономике. Решения Декларации «Формируя цифровизацию для взаимосвязанного мира» и Дорожной карты «Политика для цифрового будущего» опираются на Инициативу «Группы двадцати» по сотрудничеству и развитию в области цифровой экономики, принятую в Ханчжоу, а также на работу Целевой группы по цифровой экономике и на исследования и рекомендации ОЭСР, подготовленные в рамках сопровождения Целевой группы [OECD 2017]. Ключевые решения декларации направлены на преодоление разрыва в доступе к цифровым технологиям, формирование необходимых навыков, снижение возможных рисков и создание благоприятных условий для «использования потенциала цифровизации для инклюзивного роста и занятости»¹⁵. Намечены амбициозные задачи, включая:

- снятие неоправданных барьеров;
- развитие цифровых навыков;

¹³ Note on Resilience Principles in G20 Economies. URL: http://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Standardartikel/Themen/Schlaglichter/G20-2016/Note-Resilience-Principles-in-Economie.pdf?__blob=publicationFile (accessed: 13.08.2017).

¹⁴ Ратифицирована Россией в декабре 2014 г.

¹⁵ G20 Digital Economy Ministerial Declaration 2017, p. 3. URL: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/g20-digital-economy-ministerial-declaration-english-version.pdf> (accessed: 13.08.2017).

- расширение инфраструктуры;
- развитие на недискриминационной основе местного контента, соответствующего локальным потребностям;
- поощрение использования совместимых технологий и международных стандартов с учетом национальных интересов и приоритетов¹⁶.

Учитывая, что цифровые технологии меняют условия и процедуры, требуют изменений в регулировании международной торговли [Burri, Cottier 2015], министры договорились выработать общее понимание феномена цифровой торговли и усовершенствовать методы ее измерения.

В части цифровизации производства страны — члены «Группы двадцати» находятся на разных этапах развития. Участники договорились об обмене наилучшими практиками, использовании соответствующих правил и принципам Всемирной торговой организации (ВТО) международных стандартов технологической продукции и услуг и разработке международных стандартов для цифрового производства с участием всех заинтересованных сторон и профильных организаций, с тем чтобы стандарты не становились барьером для торговли, конкуренции и инноваций. Использование преимуществ цифровой экономики требует уверенности в безопасности, надежной защите персональных данных и интеллектуальной собственности, использования риск-ориентированных технических стандартов и регламентов для выявления, оценки и управления рисками в частном и государственном секторах. Работа по укреплению безопасности и доверия стала важным направлением сотрудничества, которое министры договорились продолжить в рамках председательства Аргентины.

Вопросы восстановления / создания рабочих мест являются центральными в повестке дня «Группы двадцати». Начало сотрудничеству положило решение стимулировать создание рабочих мест, сформулированное в лондонском Плане действий по выходу из глобального финансового кризиса¹⁷.

С 2010 г. министры занятости встречаются ежегодно. В рамках немецкого председательства положено начало новому направлению сотрудничества, нацеленному на эффективную и справедливую интеграцию официальных мигрантов и беженцев в рынок труда. Подтверждено значение такой интеграции для инклюзивного роста и социальной сплоченности, учитывая, что в странах «двадцатки» проживает 130 млн официальных мигрантов и 5 млн беженцев¹⁸. Получило раз-

¹⁶ G20 DIGITAL ECONOMY MINISTERIAL DECLARATION 2017, para. 9. URL: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/g20-digital-economy-ministerial-declaration-english-version.pdf> (accessed: 13.08.2017).

¹⁷ План действий по выходу из глобального финансового кризиса 2 апреля 2009 года, параграф 6. Режим доступа: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2009london/%D0%9F%D0%BB%.pdf> (дата обращения: 13.08.2017).

¹⁸ G20 Labour and Employment Ministers Meeting 2017. Ministerial Declaration, p. 4. URL: http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/G20%20Ministerial%20Declaration_%20Towards%20an%20Inclusive%20Future_wcms_554414.pdf (accessed: 13.08.2017).

вите обязательство по преодолению неравенства в рабочей силе. Приняты Рекомендации «Группы двадцати» по снижению гендерного разрыва в рабочей силе и уровне оплаты на основе повышения качества занятости женщин. Меры предусматривают создание стимулов для работодателей для обеспечения равных условий приема на работу, профессионального развития и оплаты, снижение уровня неформальной занятости женщин, улучшение условий работы.

Участники встречи согласовали конкретные решения по обеспечению на международном и национальном уровне достойной занятости и качественных рабочих мест на транснациональных предприятиях в глобальных цепочках добавленной стоимости (ЦДС). Министры подтвердили приверженность ключевым документам международных организаций по ответственному ведению бизнеса: руководящим принципам ООН по бизнесу и правам человека, трехсторонней декларации Международной организации труда (МОТ) о принципах, касающихся многосторонних предприятий и социальной политики, руководящих принципах ОЭСР для многосторонних предприятий. Таким образом, немецкое председательство сохранило преемственность в вопросах повестки дня по занятости и задало два новых вектора координации: по интеграции мигрантов и беженцев и созданию достойной занятости в ЦДС.

Вопросы здравоохранения были включены в повестку дня «Группы двадцати» в 2014 г. в связи с вспышкой лихорадки Эбола в Гвинее, Либерии и Сьерра-Леоне¹⁹. В связи с угрозой устойчивости к противомикробным препаратам (УПП) для здоровья населения, экономического роста и глобальной экономической стабильности на саммите в Ханчжоу (2016 г.) «Группа двадцати» призвала Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), другие профильные международные организации и ОЭСР совместно подготовить в 2017 г. доклад с предложениями по решению этой проблемы²⁰.

Совместные усилия по противодействию пандемиям, созданию устойчивых систем здравоохранения и преодолению риска резистентности к противомикробным препаратам стали предметом обсуждения первой в истории встречи министров здравоохранения «двадцатки», подтвердившей политическую поддержку международных инициатив и лидирующую роль ВОЗ и ООН в преодолении глобальных проблем охраны здоровья.

Первая встреча министров здравоохранения также определила приоритеты будущего сотрудничества, прежде всего, в рамках председательства Аргентины.

¹⁹ Брисбенское заявление лидеров «Группы двадцати» о вспышке лихорадки Эбола. Режим доступа: http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2014brisbane/Brisbensкое_zaiavlenie_liderov_Gruppu_dvadtsati_o.pdf (дата обращения: 13.08.2017).

²⁰ Коммюнике лидеров «Группы двадцати» по итогам саммита в Ханчжоу (КНР), 5 сентября 2016 года, параграф 46. URL: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%8E%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B5%202016.pdf> (дата обращения: 13.07.2017).

Участники встречи подтвердили готовность оказать политическую поддержку существующих инициатив профильных международных организаций и усилить взаимодействие по преодолению новых вызовов и смягчению последствий чрезвычайных ситуаций для экономики и общества²¹. Обсуждалась необходимость обеспечить открытость и создание страховочных механизмов, снять озабоченности стран, которые, будучи затронутыми пандемией, не спешат информировать об этом международное сообщество, опасаясь экономических последствий на долгие годы²². В качестве приоритетов антикризисного управления в Берлинской декларации выделены: реализация Международных медико-санитарных правил; укрепление систем здравоохранения; реформа и усиление ВТО, поддержка программы и фонда ВТО по чрезвычайным ситуациям, поддержка других международных механизмов, сотрудничество с Всемирным банком и региональными банками развития.

Таким образом, встреча министров здравоохранения положила начало системному сотрудничеству «двадцатки» с ВОЗ в области раннего предупреждения, снижения рисков и управления национальными и глобальными рисками для здоровья. Сформирована основа повестки дня, реализация которой способна внести существенный вклад в преодоление неравенства и достижение инклюзивного роста.

РЕЗУЛЬТАТЫ САММИТА

Доминировавшие над саммитом геополитические проблемы — испытание Северной Кореей межконтинентальных баллистических ракет, война в Сирии, дипломатический кризис между странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) — не помешали согласовать решения по ключевым вопросам экономической повестки. Сформулированы обязательства по созданию новых и более качественных рабочих мест, завершению реформы финансового сектора, повышению эффективности и репрезентативности международных экономических и финансовых институтов, выполнению Плана по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения, осуществлению Антикоррупционного плана «Группы двадцати». Приняты Принципы высокого уровня по борьбе с коррупцией: в области ответственности юридических лиц, повышения антикоррупционной устойчивости органов государственного управления, противодействия коррупции в таможенных службах и коррупции, связанной с нелегальной торговлей дикими животными

²¹ Berlin Declaration of the G20 Health Ministers, para 4. URL: http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/G20_Health_Ministers_Declaration_engl.pdf (accessed: 13.08.2017).

²² Speech by Federal Chancellor Angela Merkel at the G20 dialogue forum with business associations (B20) in Berlin on 3 May 2017, p. 5. URL: https://www.g20.org/Content/EN/Reden/2017/2017-05-03-bk-merkel-b20_en.html?nn=2186566 (accessed: 13.08.2017).

и продуктами дикой природы, горячо поддержанные «Деловой двадцаткой»²³. Запущена инициатива «Партнерство с Африкой», принят Гамбургский план действий «Группы двадцати» по климату и энергетике в интересах роста, Диалог по энергоэффективности и План действий по борьбе с морским мусором. Заявлено создание хаба по энергетической эффективности. Одобрен Доклад об исполнении «двадцаткой» обязательств по содействию развитию и план коллективных действий по содействию реализации Целей устойчивого развития — 2030.

Гамбургский план действий определяет набор новых мер, направленных на повышение устойчивости экономик «двадцатки» к шокам, усиление социальной сплоченности и укрепление доверия. Лидеры подтвердили решимость реализовывать стратегии роста, особенно структурные реформы для достижения согласованной в Брисбене цели повышения к 2018 г. роста совокупного ВВП экономик «двадцатки» на дополнительные 2% по сравнению с прогнозируемой траекторией.

О трудных переговорах в «двадцатке» по вопросам климата и торговли достаточно красноречиво говорит высказывание А. Меркель на встрече с представителями бизнеса: «Когда вы энергично и увлеченно работаете над заявлениями по климату и торговле в предыдущий год, вы, конечно, не хотите отказаться от них, если на следующий год не сформированы новые. Это означает, что просто сохранение достигнутого иногда является достижением»²⁴.

Действительно, в коммюнике отсутствует традиционное обязательство «Группы двадцати» по неприменению новых и сокращению существующих протекционистских мер и впервые зафиксировано признание роли законных инструментов торговой защиты. Это отражает позицию администрации США и намерение некоторых других стран-членов более активно использовать меры защиты национальных экономик²⁵. Достижением можно считать подтверждение приверженности «двадцатки» открытым рынкам, принципу недискриминации, борьбе с протекционизмом, открытости и соответствия правилам ВТО двусторонних и многосторонних соглашений. Лидеры традиционно призвали к полному выполнению Соглашения ВТО об упрощении торговли²⁶. Намерение немецкого председательства усилить мандат ВТО, Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и ОЭСР по мониторингу протекционистских мер реализовать не удалось. По факту международные организации получили поручение продолжить мониторинг и до-

²³ Preliminary G20 Summit Evaluation. G20 Germany — Hamburg Leaders' Declaration 'Shaping an Interconnected World'. URL: <https://www.b20germany.org/news/news/article/evaluation-of-the-g20-leaders-declaration/> (accessed: 13.08.2017).

²⁴ Speech by Federal Chancellor Angela Merkel at the G20 dialogue forum with business associations (B20) in Berlin on 3 May 2017, p. 3. URL: https://www.g20.org/Content/EN/Reden/2017/2017-05-03-bk-merkel-b20_en.html?nn=2186566 (accessed: 13.08.2017).

²⁵ Preliminary G20 summit evaluation, p. 3. URL: <https://www.b20germany.org/news/news/article/evaluation-of-the-g20-leaders-declaration/> (accessed: 13.08.2017).

²⁶ Коммюнике лидеров «Группы двадцати» по итогам саммита в Гамбурге (Германия), 7—8 июля 2017. С. 3—4. Режим доступа: http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/comm_2017.pdf (дата обращения: 12.07.2017).

ложить о результатах в 2018 г. Отсутствует даже упоминание Стратегии «Группы двадцати» по росту мировой торговли и Руководящих принципов «Группы двадцати» по глобальной инвестиционной политике, одобренных на саммите в Ханчжоу, не говоря уже о рекомендованных «Деловой двадцаткой» конкретных дорожных картах по их реализации для снижения торговых издержек и создания открытой регулятивной среды для инвестиций.

Несмотря на горячие дискуссии относительно намерения Д. Трампа ввести жесткие тарифные ограничения на импорт стали и алюминия [Bown 2017]²⁷, в Гамбургском коммюнике сформулировано обязательство по выработке коллективных решений по созданию равных условий и подтвержден мандат Глобального форума по избыточным мощностям по формированию конкретных регуляторных решений, которые снизят избыточность мощностей в стали. И это еще одно достижение саммита.

Особая позиция США по Парижскому соглашению отражена в Коммюнике и Гамбургском плане действий «Группы двадцати» по климату и энергетике в интересах роста. США воздержались от присоединения к коллективным решениям Плана действий «Группы двадцати» по реализации «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», гамбургская актуализация которого включает коллективное обязательство «противостоять протекционизму во всех его формах и продлить обязательство „двадцатки“ по отказу от новых и свертыванию существующих протекционистских мер до конца 2018 г.»²⁸ и продолжить сотрудничество по реализации Рамочной конвенции ООН об изменении климата и Парижского соглашения по климату²⁹. Одновременно заявление лидеров девятнадцати членов «Группы двадцати» о том, что Парижское соглашение не подлежит пересмотру, демонстрирует политическую волю к реализации соглашения. Успехом можно считать подтверждение Соединенными Штатами намерения тесно сотрудничать в целях содействия более чистому и эффективному доступу и использованию ископаемого топлива, а также применению возобновляемых и других чистых источников энергии³⁰.

Что касается трех приоритетов председательства — цифровой экономики, здравоохранения и миграции, — то наиболее конкретные и амбициозные задачи сформулированы по цифровой экономике. Лидерами определены направления коллективных действий по обеспечению эффективной конкуренции в целях по-

²⁷ Paletta D., Swanson A. Trump faces his biggest trade decision yet. *Washington Post*. 2017. June 19. URL: https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2017/06/19/trump-readies-steel-decision-that-could-shake-global-markets/?utm_term=.db5a63761046 (accessed: 13.08.2017).

²⁸ Hamburg Update: Taking Forward the G20 Action Plan on the 2030 Agenda for Sustainable Development, P. 13. URL: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/2017-g20-hamburg-update-en.pdf> (accessed: 13.08.2017).

²⁹ Ibid. P. 16.

³⁰ Коммюнике лидеров «Группы двадцати» по итогам саммита в Гамбурге (Германия), 7—8 июля 2017. С. 16. Режим доступа: http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/comm_2017.pdf (дата обращения: 13.08.2017).

ощрения инвестиций и инноваций; стимулированию развития и использования определяемых рынком международных стандартов цифрового производства; формированию предсказуемых и прозрачных условий для цифровой торговли; эффективной защите прав потребителей, прав на объекты интеллектуальной собственности; прозрачности и безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий³¹.

В сфере здравоохранения стоит выделить конкретную договоренность по осуществлению к концу 2018 г. в полном объеме национальных планов по противодействию устойчивости к противомикробным препаратам, а также поддержку действий ООН и ВОЗ по укреплению систем здравоохранения и наращиванию потенциала реагирования на чрезвычайные ситуации³².

Решения по координации и сотрудничеству в решении проблем перемещения и миграции более скромные. Зафиксировано общее понимание суверенного права государств осуществлять управление границами и контроль над ними, вырабатывать меры по безопасной и гуманной репатриации и реинтеграции мигрантов. Лидеры стран — членов «двадцатки» договорились о скоординированных действиях по устранению коренных причин перемещения, утвердили Свод практических мер «Группы двадцати» в области справедливой и эффективной интеграции в трудовые рынки легальных мигрантов и признанных беженцами лиц³³.

Однако в обязательствах «двадцатки» не нашло отражение понимание взаимосвязанности трех приоритетов и преимущества использования цифровых технологий в решении проблем здравоохранения и миграции.

Партнерство «Группы двадцати» с Африкой, целью которого является содействие инклюзивному росту и занятости, развитие инфраструктуры и стимулирование частных инвестиций, включает ряд конкретных инициатив и соглашений по инвестициям. Ключевой задачей Инициативы по занятости сельской молодежи является содействие созданию до 1,1 млн новых рабочих мест для молодых людей к 2022 г., в том числе посредством усиления Глобальной программы продовольственной и сельскохозяйственной безопасности и предоставления программ по развитию инновационных навыков для 5 млн молодых людей в течение следующих пяти лет. Целью Инициативы по цифровым навыкам для женщин и девочек является равноправное участие женщин и девочек в цифровой экономике.

Финансовая инициатива по поддержке женского предпринимательства Всемирного банка, поддержанная «двадцаткой», предусматривает создание специального инструмента финансирования объемом до 1 млрд долл. США для помощи женщинам-предпринимателям, включая государственное и частное финансирование.

³¹ Hamburg Update: Taking Forward the G20 Action Plan on the 2030 Agenda for Sustainable Development, p. 7. URL: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/2017-g20-hamburg-update-en.pdf> (accessed: 13.08.2017).

³² Ibid. P. 13—14.

³³ Ibid. P. 23—24.

Взаимодействие с Африкой будет осуществляться в партнерстве с международными организациями (Всемирным банком, МВФ, Африканским банком развития (АБР), Африканским союзом и Новым партнерством в интересах развития Африки (НЕПАД)) посредством реализации соглашений с конкретными странами и с учетом приоритетов их национального развития. Соглашения с Кот-д'Ивуаром, Эфиопией, Ганой, Марокко, Руандой, Сенегалом и Тунисом будут «пилотными»; планируется разработать индивидуальные инвестиционные проспекты реформирования и мер, направленных на мобилизацию частных инвестиций. Заинтересованные страны «двадцатки» приглашаются поддержать такие планы. Для мониторинга прогресса будет согласована специальная система отчетности. Интересно, что в 2007 г. на саммите «Группы восьми» в Хайлигендамме была принята декларация «Рост и ответственность в Африке», значительная часть решений которой получила свое развитие десять лет спустя в рамках «двадцатки». Как и в 2007 г., инициативы партнерства тесно связаны с региональными механизмами и программами, в том числе Повесткой—2063 Африканского союза.

Цели устойчивого развития (ЦУР) интегрированы в большинство направленных коллективных действий, которые структурированы по сферам и ЦУР в гамбургской редакции Плана действий «Группы двадцати» по реализации «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.». В результате более прозрачным становится вклад решений «двадцатки» в обеспечение сильного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста в рамках Повестки—2030. Создание добровольного механизма обмена опытом³⁴ и включение в ежегодные доклады о выполнении обязательств по содействию развитию оценки осуществления решений из других сфер, исполнение которых напрямую влияет на реализацию ЦУР³⁵, призваны повысить эффективность и прозрачность действий «двадцатки» и доверие к ней со стороны социальных партнеров. Ожидается увеличение вклада МБР в экономическое развитие, реализацию ЦУР, прежде всего, финансирование инфраструктуры, в том числе в рамках рабочей программы Глобального альянса по сопряжению инфраструктуры. Лидеры одобрили Гамбургские принципы стратегии многосторонних банков развития по привлечению финансирования частного сектора для роста и устойчивого развития³⁶ и цели увеличения объемов мобилизации капитала на 25—35% в течение 3 лет³⁷.

³⁴ Hamburg Update: Taking Forward the G20 Action Plan on the 2030 Agenda for Sustainable Development, p. 2. URL: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/2017-g20-hamburg-update-en.pdf> (accessed: 13.08.2017).

³⁵ HAMBURG ANNUAL PROGRESS REPORT ON G20 DEVELOPMENT COMMITMENTS, Chapter 3. URL: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/2017-g20-hamburg-annual-progress-report-en.pdf> (accessed: 13.08.2017).

³⁶ Principles of MDBs' strategy for crowding-in Private Sector Finance for growth and sustainable development. URL: http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/9.3_Principles%20on%20Crowding%20in%20Private%20Sector%20Finance%20April%2006.pdf (accessed: 13.08.2017).

³⁷ Joint MDB Statement of Ambitions for Crowding in Private Finance. URL: http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/9.2_Joint%20MDB%20Statement%20of%20Ambitions%20-%20final.pdf (accessed: 13.08.2017).

Второе в истории форума заявление «двадцатки» по противодействию терроризму³⁸ подтвердило приверженность «Группы двадцати» расширению сотрудничества с международными организациями и частным сектором в соответствии с Глобальной контртеррористической стратегией и резолюциями ООН. Лидеры договорились об обмене информацией между разведывательными, правоохранительными и судебными органами и совершенствовании существующей международной информационной архитектуры в сферах безопасности, поездок и миграции, обеспечивая необходимый баланс между аспектами безопасности и защитой данных. Определены направления коллективных действий, в том числе таможенной безопасности в партнерстве с ВТО, авиационной безопасности на основе мер, предусмотренных Чикагской конвенцией и Международной организацией гражданской авиации (ИКАО), финансированием терроризма на основе стандартов Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) и ООН. «Двадцатка» подтвердила готовность поддержать укрепление ФАТФ и вступление в организацию Индонезии. Учитывая роль частного сектора в противодействии финансированию терроризма и борьбе с использованием Интернета и социальных сетей в террористических целях, лидеры выразили готовность работать с отраслью «в целях обеспечения законного и непредвзятого доступа к имеющейся информации, когда такой доступ необходим в целях защиты национальной безопасности от террористических угроз».

Таким образом, несмотря на противоречия между членами, внутренние и внешние вызовы председательства, заложен фундамент сотрудничества по приоритетам председательства; обеспечен прогресс по ключевым направлениям работы форума; выработаны формулировки, позволившие преодолеть протекционистские тенденции в международной торговле; закреплена приверженность «двадцатки» реализации Парижского соглашения по климату, усилено сотрудничество в области устойчивой энергетики и энергоэффективности. Это можно считать дипломатическим успехом председателя и подтверждением способности «двадцатки» к коллективному лидерству. «Группа двадцати» успешно преодолела новые испытания [Kirton 2017].

Однако для повышения эффективности и закрепления роли форума как коллективного гаранта глобального общественного блага еще многое предстоит сделать. Прежде всего, необходимо преодолеть «кризис легитимности» — недоверие граждан, о котором свидетельствуют многочисленные выступления противников саммита: улучшить качество взаимодействия с социальными партнерами, обеспечить большую прозрачность процесса выработки решений, механизмов отчетности и результатов работы форума [Berger 2017]. Задача непростая, но многое уже сделано, и альтернативы нет.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках НИР ЦИМИ РАНХиГС 2017 г. «Оценка эффективности «Группы двадцати» и БРИКС на основе результатов мониторинга исполнения решений».

³⁸ Первое было принято на саммите в Анталье после двойного террористического акта в Париже.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ларионова М.В.* Модель обеспечения баланса реальных и прогнозируемых внешних условий и национальных приоритетов страны-председателя для формирования предложений к повестке дня «двадцатки», «восьмерки» и БРИКС // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2017. Т. 7 (4). С. 7—17.
- Ларионова М.В., Сахаров А.Г., Шелепов А.В., Рахмангулов М.Р.* Внешняя политика Трампа и многосторонние институты коллективного управления // *Экономическое развитие России*. 2017. Т. 24 (4). С. 31—41.
- Фусс Т.* Приоритеты устойчивого развития в деятельности «Группы двадцати»: возможности и вызовы для председательства Германии // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2017. Т. 12 (2) (принято в печать).
- Шелепов А.В.* Проект BEPS: глобальное сотрудничество в сфере налогообложения // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2016. Т. 11 (4). С. 36—59.
- Berger A.* What remains of the G20 Hamburg Summit? 2017. URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/German_Development_Institute_Berger_10.07.2017.pdf (accessed: 13.08.2017).
- Bown C.* 17—21 Steel, Aluminum, Lumber, Solar: Trump's Stealth Trade Protection. 2017. Peterson Institute for International Economics Policy Brief. URL: <https://piie.com/system/files/documents/pb17-21.pdf> (accessed: 13.08.2017).
- Burri M., Cottier T.* Trade Governance in the Digital Age. Cambridge University Press, 2015.
- Cooper A.* The G20 and Contested Global Governance: BRICS, Middle Powers and Small States // *Caribbean Journal of International Relations & Diplomacy*. 2014. Vol. 2 (3). P. 87—109.
- Irwin D.* The False Promise of Protectionism. Why Trump's Trade Policy Could Backfire // *Foreign Affairs*. 2017. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-04-17/false-promise-protectionism> (accessed: 13.08.2017).
- James H.* Deglobalization as a Global Challenge. CIGI Papers No. 135. June 2017. URL: https://www.cigionline.org/sites/default/files/documents/Paper%20no.135WEB_1.pdf (accessed: 13.08.2017).
- Kirton J.* G20 Governance for a Globalized World. Farnham: Ashgate, 2013.
- Kirton J.* A Summit of Solid Success at Hamburg in 2017. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/analysis/170708-kirton-success.html> (accessed: 13.08.2017).
- OECD.* Key Issues for Digital Transformation in the G20. Report prepared for a joint G20 German Presidency. OECD conference. Berlin, Germany, 12 January 2017. URL: <https://www.oecd.org/g20/key-issues-for-digital-transformation-in-the-g20.pdf> (accessed: 13.08.2017).

Дата поступления статьи: 15.08.2017

Для цитирования: *Ларионова М.В.* Немецкое председательство в «двадцатке». Испытание Трампом // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 4. С. 807—823. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-807-823.

Сведения об авторе: *Ларионова Марина Владимировна* — д-р полит. наук, директор Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (e-mail: larionova-mv@ranepa.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-807-823

GERMANY G20 PRESIDENCY. THE TEST BY TRUMP

M.V. Larionova

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. For almost ten years the G20 brings together the leaders of advanced countries and countries with emerging economy to govern shared challenges. Assessments of its role range from a very skeptical to a highly positive judgement. Nevertheless, the G20 remains a key forum for economic cooperation in the face of shifting values and powers, rising protectionism, environmental depletion and increasing anti-globalization. Each presidency is unique in its search for a balance between national priorities and partners' interests in the process of charting agenda and forging collective decisions. High expectations of German G20 presidency were defined by internal and external factors. First, the demand for a response to the increasing challenges of de-globalization, economic inequality and climate change. Second, Germany's unique potential to enhance G20 effectiveness and consolidate the forum's role as a global public good sponsor due to the country's economic power and diplomatic influence.

The article reviews German G20 presidency priorities and outcomes in the context of internal and external challenges: the US 45th President's position on international trade and climate, Brexit negotiations, national September parliamentary elections in Germany, the country's significant and persistent current account surplus. The author claims that G20 has made substantial progress under German presidency. Geopolitical problems did not prevent the leaders from crafting decisions on key economic agenda issues. Six ministerial meetings were concluded by adoption of declarations, cooperation on digital economy and health was institutionalized, the leaders agreed 15 documents, including the Declaration and Action Plan on Countering Terrorism, and made more than 500 commitments. The summit hosted around 70 bilateral leaders' meetings.

Thus, despite divergences and tensions between G20 members, internal and external challenges, G20 laid the foundation for future agenda on the presidency priorities of digital economy, health and migration; advanced cooperation on core policy areas; agreed statements which allow to surmount protectionist trends in international trade; consolidated G20 commitment to the Paris agreement implementation; strengthened cooperation on energy sustainability and efficiency. To sum up G20 demonstrated resilience to new tests and confirmed its role as a key forum for economic cooperation.

Key words: G20, Germany, German policy priorities, global governance, external and internal risks

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the R&D program of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration in 2017 "Evaluation of the effectiveness of the G20 and BRICS based on the results of monitoring the implementation of decisions".

REFERENCES

- Berger, A. (2017). *What remains of the G20 Hamburg Summit?* URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/German_Development_Institute_Berger_10.07.2017.pdf (accessed: 13.08.2017).
- Bown, C. (2017). *17—21 Steel, Aluminum, Lumber, Solar: Trump's Stealth Trade Protection.* Peterson Institute for International Economics Policy Brief. URL: <https://piie.com/system/files/documents/pb17-21.pdf> (accessed: 13.08.2017).
- Burri, M. & Cottier, T. (2015). *Trade Governance in the Digital Age.* Cambridge University Press.
- Cooper, A. (2014). The G20 and Contested Global Governance: BRICS, Middle Powers and Small States. *Caribbean Journal of International Relations & Diplomacy*, 2 (3), 87—109.

- Fues, T. (2017). Recalibrating the G20's Mission towards Sustainable Development: Opportunities and Challenges for the German Presidency. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 12 (2) (forthcoming). (in Russ.).
- Irwin, D. (2017). The False Promise of Protectionism. Why Trump's Trade Policy Could Backfire. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-04-17/false-promise-protectionism> (accessed: 13.08.2017).
- James, H. (2017). Deglobalization as a Global Challenge. *CIGI Papers No. 135*. URL: https://www.cigionline.org/sites/default/files/documents/Paper%20no.135WEB_1.pdf (accessed: 13.08.2017).
- Kirton, J. (2013). *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.
- Kirton, J. (2017). *A Summit of Solid Success at Hamburg in 2017*. URL: <http://www.g20.utoronto.ca/analysis/170708-kirton-success.html> (accessed: 13.08.2017).
- Larionova, M.V. (2012). Supply-Demand Model for Developing a Presidency Proposals for Reform Agenda and Priorities in Informal International Institutions (G20, G8, BRICS). *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 7 (4), 7—17. (in Russ.).
- Larionova, M.V. Sakharov, A.G., Shelepov, A.V. & Rakhmangulov, M.R. (2017). Donald Trump's Foreign Policy and Multilateral Institutions of Collective Governance. *Russian Economic Developments*, 24 (4), 31—41. (in Russ.).
- OECD (2017). *Key Issues for Digital Transformation in the G20. Report prepared for a joint G20 German Presidency*. OECD conference. Berlin, 12 January. URL: <https://www.oecd.org/g20/key-issues-for-digital-transformation-in-the-g20.pdf> (accessed: 13.08.2017).
- Shelepov, A.V. (2016). Action Plan: Global Tax Cooperation. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 11 (4), 36—59. (in Russ.).

Received: 15.08.2017

For citations: Larionova, M.V. (2017). Germany G20 Presidency. The Test by Trump. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 807—823. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-807-823.

About the author: Larionova Marina Vladimirovna — Doctor of Political Science, Head of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor of the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics of the HSE (e-mail: larionova-mv@ranepa.ru).

© Ларионова М.В., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-824-838

РОССИЙСКАЯ И КИТАЙСКАЯ СИСТЕМЫ ОКАЗАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОМОЩИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Д.А. Дегтерев

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Ли Янь

Институт мировой экономики и политики,
Китайская академия общественных наук, Пекин, КНР

А.А. Трусова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Предметом данного исследования являются механизмы оказания международной помощи в РФ и КНР. Авторы проводят сравнительный анализ нормативных баз двух государств в сфере содействия международному развитию, организационных структур, понятийного аппарата, специфики и сфер оказания внешней помощи. Методологическая основа данного исследования строится на принципах достоверности и научной объективности. В исследовании применен метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Стратегическое партнерство РФ и КНР, в том числе сопряжение проекта Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза, создает предпосылки для успешного взаимодействия двух государств в области оказания международной помощи третьим странам.

В законодательстве КНР существует концептуальная основа оказания официальной помощи развитию, в нее входят Белые книги и другие политические документы, закрепляющие принципы, цели и задачи, механизм реализации внешней помощи Китая. В РФ существует Концепция государственной политики в сфере содействия международному развитию (СМР), которая отражает цели, задачи, принципы осуществления СМР, но не утверждает на законодательном уровне механизм оказания помощи. В обеих странах также отсутствует специализированный государственный орган, который бы осуществлял политику в сфере СМР. Речь идет скорее о целом ряде государственных органов в сфере оказания международной помощи, деятельность которых в той или иной степени координируется на межведомственной основе.

Анализ доктринальных и нормативных документов, а также существующих программ международной помощи РФ и КНР, страновых и отраслевых приоритетов позволяет выработать рекомендации по координации усилий РФ и КНР в области СМР, что приведет, в конечном счете, к повышению эффективности национальных программ международной помощи.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Российская Федерация, стратегическое взаимодействие, содействие международному развитию, официальная помощь развитию, национальные практики, нормативная база, понятийный аппарат, механизм оказания помощи, организационные структуры

Стратегическое партнерство РФ и КНР, в том числе сопряжение проекта Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза, создает предпосылки для успешного взаимодействия двух государств в разных областях. Экономика двух стран взаимодополняют друг друга, их двустороннее сотрудничество имеет ключевое значение для обеспечения мира и стабильности

в Евразии. В 2014 г., согласно совместному заявлению РФ и КНР, двусторонние отношения вышли на уровень всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия¹. Принято решение о создании Китайско-российского инвестиционного фонда регионального сотрудничества и развития в размере 100 млрд юаней (14,5 млрд долл. США)².

В этой связи представляется актуальным более тесное сотрудничество и конвергенция существующих административных практик двух стран в области СМР. Речь идет как о сопряжении проектов двусторонней помощи странам Азии и Африки, так и о координации действий в рамках многосторонних институтов развития, включая институты ООН, Бреттон-Вудса, региональные банки развития.

РФ и КНР, как и другие страны БРИКС [Дегтерев 2014], относятся к новым донорам международной помощи [Дегтерев 2013], хотя обе страны имеют богатый опыт оказания помощи в предыдущие десятилетия [Gu Guan-Fu 1983]. Для исследования систем оказания международной помощи в данной работе будет проведен анализ нормативной базы, основных институтов (организационных структур), понятийного аппарата, а также особенностей распределения помощи.

НОРМАТИВНАЯ БАЗА

Законодательство Российской Федерации в сфере СМР находится в процессе развития. Некоторые аспекты, касающиеся политики в сфере СМР, содержатся в отдельных нормативных актах (Постановление Правительства РФ от 31 августа 2000 г. № 644 «О порядке оказания помощи иностранным государствам в ликвидации чрезвычайных ситуаций»³), стратегических концептуальных документах (Концепция внешней политики РФ 2016 г.⁴), в некоторых договорах о создании интеграционных объединений на региональном уровне с участием РФ (Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г.⁵) [Рахмангулов 2010: 197].

Статья 42 главы III Концепции внешней политики РФ, утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г., провозглашает общую направленность

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642> (дата обращения: 12.08.2017).

² Лексютина Я.В. «Один пояс — один путь» — заявка Китая на мировое лидерство? РСМД. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odin-poyas-odin-put-zayavka-kitaya-na-mirovoe-liderstvo/> (дата обращения: 12.08.2017).

³ Постановление Правительства РФ от 31 августа 2000 г. № 644 «О порядке оказания помощи иностранным государствам в ликвидации чрезвычайных ситуаций». Режим доступа: <http://base.garant.ru/182477/> (дата обращения: 12.08.2017).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 12.08.2017).

⁵ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. // Официальный сайт ЕвразЭС. Режим доступа: <http://www.evrases.com/docs/view/3> (дата обращения: 12.08.2017).

политики России в сфере СМР: «Россия рассматривает устойчивое социально-экономическое развитие государств как важнейшую предпосылку формирования более эффективной и кризисоустойчивой международной системы, фактор благополучия и процветания всего человечества и исходит из того, что содействие международному развитию является одним из механизмов решения глобальных и региональных проблем, укрепления международной безопасности и политической стабильности. Российская Федерация проводит активную целенаправленную политику в сфере содействия международному развитию на многостороннем и двустороннем уровнях, используя, в частности, потенциал ООН и ее специализированных учреждений»⁶.

14 июня 2007 г. Указом Президента была утверждена Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию (далее Концепция-2007), которая стала первым программным документом России в данной сфере. В основу правовой базы концепции легли Конституция РФ, Концепция внешней политики РФ, Концепция национальной безопасности и Бюджетный кодекс РФ. Концепция-2007 определила основные цели политики России в области СМР, а именно: воздействие на глобальные процессы в целях формирования справедливого, демократического, стабильного миропорядка, ликвидация бедности и обеспечение устойчивого экономического развития, преодоление последствий катастроф, развитие сотрудничества России со странами-партнерами в различных сферах, укрепление авторитета и содействие объективному восприятию РФ в мировом сообществе⁷.

Данной концепцией были поставлены следующие задачи: создать необходимую нормативно-правовую базу, определить приоритетные направления, разработать механизмы осуществления помощи на двусторонней и многосторонней основе и каналы взаимодействия со странами-партнерами и международными организациями, систематизировать деятельность федеральных органов исполнительной власти в сфере СМР, вывести Россию на уровень, характерный для развитых государств — традиционных доноров.

В конце 2007 г. Министерством финансов был подготовлен план мероприятий по практической реализации идей концепции, а также прорабатывался вопрос создания Российского агентства по СМР, однако данные инициативы не были поддержаны.

Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере СМР, утвержденная в 2014 г. (далее Концепция-2014) подтвердила основные цели предыдущей концепции. Новаторством стал акцент на реализацию двусторонних программ оказания помощи. Также была подчеркнута необходимость выбора при-

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации // Официальный сайт МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 12.08.2017).

⁷ Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию 2007 г. Режим доступа: https://www.minfin.ru/common/UPLOAD/library/2007/07/concept_rus.pdf (дата обращения: 12.08.2017).

оритетных направлений содействия развитию в соответствии с национальными интересами России. Стоит отметить, что Концепция-2007 и Концепция-2014 не предполагают определенный план реализации указанных целей и задач, он нуждается в дополнительной разработке.

На современном этапе РФ — единственное крупное государство-донор, у которого нет специфического законодательного акта в сфере СМР, регламентирующего основные понятия, цели, задачи, распределение полномочий государственных органов по принятию и исполнению решений, принципы планирования расходов, механизмы реализации помощи [Ермолов 2015: 138].

Концептуальную основу содействия КНР международному развитию составляют разработанные МИД и утвержденные Госсоветом КНР Белые книги и другие политические документы. В 2014 г. была принята Белая книга о помощи Китая внешнему миру⁸. Согласно данному документу, КНР стремится вносить свой вклад в дело внешней помощи, улучшать условия жизни людей по всему миру, содействовать экономическому и социальному развитию стран-реципиентов, участвовать в международных обменах и сотрудничестве в рамках СМР.

СМР является неотъемлемой частью внешнеполитического курса КНР, так как оно способствует реализации целей и задач внешней политики государства, таких как: поддержание дружественных отношений со странами-реципиентами, оказание им помощи в стремлении сохранить целостность территории и государственный суверенитет, сохранение стабильности и безопасности как во всем мире, так и в регионах, укрепление позиций КНР на международной арене и в мировой экономике, сохранение безопасности государственных границ КНР, создание благоприятных внешних условий для продолжения осуществления внутренних преобразований [Мардашев 2011: 96].

Важно отметить, что Китай осуществляет помощь внешнему миру на основе определенных принципов. Прежде всего, это «5 принципов мирного сосуществования», на основе которых строится внешняя политика КНР. Они были сформулированы премьер-министром КНР Чжоу Эньлаем во время переговоров с индийской делегацией 31 декабря 1953 г. и подразумевали следующее: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование⁹. В письменной форме «5 принципов» были закреплены 29 апреля 1954 г., когда Китай и Индия подписали Соглашение о торговле и связях Тибетского района с Индией.

С конца декабря 1963 г. по январь 1964 г. Чжоу Эньлай посетил 10 стран Африки. 14 декабря в Египте он озвучил «5 принципов взаимоотношений Китая

⁸ 中国的对外援助。白皮书 (Помощь Китая внешнему миру. Белая книга 2014 г.). Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2014/Document/1375013/1375013.htm> (дата обращения: 12.08.2017).

⁹ 中国第一次提出 «和平共处五项原则» (Впервые предложенные Китаем «5 принципов мирного сосуществования»). Режим доступа: http://www.gmw.cn/03zhuanti/2_zhuanti/jinian/50zn/50uj/yj-01.htm (дата обращения: 12.08.2017).

с африканскими и арабскими странами», которые заключались в том, что КНР поддерживает борьбу африканских и арабских народов против империализма, старого и нового колониализма и их стремление к национальной независимости; африканские и арабские правительства в проведении политики мира, нейтралитета и неприсоединения; самостоятельный выбор способа достижения единства народами африканских и арабских государств; разрешение споров между африканскими и арабскими государствами путем мирных переговоров; суверенитет африканских и арабских государств и их выступление против вмешательства иных акторов¹⁰.

16 января 1964 г. в Гане премьер-министр Чжоу выдвинул «8 принципов внешней экономической и технической помощи правительства Китая», в соответствии с которыми правительство Китая: всегда оказывает помощь внешнему миру с учетом принципов равенства и взаимной выгоды и никогда не рассматривает данную помощь как односторонний дар, а считает ее взаимной; оказывая помощь внешнему миру, строго соблюдает суверенитет стран-реципиентов, не требует соблюдения каких-либо специальных условий; предоставляет экономическую помощь в форме беспроцентных или низкопроцентных займов, при необходимости продлевает срок погашения, чтобы свести к минимуму нагрузку на страны-реципиенты; предоставляя помощь внешнему миру, ставит целью не формирование зависимости стран-реципиентов от Китая, а помощь им в постепенном обретении уверенности в своих силах и выходе на путь независимого экономического развития; помогает странам-реципиентам в реализации проектов, требующих меньше затрат и приносящих более быстрые результаты, чтобы правительства стран-реципиентов могли увеличить доход своих государств; предоставляет оборудование и материалы наилучшего качества, которые оно способно произвести, и в соответствии с ценами на международном рынке, в случае неисправности гарантирует их возврат и замену; предоставляя любую техническую помощь внешнему миру, гарантирует обучение новым технологиям специалистов стран-реципиентов; направляет в страны-реципиенты экспертов, которые пользуются равным материальным обеспечением с экспертами стран-реципиентов, не имеют особых требований или льгот.

13 января 1983 г. на пресс-конференции в Танзании премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян озвучил «4 принципа развития экономического и технического сотрудничества Китая со странами Африки», которые обсуждались им в ходе визитов в страны Африки в 1982—1983 гг. Согласно данным принципам, КНР предоставляет внешнюю помощь странам Африки: в соответствии с принципами единства, дружбы, равенства и взаимной выгоды, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга, не сопровождая помощь какими-либо политическими условиями, не требуя каких-либо привилегий; с учетом реальных потребностей и возможностей сторон, используя их потенциал и сильные стороны; ис-

¹⁰ 中国与非洲关系大事记 (1960—1969) (Хроника отношений Китая со странами Африки (1960—1969)). Режим доступа: http://news.ifeng.com/special/zhongfeiluntan/pinglun/detail_2006_10/31/1450241_0.shtml (дата обращения: 12.08.2017).

пользуя различные способы с учетом местных условий, включая техническое обслуживание, обучение административного и технического персонала, научно-технические обмены, строительные проекты, совместное производство, инвестирование; Китай несет ответственность за осуществляемый им проект, гарантирует качество, не требует исключительного положения направляемых специалистов; с целью взаимного обучения и взаимопомощи, повышения способности сторон к самообеспечению и содействия экономическому развитию¹¹.

Позже в связи с изменившимися международными условиями были выдвинуты новые «6 принципов отношений Китая со странами Африки». Их озвучил председатель КНР Ян Шанькунь 9 июля 1992 г. во время визита в Кот-д'Ивуар. В соответствии с данными принципами, КНР: поддерживает усилия африканских стран по обеспечению национального суверенитета, национальной независимости, противодействию иностранному вмешательству и развитию экономики; уважает выбор африканскими странами собственного пути развития и политической системы; поддерживает африканские страны в их стремлении укреплять единство и развивать сотрудничество, а также поддерживает разрешение споров между странами посредством мирных консультаций; поддерживает усилия Организации африканского единства по обеспечению мира, стабильности и развития на африканском континенте и развитию экономической интеграции; поддерживает усилия африканских стран, направленные на активное участие в международных делах в качестве полноправных членов международного сообщества и установление справедливого и рационального международного политического и экономического порядка; готова развивать дружественные обмены и осуществлять разнообразное экономическое сотрудничество со странами Африки на основе уважения принципов суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства, взаимной выгоды и мирного сосуществования¹².

Предоставление Китаем экономической, технической, гуманитарной помощи странам внешнего мира регулируется нормативно-правовыми актами ведомственного уровня: положениями и правилами, принятыми Министерством коммерции КНР, Госсоветом КНР, Министерством финансов и некоторыми другими ведомствами.

В Китае отсутствуют нормативно-правовые акты на уровне национального законодательства в сфере СМР, что рассматривается как одна из проблем, препятствующих закреплению позиций КНР в качестве донора.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ

Согласно Концепции-2007, вопросами оказания внешней помощи занимается Президент РФ и такие федеральные органы власти, как: Правительство, Совет Федерации и Государственная Дума, Министерство иностранных дел (МИД),

¹¹ 中国与非洲关系大事记 (1980—1989) (Хроника отношений Китая со странами Африки (1980—1989)). Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/GB/8198/77604/77613/5324232.html> (дата обращения: 12.08.2017).

¹² 中国与非洲关系大事记 (Хроника отношений Китая со странами Африки. Режим доступа: <http://www.china.com.cn/chinese/HIAW/445819.htm> (дата обращения: 12.08.2017).

Министерство финансов (Минфин), Министерство экономического развития (МЭР), Министерство промышленности и энергетики (Минпромэнерго), Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС). В реализации Концепции участия СМР также задействованы Министерство образования и науки (Минобрнауки), Министерство природных ресурсов и экологии (Минприроды), Министерство здравоохранения и социального развития (Минздравсоцразвития) и другие заинтересованные ведомства.

МИД и Минфин занимаются согласованием расходов РФ на внешнюю помощь развитию, а также определяют приоритетные направления оказания помощи, ее объемы, каналы доставки, условия и степень целесообразности. В ведении Минфина также находятся формирование предложений о мерах государственной политики оказания официальной помощи развитию (ОПР) на многосторонней и двусторонней основе, сотрудничество с международными финансовыми организациями.

Правительство РФ обладает исключительными полномочиями по принятию решений о предоставлении дотаций и оказанию других видов внешней помощи на безвозвратной основе за счет средств федерального бюджета, а также занимается вопросами оказания финансовой помощи на возвратной основе. Данные полномочия зафиксированы в ст. 28 Федерального конституционного закона от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»¹³. Они охватывают все виды безвозмездной помощи экономическим субъектам, находящимся как внутри Российской Федерации, так и за ее пределами.

Указом Президента РФ Дмитрия Медведева от 6 сентября 2008 г. № 1315 было создано подведомственное МИД Федеральное агентство по делам Содружества независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)¹⁴. Впоследствии Россотрудничество получило компетенции в сфере СМР.

Несмотря на то что Концепция-2014 определила СМР как одно из важнейших направлений внешнеполитической деятельности России, в Государственной программе «Внешинополитическая деятельность» 2014 г. имеется Подпрограмма 3 «Осуществление деятельности в сферах международного гуманитарного сотрудничества и содействия международному развитию»¹⁵, в списке полномочий МИД, утвержденных Указом Президента РФ, отсутствуют функции, относящиеся к нор-

¹³ Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Правительстве Российской Федерации». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17107/4fd2f204c828ded9415b4036362f8bc5fcc4e3a9/ (дата обращения: 12.08.2017).

¹⁴ Положение о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (дата обращения: 12.08.2017).

¹⁵ Государственная программа РФ «Внешинополитическая деятельность». Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 325-10. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/62782 (дата обращения: 12.08.2017).

мативно-правовому регулированию и выработке политики в сфере СМР. В положениях о Минфине и Минэкономразвития РФ также отсутствуют полномочия указанных ведомств по регулированию российского СМР. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в России пока не сформирован институт уполномоченного органа в сфере СМР.

В этой связи достаточно остро встает вопрос межведомственной координации в области международной помощи в рамках Комиссии РФ по вопросам СМР. Обсуждались разные варианты создания данной комиссии, в том числе ее функционирование под эгидой администрации Президента РФ и аппарата Правительства РФ. В настоящее время предполагается, что данные функции возьмет на себя соответствующая подкомиссия в рамках Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции (возглавляет вице-премьер И.И. Шувалов).

В КНР также отсутствует специализированный государственный орган, который бы осуществлял политику в сфере СМР. Тем не менее, организационная система предоставления ОПР является весьма скоординированной. Основную деятельность осуществляют 3 министерства: Министерство иностранных дел (МИД), Министерство финансов (Минфин), Министерство коммерции (Минкоммерции). Задача межведомственной координации возложена на МИД. Кроме того, в его компетенцию также входят следующие вопросы: обоснование целесообразности оказания внешней помощи, ее форм, объемов; выработка направлений осуществления общего внешнеполитического курса и концептуальных установок внешней помощи; поддержание связи с правительствами иностранных государств.

Минфин занимается финансовым обеспечением внешней помощи, определением ее объемов (совместно с МИД и Минкоммерции), а также представлением на утверждение Госсовету предложений по вопросу внешней помощи. С финансовой стороны осуществления внешней помощи также стоит отметить 2 государственных финансовых учреждения, принимающих активное участие в оказании помощи, – это Народный банк Китая (НБК) (Центробанк), который определяет порядок выдачи и возврата кредитов и займов, и Экспортный и импортный банк Китая (Эксимбанк), осуществляющий совместно с Управлением зарубежных инвестиций и экономического сотрудничества Минкоммерции поддержку проектного внешнеэкономического сотрудничества.

Минкоммерции вырабатывает предложения относительно политики в сфере СМР, обосновывает ее политическую целесообразность, определяет формы и объемы внешней помощи, разрабатывает нормативно-правовые документы, осуществляет организацию оказания помощи путем проведения переговоров и заключения соглашений с отобранными для осуществления проекта внешней помощи компаниями-исполнителями. Минкоммерции также обладает немаловажной функцией контроля за оказанием внешней помощи, что дает экспертам повод считать его главным [Иностранная помощь 2013: 194].

В механизме оказания внешней помощи участвуют и другие государственные органы КНР, а именно: Министерство транспорта (Минтранс), Министерство промышленности и информатизации (МПИ), Министерство науки и технологий (МНТ), Министерство охраны окружающей среды (МООС), Министерство жилья, город-

ского и сельского строительства (МЖГСС), Министерство сельского хозяйства (Минсельхоз), Министерство образования (Минобрнауки), Министерство культуры (Минкультуры), Министерство здравоохранения (Минздрав), Министерство обороны (Минобороны).

Главную роль в определении внешнеполитического курса и базовых установок ОНР играет Центральный комитет Коммунистической партии Китая (ЦК КПК). Важную роль по аналитическому обеспечению принимаемых в области СМР решений играет Исследовательский центр по вопросам развития (Development Research Center) Госсовета КНР.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Анализ нормативно-правовых актов РФ показывает отсутствие терминологии, которая бы соответствовала международному понятийному аппарату в сфере СМР. Однако отдельные законодательные источники все же содержат понятия, соотносимые с международными.

Определение термина «содействие международному развитию» отсутствует как в Концепциях 2007 г. и 2014 г., так и в других нормативно-правовых актах. Это, в свою очередь, затрудняет распределение полномочий между органами государственной власти в сфере СМР. Но стоит отметить, что в Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам¹⁶ используется понятие «помощь развивающимся странам». В Приказе Минфина России от 1 июля 2013 г. № 65н «Об утверждении Указаний о порядке применения бюджетной классификации Российской Федерации» фигурируют такие понятия, как «международная помощь развитию», «финансовая, техническая и гуманитарная помощь иностранным государствам»¹⁷.

Некоторые понятия определены Федеральным законом от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации»¹⁸, регулирующим участие РФ в СМР в качестве страны-реципиента, среди них: «безвозмездная помощь», «техническая помощь», «гуманитарная помощь».

¹⁶ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам. Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=8652 (дата обращения: 12.08.2017).

¹⁷ Приказ Минфина России от 1 июля 2013 г. № 65н «Об утверждении Указаний о порядке применения бюджетной классификации Российской Федерации». Режим доступа: <http://base.garant.ru/70408460/1/#text#ixzz3WA4cfUFj> (дата обращения: 12.08.2017).

¹⁸ Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации». Режим доступа: <http://base.garant.ru/12115538/#friends> (дата обращения: 12.08.2017).

В правовой системе России отсутствуют следующие термины: «другая официальная помощь», «страна-донор», «страна-реципиент», «техническая помощь», «международный грант» и др.

Ввиду отсутствия четко сформулированного понятийного аппарата в законодательстве России появляется необходимость употреблять термин «взаимодействие» вместо «оказание помощи развитию», что не позволяет рассматривать затраченные средства как оказанную помощь [Ермолов 2015: 139].

В правовой сфере КНР используются конкретные термины в сфере СМР. Так, например, Белая книга о помощи Китая внешнему миру оперирует такими понятиями, как: «внешняя помощь» (кит. 对外援助), «страна-реципиент» (кит. 受援国), «грант» (бесплатная помощь) (кит. 无偿援助), «беспроцентный кредит» (кит. 无息贷款) и «льготный кредит» (кит. 优惠贷款). В документе «Административные меры осуществления проектов материального обеспечения в рамках внешней помощи»¹⁹ упоминается также понятие проекта материального обеспечения (кит. 物资项目).

ПРАКТИКА И СПЕЦИФИКА ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ

В середине 2000-х гг. российская официальная помощь оказывалась по многосторонним каналам. Концепция-2014 утвердила развитие двусторонних каналов оказания помощи в качестве приоритета перед многосторонними. Проекты осуществляются и на трехсторонней основе, предполагающей задействование международных организаций. К реализации трехсторонних проектов привлекается ООН и ее структуры — ПРООН, ЮНИДО, ВОЗ, ЮНИСЕФ, ВПП, МБРР и др. [Ермолов 2015: 146].

Россия оказывает внешнюю экономическую помощь развивающимся странам в финансовой форме (гранты, льготные займы) и материальной форме (различные товары) [Balakova, Spanger 2013].

Списание долгов в силу ограниченности ресурсов и наличия долгов развивающихся стран перед Россией остается одним из важных направлений РФ в сфере СМР. Схема списания долгов предполагает использование долга в качестве источника финансирования развития. Россия также оказывает помощь в энергетической сфере путем развития энергетической инфраструктуры в странах-реципиентах. Что касается образовательной сферы, с 2008 г. совместно с Всемирным банком реализуется Российская программа содействия образованию в целях развития (READ), нацеленная на усиление роли РФ как донора в сфере образования. Кроме того, в российских учебных заведениях за счет государственного бюджета обучаются иностранные студенты [Larionova et al. 2014].

¹⁹ 对外援助物资项目管理办法 (Административные меры осуществления проектов материального обеспечения в рамках внешней помощи). Режим доступа: <http://yws.mofcom.gov.cn/article/m/a/201601/20160101225871.shtml> (дата обращения: 12.08.2017).

Странам-реципиентам оказывается продовольственная помощь России и содействие в сфере сельского хозяйства.

Помощь КНР внешнему миру можно разделить на: официальную и неофициальную; правительственную и неправительственную; двустороннюю и многостороннюю; техническую, экономическую и гуманитарную.

Основным элементом внешней помощи Китая является официальная помощь. Помощь, направляемая государством или правительством, называется правительственной. Помимо государственных компаний, в проектах могут участвовать частные компании, а также неправительственные организации, среди которых отмечаются Всекитайская федерация молодежи, Всекитайская федерация женщин, Китайское национальное благотворительное общество, Китайское общество Красного Креста и др.

Соответственно их помощь называется неправительственной.

Для КНР приоритетными являются двусторонние механизмы взаимодействия, акцент на которые был сделан в силу политических амбиций, связанных с предоставлением помощи развитым странам, и в силу отстраненности государства от многосторонних международных процессов СМР [Федоровский, Вода 2016]. Многостороннее сотрудничество осуществляется посредством реализации региональных программ СМР, в которых Китай занимает лидирующую позицию [Национальные стратегии... 2010: 262].

Из-за того что помощь преимущественно оказывается напрямую, двусторонние соглашения составляют основу договорно-правовой базы иностранной помощи КНР. Чаще всего это межправительственные или межведомственные соглашения об экономическом, техническом, финансовом сотрудничестве. В соответствии с данными соглашениями предоставляются гранты, низкопроцентные и беспроцентные кредиты, передается техническая документация, поставляются товары и услуги [Потапенко 2014].

В основном Китай оказывает экономическую помощь странам-реципиентам, которую можно подразделить на финансовую и материальную. Гранты, низкопроцентные и беспроцентные кредиты относятся к финансовой помощи. Материальная помощь выражается в товарном обеспечении стран-реципиентов [Михневич 2014]. Помимо экономической предоставляется также техническая помощь, включающая создание кадрового потенциала, подготовку и переподготовку местных специалистов в учебных заведениях КНР, разработку проектов и программ социально-экономического развития [Dreher et al. 2015].

Гуманитарная помощь КНР включает в себя экономическое (финансовое и материальное) содействие, осуществляющееся в чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, в случаях массовых заболеваний, вооруженных конфликтов [Berthélemy 2011].

Китай оказывает помощь развивающимся странам в реализации проектов в сфере сельского хозяйства, добывающей и перерабатывающей промышленности, энергетики, транспорта, телекоммуникации, образования, здравоохранения. Новой формой помощи стало списание долговых обязательств.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы относительно механизмов осуществления внешней помощи РФ и КНР.

1. В обеих странах отсутствует специфический нормативно-правовой акт на уровне национального законодательства в сфере содействия международному развитию. Однако в законодательстве КНР существует концептуальная основа оказания официальной помощи развитию, в нее входят Белые книги и другие политические документы, закрепляющие принципы, цели и задачи, механизм реализации внешней помощи Китая. В РФ существует Концепция участия в содействии международному развитию, которая отражает цели, задачи, принципы осуществления СМР, но не утверждает на законодательном уровне механизм оказания помощи.

2. В странах также отсутствует специализированный государственный орган, который бы осуществлял политику в сфере СМР. Тем не менее, организационная система КНР в данной сфере действует скоординированно. Основную деятельность осуществляют 3 министерства: Министерство иностранных дел (МИД), Министерство финансов (Минфин), Министерство коммерции (Минкоммерции), у каждого из них есть свои цели и задачи, координацию осуществляет МИД. В РФ система распределения ответственности государственных органов исполнительной власти в сфере СМР не утверждена на нормативно-правовом уровне, также нет органа, который бы осуществлял координацию деятельности государственных органов в данной сфере.

3. Что касается понятийного аппарата, то в РФ официально не закреплены важные термины (например, «содействие международному развитию», «страна-донор», «официальная помощь развитию» и др.). В нормативно-правовых актах КНР также отсутствуют четкие определения многих терминов.

4. Относительно практики оказания помощи можно сказать следующее: КНР всегда делала акцент на двусторонние каналы доставки помощи, а РФ до недавнего времени в большинстве своем оказывала внешнюю помощь по многосторонним каналам и только недавно выдвинула в качестве приоритета развитие двусторонних каналов связи. Это дает повод для сотрудничества стран, обмена опытом. Еще одним поводом, подталкивающим государства к взаимодействию, является тот факт, что одним из важных способов оказания помощи со стороны РФ является списание долговых обязательств развивающихся стран, в КНР данный вид оказания помощи начал действовать только недавно.

Таким образом, в механизмах оказания ОПР РФ и КНР существуют некоторые пробелы, которые необходимо восполнить для закрепления позиций государств в качестве доноров. Взаимодействие, сотрудничество, обмен опытом в сфере СМР даст возможность быстрого развития донорского потенциала России и Китая.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ — Китайская академия общественных наук (КАОН) № 17-27-21002 на тему «Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дегтерев Д.А.* Российская политика в сфере содействия международному развитию: контуры партнерства со странами БРИКС // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2014. № 1. С. 5—12.
- Дегтерев Д.А.* Содействие международному развитию: Эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи. М.: ЛЕНАНД, 2013. 320 с.
- Ермолов М.О.* Российский механизм международной помощи: незавершенный проект // *Вестник международных организаций*. 2015. № 3. С. 134—155.
- Иностранная помощь / Под общ. ред. Л.М. Капицы. М.: МГИМО (У) МИД, 2013. 652 с.
- Мардашев А.А.* Китайская модель помощи международному развитию // *Вестник МГИМО*. 2011. № 6. С. 96—106.
- Михневич С.В.* Содействие развитию торговли и подходы КНР к предоставлению международной помощи // *Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра*. 2014. № 15. С. 46—55.
- Национальные стратегии содействия международному развитию. М.: НИУ ВШЭ, 2010.
- Потапенко М.В.* КНР как новый международный донор: особенности политики содействия международному развитию // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2014. № 1. С. 19—31.
- Рахмангулов М.Р.* Становление системы содействия международному развитию в России // *Вестник международных организаций*. 2010. № 2. С. 196—215.
- Федоровский А.Н., Вода К.Р.* Помощь развитию во внешней стратегии Китая, Республики Корея и Японии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 12. С. 82—91.
- Balakova E., Spanger H.-J.* Development Cooperation or Competition? Russia as a re-emerging donor. PRIF-Report No. 123. Peace Research Institute Frankfurt (PRIF), 2013.
- Berthélemy J.C.* China's Engagement and Aid Effectiveness in Africa. African Development Bank Working Paper #129. Tunis, Tunisia: African Development Bank, 2011.
- Dreher A., Fuchs A., Parks B., Strange A., Tierney M.* Apples and Dragon Fruits: The Determinants of Aid and Other Forms of State Financing from China to Africa. AidData, October 2015. Working Paper 15.
- Gu Guan-Fu.* Soviet aid to the third world, an analysis of its strategy // *Soviet Studies*. 1983. 35:1. P. 71—89.
- Larionova M., Rakhmangulov M., Berenson M.* The Russian Federation's International Development Assistance Programme: A State of the Debate Report. IDS, Evidence Report No 88. Rising Powers in International Development. IDS, August 2014.

Дата поступления статьи: 15.09.2017

Для цитирования: *Дегтерев Д.А., Ли Янь, Трусова А.А.* Российская и китайская системы оказания международной помощи: сравнительный анализ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 4. С. 824—838. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-824-838.

Сведения об авторах: *Дегтерев Денис Андреевич* — канд. эконом. наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: Degterev_DA@rudn.university).

Ли Янь — д-р ист. наук, профессор, научный сотрудник Института мировой экономики и политики, Китайская академия общественных наук, Пекин, КНР (e-mail: liyan9339@163.com).

Трусова Александра Андреевна — студент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032152385@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-824-838

RUSSIAN AND CHINESE SYSTEMS OF DEVELOPMENT COOPERATION: A COMPARATIVE ANALYSIS

D.A. Degterev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Li Yan

Institute of World Economics and Politics,
Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, PRC

A.A. Trusova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The subject of this study are the mechanisms of development cooperation both in the Russian Federation and China. The authors carry out a comparative analysis of the regulatory bases of the two states in the sphere of development cooperation, organizational structures, conceptual apparatus, specifics of Russian and Chinese foreign aid. The methodological basis of this research is based on the principles of reliability and scientific objectivity. In the study methods of comparative-comparative analysis are applied.

Strategic partnership between the Russian Federation and the People's Republic of China, including conjugation of the project of the Economic belt of the Silk Road and the Eurasian Economic Union, creates prerequisites for successful interaction of the two states in the field of international assistance to third countries.

In the legislation of the PRC, there is a conceptual basis for official development assistance, it includes "White Books" and other political documents that establish the principles, goals and objectives, the mechanism for the implementation of China's external assistance. In the Russian Federation, there is a Concept of State Policy in the Sphere of International Development Assistance, which reflects the goals, objectives, principles for the implementation of development cooperation, but does not approve at the legislative level the mechanism for providing assistance. In both countries there is also no specialized government agency that would implement policies to promote development cooperation. It is rather a matter of a number of state bodies in the sphere of development cooperation, whose activities are to some extent coordinated on an interagency basis.

The analysis of doctrinal and normative documents, as well as existing programs of development cooperation of the Russian Federation and the PRC, regional and sectoral priorities, makes it possible to develop recommendations on coordinating the efforts of the Russian Federation and the PRC in the field of promoting development cooperation, which will ultimately lead to an increase in the effectiveness of national programs of foreign aid.

Key words: People's Republic of China, Russian Federation, strategic interaction, development cooperation, official development assistance, national practices, regulatory framework, conceptual apparatus, assistance mechanism, institutional structures

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the scientific project of Russian Foundation for Basic Research — Chinese Academy of Social Sciences № 17-27-21002 "Russian and Chinese assistance to Asian and African countries: comparative analysis and coordination prospects".

REFERENCES

- Balakova, E., & Spanger, H.-J. (2013). *Development Cooperation or Competition? Russia as a re-emerging donor*. PRIF-Report No. 123. Peace Research Institute Frankfurt (PRIF).
- Berthélemy, J.C. (2011). *China's Engagement and Aid Effectiveness in Africa*. African Development Bank Working Paper #129. Tunis, Tunisia: African Development Bank, 2011.

- Degterev, D.A. (2013). *International development assistance: Evolution of international legal regimes and effectiveness of foreign aid*. Moscow, LENAND. 320 p. (in Russ.).
- Degterev, D.A. (2014). Russian policy in the sphere of assistance to international development: outlines of partnership with BRICS countries // *Vestnik RUDN. International Relations*, 14 (01), 5—12. (in Russ.).
- Dreher, A., Fuchs, A., Parks, B., Strange, A. & Tierney, M. (2015). *Apples and Dragon Fruits: The Determinants of Aid and Other Forms of State Financing from China to Africa*. AidData, Working Paper 15.
- Ermolov, M.O. (2015). The Russian Framework for International Assistance: An Unfinished Plan. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 10 (3), 134—155. (in Russ.).
- Fedorovsky, A.N. & Voda K.R. (2016). Development assistance in foreign strategies of China, the Republic of Korea and Japan. *World Economy and International Relations*, 60 (12), 82—91. (in Russ.).
- Foreign Aid* (2013). Ed. by L.M. Kapitsa. Moscow: MGIMO-University. 652 p. (in Russ.).
- Gu Guan-Fu (1983). Soviet aid to the third world, an analysis of its strategy. *Soviet Studies*. 35 (1), 71—89.
- Larionova, M., Rakhmangulov, M. & Berenson, M. (2014) *The Russian Federation's International Development Assistance Programme: A State of the Debate Report*. IDS, Evidence Report No 88. Rising Powers in International Development.
- Mardashev, A.A. (2011). Chinese model of international development assistance. *Vestnik of MGIMO-University*. 6, 96—106. (in Russ.).
- Mikhnevich, S.V. (2014). Trade Facilitation and PRC's Approaches to International Development Assistance. *Russia and China: Problems of Strategic Cooperation: A Compilation of the Eastern Center*. 15, 46—55. (in Russ.).
- National strategies of international development assistance* (2010). Moscow: Higher School of Economics. (in Russ.).
- Potapenko, M.V. (2014). PRC as a New International Donor: Peculiarities of the Policy of Promoting International Development. *Vestnik RUDN. International Relations*, 14 (01), 19—31. (in Russ.).
- Rakhmangulov, M.R. (2010). Establishing Russia's International Development Assistance Policy. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 5 (2), 196—215. (in Russ.).

Received: 15.09.2017

For citations: Degterev D.A., Li Yan, Trusova A.A. (2017). Russian and Chinese systems of development cooperation: a comparative analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 824—838. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-824-838.

About the authors: *Degterev Denis Andreevich* — PhD in World Economy, Head of Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: Degterev_DA@rudn.university).

Li Yan — Doctor in History, Researcher of Institute of World Economic and Politics, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, PRC (e-mail: liyan9339@163.com).

Trusova Alexandra Andreevna — student of Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: 1032152385@rudn.university).

© Дегтерев Д.А., Ли Янь, Трусова А.А., 2017

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-839-856

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РЕШЕНИИ КОРЕЙСКОГО ВОПРОСА (1944—1945 гг.)

К.В. Минкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В статье на основе советских и американских документов, часть из которых вводится в научный оборот впервые, рассматривается место корейской проблемы в советско-американских отношениях середины 1940-х гг. Вскрываются основы политики в «корейском вопросе» СССР и США, вводятся два новых актора, действовавших на территории США и сыгравших значительную роль в формировании этой политики, — Китайско-корейская народная лига и Корейская комиссия.

Руководствуясь принципами историзма и научной объективности, проанализировав советские архивные документы и сравнив их с американскими, автор делает вывод о том, что до начала 1950 г. корейский вопрос не имел первостепенного значения ни для Москвы, ни для Вашингтона. Обе стороны выступали за создание независимой Кореи (пусть и с разными целями, и в своем понимании независимости).

Вместе с тем, уже в конце 1945 г. корейская проблема стала одним из тех вопросов, по которым ялтинские договоренности не смогли быстро воплотиться в реальность. Как это случилось с рядом других вопросов, рассматривавшихся в то же время и также не получивших ожидаемого и быстрого решения, корейская проблема перестала восприниматься союзниками как автономная. Возникновению взаимного недопонимания и подозрений между СССР и США немало способствовали действия будущего первого президента Южной Кореи Ли Сын Мана, стремившегося увеличить свой политический капитал за счет разногласий между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Определенную роль в них сыграл и глава Китайско-корейской народной лиги Килсу Хаан.

Изменение советской политики в отношении Кореи, ставшее одной из главных причин начала Корейской войны, произошло лишь в начале 1950 г. и стало следствием кардинального изменения политической обстановки в мире, весьма далекой от тех условий, в которых заключались ялтинские соглашения.

Ключевые слова: Корея, Ялтинская конференция, Г. Трумэн, И.В. Сталин, Япония, Коноэ, Ли Сын Ман, Килсу Хаан, Корейская комиссия, Китайско-корейская народная лига

Во второй половине 1940-х гг. корейский вопрос был лишь одним из элементов сложной мозаики советско-американских отношений. Год за годом обе стороны на разных уровнях заявляли об отсутствии интереса к корейским делам, и в то же время именно Корея — больше, чем какая-либо другая страна, включая Иран, — могла стать отправной точкой новой мировой войны.

СОВЕТСКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В полном соответствии с общей тенденцией, присущей американской историографии холодной войны, в изучении данного вопроса сформировались традиционалистская и ревизионистская школы. Первая воспринимала вторжение северо-корейской армии в Южную Корею как «советский военный план», разработанный, подготовленный и воплощенный И.В. Сталиным в рамках общей экспансионистской политики СССР [Dallin 1961: 60]. Вторую школу возглавил американский историк Б. Камингс, заявлявший, что влияние Советского Союза на правительство Корейской Народной Демократической Республики (КНДР) куда меньше, чем воздействие на него Коммунистической партии Китая (КПК) [Cumings 1981]. Некоторые ученые утверждали даже, что определяющим фактором советской политики в отношении Кореи были отношения И.В. Сталина с Мао Цзэдуном. М. Шульман полагал, что советский лидер боялся отдавать инициативу в корейских делах в руки китайцев и потерять тем самым то влияние, которое Советский Союз имел в Северной Корее [Shulman 1963: 141].

Известный американский ученый А. Улам также связывал интерес И.В. Сталина к Корее с его стратегией в отношении Китая. Более того, он предположил, что «корейское дело» было начато для устрашения китайских коммунистов и удержания их в подчинении Москве [Ulam 1992: 81—82]. Впрочем, ни одна школа не ставила под сомнение зависимость Северной Кореи от советского вооружения. Очевидным считался и тот факт, что нападение на Южную Корею было санкционировано Москвой.

В советской историографии корейского вопроса также присутствуют традиционалистская и ревизионистская школы. Первую представляют все крупные кореееды советского периода — М.Н. Пак, Ф.И. Шабшина, В.И. Денисов, В.И. Осипов, В.И. Андреев и др. В их работах вина за раздел Кореи возлагается исключительно на Вашингтон и Сеул, а СССР предстает в роли освободителя корейского народа от гнета японских империалистов [Шабшина 1958: 232]. После окончания холодной войны исследователям стали доступны документы из японских, корейских и американских архивов, что привело к переоценке роли СССР в разделе Кореи и начале Корейской войны. Однако в конце XX — начале XXI в. интерес ученых к рассматриваемой теме несколько снизился, и единая позиция ревизионистов, по сути, так и не сформировалась. Впрочем, в последние годы события, предшествовавшие началу Корейской войны, вновь начали привлекать внимание российских историков.

Тем не менее многие вопросы пока остаются без ответа. Действительно ли И.В. Сталин хотел взять под контроль весь Корейский полуостров? Если да, то когда именно у него появилось это желание? Если еще до окончания войны, то почему он не озвучивал свой интерес к Корее ни на одной из конференций союзников? Насколько сильно Советский Союз влиял и мог влиять на процессы, происходившие во второй половине 1945 г. в Корее? Какие еще игроки, помимо правительств США и СССР, участвовали в формировании корейской политики обеих сторон?

Некоторую информацию дают рассекреченные документы из Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) и Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Однако лишь в соединении с американскими документами по «корейскому вопросу» и мемуарами американских политиков они могут дать более или менее реалистичные ответы на поставленные вопросы.

КОРЕЙСКИЙ ВОПРОС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Интерес к Корее во внешней политике России впервые возник в конце XIX в. В 1895 г. российский адмирал и государственный деятель Н.М. Чихачев сформулировал следующую позицию России в отношении Кореи: «Россия — единственная держава, которая может быть вынуждена теми или иными обстоятельствами занять часть Кореи»¹. И в конце 1945 г. такие обстоятельства возникли.

Вопрос о Корее поднимался на основных межсоюзнических конференциях военных лет, однако ни на одной из них ему не придавалось большого значения. Так, хотя вступление Советского Союза в войну с Японией обсуждалось и на Квебекской конференции в августе 1943 г., и в ходе визита госсекретаря США К. Хэлла в Москву в октябре того же года [Stettinius 1949: 91], Корея была впервые упомянута лишь в Каирской декларации, подписанной Ф.Д. Рузвельтом, У. Черчиллем и Чан Кайши 3 декабря 1943 г. В ней говорилось, что США, Великобритания и Китай, «помня о поработанном народе Кореи, решили, чтобы в должное время Корея стала свободной и независимой»². Далее вплоть до Ялтинской конференции «корейский вопрос» союзниками не обсуждался. В записке крупного советского дипломата И.М. Майского о послевоенном устройстве (январь 1944 г.), которую, очевидно, можно считать концептуальным документом для внешней политики СССР как минимум на 1944—1946 гг., Корея не упоминается вовсе. В качестве стратегически важных для СССР объектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе указываются Южный Сахалин и Курильские острова. Кроме того, И.М. Майский полагает, что советскому руководству желательно «обеспечить мир в Европе и Азии на ближайшие 30—50 лет»³. Таким образом, к началу 1945 г. основные цели Советского Союза в рассматриваемом регионе состояли в поддержании разумного «баланса сил» на Дальнем Востоке и возвращении территорий, утраченных Россией после окончания Русско-японской войны.

КОРЕЙСКИЙ ВОПРОС В АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

У правительства США в Тихом океане были более внушительные цели — контроль над островами, оккупированными Японией в ходе войны, и над объединенным Китаем. Корея в их число не входила [Weathersby 1993: 9—10].

¹ Н.М. Чихачёв — Н.П. Шишкину, 27 января 1895 г. // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИГИМ). Ф. 444. Оп. 1. Д. 110. Л. 1.

² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XI: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 22 июня 1941 года и 2 сентября 1945 года / Министерство иностранных дел СССР. М.: Госполитиздат, 1955. С. 105—106.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 29.

В самой Корее не было сколько-нибудь влиятельных политических сил, с которыми союзникам следовало считаться при решении вопроса о будущем страны. Однако в Шанхае, а затем в Чунцине с 1919 г. существовало так называемое временное правительство Республики Корея в изгнании. В рассматриваемый период его возглавлял Ким Гу. Первый президент непризнанного правительства Ли Сын Ман с 1925 г. проживал в США, где возглавлял Корейскую комиссию в Америке и Европе (с 1925 г.) и Объединенный корейский комитет (с 1941 г.) и был известен там как д-р Сынман Ри.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. И.В. Сталин озвучил условия, на которых СССР будет готов вступить в войну с Японией. Госсекретарь США Э. Стеттиниус признавал, что добиться от советского руководства конкретного обещания вступить в войну с Японией было главной задачей делегации Соединенных Штатов [Кошкин 2004: 239]. Несмотря на то что в начале 1945 г. И.В. Сталин находился на пике своего авторитета среди союзников и мог, по крайней мере, попытаться затребовать намного больше, он выставил достаточно скромные условия: контроль над Южным Сахалином и Курильскими островами, аренда Китайской восточной железной дороги и маньчжурских портов Дайрен и Порт-Артур; сохранение статус-кво в отношении Внешней Монголии [Кошкин 2010: 292]. За исключением Южных Курил все эти требования возвращали Советский Союз на позиции, утерянные в Русско-японской войне 1904—1905 гг. Относительно Кореи никаких пожеланий советским руководителем высказано не было, кроме весьма *неопределенной* договоренности с президентом США Ф.Д. Рузвельтом об установлении совместной опеки над ее территорией и о том, что американцы не будут размещать на полуострове свои военные базы. Союзники подтвердили, что все требования советской стороны будут безоговорочно удовлетворены после победы над Японией⁴. Ф.Д. Рузвельт затем спросил И.В. Сталина, следует ли пригласить Великобританию к участию в опеке. И.В. Сталин ответил, что это нужно сделать, иначе У. Черчилль «их убьет». Рузвельт заметил, что сначала можно установить трехстороннюю опеку (СССР, США, Китай), а затем пригласить и британцев, если они «поднимут шум»⁵. Судя по отношению обоих лидеров к решению судьбы Кореи, этот вопрос был для них куда менее важным, чем ряд других, обсуждавшихся на конференции. Нет никаких сомнений в том, что, если бы И.В. Сталин преследовал более масштабные цели в Тихоокеанском регионе, они были бы озвучены в Ялте, поскольку СССР находился в чрезвычайно выигрышной позиции и мог затребовать за свое вступление в войну с Японией куда более высокую цену.

Оставляя подробное рассмотрение этого вопроса за рамками настоящей статьи, необходимо упомянуть о том, что и США, и Советский Союз вели переговоры о ситуации в Тихоокеанском регионе с китайским правительством Чан Кайши. Обе державы надеялись усилить свою стратегическую позицию путем привлечения Китая на свою сторону. Китайская дипломатия, желая извлечь из этой

⁴ Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов. М., 1967. С. 155.

⁵ Foreign relations of the United States (FRUS). Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 770.

ситуации максимальную выгоду, не хотела принимать скоропалительных решений и вела параллельные переговоры и с Москвой, и с Вашингтоном. Кроме того, китайское руководство сотрудничало с Временным правительством Кореи в изгнании. Так, в ходе секретных переговоров между директором Отдела по делам Дальнего Востока Госдепартамента США Дж. Баллантайном и старшим секретарем Чан Кайши Шао Ю-Лином в феврале 1945 г. последний интересовался возможностью получения военной техники для Армии возрождения (Кванбоккун) Временного правительства Республики Корея на условиях ленд-лиза, на что было дано предварительное согласие⁶.

ЯПОНСКИЙ ВОПРОС

К лету 1945 г. позиция советского руководства в отношении Кореи значительно изменилась (без сомнения, в связи со смертью Ф.Д. Рузвельта и приходом на пост президента США Г. Трумэна). В справочной записке по этому вопросу, подготовленной в июне 1945 г. двумя чиновниками Второго дальневосточного департамента НКВД Е. Забродиним и Д. Жуковым, указывается, что независимость Кореи имела жизненно важное значение для советской национальной безопасности⁷.

7 июня 1945 г. советский посол в Японии Я. Малик сообщил И.В. Сталину, что на тот момент Советский Союз мог легко получить Южный Сахалин, часть островов Курильского архипелага и лишить Японию права рыбной ловли в советских территориальных водах в обмен на обещание не вступать в войну на Дальнем Востоке, но добиться каких-либо уступок по Корее, Маньчжурии, Квантуну и Северному Китаю будет очень сложно. Их можно будет получить только в результате полного разгрома и безоговорочной капитуляции Японии [Slavinskii 2004: 168].

В начале июля 1945 г. Токио начал предпринимать попытки предотвратить вступление Советского Союза в войну с Японией. 12 июля 1945 г. император Хирохито разрешил своему бывшему премьер-министру принцу Коноэ посетить с этой целью СССР. Посол Японии в СССР Наотакэ Сато немедленно получил распоряжение уведомить о визите советское руководство, что и было сделано 13 июля в ходе встречи японского дипломата с заместителем В.М. Молотова С.А. Лозовским⁸. Невзирая на то что в правительстве Японии не было единодушия ни в оценке ситуации, ни в сути предложений, которые следовало сделать советскому правительству, принц Коноэ заявил, что не нуждается в инструкциях и будет действовать по своему усмотрению сообразно ситуации⁹.

В Москве сама возможность проведения сепаратных переговоров с Японией была воспринята чрезвычайно негативно. Опасаясь войны со своими западными союзниками куда больше, чем противостояния с Японией, И.В. Сталин был чрез-

⁶ Memorandum of Conversation, by the Director of the Office of Far Eastern Affairs (Ballantine) February 5, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1018—1020.

⁷ АВПРФ. Ф. 0430. Оп. 2. Папка 5. Д. 18. Л. 18—30.

⁸ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 897. Л. 1—3.

⁹ Там же. Л. 7.

вычайно осторожным, чтобы не допустить даже малейших подозрений в контактах с Японией за спиной у США и Великобритании. Не найдя в сообщениях Н. Сато никаких «конкретных предложений», советское правительство весьма расплывчато ответило, что нуждается в уточнениях японской позиции¹⁰.

Большая часть июля 1945 г. прошла в обмене письмами и телеграммами с весьма осторожными формулировками. Наконец, 29 июля советская сторона «рекомендовала заинтересованным сторонам, чтобы принц Коноэ передал заранее Советскому правительству свои конкретные намерения и соображения через японского посла в Москве или советского посла в Токио»¹¹. Несмотря на ранее изложенные Н. Сато просьбы об исключительной секретности переговоров и недовольство опубликованной 26 июля без его ведома лидерами США, Великобританией и Китая Потсдамской декларацией, предлагавшей Японии безоговорочную капитуляцию, И.В. Сталин в тот же день, 29 июля, рассказал Г. Трумэну о том, что Япония пыталась начать с советским правительством сепаратные переговоры, и озвучил переписку. Оба лидера приняли общее решение дать Японии неопределенный ответ и посмотреть на дальнейшее развитие событий. Новые попытки японской стороны начать переговоры с советским правительством предпринимались и после Потсдамской конференции, однако Москва продолжала действовать заодно с союзниками, а министр иностранных дел Японии С. Того, на протяжении всей войны выступавший за ее скорейшее завершение, позднее писал в своих мемуарах о том, что попытки Японии вступить в переговоры с Советским Союзом были предприняты слишком поздно и не имели никаких шансов на успех [Того 1996: 435].

Следует подчеркнуть, что в Потсдаме японский и корейский вопросы обсуждались уже совершенно в других условиях, нежели чем в Ялте. Взаимопонимания (или хотя бы его видимости) в «большой тройке» уже не было. Американцы и англичане утратили единство взглядов. После того как Г. Трумэн отказался поддерживать план У. Черчилля по нападению на Советский Союз, а также в связи с тяжелыми переговорами по финансовым вопросам Великобритания начала с подозрением относиться к любым инициативам со стороны США, вполне справедливо полагая, что все они были направлены на развал Британской империи. Корейский вопрос был передан в ведение министров иностранных дел по причине наличия у лидеров «куда более важных дел для обсуждения»¹².

В конечном итоге заниматься корейской проблемой пришлось военным. Советский генерал А.И. Антонов, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, предложил, чтобы Корейский полуостров был включен в советскую зону наземных операций и американскую — воздушных и морских¹³. По вполне понятным причинам эта идея не нашла одобрения у американской стороны.

¹⁰ Вестник МИД СССР. Октябрь 1990. С. 54.

¹¹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 897. Л. 20.

¹² FRUS. 1945. Vol. II. Government Printing Office, 1945. P. 252—56.

¹³ FRUS. 1945: diplomatic papers: The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). Vol. II. Washington: Government Printing Office, 1960. P. 410.

После успешного испытания американской ядерной бомбы 16 июля 1945 г. необходимость вступления Советского Союза в войну с Японией отпала, однако союзники не смогли найти повод нарушить ялтинские договоренности по этому вопросу. В своих мемуарах госсекретарь США Дж. Бирнс рассказывает о том, что 29 июля 1945 г. В.М. Молотов озвучил ему просьбу советского руководства составить формальный запрос о необходимости вступления СССР в войну с Японией от имени США, Великобритании и других союзников. В этом случае Москва не выглядела бы агрессором, в одностороннем порядке нарушившим договор о нейтралитете¹⁴. После долгих размышлений советник Дж. Бирнса Б. Коэн предложил апеллировать к долгу СССР перед союзниками, в том числе в рамках Устава ООН, согласно которым обязательства СССР в ООН имели приоритет над двусторонними договоренностями, к которым относился и советско-японский пакт [Byrnes 1947: 207—208]. В итоге в декларации о вступлении Советского Союза в войну с Японией говорится об «обращении союзников к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии» и о том, что «такая политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира»¹⁵.

38-Я ПАРАЛЛЕЛЬ

Оставив за рамками настоящей статьи вопрос о вступлении СССР в войну с Японией, о военных операциях советских войск и капитуляции Токио, обратимся к проблемам послевоенного устройства в Корее. Как известно, 8 августа 1945 г. Советский Союз объявил войну Японии, а 16 августа 1945 г. Сталин одобрил «Общий приказ № 1» Г. Трумэна по вопросу о деталях капитуляции японских вооруженных сил. Помимо прочего в нем говорилось о разграничении по 38-й параллели зон ответственности США и Советского Союза при приеме капитуляции японских войск¹⁶. Этот приказ относился и к войскам, размещенным на территории Кореи. Соответственно, 38-я параллель априори стала границей двух оккупационных зон на Корейском полуострове.

История выбора этой границы достаточно интересна. В Госдепартаменте США считали, что американская армия должна продвинуться как можно дальше на север Кореи, однако военные опасались, что подразделения Красной армии появятся на полуострове раньше, чем американские войска смогут произвести наступление. В результате было решено договориться с СССР о демаркационной линии заранее. 38-я параллель была предложена чиновником Госдепартамента Д. Раском

¹⁴ На самом деле, советско-японский пакт о нейтралитете был денонсирован СССР в начале апреля 1945 г., так что Дж. Бирнс не совсем точен в изложении фактов. К сожалению, в изданных в США и СССР документах Потсдамской конференции этот телефонный разговор В.М. Молотова с Дж. Бирнсом не упоминается.

¹⁵ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 57. Д. 904. Л. 2.

¹⁶ 38-я параллель была выбрана американским руководством без предварительных переговоров с Москвой. См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941—1945. Т. 2. Москва: Госполитиздат, 1958. С. 259.

по ряду причин. Во-первых, она располагалась гораздо севернее, чем успели бы продвинуться войска США; во-вторых, она позволяла включить в американскую зону столицу Кореи Сеул; в-третьих, в южной части оказывалось подавляющее большинство корейского населения¹⁷. Еще одним аргументом в пользу разграничения по 38-й параллели были и особенности организационной структуры японских войск, размещенных на полуострове.

К середине 1945 г. часть базирующихся в Корее подразделений подчинялась командованию Корейского военного округа, а часть входила в состав 17-й войсковой группы, непосредственно подчиненной главнокомандующему сил на Японских островах. Рубеж их зон ответственности практически совпадал с 38-й параллелью [Корейский вопрос... 2003: 10]. Впрочем, известный американский дипломат С. Уэллес в своей работе «Семь решений, сформировавших историю» убедительно доказывает, что решение о разделении Кореи по 38-й параллели было принято под давлением высокопоставленных офицеров из Пентагона и без консультаций с теми членами администрации, которые имели представление о политических и экономических условиях на полуострове [Welles 1950: 167]. В результате, при том, что население южной части Кореи в полтора раза превосходило население северной, от 80 до 95% важнейших природных ресурсов, продукции химической промышленности, производства стали, электроэнергии и т.д. оказалось сосредоточено в советской зоне оккупации [Садаков 2016: 135].

В сентябре 1945 г. американские оккупационные войска заняли южную часть Кореи. Политический советник Госдепартамента в Корее Х.М. Беннингхоф сообщал, что «за небольшими исключениями Советы уважают границу по 38-й параллели»¹⁸. Однако в южной части обнаружились неожиданные проблемы. Во-первых, генерал Д. Макартур несколько вольно интерпретировал п. 5f Директивы главнокомандующему американскими войсками в Корее, утвержденной Госдепартаментом 13 октября и переданной ему 17 октября. Этот пункт предписывал ему временно привлекать к работе чиновников-японцев и корейских коллаборационистов при отсутствии корейских лиц достаточной квалификации¹⁹. Д. Макартур же издал указ, согласно которому все чиновники-японцы, официально сдавшиеся новым властям, могли сохранить свои должности [Borton 2002: 154—155]. Более того, генерал Дж.Р. Ходж, командующий американскими оккупационными войсками в Корее, в инструкции своим подчиненным от 4 сентября 1945 г. назвал Корею «врагом Соединенных Штатов» [Taylor 1948: 355]. Известно, что он использовал японские войска для поддержания порядка в южной части полуострова. Обе эти меры привели к тому, что японцы сохранили привычные им стереотипы поведения в отношении корейского населения, а численность американских войск была

¹⁷ FRUS. 1945. Vol. VI. P. 1039.

¹⁸ The political advisor in Korea (Benninghoff) to the Secretary of State. September 15, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1049.

¹⁹ Basic Initial Directive to the Commander In Chief, U.S. Army Forces, Pacofoc, For the Administration of Civil Affairs in Those Areas of Korea Occupied by U.S. Forces // FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1076.

слишком небольшой, чтобы им противостоять. Соответственно практически сразу же в народе возникли возмущения, в результате которых японских чиновников и офицеров все же пришлось заменить американскими.

Во-вторых, у американской военной администрации не было никаких сомнений в том, что советские агенты распространяли свои политические идеи по всей территории Южной Кореи. На фоне общей неустроенности и неудовлетворенности корейского народа, стремящегося к немедленному получению независимости, все это превращало юг полуострова в «пороховую бочку, готовую взорваться от малейшей искры». В завершение своего отчета Х.М. Беннингхоф писал, что «разделение Кореи на две части для оккупации вооруженными силами стран с настолько разнящимися политическими взглядами и без отсутствия единого командования» представляло совершенно «невозможную ситуацию»²⁰. Приблизительно такие же рассуждения можно увидеть в меморандуме генерала Дж.Р. Ходжа генералу Д. Макартуру, главнокомандующему войсками союзников в Японии, от 24 сентября 1945 г.: «Я нахожу, что нынешнее разделение Кореи на две оккупационные зоны, находящиеся под управлением абсолютно разных сил, представляет непреодолимое препятствие для объединения Кореи в единое государство... Представляется весьма сомнительным, чтобы какая-либо из держав, за исключением России, уделяла этим проблемам большое внимание... Дальнейшее разделение страны на две части с противостоящими друг другу идеологиями будет для нее фатальным»²¹.

Между тем, советские документы говорят о том, что до окончательного разрешения корейского вопроса (предполагалось, что оккупационный режим будет продолжаться 2 года, а затем уступит место четырехсторонней опеке) И.В. Сталин воздерживался от распространения советской пропаганды и открытой поддержки корейской коммунистической партии в южной части полуострова. Напротив, инструкции членам партии на юге предписывали сотрудничать с американцами, поскольку «выработать верную стратегическую линию» можно было только путем правильного понимания международной позиции Кореи. За этой инструкцией последовала другая, весьма необычная (не по идее, но по формулировке) даже для осени 1945 г.: «Идеи Соединенных Штатов, лидера капитализма, и Советского Союза, родины пролетариата, должны выражаться в Корее без противодействия друг другу» [Weathersby 1993: 16].

Не имея четкого представления о том, как будут развиваться события в Корее, советский руководитель предпринял все возможные усилия для обеспечения советского политического влияния в северной части полуострова, не выходя при этом за рамки ялтинских договоренностей. Путем вывоза оттуда оборудования и природных ресурсов под предлогом репараций с Японии он поставил Северную Корею в зависимость от советских поставок и кредитов. Пострадала и южная часть

²⁰ The political advisor in Korea (Benninghoff) to the Secretary of State. September 15, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1053.

²¹ Memorandum by Lieutenant General John R. Hodge to General of the Army Douglas McArthur at Tokyo. September 24, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1054—1057.

полуострова, для которой поставки ресурсов с Севера имели критическую важность. Соединенные Штаты практически не имели сведений о советской политике в отношении Северной Кореи, поскольку между СССР и США не существовало никакого заранее оговоренного механизма взаимодействия ни по техническим, ни по политическим вопросам. Таким образом, американская сторона могла только делать предположения о намерениях советского руководства, строившиеся в основном на слухах, а также на прекращении поставок угля и продовольственных товаров из северной части. В конце сентября 1945 г. Х.М. Беннингхоф сообщал в Госдепартамент: «Мы мало знаем о действиях или политике русских оккупационных сил на севере... Более чем вероятно, что они собираются советизировать Северную Корею так же, как советизировали Восточную Европу. Соединенные Штаты могут скоро столкнуться с теми же проблемами, которые им приходилось решать в Румынии, Венгрии и Болгарии»²². Кроме того, Госдепартамент выражал большую озабоченность отсутствием регулярных контактов между советскими оккупационными властями в Корее и генералами Дж.Р. Ходжем и Д. Макартуром. Например, 6 ноября 1945 г. в ноте на имя В.М. Молотова посол США в СССР А. Гарриман сообщал о том, что множество важных социальных и экономических вопросов (в частности, о снабжении Южной Кореи углем и электроэнергией, возобновлении железнодорожного сообщения и т.п.), требующих немедленного рассмотрения, продолжают оставаться нерешенными²³.

Вопреки недовольству политикой СССР в Корее, растущему в Госдепартаменте США, советское руководство не предпринимало никаких шагов, открыто противоречивших обязательствам, озвученным в Ялте. Напротив, принимая во внимание нараставшее в Европе противостояние, политическую мощь корейских коммунистов и исключительную непопулярность политики американских оккупационных сил, Москва всеми силами старалась предотвратить любые конфликты вокруг Кореи. Одной из причин этой политики была неопределенность в отношении будущего этой страны. За всю осень 1945 г. в советской прессе не было ни одного упоминания об опеке. Как известно, Кремль никогда не позволял газетам печатать материалы по тем вопросам, в отношении которых существовала какая-либо неясность, а в ноябре 1945 г. судьба Кореи оставалась для И.В. Сталина неизвестной — во многом из-за ряда серьезных политических конфликтов со вчерашними союзниками.

В середине ноября 1945 г. А. Гарриман сообщил госсекретарю Дж. Бирнсу, что русские выступают за независимость Кореи. Он писал: «Советский Союз ясно дал понять, что он исторически рассматривал Корею в том же свете, что Финляндию, Польшу и Румынию — как плацдарм для нападения на СССР. Поэтому следует ожидать, что Советский Союз будет пытаться иметь там доминирующее влияние. При этом советское влияние будет, скорее всего, обеспечиваться за счет создания «независимого дружественного» режима, чем за счет какой-либо сис-

²² The political adviser in Korea (Benninghoff) to the Secretary of State. September 29, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1061—1065.

²³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 18. Д. 168. Л. 17.

темы международной опеки. Она не только не сможет обеспечить Советам превосходство, но будет означать, что СССР получит лишь один из трех или четырех равных по влиянию голосов. Соответственно, пока другие державы лишь начинают обдумывать, что делать с Кореей, СССР, скорее всего, предпочтет действовать, а не спорить...»²⁴.

ПРОРАБОТКА УСЛОВИЙ ОПЕКИ

Следует отметить, что в доступных нам советских документах конца 1945 г. не приводится никаких доказательств стремления советского руководства отказаться от идеи опеки. Необходимо подчеркнуть, что и в упомянутой выше директиве Госдепартамента США генералу Д. Макартуру четырехсторонняя опека над Кореей представляется как необходимый этап на пути к независимости этой страны²⁵.

Конкретные условия предполагаемой опеки над Кореей были окончательно сформулированы на Московской встрече Совета министров иностранных дел стран-союзниц (СМИД) в декабре 1945 г. — той самой встрече, на которой переговоры практически по всем европейским проблемам зашли в тупик. Советский Союз и Соединенные Штаты договорились создать в Корее демократическое правительство и учредить Совместную советско-американскую комиссию для выработки общих принципов функционирования четырехсторонней опеки над Кореей на пятилетний период. До начала 1950 г. именно это соглашение служило основой советской политики в отношении Кореи²⁶.

В НКВД прекрасно понимали, что выработать общие с американцами принципы в отношении Кореи практически невозможно. Помимо очевидных сложностей в интерпретации советским и американским руководством одних и тех же понятий этому немало способствовало наличие в США большого числа политических партий и групп, каждая из которых имела собственное видение основ корейской политики. Тем не менее, на Московской встрече СМИД советская делегация всячески поддерживала идею создания временного правительства Кореи с последующим установлением опеки, поскольку такая позиция, безусловно, отвечала советским национальным интересам при любом развитии событий. Об этом свидетельствуют и рабочие документы, подготовленные НКВД к началу встречи. Например, отчет уже упоминаемого Я. Малика под заголовком «К вопросу о едином правительстве для Кореи» от 7 декабря 1945 г. начинается со следующей фразы: «Советскому Союзу будет политически нецелесообразно выступать против создания единого корейского правительства»²⁷. В конце декабря 1945 г. сообщения

²⁴ The Ambassador in the Soviet Union (Harriman) to the Secretary of State, November 12, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. P. 1121—1122.

²⁵ Basic Initial Directive to the Commander In Chief, U.S. Army Forces, Pacofoc, For the Administration of Civil Affairs in Those Areas of Korea Occupied by U.S. Forces // FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1074.

²⁶ FRUS: diplomatic papers. 1945. General: political and economic matters. Vol. II. P. 820—821.

²⁷ АВПРФ. Ф. 0102. Оп. 1. П. 1. Д. 15. Л. 18.

о предстоящем установлении четырехсторонней опеки над Кореей появились и в советской прессе²⁸. Таким образом, к концу 1945 г. советская и американская стороны не имели формальных разногласий о способе решения корейского вопроса.

Работа Совместной комиссии зашла в тупик уже в 1946 г., когда в Корее начались беспорядки, вызванные резко отрицательным отношением населения к идее опеки. Ее поддерживали только коммунисты, получившие соответствующие инструкции из Москвы²⁹. В дальнейшем деятельность комиссии блокировала уже непримиримые разногласия между СССР и США относительно принципов формирования Временного корейского демократического правительства.

УЧАСТНИКИ «КОРЕЙСКОЙ ИГРЫ»

Необходимо отметить, что на протяжении почти всего 1945 г. в решении корейского вопроса пытались принять участие еще 2 стороны, деятельность которых недостаточно освещена в отечественной и зарубежной историографии.

Первая из них — уже упоминавшийся Объединенный корейский комитет, действовавший в интересах Временного правительства Республики Корея. В 1944—1945 гг. деятельность Ли Сын Мана значительно активизировалась. В частности, в сентябре 1944 г. он связался с послом СССР в США А.А. Громько, желая установить дружеские отношения с советским руководством. Письмо, отправленное им А.А. Громько, заканчивалось следующими словами: «Объединенный корейский комитет в Америке убежден в том, что взаимопонимание и сотрудничество с народом Советского Союза необходимо корейскому народу для достижения успеха в обретении независимости и в определении своего статуса как народа, который должен быть освобожден. И... он ищет возможности... вступить... в дружеские отношения с народом Советского Союза»³⁰. Такие же авансы были сделаны американскому правительству. И И.В. Сталин, и Ф.Д. Рузвельт отреагировали на них весьма индифферентно³¹.

20 февраля 1945 г. заместитель госсекретаря США Дж. Данн сообщил послу США в Китае П. Херли, что Госдепартамент получил письмо от д-ра Сынмана Ри, председателя «Корейской комиссии», в котором содержится следующий абзац: «С 7 декабря 1941 г. мы вместе с членами Государственного департамента наблюдали неоднократные и очевидные признаки опасности того, что корейская коммунистическая армия, создаваемая в Сибири русскими, может ворваться в Корею в благоприятный для себя момент и захватить весь полуостров до того, как Корейское национальное демократическое правительство в изгнании найдет возможность вернуться в Корею»³². Получив срочное задание подтвердить или опровергнуть эти факты, поверенный в делах США в СССР Дж. Кеннан 17 апреля 1945 г. сообщил, что «все корейцы, как советские граждане, так и граждане Японии, были

²⁸ См. напр.: К итогам Московского совещания трех министров иностранных дел // Известия. 1945. 28 декабря. С. 1.

²⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 205. Л. 2—4.

³⁰ АВПРФ. Ф. 192. Оп. 11. П. 76. Д. 20. Л. 1—2.

³¹ FRUS. 1945. Vol. VI. P. 1022.

³² The Acting Secretary of State to the Ambassador in China. February 20, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1023, f. 15.

вывезены из Приморья еще в 1937 г. Консульство во Владивостоке никогда даже не слышало о так называемом Комитете освобождения Кореи, и весьма маловероятно, чтобы подобная организация была создана в таких явно неестественных условиях»³³.

Несмотря на то что чиновники Госдепартамента реагировали на его послания достаточно холодно, Ли Сын Ман продолжал действовать в той же манере, продолжая требовать признания Временного правительства Кореи в целях предотвращения советской экспансии в Корею. Так, 15 мая 1945 г. он написал Г. Трумэну очень любопытное письмо, начинавшееся со слов: «Мой дорогой Президент Трумэн, недавняя находка секретного соглашения, заключенного в Ялте и противоречащего Каирской декларации в отношении Кореи, была, без сомнения, так же удивительна Вашему Превосходительству, как и мне. Ваше Превосходительство вспомнит, что Корея уже не в первый раз становится жертвой секретной дипломатии...»³⁴.

Ответ на это послание последовал через 3 недели и был подписан одним из чиновников отдела по делам Дальнего Востока. В нем очень сухо констатировалось, что ялтинские соглашения полностью соответствовали Каирской декларации, а так называемое Временное корейское правительство не было и не будет признано Соединенными Штатами в качестве представителя корейского народа³⁵. Как видим, в июне 1945 г. Г. Трумэн еще строго следовал обязательствам в отношении Кореи, взятым на себя Ф.Д. Рузвельтом на Ялтинской конференции.

Пытаясь поссорить Москву и Вашингтон, Ли Сын Ман в то же время продолжал попытки наладить отношения с советским руководством. 28 марта 1945 г. он направил на имя А.А. Громько письмо, в котором выражал «дружеские теплые чувства, которые все время существовали между Россией и Кореей со времени подписания договора о торговле и дружественных отношениях в 1884 г.». Далее в письме говорилось о недопустимости выработки какой-либо послевоенной программы в отношении Кореи, поскольку она «приносит ущерб стремлениям и решимости Временного корейского правительства и корейского народа»³⁶. 6 апреля А.А. Громько переслал это письмо А.Я. Вышинскому³⁷. В НКВД на него, по совету А.А. Громько, решили вообще не отвечать за отсутствием политической целесообразности и малозначительностью возглавляемой Ли Сын Маном группы корейцев³⁸. О нем были наведены справки и составлен отчет, характеризовавший его как наиболее реакционную фигуру среди корейских политических лидеров, «верного слугу американского капитала» и сторонника создания независимой Кореи, в которой «вместо японских захватчиков на шею корейского народа будут

³³ The Chargé in the Soviet Union (Kennan) to the Secretary of State. April 17, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1024—1025. P. 1026—1027.

³⁴ The Chairman of the Korean Commission in the United States (Rhee) to President Truman. May 15, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1028—1029.

³⁵ The Acting Secretary of State to the Chairman of the Korean Commission in the USA (Rhee). June 5, 1945. FRUS. 1945. Vol. VI. Washington, 1945. P. 1029—1030.

³⁶ АВПРФ. Ф. 0192. Оп. 29 АВТО. П. 18. Д. 168. Л. 1—2.

³⁷ Там же. Л. 3.

³⁸ Там же. Л. 4.

сидеть корейские землевладельцы и капиталисты, поддерживаемые Соединенными Штатами» [Weathersby 1993: 19—20].

В начале 1946 г. Ли Сын Ман согласился распустить Временное правительство Кореи и начал сотрудничать с американской военной администрацией в Корее³⁹. Несмотря на то что в 1948 г. он стал первым президентом Южной Кореи, союзники относились к нему негативно. И американские, и британские дипломаты называли его «одержимым властью маньяком» [Kim 2009: 165], готовым «продать душу» за пост президента Кореи⁴⁰.

Второй малоизвестный участник корейской игры — Китайско-корейская народная лига под руководством Килсу Хаана — организация, объединявшая американских и гавайских корейцев и исповедовавшая так называемый конструктивный американизм. Еще в 1930-х гг. Хаан стремился доказать властям США, что американские корейцы могут оказать значительную помощь в борьбе с японской угрозой, которая виделась ему неизбежной [Kim 2011: 110]. В 1945 г. Китайско-корейская народная лига, выступавшая единым фронтом с прокоммунистической Корейской национальной революционной партией, попыталась исполнить роль посредника между СССР и США, надеясь тем самым укрепить свое положение в Корее. В отличие от Ли Сын Мана, старавшегося поссорить Москву с Вашингтоном, Хаан сделал ставку на их сотрудничество, которое представлялось ему единственной эффективной основой достижения независимости Кореи.

Получив известие о денонсации советским руководством советско-японского пакта о нейтралитете 5 апреля 1945 г., Килсу Хаан в тот же день послал А.А. Громыко поздравительную телеграмму, в которой говорилось, что Лига «готова сотрудничать и взаимодействовать с Советской Россией, чтобы разбить японцев»⁴¹.

По всей видимости, какие-то контакты между Килсу Хааном и Москвой существовали и до апреля 1945 г. Так, в архивах НКВД сохранился релиз от 7 декабря 1944 г. с отчетом агентов Хаана о возможном нападении Японии на СССР в мае-июне 1945 г. Из отчета следовало, что оно может стать упредительной мерой из-за страха Токио перед нападением СССР⁴².

2 мая 1945 г. в «Нью-Йорк таймс» было опубликовано открытое письмо соратника Хаана, президента Института по делам Кореи Ким Енчжона, под заголовком «Корея не продается». По сути это письмо защищало советское руководство от нападок тех, кто предсказывал скорый захват Кореи Советским Союзом, а недавно умершего президента Ф.Д. Рузвельта — от любых обвинений в секретном сговоре с И.В. Сталиным по Корее⁴³.

В письме А.А. Громыко от 8 августа 1945 г. Хаан желал «Союзу Советской России» удачи в войне с общим врагом и просил разрешения посетить его в удобное время. Кроме того, Хаан интересовался возможностью отправки представителя Лиги в Сибирь, не объясняя, впрочем, его полномочий и задач.

³⁹ FRUS. 1946. Vol. VIII. P. 627.

⁴⁰ The Political Advisor in Korea (Jacobs) to the Secretary of State. August 8, 1947. FRUS. 1947. Vol. VI. P. 746.

⁴¹ АВПРФ. Ф. 192. Оп. 12. П. 85. Д. 14. Л. 34.

⁴² Там же. Л. 35.

⁴³ Там же. Л. 41.

9 августа 1945 г. в очередном письме А.А. Громыко Хаан просил его сделать заявление о приверженности СССР формулировкам Каирской декларации и о предоставлении Корею «в надлежащий срок» свободы и независимости, поскольку такое заявление «поднимет дух 26 миллионов корейцев и... одним махом... опровергнет наветы некоторых антисоветски настроенных американцев и их корейских друзей вроде д-ра Сынмана Ри». В пример приводилось приложенное к письму аналогичное заявление министра иностранных дел Югославии И. Шубашича. «Более половины населения всего земного шара, живущего в Азии и на Ближнем Востоке, — писал далее Хаан, — наблюдает за развитием советской политики в Азии. Мы задаемся вопросом, совершит ли Россия ошибку, поглотив такую маленькую страну, как Корея, и утратив тем самым доверие сотен миллионов жителей Азии?»⁴⁴.

Как известно, советское руководство не пошло на такое заявление. Однако НКВД живо интересовался как деятельностью Лиги, так и личностью самого Хаана. Так, в этом же деле хранится не только биография Хаана, но и множество отзывов влиятельных американских политиков о нем самом и о работе Лиги⁴⁵.

5 сентября 1945 г. последовало еще одно письмо Хаана А.А. Громыко о возможности отправки представителя Лиги в Сибирь и Корею на советском торговом судне или самолете. В письме содержалось также очередное предупреждение о возрастании активности антисоветских корейских организаций в Америке — Корейской комиссии и Американского объединенного корейского комитета. В завершение письма Хаан предложил Москве помощь в формировании «хорошего стабильного корейского правительства»⁴⁶.

В письме от 9 октября 1945 г., ссылаясь на сообщения в прессе, Хаан благодарил советское правительство за «демократическую политику» в Северной Корее — отстранение от должностей японских чиновников и их арест, возвращение корейцам отнятой у них японцами собственности и т.д. Заканчивалось письмо следующей фразой: «Мыслящие корейцы хотят, чтобы между СССР и США царили единодушие и гармония». Для их достижения Лига и Корейская национальная революционная партия внесли на рассмотрение советского и американского руководства следующее предложение: создать временную рабочую комиссию из 18 представителей — 12 корейцев (6 из советской и 6 из американской оккупационной зоны) и 6 советских и американских чиновников со сроком работы 1 год — с 1 января по 31 декабря 1946 г. Задачи комиссии должны были включать:

- ликвидацию зон оккупации и создание единого советско-американского командования;
- подготовку и проведение в мае 1946 г. всекорейских выборов;
- созыв Учредительного собрания и создание Временного правительства не позднее 14 августа 1946 г. — пятилетней годовщины Атлантической хартии;
- создание органа по разбирательству дел о коллаборационизме;
- организацию временного земельного кооператива для распоряжения землей, отобранной у японских захватчиков и коллаборационистов⁴⁷.

⁴⁴ АВПРФ. Ф. 192. Оп. 12. П. 85. Д. 14. Л. 44.

⁴⁵ Там же. Л. 48, 49 об., 50.

⁴⁶ Там же. Л. 49 об.

⁴⁷ Там же. Л. 52—53.

Инициатива Хаана не нашла поддержки у руководства НКВД: на письме стоит пометка «Доложено. Оставить без ответа». Тем не менее какая-то коммуникация между Лигой и советской стороной продолжалась, по всей видимости, до конца 1945 г. Так, 15 декабря уже упоминавшийся президент Института по делам Кореи Ким Енчжон послал А.А. Громыко только что изданную карту Кореи с возвращенными корейскими топонимами⁴⁸. Получение этой карты со всеми необходимыми реверансами было подтверждено советским посольством 19 декабря 1945 г.⁴⁹

Никаких подтверждений продолжения контактов между Китайско-корейской народной лигой в 1946 г. и советским руководством найти пока не удалось. По всей видимости, их не было вообще или они были весьма спорадическими, поскольку на протяжении всего 1946 г. ситуация на Корейском полуострове продолжала оставаться неопределенной.

Позиция СССР в этот период была достаточно выигрышной. С одной стороны, выступая за объединение Кореи и создание временного правительства, Советский Союз выглядел подлинным защитником решений Московской конференции. С другой стороны, продолжающееся разделение полуострова на 2 зоны оправдывала сама политическая обстановка вокруг корейского вопроса, что позволяло Москве сохранять контроль над территорией и ресурсами северной части Кореи.

С конца 1945 г. до начала 1950 г. советская политика в отношении Кореи — соблюдение ялтинских обязательств наряду с обеспечением политического влияния в северной части полуострова — формально сохранялась практически в неизменном виде. Что касается американского руководства, то, как следует из известного выступления Д. Ачесона в Национальном пресс-клубе США 12 января 1950 г., так называемый оборонный периметр Соединенных Штатов не включал территорию Кореи, которая оказывалась вне зоны национальных интересов США⁵⁰.

Таким образом, до конца 1949 — начала 1950 г. ни СССР, ни США не рассматривали Корейский полуостров как потенциальный театр будущих боевых действий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Корейский вопрос и американские войска в Южной Кореи. Пхеньян, 2003.
Кошкин А.А. Россия и Япония: узлы противоречий. М.: Вече, 2010.
Кошкин А.А. Японский фронт Маршала Сталина. Факты. Документы. М.: Олма-Пресс, 2004.
Садаков Д.А. Корея 1945—1948. Решения США и СССР в процессе конструирования будущего полуострова как триггеры раскола // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 9. С. 33—45.
Того С. Воспоминания японского дипломата. М.: Новина, 1996.
Шабшина Ф.И. Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953 гг.). М.: Госуд. изд-во полит. литер., 1958.

⁴⁸ АВПРФ. Ф. 192. Оп. 12. П. 85. Д. 14. Л. 55.

⁴⁹ Там же. Л. 56.

⁵⁰ Crisis in Asia — An Examination of U.S. Policy. D. Acheson Speech in the National Press Club, January 12, 1950. Department of State Bulletin. 1950. No 22. January 23. P. 111—118.

- Borton H.* Spanning Japan's Modern Security: the Memoirs of Hugh Borton. N.Y.: Lexington, 2002.
- Byrnes J.F.* Speaking Frankly. N.Y.: Harper & Brothers, 1947.
- Cumings B.* The Origins of the Korean War: In 2 Volumes. Vol. I. Princeton: Princeton University Press, 1981.
- Dallin D.* Soviet Foreign Policy After Stalin. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1961.
- Kim R.S.* American Diplomacy and Strategy toward Korea and Northeast Asia, 1882—1950 and After: Perception of Polarity and US Commitment to a Periphery. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2009.
- Kim R.S.* The Quest for Statehood: Korean Immigrant Nationalism and U.S. Sovereignty, 1905—1945. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Shulman M.* Stalin's Foreign Policy Reappraised. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963.
- Slavinskii B.N.* The Japanese-Soviet Neutrality Pact, 1941—1945. Routledge, 2004.
- Stettinius E.R., Jr.* Roosevelt and the Russians. Garden City, N.Y.: Doubleday and Company, 1949.
- Taylor P.H.* Military Government Experience in Korea // American Experiences in Military Government in World War II. Ed. by Friedrich et al. editors. N.Y.: Rinehart, 1948. P. 355—377.
- Ulam A.* The Communists: The Story of Power and Lost Illusions: 1948—1991. New York and Toronto: Charles Scribner's Sons, 1992.
- Weathersby K.* Soviet Aims in Korea and the Origins of the Korean War, 1945—1950: New Evidence from Russian Archives. Paper prepared of the Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, D.C., 1993.
- Welles S.* Seven decisions that shaped History. N.Y.: Harper & Row, 1950.

Дата поступления статьи: 12.06.2017

Для цитирования: Минкова К.В. Советско-американские противоречия в решении корейского вопроса (1944—1945 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 839—856. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-839-856.

Сведения об авторе: Минкова Кристина Владимировна — канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: kristina_minkova@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-839-856

SOVIET-AMERICAN CONTRADICTIONS REGARDING KOREA (1944—1945)

K.V. Minkova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the place of the Korean problem in Soviet-American relations of the first post-war years. It reveals the foundations of Soviet and American policy towards the “Korean question” and introduces two new actors that operated on the U.S. territory and played a significant role in shaping this policy.

Stemming from principles of historicism and scientific objectivity, having carefully analyzed Soviet documents and compared them with those of the U.S., the author concludes that before the beginning of 1950, the Korean question has not been a top priority issue neither for Moscow nor for Washington. Both sides advocated the creation of an independent Korea (albeit with different goals and in their own unique understanding of “independence”). At the same time, at the end of 1945, the Korean question became one of the issues that prevented the Yalta agreements becoming a reality. Like a number of other issues that were considered at the same time and did not receive the expected and rapid solution, the Korean problem was no longer perceived by the Allies as an autonomous one. The emergence of mutual misunderstanding and suspicion between the USSR and the United States was partly promoted by the actions of the future

first president of South Korea, Syngman Rhee, who sought to increase his political capital through exciting enmity between the Soviet Union and the United States. A certain role in them was played also by the head of the Sino-Korean People's League Kilsoo Haan.

The change in Soviet policy towards Korea, which became one of the main reasons for the outbreak of the Korean War, occurred only in the early 1950 and was the result of a dramatic change in the political situation in the world, which differed dramatically from that of the Yalta agreements.

Key words: Korea, Yalta Conference, Truman, Stalin, Japan, Konoe, Syngman Rhee, Kilsoo Haan, the Korean Commission, Sino-Korean Peoples' League

REFERENCES

- Borton, H. (2002). *Spanning Japan's Modern Security: the Memoirs of Hugh Borton*. N.Y.: Lexington.
- Byrnes, J.F. (1947). *Speaking Frankly*. N.Y.: Harper & Brothers.
- Cumings, B. (1981). *The Origins of the Korean War: In 2 Volumes*. I. Princeton: Princeton University Press.
- Dallin, D. (1961). *Soviet Foreign Policy After Stalin*. Philadelphia: J.B. Lippincott.
- Kim, R.S. (2009). *American Diplomacy and Strategy toward Korea and Northeast Asia, 1882—1950 and After: Perception of Polarity and US Commitment to a Periphery*. N.Y.: Palgrave MacMillan.
- Kim, R.S. (2011). *The Quest for Statehood: Korean Immigrant Nationalism and U.S. Sovereignty, 1905—1945*. Oxford: Oxford University Press.
- Korean question and the American Forces in the Southern Korea*. (2003). Pyongyang. (in Russ.).
- Koshkin, A.A. (2004). *Stalin's Japanese Front. Facts. Documents*. Moscow: Olma-Press. (in Russ.).
- Koshkin, A.A. (2010). *Russia and Japan: Knots of Contradictions*. Moscow: Veche. (in Russ.).
- Sadakov, D.A. (2016). Korea, 1945—1948. Decisions of the USA and USSR in the Process of Constructing the Future of the Peninsula as the Triggers of Break-up. *Herald of Vyatka State University for the Humanities*, 9, 33—45. (in Russ.).
- Shabshina, F.I. (1958). *Essays on the Contemporary History of Korea, 1945—1953*. Moscow: Gospolitizdat. (in Russ.).
- Shulman, M. (1963). *Stalin's Foreign Policy Reappraised*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Slavinskii, B.N. (2004). *The Japanese-Soviet Neutrality Pact, 1941—1945*. London, N.Y.: Routledge.
- Stettinius, E.R. Jr. (1949). *Roosevelt and the Russians*. Garden City, N.Y.: Doubleday and Company.
- Taylor, P.H. (1948). *Military Government Experience in Korea*. In: ed. *American Experiences in Military Government in World War II*. Ed. by Friedrich et al. N.Y.: Rinehart, p. 355—377.
- Togo, S. (1996). *Memoirs of a Japanese Diplomat*. Moscow: Novina. (in Russ.).
- Ulam, A. (1992). *The Communists: The Story of Power and Lost Illusions: 1948—1991*. New York and Toronto: Charles Scribner's Sons.
- Weathersby, K. (1993). *Soviet Aims in Korea and the Origins of the Korean War, 1945—1950: New Evidence from Russian Archives*. Paper prepared of the Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, D.C.
- Welles, S. (1950). *Seven decisions that shaped History*. N.Y.: Harper & Row.

Received: 12.06.2017

For citations: Minkova, K.V. (2017). Soviet-American Contradictions Regarding Korea (1944—1945). *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 839—856. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-839-856.

About the author: *Minkova Kristina Vladimirovna* — PhD in History, Senior Lecturer of the Department of American Studies of the Faculty of International Relations of Saint Petersburg State University (e-mail: kristina_minkova@mail.ru).

© Минкова К.В., 2017

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-857-865

О РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Л.И. Ефремова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Автор, основываясь на практическом опыте реализации двустороннего взаимодействия КНР и РФ в области образования, раскрывает основные направления этого сотрудничества и анализирует его ключевые особенности. В статье приводятся конкретные примеры из опыта работы российских вузов и организаций с китайскими партнерами по согласованным направлениям двустороннего сотрудничества, совместного взаимодействия в области изучения и преподавания русского и китайского языков, создания ассоциаций профильных вузов России и Китая и пр.

Целью данного исследования является выявление особенностей практики взаимодействия ведущих российских и китайских университетов по развитию и реализации совместных образовательных программ с выдачей двойных дипломов. Отдельно анализируется актуальная нормативно-правовая база российско-китайского сотрудничества в области образования.

Одной из задач статьи стало рассмотрение сотрудничества обеих стран по продвижению русского и китайского языков, состояния вопроса изучения государственных языков стран-партнеров. Проводится статистический анализ количества китайских студентов, обучающихся в российских вузах, числа партнерских соглашений и программ, объемов бюджетной квоты, выделяемой на обучение китайских студентов в российских вузах.

В целом, актуальность статьи обусловлена общей тенденцией по расширению сотрудничества России и Китая в области образования, в частности, в рамках проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», по которому КНР является одним из приоритетных государств, а число китайских студентов, обучающихся на различных формах подготовки в российских образовательных организациях должно увеличиться до 100 тыс. человек.

Представляется, что статья привлечет внимание руководителей и работников международных подразделений вузов Российской Федерации, государственных и частных компаний, занимающихся сотрудничеством в сфере образования и науки с Китайской Народной Республикой.

Ключевые слова: Россия, Китай, образовательное сотрудничество, изучение русского языка, китайский язык

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАМКИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Договорно-правовая база современного российско-китайского сотрудничества в области образования основывается на Межправительственном соглашении о культурном сотрудничестве от 18 декабря 1992 г., соглашении «О взаимном признании и эквивалентности документов об образовании и ученых степенях от 26 июня 1995 г.» [Ганьшина 2015: 94], «Об изучении русского языка в Китае

и китайского в России от 3 ноября 2005 г.», а также «Соглашении между Минобрнауки России и Минобразования Китая о сотрудничестве в области образования от 9 ноября 2006 г.»¹ В рамках Азиатско-Тихоокеанского образовательного пространства также развиваются интеграционные процессы, РФ и КНР являются участниками Токийской конвенции о признании квалификаций [Филиппов, Сунь Юйхуа 2015].

Кроме того, нормативную основу для реализации мероприятий образовательных связей между двумя странами составляют протоколы и планы работ ежегодных заседаний межправительственных Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству и межведомственной Российско-китайской подкомиссии по сотрудничеству в области образования.

Российско-китайская подкомиссия по сотрудничеству в области образования (далее подкомиссия) действует с 2001 г., на ее заседаниях рассматриваются актуальные вопросы двустороннего взаимодействия и принимаются принципиальные решения, касающиеся развития сотрудничества в сфере образования.

В рамках подкомиссии функционирует Рабочая группа по вопросам взаимодействия в изучении и преподавании русского и китайского языков, развития двусторонних академических обменов и научного сотрудничества вузов (далее Рабочая группа). В ходе заседаний подкомиссии и рабочей группы с китайскими партнерами обсуждаются результаты мониторинга академических обменов и прямых партнерских связей между вузами РФ и КНР, выявляются приоритетные направления двустороннего взаимодействия на очередной период, в том числе плановые количественные показатели обменов студентами, аспирантами и научно-педагогическими работниками. В частности, по итогам заседаний было согласовано поэтапное увеличение квоты российских государственных стипендий для студентов из КНР, которые рекомендованы на учебу в России.

ДИНАМИКА ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

На 2017/18 уч. г. российское правительство выделит китайской стороне около 1 тыс. стипендий для приема в вузы РФ на обучение граждан Китая за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета. Особое внимание уделяется абитуриентам, поступающим в магистратуру и аспирантуру [Филиппов 2015].

В настоящее время в Китае обучается около 18 тыс. российских граждан, а в России обучается свыше 30 тыс. представителей молодежи Китая. Стороны уже договорились, что к 2020 г. общими усилиями постараются увеличить количественный показатель двухсторонней академической мобильности до 100 тыс. человек.

В этом контексте ряд высших учебных заведений (МГУ имени М.В. Ломоносова, МАДИ, МИСиС, РУДН, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Дальневос-

¹ Соглашение между Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902029769> (дата обращения: 12.06.2017).

точный федеральный университет, Новосибирский госуниверситет, Национальный исследовательский Томский политехнический университет и др.), получившие преимущественное право набора иностранных студентов, осуществили самостоятельный прием на полный курс обучения в магистратуру и аспирантуру граждан КНР по специальностям «филология», «педагогика», «экономика», «строительство», «машиностроение».

Ориентированный на страны АТР Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) предлагает гражданам КНР более 40 направлений подготовки бакалавров и магистров, 8 — специалистов и 17 — магистров и аспирантов, реализуемых на русском и английском языках. В университете в настоящее время реализуется 5 совместных образовательных программ с китайскими вузами, на которых обучаются около 300 граждан КНР. К 2020 г. планируется увеличение количества таких программ до 25 (до 1500 обучающихся). В рамках программ академических обменов с китайскими вузами-партнерами Дальневосточный университет готов к кратному увеличению числа граждан КНР, прибывающих на краткосрочный период времени (до одного семестра) по линии академических обменов (от 500 до 1000 человек в год). Для ДВФУ реализация программ академических обменов является важным направлением перспективного развития сотрудничества с китайскими вузами-партнерами².

В 2017 г. первых студентов принял российско-китайский университет в г. Шэньчжэне (КНР), созданный на базе МГУ имени М.В. Ломоносова и Пекинского политехнического университета согласно меморандуму о взаимопонимании и сотрудничестве между Министерством образования и науки России и Министерством образования Китая от 20 мая 2014 г. В новом вузе обучение должно проходить на трех языках: русском, китайском и английском. Выпускники получают сразу два диплома: МГУ и Пекинского политехнического университета. Прорабатывается вопрос об открытии центра русского языка в г. Шэньчжэне на базе совместного университета [Медяник 2016: 4].

В настоящее время создан Российско-китайский инженерный институт с участием Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого и Цзянсуского педагогического университета, ориентированного на обучение студентов по совместным образовательным программам по инженерным и экономическим направлениям подготовки. В этот вуз объявлен первый набор китайских студентов на новый учебный год в количестве 250 человек. Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I и Пекинского транспортного университета открывают транспортные институты как в России, так и в Китае. Институты будут совместно использовать высококачественные ресурсы в области образования, готовить высококвалифицированные кадры для развития экономик двух стран. Это очень ценный опыт в сотрудничестве вузов государств-партнеров.

² ДВФУ будет интересен для иностранных студентов. Режим доступа: <http://wap.ria.ru/education/20111024/469039310.htm> (дата обращения: 13.08.2017).

Важную роль в сотрудничестве между Россией и Китаем в сфере образования выполняет Российско-китайская ассоциация медицинских университетов (РКАМУ), которая уделяет большое внимание повышению качества медицинского образования в Китае и России, в соответствии с требованиями уровня медицины и научных исследований. РКАМУ рассматривается вузами-партнерами как академическая платформа, способствующая равноправному партнерству и совместному развитию медицинских университетов двух стран. В рамках Российско-китайской ассоциации медицинских университетов планируется создать «Ученый совет РКАМУ» и «Молодежный ученый совет РКАМУ».

В рамках деятельности РКАМУ между Харбинским медицинским университетом и Воронежской государственной медицинской академией подписано соглашение о создании на базе Воронежской государственной медицинской академии Центра китайской традиционной медицины.

НОВЫЕ ФОРМАТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Важную роль в образовательном пространстве двух стран играют также такие ассоциации профильных вузов, как Ассоциация российских и китайских технических университетов, университетов Дальнего Востока, Сибири и Северо-Восточных провинций КНР, экономических вузов, педагогических вузов. В настоящее время ведется работа по созданию ассоциации российских и китайских вузов в формате взаимодействия «Волга-Янцзы» [Коршунов 2015; Никитенко 2016].

Образовательные организации РФ и КНР выразили заинтересованность в создании ассоциаций вузов культуры, филологических, авиационных и сельскохозяйственных вузов. Российская и китайская стороны удовлетворены тем, что основными направлениями деятельности ассоциаций профильных вузов двух стран должны стать: объединение усилий для повышения качества профильного образования, превращение вузов — членов ассоциаций в ведущие учебно-научные, культурно-просветительские и общественные центры своих стран в целях развития системы подготовки специалистов с профильным университетским образованием и подготовки научно-педагогических кадров.

Большое значение для российско-китайского образовательного сотрудничества имеет состоявшийся 17—18 июня 2017 г. в г. Харбине XII форум ректоров вузов Дальнего Востока и Сибири России и Северо-Восточных регионов Китая (всего более 70 вузов) по теме «Университеты России и Китая в стратегии сопряжения ЕАЭС и пояса Шелкового пути». Особое внимание форум уделил вопросам расширения академической мобильности российских и китайских студентов и научно-педагогических работников, совершенствованию методики преподавания русского и китайского языков как иностранных, развитию инновационных технологий в образовании. Форум способствовал принятию важных решений по вопросам межвузовского сотрудничества в области науки, культуры и спорта, выполнения совместных образовательных программ.

Примечательно, что на современном этапе усиливается тенденция активизации прямых партнерских связей между российскими и китайскими учебными

заведениями из разных регионов двух стран. К настоящему времени заключено более 950 партнерских соглашений между вузами и организациями РФ и КНР, в которых с российской стороны участвуют 150 вузов, с китайской — около 600. В частности, вузы Москвы являются партнерами более 200 высших учебных заведений Китая. Партнерские связи с вузами Сибири и Дальнего Востока (Дальневосточный федеральный университет, Камчатский госуниверситет, Тихоокеанский госуниверситет, Сибирский федеральный университет, Северо-Восточный федеральный университет, Новосибирский госуниверситет, Иркутский госуниверситет, Томский госуниверситет и др.) наладили свыше 300 китайских университетов. В рамках такого сотрудничества реализуются совместные программы подготовки специалистов, повышения квалификации научно-педагогических кадров, изучения китайского и русского языков, организуются форумы ректоров ведущих университетов [Гурулева 2015: 151].

В целях оказания вузам, установившим прямые партнерские контакты, организационно-методической поддержки Минобрнауки РФ и Минобразования КНР заключили «Меморандум о сотрудничестве в реализации приоритетных направлений в области образования, направленного на развитие академической мобильности, увеличение количественных показателей двусторонних обменов в области образования и науки, расширение преподавания китайского и русского языков, изучение страноведения двух стран в образовательных учреждениях России и Китая».

По линии Российско-китайской подкомиссии по сотрудничеству в области образования ведется работа по наращиванию объемов образовательных обменов и повышению качественных показателей образовательного сотрудничества между Россией и Китаем.

ПРОДВИЖЕНИЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В целях реализации программы продвижения русского языка и образования на русском языке, утвержденной Советом по русскому языку при Правительстве Российской Федерации, будет осуществляться поддержка мероприятий по повышению квалификации китайских педагогов-русистов и преподавателей-предметников, ведущих обучение на русском языке в школах и образовательных организациях высшего образования Китая. Становится традиционной стажировка китайских студентов и преподавателей по русскому языку на базе Дальневосточного федерального университета, Северо-Восточного федерального университета, Калмыцкого государственного университета, Благовещенского государственного педагогического университета (ежегодно до 50 студентов и преподавателей из КНР) [Лейфа, Сергиенко, Лукина, Лю 2015].

На базе Дальневосточного федерального университета открыт Центр обучения русскому языку китайских студентов и школьников. Также в университете проводятся дополнительные учебные курсы, в рамках которых закрепляются навыки владения деловым русским языком, рассматриваются вопросы этикета, освещаются различные аспекты русской культуры, истории, традиций, искусства, особенности развития Дальнего Востока России.

Широкое распространение получают конкурсы на лучшее знание русского языка среди китайских школьников, организаторами которых выступают Китайско-российский комитет дружбы, мира и развития, Совет по преподаванию иностранных языков китайского общества по образованию при поддержке посольства России в КНР и Россотрудничества. В представительстве Россотрудничества в Пекине проводятся на регулярной основе рабочие встречи с преподавателями русского языка. В частности, последняя встреча состоялась с представителями Сюйчанского университета (г. Сюйчан, провинция Хэнань), по завершению которой Сюйчанскому университету было передано более 50 комплектов методической, учебной, справочной и художественной литературы с видеофильмами и аудиозаписями на русском языке, в том числе новые российские фильмы с китайскими субтитрами. Большой успех в Российском центре науки и культуры в Пекине (РЦНК) имел открытый урок для китайских и иностранных представителей, посвященный курсам русского языка для граждан, проживающих в Пекине. Участникам мероприятия (около 100 человек) была предложена мультимедийная презентация основной учебной программы курсов и тематические разделы различной тематики. По окончании презентации участники посетили занятия по русскому языку и выставку книг и учебных пособий по русскому языку в библиотеке РЦНК.

Продолжается работа по реализации совместной программы перевода и издания произведений российской и китайской классической и современной литературы. Координация работы по изданию соответствующих библиотек поручена Китайскому обществу по коллективному управлению авторскими правами на литературные произведения и российскому Институту перевода. Между этими организациями заключено соглашение о координации действий и о взаимном обмене правами на литературные произведения. Работа над созданием библиотек переводов литературных произведений выполняется в соответствии с намеченным графиком. По результатам совместной работы в России вышли в свет 20 книг китайских классиков и современников в переводе на русский язык. В КНР на данный момент издано 26 книг российских авторов.

В рамках Годов молодежных обменов между Россией и Китаем организованы летние школы по русскому языку и культуре для китайских студентов на базе Поволжского государственного технологического университета, Дальневосточного федерального университета, Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина), с общим количеством около 100 участников. Вклад в развитие российско-китайского образовательного сотрудничества вносит Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, который организует в дистанционном формате повышение квалификации педагогов-русистов Китая на интернет-портале «Образование на русском», разработанном институтом [Медяник 2016].

Важную роль в сотрудничестве по изучению государственных языков стран-партнеров играют институты Конфуция в России и центры русского языка и кабинеты Русского мира в Китае, которые ставят также целью ознакомление народов обеих стран с национальной культурой, историей в интересах укрепления добрососедских отношений между Россией и Китаем.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика обладают реальным потенциалом, позволяющим им занимать достойное место в мировом образовательном сообществе. В интересах двух стран — эффективное взаимодействие по использованию накопленного образовательного и человеческого потенциала для развития благосостояния своих народов, развития дальнейшего плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации 28.4320.2017/5.1.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ганьшина Е.И.* Российско-китайское гуманитарное сотрудничество в 90-е гг. XX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 88—97.
- Гурулева Т.Л.* Интеграция России в образовательное пространство АТР (на примере образовательного сотрудничества с КНР) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 4. С. 147—158.
- Коршунов С. В.* Ассоциация технических университетов России и Китая — новый институт международного сотрудничества в области образования // Высшее образование в России. 2015. № 4. С. 97—104.
- Лейфа А.В., Сергиенко Ю.П., Лукина Е.Ю., Лю Ю.* Опыт международного сотрудничества Китая и России в сфере образования // Педагогика. 2015. № 5. С. 121—125.
- Медяник Е.И.* Совместные проекты в области образования как инновационная форма сотрудничества России и Китая в XXI вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 1. С. 54—64.
- Никитенко Е.В.* Мотивация выбора вуза иностранными студентами: Дисс. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2016.
- Филиппов В.М.* Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 203—211.
- Филиппов В.М., Сунь Ю.* Роль Университета Шанхайской организации сотрудничества в сопряжении образовательных пространств Евразии // Государственная служба. 2015. № 6 (98). С. 15—17.

Дата поступления статьи: 15.09.2017

Для цитирования: *Ефремова Л.И.* О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 857—865. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-857-865.

Сведения об авторе: *Ефремова Лариса Ивановна* — канд. филос. наук, руководитель российской части Российско-китайской рабочей группы по вопросам взаимодействия в изучении и преподавании русского и китайского языков, развития двусторонних академических обменов и научно-технического сотрудничества вузов; проректор по международной деятельности Российского университета дружбы народов (e-mail: efremova_li@rudn.university).

RUSSIAN-SINO COOPERATION IN EDUCATION

L.I. Efremova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The author of the article, who is the chairman of the Russian part of the Russian-Chinese working group on interaction in the study and teaching of Russian and Chinese languages, the development of bilateral academic exchanges and scientific and technical cooperation of universities, analyzes the main directions of modern cooperation between Russian Federation and PRC in the field of education.

The article also gives examples from the practice of cooperation between Russian universities and organizations and Chinese partners on coordinated areas, joint interaction in the studying and teaching Russian and Chinese languages, the creation of associations of profile universities in Russia and China.

The aim of this research is to identify the specifics of the practice of cooperation between the leading Russian and Chinese universities in the development and implementation of joint educational programs with the double diplomas. Separately, the current regulatory and legal framework of Russian-Chinese cooperation in the field of education is also analyzed.

Author also considers the cooperation of the two countries in promoting Russian and Chinese languages, the issues of studying the state languages of partner countries. A statistical analysis of the number of Chinese students studying in Russian universities, the number of partnership agreements and programs, the volume of the budget quota allocated for the training of Chinese students in Russian universities is also conducted.

In general, the relevance of the article is due to the general tendency to expand cooperation between Russia and China in the field of education, in particular, within the framework of the priority project "Development of the export potential of the Russian education system", within which China is one of the priority states, as well as Chinese students studying in different forms of training in Russian educational organizations should increase to 100,000 people. It seems that the article will attract the attention of heads of state and private organizations engaged in cooperation with China in education and science.

Key words: Russia, China, educational cooperation, the study of the Russian language, Chinese language

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation 28.4320.2017 / 5.1.

REFERENCES

- Ganshina, E.I. (2015). Russian-Chinese Humanitarian Cooperation in 1990-s. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15(1), 88—97. (in Russ.).
- Guruleva, T.L. (2015). Integration of Russia into the educational space of the APR (on the example of educational cooperation with the PRC) *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (4), 147—158. (in Russ.).
- Korshunov, S.V. (2015). Association of Technical Universities of Russia and China — a new institute of international cooperation in the field of education. *Higher education in Russia*, 4, 97—104. (in Russ.).
- Leifa, A.V., Sergienko, Yu.P., Lukina, E.Yu. & Lyu, Yu. (2015). Experience of international cooperation of China and Russia in the field of education. *Pedagogy*, 5, 121—125. (in Russ.).
- Medyanik, E.I. (2016). Joint Educational Projects as an Innovative Form of Cooperation between Russia and China in the XXI century. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (1), 54—64. (in Russ.).

- Nikitenko, E.V. (2016). Motivation for choosing a university by foreign students [dissertation]. Khabarovsk. (in Russ.).
- Filippov, V.M. (2015). Internationalization of Higher Education: Major Trends, Challenges and Prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (3), 203—211. (in Russ.).
- Filippov, V.M. & Sun', Yu. (2015). The role of the University of the Shanghai Cooperation Organization in conjugation of the educational spaces of Eurasia. *Public service*, 6 (98), 15—17. (in Russ.).

Received: 15.09.2017

For citations: Efremova, L.I. (2017). Russian-Sino Cooperation in Education. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 857—865. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-857-865.

About the author: *Efremova Larisa Ivanovna* — PhD in Philosophy, Head of the Russian part of the Russian-Chinese Interaction Working Group in the studying and teaching of Russian and Chinese languages, the development of bilateral academic exchanges and scientific and technical cooperation of universities; Vice-Rector for International Activities, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: efremova_li@rudn.university).

© Ефремова Л.И., 2017

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-866-873

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
*Baldwin R.E. The Great Convergence:
Information Technology and the New Globalization.*
Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press
of Harvard University Press, 2016. — 344 p.**

Н.А. Волгина

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Автор монографии — Ричард Болдуин, профессор Института высшего образования в Женеве (Graduate Institute) и директор Центра исследований экономической политики в Лондоне (Centre for Economic Policy Research — CEPR). Его научные интересы сосредоточены в области глобализации, международной торговли, регионализма и европейской интеграции. Его диссертация, которую он защищал в Массачусетском технологическом институте, была написана под научным руководством Нобелевского лауреата Пола Кругмана.

Представленная книга стала своего рода обобщением ранее предложенных Р. Болдуином идей и концепций, и с этой точки зрения она вызывает несомненный интерес и является, на наш взгляд, очень своевременной на фоне происходящих в мировой экономике противоречивых и разнонаправленных глобализационных сдвигов.

В своих работах [Baldwin 2011; 2012; 2014; Baldwin, Lopez-Gonzalez 2015] Р. Болдуин, пытаясь описать современную сущность глобализации, связывает несколько понятий. Это идеи относительно unbundlings — нескольких видов «разделения» производства [Волгина 2016], на основе которых исследователь выделяет несколько этапов глобализации, в частности Старую глобализацию (Old globalization) и Новую глобализацию (New globalization), для которых характерна соответственно дивергенция и конвергенция доходов «богатых» и «бедных» стран мира.

200 ТЫСЯЧ ЛЕТ ИСТОРИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевая идея подхода Р. Болдуина состоит в том, что глобализация, как мы ее понимаем сегодня, не является застывшим феноменом, она постоянно изменяется по своему качеству, и, что еще более важно, будет продолжать изменяться.

В первой части своей книги ученый дает обзор истории глобализации, выделяя четыре ее фазы, которые, по мнению автора, охватывают последние 200 тыс. лет.

Первый этап глобализации, который, по Р. Болдуину, начался 200 тыс. лет назад, был связан с первыми передвижениями человека («миграцией») по земному шару в поисках более благоприятных условий для жизни, в первую очередь, получения пищи и тепла. На втором этапе глобализации, начало которого автор датирует десятым тысячелетием до нашей эры, продовольствие стало более доступным, народы стали занимать территории для постоянного проживания, начала развиваться «международная» торговля, правда, в самых незначительных масштабах, поскольку транспортные издержки были весьма велики. Ключевой особенностью этого периода было так называемое плато доходов населения. Весь мир (хотя Р. Болдуин говорит в основном о Европе) жил в рамках так называемой классической «мальтузианской ловушки», когда доход на душу населения никогда не повышался значительным образом, а часто даже и снижался. Мы не будем подробно останавливаться на этих этапах, отметим лишь важную деталь: по Р. Болдуину глобализация — это исторический феномен, связанный с процессами перемещения по миру чего-либо, будь то товары, идеи или люди.

Третий этап глобализации носит в книге название Старой глобализации и охватывает период с 1820 по 1990 г. Эта фаза глобализации совпадает с началом промышленной революции и связана с изобретением парового двигателя и развитием железных дорог, что привело к резкому снижению транспортных издержек и последующему росту торговли между различными частями света, а также к дивергенции доходов между богатыми и бедными странами.

На смену третьему этапу глобализации пришел четвертый — так называемая Новая глобализация. По мнению Р. Болдуина, главным стимулом смены фаз глобализации является изменение технологий (автор по преимуществу использует термин «ноу-хау»), т.е. материальной основы производства. В этом смысле мы можем проследить марксистскую составляющую взглядов Р. Болдуина. Новая глобализация была связана с прорывными информационно-коммуникационными технологиями, которые резко сократили стоимость миграции идей между странами. Все это привело к очень важным последствиям как с точки зрения международного размещения производства, так и с точки зрения распределения доходов между группами стран, чему Р. Болдуин дает название «Великая конвергенция». Р. Болдуин рассматривает последствия Новой глобализации, сравнивая их с результатами Старой глобализации. Последуем и мы этой логике.

СТАРАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПЕРВОЕ «РАЗДЕЛЕНИЕ» И «ВЕЛИКАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ»

«Промышленная революция», с плодами которой связана Старая глобализация, существенным образом изменила отношения человечества с окружающей средой в целом и с расстояниями, в частности. Развитие паровой тяги и железных дорог облегчило транспортировку товаров, и стоимость перевозок резко упала, что

привело к первому «разделению» производства и потребления в географическом пространстве: товары во все большей степени стали потребляться не только в тех географических локациях, где они были непосредственно произведены. Здесь следует упомянуть, что в экономическом сообществе Р. Болдуин известен, в первую очередь, благодаря именно этой идее «разделений» процесса производства, которая и лежит в основе его объяснения смены фаз глобализации.

Резкое снижение транспортных издержек позволило быстро расширить рынки сбыта за пределами Европы, которая в течение долгого времени оставалась крупнейшим производителем товаров (потом к ней присоединилась и Америка). Более того, расширение сбыта способствовало формированию промышленных кластеров в Европе и Америке и закреплению за ними роли промышленных лидеров. Как это повлияло на распределение доходов между странами?

Здесь следует сделать оговорку, относящуюся к терминологии Р. Болдуина. Мы привыкли к терминам «богатые страны», «страны Севера», «развитые страны» для характеристики промышленно развитых стран. Р. Болдуин отбирает из этой группы стран свою «великолепную семерку» (G7 — Group of Seven Nations), в которую входят США, Германия, Япония, Франция, Великобритания, Канада и Италия. Р. Болдуин полагает — и в этом с ним можно согласиться, — что именно эти страны были и продолжают оставаться мировыми технологическими лидерами, на которых приходилось около 70% глобального экономического производства. За период Старой глобализации (примерно 170 лет) доля доходов стран «семерки» значительно возросла: с 20% до примерно 70% всех мировых доходов. Кроме того, к 1990 г. существовало уже огромное неравенство между богатыми и бедными странами по такому показателю, как ноу-хау на одного рабочего. Это и есть «Великая дивергенция» по терминологии Р. Болдуина.

Почему такая ситуация с дивергенцией доходов продолжалась почти 200 лет? Автор предлагает свой оригинальный ответ на этот вопрос, связанный с так называемыми сдерживающими факторами глобализации, которые действуют одновременно (three cascading constraints). Первый сдерживающий фактор, который мешает развитию процессов глобализации, — это географические расстояния и транспортные издержки в международной торговле (trade costs — cost of moving goods). Другие сдерживающие факторы — это ограничения на передвижение идей и коммуникационные издержки (communication costs — costs of moving ideas) и ограничение на передвижение людей (face-to-face costs — costs of moving people). В период Старой глобализации удалось сократить издержки на транспортировку товаров, но препятствия для перемещения идей (не говоря уже о людях) были еще слишком велики; поэтому идеи (технологии) оставались в распоряжении «семерки», по выражению Р. Болдуина.

Однако с 1990-х гг. ситуация стала меняться, доля «семерки» в мировых доходах начала стремительно падать, и этот процесс продолжается. Эта тенденция есть отражение нового этапа глобализации, который разительным образом отличается от предыдущего. Это — Новая глобализация.

НОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ВТОРОЕ «РАЗДЕЛЕНИЕ» И «ВЕЛИКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ»

Как мы отмечали выше, Р. Болдуин придерживается взгляда, что сдвиги в конфигурации мировой экономики являются отражением изменений в технологиях производства. При описании этапа Новой глобализации он утверждает, что революция в информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ) привела не только к изменению архитектуры мировой экономики, но к «Великой конвергенции» в доходах различных групп стран. Начиная с 1990 г. (фактически Р. Болдуин имеет в виду конец XX столетия) вследствие распространения ИКТ издержки на международное движение идей резко сократились. «Снятие» данного ограничения привело к углублению процесса глобализации. Появившаяся относительная легкость в перемещении идей-технологий, по мнению Р. Болдуина, создала исключительно благоприятные возможности для разделения производственного процесса на отдельные стадии, размещенные в странах с разным уровнем издержек, т.е. международной фрагментации производства. Это и есть второе «разделение» производства в глобальном масштабе.

Ключевыми игроками в этом процессе фрагментации стали транснациональные корпорации (ТНК). Для синхронизации и координации деятельности производственного процесса в целом ТНК наряду с оффшорингом рабочих мест были также вынуждены перемещать свои маркетинговые, управленческие и технические ноу-хау за рубеж. Данное перемещение трудоинтенсивных стадий производства из стран с высокими зарплатами в страны с более низкими зарплатами создало благоприятные условия для экономического бума в последних. Р. Болдуин называет их «шестеркой индустриализирующихся стран» — I6 (Industrializing Six), которая включает в себя Китай, Южную Корею, Индию, Польшу, Индонезию и Таиланд. Эти страны сумели стать новыми производственными локациями, которые начали «оттягивать» на себя долю мирового экономического «пирога». По Р. Болдуину, в результате второго «разделения» производства и произошла «Великая конвергенция», т.е. сближение доходов развитых и развивающихся стран, настолько значимого процесса в мировой экономике, который и дал название книге Р. Болдуина.

Автор иллюстрирует свою идею «Великой конвергенции» такими цифрами: начиная с 1990 г. доля G7 в распределении мирового дохода начала резко падать, а доля I6 — расти. В настоящее время доля развитых стран составляет менее половины, причем большая доля «потерянного пирога доходов» перешла к Китаю.

Данные процессы способствовали быстрой индустриализации стран I6 и одновременной деиндустриализации стран G7. Ключевое отличие современной индустриализации от индустриализации времен Старой глобализации — это не полная индустриализация, через которую прошли страны G7, а частичная индустриализация через присоединение к глобальным или региональным производственным сетям, где страна ответственна за те или иные звенья производства. Весьма показателен в этом плане пример Южной Кореи, которая входит в классификацию I6.

Так, Южная Корея сумела достаточно быстро перейти от своей первоначальной модели автомобильного производства (созданной на основе импортозамещения в период Старой глобализации), где практически все комплектующие производились в стране, к созданию автомобильного производства на основе международного аутсорсинга или цепочки добавленной стоимости.

Какие еще последствия характерны для волны Новой глобализации? Наряду с индустриализацией и деиндустриализацией это одновременно есть процесс создания и распространения глобальных цепочек стоимости в обрабатывающей промышленности и сфере услуг. Часто этап Новой глобализации Р. Болдуин называет «революцией глобальных цепочек стоимости», подчеркивая исключительную важность и значимость этого явления для мировой экономики.

Революция глобальных цепочек стоимости существенным образом изменила характер конкуренции. В период Старой глобализации было уместно говорить о конкурентоспособности отдельных стран — например, США конкурировали с Китаем или Германией. Но сегодня товары уже не производятся полностью в рамках одной фабрики в одной стране. Как раз, наоборот, на повестке дня давно уже лозунг *Made in the World*, где идея товара разрабатывается в одной стране, различные его компоненты производятся в разных странах (включая страны с низкими трудовыми издержками), а собирается продукт для конечного потребителя в третьей стране. Как пишет Р. Болдуин, «черты промышленной конкурентоспособности в настоящее время во все большей степени определяются особенностями международного производства, а не границами отдельных стран». Другими словами, конкуренция в настоящее время идет не между национальными производителями, а между международными (региональными) производственными сетями, которые состоят из сложной комбинации региональных и глобальных цепочек. Конкуренция из внутринациональной уже стала по преимуществу кросс-национальной или международной, что налагает ряд требований к национальной экономической политике как богатых, так и бедных стран.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Поскольку Новая глобализация продолжает развиваться за счет быстрых технологических изменений и фрагментации производства, ее воздействие может быть весьма непредсказуемым и слабо поддающимся контролю. «Никто не может точно предсказать, какие стадии производства и какие виды работ будут затронуты в будущем, в мире, где контуры конкуренции в промышленности определяются оффшоринговыми фирмами. Глобализация может по-разному влиять на занятость рабочих в тех или иных секторах, и никто не является защищенным в этой новой ситуации», — пишет Р. Болдуин.

Новая глобализация бросает вызов национальным правительствам при проведении национальной экономической политики. Основная проблема, которую пытаются решить руководители «семерки» — как сдержать утечку тех рабочих

мест, которые перемещаются из «богатых» стран в «бедные» в рамках формирующихся производственных систем. Парадокс состоит в том, что в подавляющем большинстве случаев проблема, характерная для периода Новой глобализации, решается (или, точнее сказать, не решается) при помощи инструментов, которые были популярны и действенны в период Старой глобализации.

До 1990 г. страны, пытающиеся провести индустриализацию своей экономики, должны были фактически начинать с нуля и выстраивать отрасли промышленности полностью на своей территории. Такой путь весьма успешно прошла Корея, а также некоторые другие страны, включая отчасти Китай. Промышленной политике импортозамещения (и экспортной ориентации) соответствовала торговая политика протекционизма; это были работающие инструменты Старой глобализации, при помощи которых достигались такие цели, как повышение национальной конкурентоспособности промышленности и рост занятости.

Работают ли эти инструменты в период Новой глобализации, в эпоху глобальных цепочек стоимости и изменившегося характера конкуренции? На этот вопрос Р. Болдуин дает однозначный ответ: нет! В эпоху Новой глобализации политика протекционизма (торгового, инвестиционного, миграционного) становится неэффективной, поскольку экспорт стран во все большей степени базируется на их импорте: чем дешевле импорт из различных звеньев цепочки, тем конкурентоспособнее «национальный» экспорт, состоящий из производства тех или иных продуктов в рамках той же цепочки стоимости.

Р. Болдуин полагает, что развитые страны должны, в первую очередь, сосредоточиться на обучении и переобучении тех рабочих, которые потеряли свои места в результате фрагментации производства, а не на попытках сохранить занятость, которую уже невозможно вернуть. Кроме того, богатые страны должны создавать четкие правила для эффективного управления инвестициями и правами на интеллектуальную собственность для того, чтобы в максимальной степени сохранить свои права на передаваемую технологию. Бедные страны должны проводить постепенную индустриализацию через встраивание в существующие цепочки стоимости, сначала опираясь на импорт технологии и привлечение зарубежных инвестиций, а уже затем — на расширение производственных мощностей в местных локациях, проводя при этом скорее политику свободной торговли, нежели чем ориентируясь на протекционизм.

БУДУЩЕЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Теория не была бы теорией, если бы не обладала прогностической функцией. В рамках предложенной парадигмы Р. Болдуин предсказывает ряд тенденций, с которыми мы столкнемся в будущем, на следующем этапе глобализации.

Ученый утверждает — и, на наш взгляд, совершенно справедливо, — что, несмотря на некоторые современные явления и факты деглобализации, процесс глобализации не затухает, он просто приобретает другие формы и вступает в свою новую фазу. Центральной идеей здесь является то, что возникают новые технологические изобретения, которые, получив широкое распространение, смогут

«убрать» еще одно препятствие для продвижения глобализации — препятствие для передвижения людей (face-to-face costs). Что имеет в виду Р. Болдуин? Прежде всего, новейшие технологии телеприсутствия и робототехники (teleroobotics and telepresence), которые уже существуют, но пока очень дороги для массового использования и слишком велики по объему и тяжеловесны (вспомним первые компьютеры!). Между тем Skуре уже является широко используемой технологией, а хирургические операции на расстоянии — это также реальность, хотя и весьма редкая. Но со временем, по мнению Р. Болдуина, эти недостатки будут преодолеваться, и перемещение людей не будет носить характер исключительно физического перемещения (третье «разделение» — людей от места производства).

Каковы будут последствия протекционистской политики на приближающемся этапе глобализации, в первую очередь, для рынка труда? Если мы поставим высокие торговые барьеры для защиты наших рабочих мест в развитых странах, то занятость не будет мигрировать в другие страны, просто рабочие «человеческие» места будут заменены роботами. Этот тренд уже прослеживается в некоторых отраслях. Р. Болдуин пишет очень жестко: мы должны понять: чтобы мы ни делали, наши рабочие места не вернутся обратно; следовательно, нужны другие подходы.

Во введении к своей монографии Р. Болдуин заявляет, что ее чтение «изменит наш взгляд на глобализацию». И это совершенно справедливо. Исследователь претендует на то, чтобы представить не просто описание глобализации (таких книг написано великое множество), а предложить собственную теорию глобализации. На наш взгляд, с поставленной задачей автор справился. Стоит ли рекомендовать эту книгу для чтения? Безусловно, особенно для молодых ученых, поскольку она действительно помогает понять, в чем особенности современного этапа глобализации, как она будет видоизменяться, и какая нужна политика, чтобы минимизировать ее негативные и противоречивые последствия. В заключение хотелось бы отметить, что в 2018 г. книга выйдет в России на русском языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Волгина Н.А. Макроэкономическая взаимозависимость в эпоху глобальных цепочек стоимости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 133—139.
- Baldwin R. Trade and Industrialisation after Globalisation's 2nd Unbundling: How Building and Joining a Supply Chain are Different and Why it Matters // NBER Working Paper. 2011. № 17716.
- Baldwin R. WTO 2.0: Global Governance of Supply-Chain Trade // Centre for Economic Policy Research. Policy Insight. December 2012. № 64.
- Baldwin R. Trade and Industrialization after Globalization's Second Unbundling: How Building and Joining a Supply Chain are Different and Why It Matters // *Globalization in an Age of Crisis: Multilateral Economic Cooperation in the Twenty-First Century*. Ed. by R.C. Feenstra, A.M. Taylor. Chicago: University of Chicago Press, 2014. p. 165—212.
- Baldwin R., Lopez-Gonzalez J. Supply-Chain Trade: A Portrait of Global Patterns and Several Testable Hypotheses // *World Economy*. 2015. № 38 (11). P. 1682—1721.

Дата поступления статьи: 15.09.2017

Для цитирования: Волгина Н.А. Рецензия на монографию: Baldwin R.E. *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016. — 344 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 866—873. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-866-873.

Сведения об авторе: Волгина Наталья Анатольевна — д-р экон. наук, профессор кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: volgina_na@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-866-873

**REVIEW OF THE BOOK:
Baldwin R.E. *The Great Convergence:
Information Technology and the New Globalization.*
Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press
of Harvard University Press, 2016. — 344 p.**

N.A. Volgina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

REFERENCES

- Baldwin, R. (2011). Trade and Industrialisation after Globalisation's 2nd Unbundling: How Building and Joining a Supply Chain are Different and Why it Matters. *NBER Working Paper*, 17716.
- Baldwin, R. (2012). WTO 2.0: Global Governance of Supply-Chain Trade. *Centre for Economic Policy Research. Policy Insight*, 64.
- Baldwin, R. (2014). Trade and Industrialization after Globalization's Second Unbundling: How Building and Joining a Supply Chain Are Different and Why It Matters. In: *Globalization in an Age of Crisis: Multilateral Economic Cooperation in the Twenty-First Century*. Ed. by R.C. Feenstra & A.M. Taylor. Chicago: University of Chicago Press, p. 165—212.
- Baldwin, R. & Lopez-Gonzalez, J. (2015). Supply-Chain Trade: A Portrait of Global Patterns and Several Testable Hypotheses. *World Economy*, 38 (11), 1682—1721.
- Volgina, N.A. (2016). Macroeconomic interdependence in the age of global value chains. *RUDN Journal of Economics*, 4, 133—139. (in Russ.).

Received: 15.09.2017

For citations: Volgina N.A. (2017). Review of the book: Baldwin R.E. *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2016. — 344 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 866—873. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-866-873.

About the author: Volgina Natalia Anatolievna — Doctor of Economics, Professor of the Department of International Economic Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: volgina_na@rudn.university).

© Волгина Н.А., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-874-881

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
История Китая с древнейших времен до начала XXI века:
В 10 т. / Гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Институт
Дальнего Востока РАН. Т. IX: Реформы и модернизация
(1976—2009) / Отв. ред. А.В. Виноградов.
М.: Наука, 2016. — 996 с.

Л.И. Кондрашова

Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия

В век Интернета и смартфонов книги стали куда менее востребованными. Но хотелось бы верить, что недавно вышедший девятый том десятитомной серии «Истории Китая», посвященный современному периоду от «культурной революции» до 60-летней годовщины КНР, ждет более счастливая участь, и к нему будут обращаться политики и студенты, интересующиеся современным Китаем, за короткий срок вырвавшимся в авангард мировых экономических гигантов. Читатели получают исчерпывающие ответы на свои запросы и могут быть уверены в надежности получаемых данных. Авторами статей являются 37 видных российских синологов, в числе которых 10 докторов и 21 кандидат наук [Журавлева 2015]. Все они владеют китайским языком, посвятили свою жизнь изучению Китая. Следует отметить крайне спокойный и доброжелательный тон изложения материала, хороший литературный язык. Большой вклад внес ответственный редактор тома А.В. Виноградов, который сумел не только сгладить неизбежные в среде ученых противоречия, отредактировать представленные материалы, но и лично написать почти треть всего опубликованного текста. Искреннюю благодарность заслужил корифей российской синологической науки, главный редактор всей десятитомной серии академик С.Л. Тихвинский, которому принадлежит инициатива издания, подбор рабочего коллектива, решающий голос при принятии концептуальных решений.

Комплексный характер работы выразился в широком охвате проблем как внутренней, так и внешней политики Китая. В разделах тома детально рассматриваются эволюция политического и экономического курса КНР в исследуемые годы, создание новых механизмов, разработка и корректировка реформ, установление отношений КНР с ведущими мировыми державами, а также проблемы экологии, религии, культуры и многие другие.

Исторические работы отличаются тем, что во главу угла ставится описание событий в их строгой хронологической последовательности, далекое и близкое,

настоящее и прошлое равны в своей исторической значимости, но требуют не одинакового подхода. Обращение к отдаленному прошлому затруднено тем, что уже нет прямых свидетелей происходившего, но зато сам исследователь полностью свободен в изложении своих взглядов и полемизирует только со своими коллегами. В случае анализа событий вчерашнего дня наличие разных взглядов трудно привести к одному знаменателю, исследователь сталкивается с обилием политически скользких и даже официально запретных тем, ощущает недостаток апробированных теоретических подходов. Именно с такими сложностями пришлось разбираться авторам данного тома.

Первая трудность — выбор объектов исследования, поскольку нельзя объять необъятное. Из многочисленных аспектов внутренней политики особенно повезло, на наш взгляд, политической тематике, которая оказалась в руках ответственного редактора тома. При большой широте его эрудиции политика — его конек, он прекрасно владеет материалом, является автором большого количества фундаментальных трудов. Очень хороший подбор авторов и в экономических разделах — А.В. Островский и В.Я. Портяков — два заместителя директора ИДВ РАН, крупные специалисты по экономике КНР, В.Я. Портяков к тому же — главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока» [Журавлева 2015]. В работе над томом участвовали такие уникальные специалисты в своей области, как Н.Е. Боровская (образование), С.А. Горбунова (религия), И.В. Ушаков (экология), Н.Е. Демидо (театр, спорт).

Можно ожидать, что наиболее востребованными окажутся разделы, посвященные особенностям китайской «открытой политики». В них дается квалифицированное описание эволюции внешнеполитических и внешнеэкономических отношений Китая с другими странами, затрагиваются важные вопросы использования Китаем иностранного технического и управленческого опыта. Очень хорошо описаны история создания и особенности функционирования специальных экономических зон [История Китая... 2016: 247—259, 352—356]. Менее повезло, на наш взгляд, социологической тематике. Хотя в экономических разделах уделено определенное внимание и социологическим вопросам, хороший материал представила известный синолог-демограф Е.С. Баженова [История Китая... 2016: 205—207, 464—465, 708—710], но такие вопросы, как социальная структура китайского населения [Кондрашова 2014], проблема миграции и положения крестьянских мигрантов, растущая дифференциация доходов населения и др. не получили должного освещения.

Полностью доверяя квалификации авторов и добротности представленных материалов, хотелось бы высказать некоторые соображения в отношении использованных понятий, задуматься над тем, что до сих пор казалось весьма очевидным. Начнем с привычного понятия «реформа».

Весь временной промежуток, охватываемый данной работой, приходится на сложный процесс изменений китайской общественной жизни, обозначаемый словом «реформа». Четыре главы в своих названиях содержат слово «реформа»;

что касается последующих глав, то они тоже посвящены ее продолжению. На наш взгляд, стоило бы дать свое толкование понятию «реформа» и его содержанию в китайских условиях. Поскольку китайской реформе через год исполнится уже 40 лет, вечная привязка к этому ключевому слову лишается смысла. В действительности реформа как комплекс мероприятий по созданию новых политических и экономических институтов на наших глазах перерастает в трансформацию, которая по своему содержанию куда шире, чем реформа, включает в себя и решение обычных структурных задач, и антиреформистские отступления, и корректировку реформы в ее первоначальном варианте. Фактически мы имеем дело с длительным и сложным процессом становления государства нового типа, что можно считать одним из самых важных политических и экономических сдвигов современной эпохи [Кондрашова 2015]. Где поставить точку китайских реформ — задача научных исследований.

Важная теоретическая проблема — идентификация Китая с социализмом. В самом Китае принято формационное обозначение проводимого курса как «социализм с китайской спецификой». В настоящее время это определение полностью отождествляется с конфуцианским представлением об обществе «сяокан».

Общая оценка значения китайского пути еще не устоялась. К тому же мировая общественная наука находится в кризисе, теоретические разработки явно отстают от требований времени. Плюс ко всему — дипломатичность российских ученых не позволяет им вступать в полемику с китайскими политиками и исследователями, тем более в случае с официальными китайскими установками. В самом Китае засилье идеологических штампов преодолевается с трудом. Не секрет, что до сих пор многие материалы остаются засекреченными, а на широкое обсуждение наиболее чувствительных проблем наложен запрет.

К числу таких слабо изученных тем до недавнего времени относилась расправа с «бандой четырех», что стало основным предварительным условием осуществления реформ в Китае. Скорость проведения этой операции, полная согласованность действий ее участников, радикальность последующих перемен позволяют трактовать ее как хорошо подготовленный политический переворот [История Китая... 2016: 18—22]. Пришедшее к власти реформистски настроенное китайское руководство, расправившись с наиболее ревностными последователями Мао Цзэдуна, немедленно продемонстрировало свою враждебность «леворадикализму» не только в «личном плане», но и концептуально, осудив «большой скачок» и «культурную революцию». Это означало полный разрыв с «традиционной» моделью социализма в ее маоистском варианте, основанной на административно-командных методах управления, широком обобществлении производства и внешнеэкономической замкнутости, но без заявлений о смене общественного строя и общей социалистической ориентации. Можно сказать, что после смерти Мао Цзэдуна и ареста его соратников к власти в Китае пришли «другие коммунисты», ярые приверженцы модернизации страны, вынужденные многие годы камуфлировать свои убеждения традиционной коммунистической фразеологией и преданностью Мао Цзэду, искать компромиссы со своими коллегами по партии и участвовать в чуждых им политических кампаниях.

Еще более засекреченным событием в жизни страны выглядит трагедия на площади Тяньаньмэнь весной и летом 1989 г. [История Китая... 2016: 430—447]. Разгон участников студенческого бунта летом 1989 г. завершился победой руководства КНР над либеральным диссидентством ценой многих человеческих жизней и потери международного авторитета Китая. Приведенная в рецензируемой работе официальная китайская оценка числа жертв в 300 человек выглядит явно заниженной по крайней мере в 10 раз [История Китая... 2016: 441]. Гибель многих молодых людей, полных надежд и романтических устремлений, не может не вызвать осуждения китайского руководства, не сумевшего предотвратить нараставший накал протестных страстей. Вместе с тем нельзя не признать, что предпринятые решительные действия со стороны силовых органов помогли избежать дальнейшего развития событий по сценарию «бархатных революций», ставших позднее столь распространенными в бывших социалистических странах. Провал попытки провести в Китае «перестройку» по советскому образцу позволил сохранить единство и целостность страны, существование коммунистической партии и курс на проведение кардинальных политических и экономических реформ.

Этот вывод разделяют не все. Автор раздела «Противостояние в партии и обществе» [История Китая... 2016: 442—447] Ю.М. Галенович считает, что студенческое движение не достигло поставленных целей потому, что его лидеры не выдвигали задачу борьбы против государственного механизма, против компартии и социализма. Получается, что если бы выдвигали такие цели, то могли бы рассчитывать на победу. Но кому во благо? Еще одной причиной поражения восстания автор раздела считает тот факт, что со студентами не объединились широкие слои городского населения [История Китая... 2016: 444]. На самом деле, эта слабость протестующих показывает как раз сохранившийся авторитет власти и партии, у которых впоследствии нашлись силы признать допущенные ошибки, пресечь развитие негативной тенденции и направить страну на проведение кардинальных преобразований. Поэтому идеалы студенчества на построение великого и процветающего Китая не были похоронены, а оказались воплощенными в государственной политике «реформ и открытости», которая произвела на свет «китайское чудо».

Касаясь применимости к Китаю устоявшихся политэкономических понятий, нельзя обойтись без разговора о терминах «частное» и «общественное». История Китая по существу протекала в условиях компромисса между государственно-административным и феодально-удельным вариантами развития с постепенной эволюцией верховной государственной собственности в иерархическую с характерной для нее бюрократической стратификацией, при которой имущественное положение индивида было напрямую и достаточно тесно связано с той государственно-политической функцией, которую он выполнял. Развитие товарно-денежных отношений с самого начала было сильно ограничено государственной властью, опасавшейся резких имущественных различий, разорения крестьянства и появления в лице богачей самостоятельной социально-политической силы, которая мог-

ла бы противостоять всевластию правителя. Такому «раскладу сил» в пользу государственного начала способствовало господствовавшее конфуцианское учение с приматом общественной пользы над корыстным частным интересом. Опиравшееся на разветвленную административную иерархию «бюрократическое государство» выступало как ультраконсервативная сила, использовавшая в целях сохранения статус-кво, поддержания мира и порядка различные методы внеэкономического принуждения.

Вступление Китая на социалистический путь развития можно объяснить, помимо особых международных условий и сложившегося соотношения политических сил внутри страны, прочными традициями института «власть-собственность» и культурным наследием, которое помогло широкому восприятию неоспоримых преимуществ «общественной собственности на средства производства» и коллективизма. Современное отступление от прежних догматов марксистского учения весьма характерно для реформы отношений собственности, которая основывается на отрицании особого монополистического статуса государственной собственности и на признании правомочности всех форм негосударственной собственности. Прежняя нетерпимость по отношению к частной собственности сменилась толерантным допуском всех форм собственности, способным обеспечить выполнение амбициозных экономических задач.

Особо хотелось бы отметить разделы работы, посвященные разбору китайских теоретических дискуссий: «Дискуссии о критерии истины» [История Китая... 2016: 71—77], «Дискуссии о гуманизме и отчуждении» [История Китая... 2016: 124—127], «Дискуссии о марксизме» [История Китая... 2016: 369—373], «Обсуждение стратегии экономических преобразований» (с. 536—543), «Социально-экономические дискуссии в 2000-х годах» [История Китая... 2016: 652—664]. Их авторы — О.Н. Борох и А.В. Виноградов — продемонстрировали отличное владение китайским материалом и превосходную политэкономическую эрудицию. Нам кажется, что эти статьи стоило бы объединить в рамках отдельного раздела, посвященного идеологическим проблемам.

Знакомство с китайскими дискуссиями показывает противоборство разных политических сил в отношении стратегии общественного развития КНР. Сравнение выдвигавшихся политических платформ позволяет говорить о наличии трех разных реформистских проектов. В лагере «реформаторов-радикалов» было немало приверженцев абсолютного господства рынка, «нормальных» частнособственных отношений, широкого развития экономической и политической демократии. Китайские либералы стояли за полный и решительный отказ не только от прежних утопических социальных экспериментов маоистского толка, но и от бесперспективного, на их взгляд, «реформирования социализма», за снятие всех преград на пути приватизации и установления режима политического плюрализма. Социальной базой таких прокапиталистических устремлений служил нарождавшийся слой предпринимателей, прозападно настроенных представителей научной и творческой интеллигенции.

Радикальным устремлениям с явной симпатией в отношении капитализма, либерализма и демократии противостоял другой экстремум — приверженцы марк-

систского социализма и «идей Мао Цзэдуна», которые усматривали в рыночном реформировании сохраняющуюся опасность «реставрации капитализма». Между этими двумя полюсами находились «умеренные реформаторы», готовые к решительным действиям ради преодоления экономической отсталости, но при сохранении политической стабильности. Признавая необходимость рынка и конкуренции для материального стимулирования трудовой деятельности и предпринимательской инициативы, повышения эффективности производства и изживания государственного патернализма, они в то же время считали главной целью реформирования рост благосостояния всех слоев общества, сохранение порядка в стране и легитимной смены руководства. Отмежевываясь от леворадикальной программы «большого скачка» и «культурной революции», эти «реформаторы-прагматики» выступали за постепенную демократизацию общественной жизни, но без посягательств на решающую политическую и экономическую роль государства и коммунистической партии. В результате именно такое содержание стало вкладываться в официальное понятие «социализма с китайской спецификой».

При проведении современной реформы Китай отошел от прямого следования рецептам Международного валютного фонда (МВФ) и других международных организаций, однако общий стратегический курс по многим параметрам совпал с рекомендациями западных экономистов в отношении рыночного реформирования бывших социалистических стран. Поэтому рано говорить об отторжении «буржуазной либерализации», тем более когда возрождение класса буржуазии идет по нарастающей. Прав был Чэнь Юнь, исполняющий обязанности председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (1976—1978), заместитель председателя Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (1956—1966, 1978—1987), когда в 1985 г. заявлял, что открытая политика и экономические реформы неизбежно влекут за собой проникновение буржуазной идеологии [История Китая... 2016: 303].

Решения политических форумов последних лет свидетельствуют о том, что Китай подошел к очередному водоразделу своей истории и истории своей хозяйственной реформы и готов предпринять решительные действия по исправлению допущенных просчетов. Самое очевидное, что Китай должен развивать свою экономику и свои политические институты с учетом природных и демографических особенностей, темпами и в сроки, которые диктуются существующими реалиями при соблюдении требований управляемости страны и поддержания политической стабильности.

Поздравляя авторов этого фундаментального исследования с его выходом в свет, а читателей с возможностью расширить свои познания о Китае, хочется надеяться на большее внимание нашей науки к изучению Китая и на появление новых глубоких работ синологического направления с подключением ученых самого разного профиля — экономистов, политологов, социологов и культурологов. Работы для них непочатый край.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Журавлева Е.В. Китаеведение в России. Интервью с заместителем директора Института Дальнего Востока РАН В.Я. Портяковым // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 162—168.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. IX: Реформы и модернизация (1976—2009) / Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / Под ред. С.Л. Тихвинского. М.: Наука; Восточная литература, 2013—2017.

Кондрашова Л.И. Китай на пути создания национальной социальной модели // 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: горизонты реформ / Отв. ред. А.В. Островский. В 2 частях. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 24—34.

Кондрашова Л.И. Китай: современное «углубление реформы» как новый этап построения рыночной экономики // Новые аспекты социально-политического развития КНР: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ. Москва, 18—19 марта 2015 / Под ред. А.В. Виноградова. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 70—82.

Дата поступления статьи: 15.09.2017

Для цитирования: Кондрашова Л.И. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / Гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Институт Дальнего Востока РАН. Т. IX: Реформы и модернизация (1976—2009) / Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука. 2016. — 996 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 874—881. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-874-881.

Сведения об авторе: Кондрашова Людмила Ивановна — д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской Академии наук (e-mail: lu2701@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-874-881

REVIEW OF THE BOOK:

Vinogradov A.V. (eds.). (2016). History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 Volumes. Vol. IX: Reforms and modernization (1976—2009). Moscow: Nauka. — 996 p. (in Russ.)

L.I. Kondrashova

Institute for Far Eastern Studies of Russian Academy of Science, Moscow, Russia

REFERENCES

Kondrashova, L.I. (2014). China on the road to the creation of a national social model. In: *3rd plenum of the Central Committee of the CCP of the 18th convocation: horizons of reforms*. Ed. by A.V. Ostrovskiy. In 2 chapters. Moscow: IFES of RAS, p. 24—34. (in Russ.).

Kondrashova, L.I. (2015). China: Modern “deepening of reform” as a new stage in building a market economy. In: *New aspects of the socio-political development of the PRC. Materials of the annual scientific conference of the Center for Policy Studies and Forecasts of IFES of RAS*. Moscow, March 18—19, 2015. Ed. by A.V. Vinogradov. Moscow: IFES of RAS, p. 70—82. (in Russ.).

Tikhvinskiy, S.L. (2013—2017). *History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 Volumes*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura. (in Russ.).

Vinogradov, A.V. (eds.) (2016). *History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 Volumes. Vol. IX: Reforms and modernization (1976—2009)*. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Zhuravleva, E.V. (2015). Sinology in Russia. Interview with Deputy Director of Institute for Far Eastern Studies of Russian Academy of Science Vladimir Portyakov. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (1), 162—168. (in Russ.).

Received: 15.09.2017

For citations: Kondrashova, L.I. (2017). Review of the Book: Vinogradov A.V. (eds.) (2016). *History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 Volumes. Vol. IX: Reforms and Modernization (1976—2009)*. Moscow: Nauka. — 996 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 874—881. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-874-881.

About the author: Kondrashova Lyudmila Ivanovna — Doctor of Economics, Senior Researcher of the Institute for Far Eastern Studies of Russian Academy of Science Sciences (e-mail: lu2701@yandex.ru).

© Кондрашова Л.И., 2017

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУДН

Кафедра теории и истории международных отношений (ТИМО) РУДН исследует международные конфликты в различных регионах мира

Преимущества

- ◆ Междисциплинарность (исторические, политические, экономические, юридические аспекты международных конфликтов)
- ◆ Количественные методы анализа (компьютерные базы данных по международным конфликтам)
- ◆ Активное привлечение представителей диаспоры из изучаемых стран и регионов (в РУДН обучаются студенты из более чем 150 стран мира)
- ◆ Телемосты с ведущими научными центрами мира

Методика

Научные мероприятия

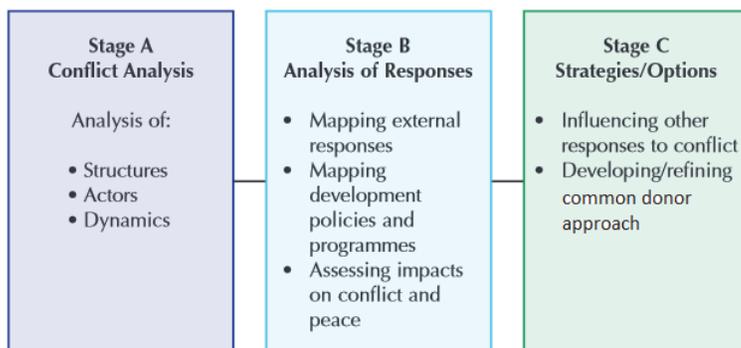
- ◆ Ежегодное (апрель) мероприятие по теории и практике анализа международных конфликтов (e-mail: sitanalyzrudn@gmail.com)

Год	Экспертный семинар (методика)	Ситуационный анализ РУДН (анализ конфликтов в одном из регионов)
2014	Теория и практика ситуационных анализов	Африка пост-Кадафи: новая дуга нестабильности
2015	Динамический хаос, механизмы глобального управления и международные конфликты	Большой Ближний Восток: двадцать лет спустя (1994—2014)
2016	Психологические аспекты МО, агентное моделирование, конструктивизм	Конфликтный потенциал постсоветского пространства
2017	—	Американская стратегия сдерживания КНР и конфликтный потенциал АТР
2018	—	Конфликтный потенциал Латинской Америки

- ◆ Ежегодная (ноябрь) международная научная конференция по ситуации в Афганистане (e-mail: m.shpakovskaya@gmail.com).

Образовательная программа (магистратура)

Global Security and Development Cooperation (M.A. in IR. Totally Taught in English)

Экспертный портал РУДН по международным отношениям: <http://ir.rudn.ru/>